

КНЯЗЬ ШАХОВСКОЙ

Урина Кузьмина,
Алексей Лубков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Имя князя Дмитрия Ивановича Шаховского (1861–1939) было широко известно в общественных кругах России рубежа XIX–XX веков. Потомок Рюриковичей, сын боевого гвардейского генерала, внук декабриста, он являлся видным деятелем земского самоуправления, одним из создателей и лидером кадетской партии, депутатом и секретарем Первой Государственной думы, министром Временного правительства, а в годы гражданской войны — активным участником борьбы с большевиками. Д. И. Шаховской — духовный вдохновитель Братства «Приютино», в которое входили замечательные представители русской либеральной интеллигенции — В. И. Вернадский, Ф. С. и С. С. Ольденбурги, А. А. Корнилов, И. М. Гревс и др. Историк и мыслитель, он внес неоценимый вклад в изучение русской философской мысли, в том числе наследия своего двоюродного деда П. Я. Чаадаева.

Книга написана на основе неопубликованных документов, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Авторы попытались проследить не только внешнюю событийную сторону жизни своего героя, но и внутреннюю эволюцию взглядов оригинального русского мыслителя, чьи имя, дела и идеи возвращаются сегодня к нам.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Ирина Кузьмина](#)
    -
    -
    - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
    - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
      -
      -
      - [Глава 1](#)

-
-
-
-
-
-
-
-
-

- [INFO](#)
- [СЕРИЯ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)

- [comments](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)

- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)

- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)

- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)

- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)

- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)

- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)

- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)

- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1269

(1069)

**Ирина Кузьмина
Алексей Лубков**

**КНЯЗЬ ШАХОВСКОЙ:
ПУТЬ РУССКОГО ЛИБЕРАЛА**

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Кузьмина И. В., Лубков А. В., 2008
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2008

*Светлой памяти
Аполлона Григорьевича Кузьмина
и Виктора Григорьевича Тюкавкина*

*«...и возлюби Господа Бога твоего
всем сердцем твоим, и всею
душою твоею, и всем разумением
твоим, и всею крепостию твоею» —
вот первая заповедь!
Вторая подобная ей: «возлюби
ближнего твоего как самого себя».
Иной большей сих заповеди нет.*

Евангелие от Марка, 12:30—31

*...Если б кто мне доказал, что
Христос вне истины,
и действительно было бы,
что истина вне Христа,
то мне лучше
хотелось бы оставаться
со Христом, нежели с истиной.*

Ф. М. Достоевский, 1854 год

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня слово «либерал» многими нашими соотечественниками произносится со слабо скрываемой иронией или с открытой неприязнью. И дело здесь не только в отношении народа к реформаторам прошедшего десятилетия, повергшим великую страну в череду безжалостных и бесчеловечных экспериментов, проводимых ими под знаменами демократии и либерализма и ничего общего не имеющих ни с подлинной справедливостью, ни со свободой, ни с соблюдением человеческого достоинства.

Будем откровенны. Практически весь минувший XX век российская история черпала свою энергетику, свои творческие силы из иных источников. Такими сущностными понятиями как революция, диктатура пролетариата, социализм, общенародное государство роль личности в принципе не отрицалась, однако акцент делался не на индивидуальной свободе, а на творчестве масс.

Это не означало, что традиция русского либерализма была безвозвратно потеряна. Как и любая другая традиция, укоренившаяся на родной почве и произраставшая на ней, она жила и подспудно выявляла себя порою самым неожиданным образом.

Одной из ярких фигур, выразившей и своим творчеством, и всей своей жизнью идею преемственности отечественного культурного наследия и общественной мысли дореволюционного и послереволюционного времени, был князь Дмитрий Иванович Шаховской (1861–1939). Выдающийся представитель русского либерализма, он сумел определить направления духовного самопознания России из прошлого через настоящее в будущее нашей страны.

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена этому замечательному человеку. На рубеже XIX–XX веков его имя было хорошо известно демократической и либеральной общественности России. Видный земский деятель, один из организаторов «Союза освобождения» и кадетской партии, депутат I Государственной думы и ее секретарь, кооператор, министр государственного призрения Временного правительства и участник антибольшевистского подполья, исследователь творчества П. Я. Чаадаева и оригинальный мыслитель, духовный лидер Братства «Приютино», в состав которого входили такие значительные фигуры русской науки и культуры, как В. И. Вернадский, братья Ф. Ф. и С.

Ф. Ольденбурги, А. А. Корнилов, И. М. Гревс, он многое сделал для создания основ гражданского общества в нашей стране. Фактически он был первым крупным профессиональным общественным деятелем, считавшим своим жизненным кредо служение ближним и Отечеству.

Д. И. Шаховской пытался органично соединить свободу с патриотизмом, творчество личности со всемерным развитием народной самодеятельности и самоуправления. Отсюда его особое внимание к деятельности земства, кооперации, к различным проявлениям общественной и частной инициативы, будь то борьба с голодом в 1891–1892 годах, поддержка народного образования в провинции и в столицах, учреждение журнала «Освобождение», а затем «Союза освобождения», организация земских адресов на имя государя и банкетных кампаний и наконец создание в 1905 году партии народной свободы (конституционных демократов). В своих политических взглядах Шаховской стремился примирить либерализм с социализмом, подчеркивая, что «истинный либерализм и истинный социализм не противоречат, а дополняют друг друга. Но, понимаемые односторонне, они постоянно сталкиваются»^[1].

До последнего времени полного описания жизненного пути Д. И. Шаховского не существовало, несмотря на то, что такие попытки предпринимались не раз. Так, идея создать серьезную работу о Дмитрие Ивановиче принадлежала его товарищу и другу по партии А. В. Тырковой-Вильямс, которая задумала посвятить свой труд человеку, оказавшему решающее влияние на всю ее жизнь. Она принялась за сбор необходимого материала, но замысел так и остался нереализованным, хотя со страниц ее мемуаров перед нами предстает образ князя Шаховского, удивительной и яркой личности^[2].

Среди работ, раскрывающих основные вехи биографии Дмитрия Ивановича и его друзей по Братству «Приютино», следует отметить очерки воспоминаний А. А. Корнилова и И. М. Гревса^[3], особенно ценные тем, что их авторы — известные историки — были сами непосредственными участниками описываемых событий и сумели воссоздать картину прошлого, окрашенную их собственным эмоциональным отношением к их общей юности и молодости.

Перу Корнилова принадлежат также воспоминания^[4], над которыми он трудился в течение всей своей жизни. Значительная часть их к настоящему времени опубликована и служит важным источником по истории общественного движения в России в дореволюционный период.

Примечательно, что приютинцы часто брали на себя двойную роль,

выступая в печати и в качестве основных действующих лиц-свидетелей происходящего и в качестве его интерпретаторов-исследователей. Так, Д. И. Шаховской в «Автобиографии»^[5], написанной им для юбилейного сборника «Русских ведомостей» (1913 год) и переизданной в 1917 году, большое место уделяет оценке социально-политических процессов в стране, инициатором и организатором которых он сам и являлся.

Уже после революции и гражданской войны многие из бывших товарищей и соратников Шаховского, оказавшиеся в эмиграции, в своих публикациях, изданных за границей, не раз возвращались к фигуре Дмитрия Ивановича, отмечая его незаурядные личные качества и выдающиеся заслуги на общественном поприще^[6]. При этом представители русского зарубежья вынуждены были быть весьма лаконичными и сдержанными в своих характеристиках, понимая, что любое неосторожное слово может повредить, если не погубить оставшихся на родине, в Советской России, князя и его друзей.

Только в конце 1960-х годов в США вышли очерки о Братстве «Приютино» Г. В. Вернадского^[7], где он подробно рассказал о своих родителях и их товарищах по Братству, раскрыл основные этапы становления «Приютина» и привел сведения об участии его членов в оппозиционном либеральном движении в предреволюционные годы, в котором Дмитрию Ивановичу отводится центральное место.

Взгляд на Д. И. Шаховского как на «делателя истории» из глубины происходивших вокруг событий, созданный благодаря мемуарам друзей и современников, позволяет представить общий масштаб и значение его личности, однако не раскрывает всю ее полноту, многогранность и человеческую одаренность его природы.

В советской исторической науке специальных исследований, посвященных жизни Д. И. Шаховского, создано не было, хотя интерес к нему исследователи проявляли постоянно. Так, К. Ф. Шацилло, изучавший проблему земского либерализма, в своей монографии^[8] и в ряде статей уделил большое внимание Дмитрию Ивановичу, к которому он относился с особым уважением. Анализируя программу и тактику земского либерализма, его различные направления и течения, его особенности, Корнелий Федорович показал роль Шаховского в процессе консолидации политических единомышленников, в выработке программных положений, в организации «Союза освобождения» и последующем создании конституционно-демократической партии.

Изучая творчество А. А. Корнилова, одним из первых обратился к

истории «Ольденбургского кружка» как основе будущего объединения молодых российских либералов А. А. Левандовский^{9}.

В 1990—2000-е годы современные историки продолжили поиск документов Приютинского братства. Была опубликована часть переписки Д. И. Шаховского^{10}, в том числе его письмо к И. М. Гревсу^{11}.

Знакомство с новыми архивными материалами позволило исследователям предложить ряд оригинальных трактовок деятельности Шаховского и его друзей и углубить наше представление о феномене Братства «Приютино». Так, петербургские исследователи поставили проблему изучения социально-психологических и философских предпосылок научных и общественных изысканий приютинцев^{12}.

В историческом очерке В. В. Шелохаева, опубликованном в журнале «Отечественная история»^{13}, впервые в историографии раскрываются основные этапы биографии Д. И. Шаховского. Жизни и деятельности князя была посвящена кандидатская диссертация И. Е. Воронковой, защищенная в Орле в 2002 году^{14}.

Несмотря на значимость проделанной работы, следует признать, что полного описания жизненного пути Д. И. Шаховского до сих пор нет. Именно в создании подобного труда авторы и видели свою главную цель, прекрасно понимая всю сложность реализации поставленной задачи, обусловленной не только масштабностью и содержательностью деятельности князя Шаховского, но и богатством и глубиной его внутреннего мира, обладавшего удивительной способностью находиться в постоянном движении и вместе с тем сохранять присущую ему гармонию и целостность. Отсюда проистекало и авторское стремление по возможности подробнее проследить и внешнюю событийную канву жизни нашего героя, каждый из периодов которой заслуживает отдельной книги, и одновременно дать хотя бы общее представление о важнейших вехах духовного развития его личности.

Во многом именно из-за этого стремления авторы так и не сумели избежать обширного цитирования документов, причем большинство из них впервые вводятся в научный исследовательский оборот. Следует также отметить, что работу над книгой предварил целый ряд статей и публикаций, в том числе издание переписки приютинцев^{15}.

Публикация наследия Д. И. Шаховского была совершена по документам, которые оказались рассеяны по разным архивам и долгие годы были не востребовааны специалистами.

Наиболее широко авторы использовали фонды Государственного

архива Российской Федерации (ГАРФ), в частности фонд 635 — личный фонд князей Шаховских. Документы из архива РАН — другой пласт эпистолярного наследия Д. И. Шаховского, состоящий, прежде всего, из его писем к В. И. Вернадскому. В фондах Санкт-Петербургского филиала архива РАН представлена переписка Д. И. Шаховского с другом и историком И. М. Гревсом. В исследовании были привлечены также материалы Пушкинского Дома, Института русской литературы РАН (ИРЛИ), раскрывающие роль Д. И. Шаховского в земских совещаниях рубежа XIX–XX веков. Авторы сердечно благодарят всех сотрудников центральных государственных архивов, всецело помогавших им в работе.

В книге использованы также документы Государственного архива Ярославской области (ГАЯО), позволяющие охарактеризовать земский период жизни Д. И. Шаховского, его активную просветительскую миссию в русской провинции, оценить его деятельность глазами Департамента полиции и т. д. Особую благодарность за существенную помощь в подборке материалов ГАЯО хотелось бы высказать нашим коллегам, докторам исторических наук, профессорам Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского Л. М. Архиповой и М. В. Новикову.

Глубокою признательность хотелось бы также выразить внукам Д. И. Шаховского — Дмитрию Михайловичу Шаховскому, Марии Михайловне Шик-Старостенковой и Елизавете Михайловне Шик, хранительнице семейного архива Шаховских. Благодаря предоставленным ею документам и материалам, а также данным ею советам и рекомендациям многие ключевые моменты духовной эволюции и мировоззрения Д. И. Шаховского предстали пред нами более отчетливо.

Авторы выражают благодарность всем своим товарищам, коллегам и в особенности своим учителям по историческому факультету МПГУ (МГПИ им. В. И. Ленина), неизменно поддерживавших их в период работы над книгой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПО ДОРОГЕ В ВЕСЬЕГОНСК

...Никогда не изгладятся из моей памяти те славные люди, с которыми я так за это время сдружился. Учителя и учительницы, священники, крестьяне, помещики, — и, прежде всего, школьные ребята, эти деятельные участники в созидательной земской работе, многоценные зерна народной души, так полно раскрывшиеся в те длинные вечера и в те короткие дни, которые удалось провести с ними. И тогда я повторял себе слова: «Нет, все великое не сон, и не пустяк твои мечтания!»

Шаховской Д. И. Автобиография. 1913

28 апреля 1889 года

Выехав рано утром из Рождествена и добравшись на лошадях до станции Лопасня Курской железной дороги, князь Дмитрий Иванович Шаховской пересел на проходящий поезд и через два часа был уже в Москве. Задержавшись на некоторое время у родных жены на Якиманке, рассказав им о здоровье детей, поведав другие новости, он передал свежего деревенского масла и на извозчике помчался к Николаевскому вокзалу. И едва успел вскочить в свой вагон, как состав тронулся.

Поезд набирал скорость, увозя князя все дальше от Первопрестольной. Сидя среди пассажиров третьего класса, Дмитрий Иванович мог перевести дух, отвлечься от постоянных забот и немного предаться нахлынувшим воспоминаниям.

За окном мелькали избы крестьян, леса стояли в дымке нежной зелени. Яркое светило солнце. Снег давно сошел, и земля успела совсем прогреться, кругом пробивалась молодая трава. И хотя на Пасху было не очень тепло, но сегодня пришла настоящая весна. Радостное чувство обновления наполняло душу князя и заставляло беспокойно биться сердце от переживаемых минут счастья.

Ровно десять лет прошло с того времени, когда Митя Шаховской, тогда еще учащийся VI Варшавской мужской гимназии, приехал из Польши в Россию на каникулы погостить у родных в деревне. Между тем, уже став взрослым человеком, отцом семейства, видным земцем, князь всякий раз с особым волнением отправлялся в дорогу. Тогда летом 1879 года он писал своему учителю и другу Михаилу Степановичу Громеке:

«Пишу вам из села Рождествена, Московской губернии Серпуховского уезда, около станции Курской железной дороги Лопасни.

Россия произвела на меня самое благоприятное впечатление. Уже в вагоне, покуда стали попадаться русские наряды, русские лица, слышаться русский говор, мне сделалось очень отрадно... Я, признаюсь, ожидал встретить здесь равнодушие к делу народного образования и вообще ко всякой самостоятельной деятельности, бедность, невежество. Случилось совсем иначе. Уже в Москве, где мы останавливались у нашей бабушки, матери отца, мы встретили некую Ольгу Новикову, которая пишет в Англии об отношении последней к России статьи, которые читаются много и производят довольно сильное влияние; в них она ругает англичан или, по крайней мере, Дизраэли и его партию довольно сильно. Впрочем, встреча с ней не произвела на меня никакого особого впечатления. Приехавши в деревню и осмотревшись немножко, я узнал, что бабушка, которой уже больше 80 лет (сестра матери моего отца, княжна Елизавета Дмитриевна Щербатова), заботится о школе, которая заведена у нее Серпуховским земством, выдает пособия учителю и священнику, которого я еще не видал, но которого очень хвалят...

Год урожайный. Благосостояние жителей видно из того, что куда ни обернешься, видишь церковь.

Приехали мы в деревню третьего дня вечером. Вчера приезжала сюда некая Александра Мясоедова. Во время войны она была в Румынии и долго работала на санитарном поезде. Сегодня утром я узнал, от бабушки княгини Шаховской, что она имеет в Тульской губернии образцовую школу, составила прекрасную книжку для крестьян.

Вообще она произвела и на меня, и на сестру самое отрадное впечатление своей простотой, скромностью и полезной, хотя тихой, деятельностью...

Я чувствую себя, еще раз повторю, во всех отношениях прекрасно. Положительно решаю известный Вам разговор в Саксонском саду в том смысле, что всякий должен стараться в России, если только впечатление, испытываемое мною, продолжится, и я также буду чувствовать, как

придает мне сил вид всего русского, а в особенности русской деятельности»^{16}.

Таковы были первые впечатления молодого князя, приехавшего на родину 17-летним юношей с серьезным намерением послужить верой и правдой своему Отечеству, так же как служили ему многие поколения князей Шаховских. Впрочем, каждый из них делал это в силу возможностей и таланта.

Глава 1

ПРЕДКИ И СЕМЬЯ

Дмитрий Иванович Шаховской принадлежал к старинному и знатному княжескому роду и вел свою родословную от легендарного основателя Древнерусского государства Рюрика. Родоначальником фамилии князей Шаховских был потомок Рюрика в 17-м колене князь Константин Глебович Ярославский, по прозвищу Шах, живший в XV веке. Сохранив за собой остатки суверенных прав в небольшой Пошехонской вотчине, он перешел на службу к великому князю Московскому Ивану III. В 1482 году встречаем его на воеводстве в Нижнем Новгороде. Дети и внуки князя Константина, не сумев занять достойного положения при московском великокняжеском дворе, влились в состав провинциального дворянства. Но нет худа без добра. Во времена опричнины Ивана Грозного отдаленность от царского трона уберегла князей Шаховских от казни и опалы. А с началом XVII века представители рода постепенно выдвигаются на важные государственные и общественные посты. После Смуты князья Шаховские служили и при царском, и при патриаршем дворах, назначались стольниками и окольными, воеводами и послами. Реформы Петра I вывели многих из князей Шаховских к вершинам государственного и военного поприща. Назовем наиболее известных среди них: князь Алексей Иванович (около 1690–1737), генерал-аншеф, сенатор, в 1734 году правитель Малороссии; князь Яков Петрович (1705–1777) — видный государственный деятель, обер-прокурор Священного Синода в царствование императрицы Елизаветы Петровны, автор популярных «Записок», неоднократно переиздававшихся и наполненных многими подробностями из жизни своей эпохи; князь Андрей Иванович Шаховской, прапрадед Дмитрия Ивановича, бывший в 1790-х годах генерал-аудитором и сенатором, действительным тайным советником. К началу XIX века Шаховские были представлены многочисленными линиями и ветвями рода, породнившимися с другими знатными фамилиями: Глебовыми-Стрешневыми, Долгорукими, Щербатовыми. Со временем Шаховские расселились по всей Российской империи, от Варшавы до Сахалина, а в XX веке и по всему миру и в своих восемнадцати поколениях насчитывали более семисот представителей^{17}.

Определенные отношения связывали род Шаховских и с родом Романовых. В 2001 году в храм во имя Святейших Царственных

Страстотерпец, построенный на месте первого захоронения царской семьи под Екатеринбургом, дочерью курганского протоиерея Григория Пономарева был передан уникальный крест-мощевик, принадлежавший когда-то Романовым. По словам очевидцев, крест, попав на святое место, явил чудо и заблагоухал, так что это благоухание распространялось даже по окружающему храм лесу на десятки метров^{18}. Необычайной красоты золотой крест, усыпанный изумрудами и рубинами, был отлит в 1710 году, о чем свидетельствует гравировка на золоте. Известно, что принадлежал он когда-то роду князей Шаховских, а затем был подарен ими царствующему дому Романовых. С тех пор реликвия неизменно сопровождала российских императорам.

К началу XIX века род князей Шаховских становится столь многочисленным, что связь между отдельными ветвями теряется. Известно, что основателем той ветви рода, к которой принадлежал князь Д. И. Шаховской, являлся князь Иван Андреевич (1740–1811), генерал-аудитор и сенатор. Его сын князь Петр Иванович (1771–1827) служил псковским губернатором в 1811–1816 годах, был тайным советником и действительным камергером, а его внук, декабрист князь Федор Петрович (1796–1829), дед Д. И. Шаховского, являлся одним из учредителей «Союза спасения» и «Союза благоденствия», но впоследствии отошел от тайных обществ и не принимал участия в восстании 14 декабря 1825 года. Однако он был осужден и трагически завершил свой путь в Суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре. Федор Петрович Шаховской побывал в заграничных походах русской армии 1813–1814 годов, проявил активность в кампании 1814 года на территории Франции до взятия Парижа. Был масоном, членом ложи «Соединенных друзей» (1816), затем ложи «Трех добродетелей» и ложи «Сфинкс».

В 1817 году Ф. П. Шаховской присутствовал на одном из московских совещаний «Союза спасения». Совещание проходило в так называемом «шефском доме», который в начале XVIII века принадлежал А. Ф. Лопухину, дяде царицы Евдокии — первой жены Петра I, а в конце XVIII века после разорения полотняной фабрики и постройки Хамовнических казарм, приобрел такое название^{19}. Надо сказать, что в доме часто устраивались совещания офицеров гвардейских полков, прибывших в Москву для участия в церемониях открытия памятника Минину и Пожарскому и закладки храма Христа Спасителя.

На одном из подобных совещаний активно обсуждалась идея убийства императора Александра I, предложенная И. Д. Якушкиным. Факт участия

Ф. П. Шаховского вспомнится гораздо позже, в период арестов декабристов. Во время одного из допросов кто-то назовет его имя в качестве исполнителя замысла покушения на императора, за что он получил от своих товарищей прозвище *le tigre*. Трудно предположить, что активная роль Ф. П. Шаховского в деятельности декабристских организаций на этом и ограничилась. Однако в дальнейшем он отошел от них, хотя и сохранил дружеские отношения с некоторыми из товарищей^{20}.

В ноябре 1819 года Федор Петрович Шаховской женился на княжне Наталье Дмитриевне Щербатовой. Наталья Дмитриевна, так же как и Федор Петрович Шаховской, принадлежала к старинному русскому княжескому роду, происходившему от Рюрика (37-е колено). Щербатовы представляли ветвь князей Черниговских и считали своим родоначальником Василия Андреевича Щербатого, жившего в XV веке. Многие из Щербатовых стали в свое время известными государственными деятелями, служили воеводами, окольными, стряпчими, стольниками, боярами. Более других знаменит историк Михаил Михайлович Щербатов (1737–1790), дед Натальи Дмитриевны.

Михаил Михайлович Щербатов являлся одним из самых образованных людей России XVIII века. Владелец крупнейшей библиотеки, насчитывавшей более 15 тысяч томов, он знал пять иностранных языков, серьезно занимался историей и написал семитомную «Историю Российскую от древнейших времен». Имя князя М. М. Щербатова в нашей памяти связано с его блестящим памфлетом «О повреждении нравов в России», который обличал нравы екатерининского двора, громил новомодные привычки, призывал восстановить благостные российские обычаи и предрекал неминуемую гибель России от проникновения растленного Запада. Он был одним из немногих выразителей традиций почвенничества в XVIII веке в России.

Наталья Дмитриевна пользовалась вниманием многих молодых людей своего времени, в числе которых, помимо Федора Петровича, был известный декабрист Иван Дмитриевич Якушкин. Узнав, что Наталья Дмитриевна выходит замуж за Шаховского, Якушкин пережил трагический момент в своей жизни. Он замыслил бежать в Америку сражаться за освобождение негров и даже думал о самоубийстве.

Дом Щербатовых на Девичьем поле упоминает Л. Н. Толстой в своем романе «Война и мир», рассказывая о Пьере Безухове, оставшемся в Москве в сентябре 1812 года. Здесь часто бывали и воспитывались двоюродные братья Натальи и Елизаветы Щербатовых — Михаил и Петр Чаадаевы. Отец их, Яков Петрович Чаадаев, и мать, Наталья Михайловна

Щербатова, дочь историка князя М. М. Щербатова, умерли рано. Опекун юных Чаадаевых, унаследовавших крупное состояние, стал их дядя, князь Дмитрий Михайлович Щербатов. Большое участие в воспитании мальчиков играла также тетка Анна Михайловна Щербатова, старшая сестра Натальи Михайловны, посвятившая всю свою жизнь заботе о племянниках^{21}.

В 1822 году Федор Петрович Шаховской в звании майора вышел в отставку и поселился в имении жены — селе Ореховце Ардатовского уезда Нижегородской губернии. С увлечением Федор Петрович применяет в хозяйстве усовершенствованные орудия и приемы земледелия, вводит посев клевера (дятловины). Из писем Ф. П. Шаховского и из его сохранившейся записной книжки известно, что он поддерживал выборное начало в деревне^{22}.

Несомненным следствием влияния идей декабристов на Ф. П. Шаховского стали замыслы по переустройству жизни крестьян. Поставив перед собой благородную цель, Федор Петрович, не скупясь, затрачивает собственные средства, раздает пахотные земли, прикупает землю у соседей. В жизни его крестьян наметились заметные сдвиги, однако сам помещик оказался на грани разорения.

В начале 1826 года Ф. П. Шаховской направляет недавно взошедшему на престол императору Николаю I записку о путях улучшения положения крестьян. В записке Ф. П. Шаховской, руководствуясь экономической целесообразностью, предлагает заменить подушную подать подоходным налогом, ставит вопрос о найме рабочих в хозяйстве^{23}, тем самым провозглашая необходимость преобразования аграрного строя России.

В марте 1826 года Федор Петрович был арестован по делу декабристов и осужден на поселение в Сибирь бессрочно. Позже Высочайшим указом срок ссылки ему ограничи́ли 20 годами и определили в городе Туруханске Енисейской губернии. Желая помочь пострадавшим от неурожая жителям города, Шаховской пожертвовал для уплаты недоимок повинностей 300 рублей, полученных от жены, за что был наказан запрещением лечить и обучать местных детей. Позднее его перевели в Енисейск.

В июне 1828 года родным Федора Петровича стало известно о его тяжелом психическом заболевании. По ходатайству жены его перевели в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь, который издавна служил мрачной тюрьмой для различных еретиков и сектантов. Однако спустя несколько месяцев, в мае 1829 года, после длительной голодовки (с 6 по 22 мая), он скончался в монастыре.

В семье Ф. П. Шаховского остались два сына — Дмитрий (1821–1867)

и Иван (1826–1894). О Дмитрие Федоровиче Шаховском известно немного. Он дослужился до звания гвардии капитан-лейтенанта, был серпуховским уездным предводителем дворянства, женился на Наталье Борисовне Святополк-Четвертинской, которая после смерти мужа основала общину сестер милосердия «Утоли моя печали», приобретшую всероссийскую известность. Наталья Борисовна столько сил отдавала уходу и заботе о раненых, что родственники, в частности, бабушка Д. И. Шаховского — Наталья Дмитриевна Шаховская, высказывали серьезные опасения за ее здоровье. В одном из писем Н. Д. Шаховская писала: «Боюсь за тетю Наташу, которая неумоимо ходит за ранеными в устроенном ею лазарете на 400 кроватей»^{24}.

Иван Шаховской родился 20 октября 1826 года, когда уже был арестован Федор Петрович, так и не увидевший своего младшего сына. Разлученный со своим отцом, маленький Иван воспитывался матерью и теткой. Забота о судьбах двух сыновей «государственного преступника» легла на плечи двух русских женщин — княгини Натальи Дмитриевны Шаховской и ее сестры княжны Елизаветы Дмитриевны Щербатовой. Вместе они подняли на ноги сначала сыновей Федора Петровича Шаховского — Дмитрия и Ивана, а впоследствии и внуков.

Иван Федорович, вступив на путь военной службы, сделал блестящую карьеру. Начав в 1845 году унтер-офицером, он дослужился до полного генерала, был кавалером многих высших российских орденов, в том числе Святого Александра Невского, Святого Владимира 2, 3, 4-й степени, Святой Анны 1-й и 4-й степени, Святого Станислава 1, 2, 3-й степени, Белого орла и других, а также был удостоен наград иностранных государств — Прусского Красного Орла 1-й степени, Итальянского ордена Святого Маврикия и Лазаря, Большого Кавалерийского Креста и Персидского Льва и Солнца 1-й степени.

С 1856 года И. Ф. Шаховской был прикомандирован к лейб-гвардии гусарскому Его Императорского Величества полку. В царской России каждый гвардейский полк имел свою историю, свои знаки отличия и штандарты, музыкальный марш, церковь, храмовый праздник. Полковой праздник лейб-гвардии гусарского полка отмечался 19 ноября, а полковой церковью лейб-гусар с 1817 года являлся Софийский собор Царского Села.

Принадлежность к гвардии определяла довольно высокое положение в свете. Для того чтобы стать офицером гвардейского полка Его Императорского Величества и успешно продвигаться по службе, громкой старинной фамилии было недостаточно, необходимы были немалые денежные средства и придворные связи. Безупречное воспитание,

специальное образование, знание гвардейских традиций, неукоснительное следование им, незапятнанная честь и личное мужество — вот краткий перечень достоинств кандидата в гвардию.

Однако своим успехам по службе И. Ф. Шаховской был обязан не придворным или родственным связям, а только собственным личным качествам. Он, сын умершего в ссылке декабриста (лишенного дворянства, чинов и званий), верой и правдой с 18 лет служил государю и Отечеству, добиваясь всего упорством и трудолюбием.

В августе 1871 года И. Ф. Шаховской стал генерал-майором и получил назначение в Свиту Его Императорского Величества. Летом 1875 года князь был назначен начальником штаба Варшавского военного округа. В 1879 году он пожалован в генерал-адъютанты, в 1881 году получает первую кавалерийскую дивизию, в 1887 году назначается командиром 11-го Армейского корпуса. В 1892 году князь произведен в генералы от кавалерии^{25}.

И. Ф. Шаховской был храбрым военным, отличившимся доблестью и мужеством. В 1849 году он участвовал в подавлении революционных волнений в Венгрии, в 1853–1854 годах — в первой и второй кампаниях Крымской войны. В ходе обороны Севастополя он был ранен осколком гранаты в голову и картечью в ногу.

После завершения Крымской войны Ивана Федоровича по Высочайшему повелению направили в Пруссию для присутствия на маневрах немецких войск. В дальнейшем И. Ф. Шаховской стал постоянным участником российских больших кавалерийских маневров, проводившихся в присутствии Его Императорского Величества, а с 1882 года командующим сначала Выборгским, а затем Восточным корпусом на больших маневрах войск Красносельских лагерных сборов.

Важным событием в карьере И. Ф. Шаховского было участие в коронации императора Александра III в Москве, где он командовал сводным гвардейским кавалерийским полком.

Более 20 лет, находясь на командных должностях в Царстве Польском, И. Ф. Шаховской сумел многое сделать для укрепления западных рубежей Российской империи. Затем он был переведен в Россию, где возглавил 11-й армейский корпус, а затем штаб Киевского военного округа.

Отличная, усердная и ревностная служба Ивана Федоровича Шаховского не осталась незамеченной. В его послужном списке есть интересное замечание: «В службе генерала сего не было случаев, лишающих права на знак отличия беспорочной службы или отдающих срок выслуги к сему знаку». По отзывам современников, Иван Федорович

был одним из любимейших генерал-адъютантов Свиты Александра III^{26}.

Добросовестно выполняя свой служебный долг, Иван Федорович не забывал и о семье. У него было пятеро детей — старшая дочь Наталья (1859–1939) и четыре сына: Николай (1857–1896), Дмитрий (1861–1939), Георгий (Юрий) (1863–1919), Сергей (1865–1908). Все братья, кроме Дмитрия, решили продолжить дело отца и деда, поступив в различные военные училища.

Так, старший сын Николай или, как его называли в семье, Ники служил в том же самом уланском гвардейском полку в Варшаве, где ранее служил отец. Дела по службе у Николая складывались весьма успешно. Боевой генерал радовался за сына. В одном из писем к Дмитрию он отмечал, что Ники почти каждый день завтракал у великого князя «и вообще был в придворной сфере», хотя все эти «ласкания ничуть ему головы не вскружили»^{27}.

Служба в гвардии требовала больших финансовых затрат, в которых отец принимал самое непосредственное участие. Он помогал Ники, который честно признавался отцу, что «ввиду и после получения эскадрона много делал долгов» и что он не может не устраивать отцу подобных «сюрпризов».

Иван Федорович старался материально поддерживать всех своих детей. Так, Дмитрию он регулярно посылал от 60 до 100 рублей, заботливо предупреждая, что если деньги у него кончатся, то он может попросить из отцовского жалованья необходимую сумму вперед.

И все это несмотря на то, что денег в семье катастрофически не хватало. Не раз Иван Федорович напоминал Дмитрию о том, что тяжелые денежные обстоятельства ввергают его в уныние и даже «непростительную апатию», которую он старается «стряхнуть с себя». «Не скрою от тебя, — писал он Мите, — что для меня было бы непомерно трудно первое время содержать тебя в Москве на квартире». Правда, уже в другом письме отец признает, что он готов идти «на самые жертвы», чтобы доставить Дмитрию средства жить самостоятельно.

Третий сын Ивана Федоровича, служивший во флоте, Юрий (Георгий) также испытывал затруднения. В одном из писем к Дмитрию отец сообщает: «Юрий просит выслать ему денег. Это самое трудное»^{28}.

Но, несмотря на все эти трудности, отец стремился их преодолеть, не отказывая взрослевшим сыновьям в своей финансовой поддержке. Понимая необходимость затрат Дмитрия, связанных, в частности, с наймом квартиры в период учебы в Московском университете, или со службой

других сыновей, Иван Федорович постоянно был готов прийти на помощь и оказать им свое содействие.

Хотя возможности старого князя были безграничны. По данным на 1894 год (последний год службы и жизни) его денежное довольствие составляло 12 156 рублей, из которых непосредственно само жалованье — 1356, столовые — 3000, квартирные — 800, добавочные — 3000, особые добавочные (с 1881 года) — 2500, арендные — 1500. Имения, которые числились за Шаховскими, в Ярославской губернии — 3700 десятин, в Новгородской губернии — 1500 десятин, в Московской губернии — 800 десятин, были оброчными и ощутимого дохода не приносили. Зачастую их приходилось закладывать. Так, под залог имений — Ново-Рождествено (Васькино), деревень Бартневой, Любарецкой, Кузьмино, Фальчаковой и села Новоселки Иван Федорович смог получить единовременно 25 тысяч рублей.

Порой Иван Федорович брал ссуды из государственной казны, погашение которых затягивалось на несколько лет. Так, 27 ноября 1887 года генерал-адъютанту князю И. Ф. Шаховскому всемилостевейше была пожалована беспроцентная ссуда в размере 12 тысяч рублей, по которой к 1890 году было уплачено всего 6 тысяч рублей, а остальные 6 тысяч числились долгом^{29}.

Из всех четырех сыновей наибольшие беспокойства у отца вызывал младший сын — Сергей. «Сережа не выходит у меня из головы», — писал Иван Федорович Дмитрию. «Как ведет себя Сережа? Я воображаю!!!!!» — можно только догадываться, какими чувствами были вызваны эти пять восклицательных знаков. «Хоть плачь, ничего не действует на Сережу, ни убеждения, ни строгость», — жаловался отец сыну. «Сережина леность и беспечность тяжело, я думаю за будущее его, ложится на мои плечи... по возвращении его в Варшаву с Наташей посмотрим, что с ним предпринять».

Учеба в гимназии младшему из Шаховских давалась с большим трудом. Хотя сам он хвастался в письмах к Дмитрию, что учился довольно порядочно, но трудно было готовить уроки, «имея столько учителей», оплачивал которых, кстати говоря, тоже отец. И все-таки он старался «хоть мало, да все же что-нибудь сделать». Занятия, правда, должного результата не приносили. По мнению одного из учителей Сергея — Адольфа Кона, они «очень мало или лучше сказать почти совершенно не занимались», на некоторых уроках Сергей просто отсутствовал^{30}.

В конце концов в июле 1882 года Сергей сделал свой выбор и решил

поступать в военное училище. Но как причудливо переплетаются страницы жизни! В дальнейшем Сергей Иванович станет широко известным земским и общественным деятелем, добрым другом, товарищем и соседом А. П. Чехова.

Глава 2

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Дмитрий Иванович Шаховской родился 18 сентября (по старому стилю) 1861 года в Царском Селе, достопамятном для русского человека месте. Царское Село было не только любимым местом пребывания российских монархов, но даже местом их рождения. Так, в Александровском дворце Царского Села 25 июня 1796 года родился и в церкви Большого дворца был крещен будущий император Николай I. Свое детство здесь провели императоры Александр I, Александр II^{31}.

В обители венценосной семьи, освященной гением великого поэта, дислоцировались гвардейские части русской армии, в том числе 3-й эскадрон лейб-гвардии гусарского полка, командующим которого в год начала Великих реформ был ротмистр И. Ф. Шаховской.

Царское Село ко второй половине XIX века представляло собой уже благоустроенный европейский город с железнодорожным сообщением, качественно устроенными водопроводом, канализацией, телеграфом, телефоном, радиостанцией. В правление Александра III Царское Село стало первым городом в Европе, освещенным электричеством. Численность его значительно увеличилась — с 14 тысяч человек в 1865 году до 22 тысяч к 1897-му.

В Городской Госпитальной Скорбященской церкви Царского Села 20 октября 1861 года был крещен князь Дмитрий Иванович Шаховской. Восприемниками его при крещении были — Его Императорского Величества флигель-адъютант Людвиг Антонов Янковский и жена гвардии полковника Татищева — Екатерина Ильина^{32}.

Д. И. Шаховской стал третьим ребенком в многодетной семье князя Ивана Федоровича Шаховского и его жены Екатерины Святославовны, урожденной графини Бержинской (7—1871). Она происходила из рода князей Долгоруковых и доводилась племянницей московскому генерал-губернатору князю Владимиру Андреевичу Долгорукову и шефу корпуса жандармов Василию Андреевичу Долгорукову^{33}. Судя по всему, сановные родственники матери не оказывали сколько-нибудь заметного влияния на юного Дмитрия, росшего и воспитывавшегося в совершенно особой атмосфере семьи Шаховских.

В «Автобиографии» (1913) Д. И. Шаховской писал: «Я — внук

декабриста и всегда помнил это, сколько себя помню. И в рассказах моего отца, гвардейского генерала, но в душе своеобразного демократа, с особого рода свободомыслием, о моем деде, которого он никогда не видал, так как родился через пять месяцев после отцова ареста, кончившего ссылкой в Туруханске и сумасшествием б ссылке, а еще более в рассказах двух своих бабушек, молодевших в выражении своей ненависти к виновнику гибели дорогого им человека, я уже давно почерпнул непоколебимую веру в правоту либерального дела в России»^{34}.

Детство и юность Д. И. Шаховского прошли вдали от России, в Варшаве, где с 1866 года проходил службу его отец, командир лейб-гвардии уланского полка. В марте 1871 года в семью Шаховских пришло горе. От тяжелого нервного заболевания, будучи на лечении в Германии, скончалась Екатерина Святославовна Шаховская. Оставшиеся без матери, дочь и четыре сына, из них младшему Сереже не исполнилось и шести лет, а Мите было всего девять, глубоко переживали обрушившееся на них несчастье. Старшая дочь Наташа в двенадцать лет стала во главе домашнего хозяйства и отчасти взяла на себя заботу о воспитании четырех младших братьев.

Спустя десять лет, будучи взрослым человеком, Д. И. Шаховской в письме к отцу делился своими переживаниями: «История нашей семьи шла довольно неблагоприятно. Еще при жизни мамб, кажется, правильному развитию мешали материальные затруднения, а со смертью ее весь строй семейный совершенно разрушился. Семья была лишена женского начала, слишком мало стало проявляться в наших взаимных отношениях нежности и теплоты, все больше стали мы как бы стыдиться выражения своих чувств... Эти качества только могли бы сгладиться, если бы мы жили в «обществе», если бы на нас оказывала влияние семейная жизнь знакомых, если бы у нашей семьи было много общих семейных связей. Но мы жили в Польше, где нет русского общества, мы больше всего имели дело с поляками, с которыми ни у кого из нас не устанавливалось совсем хороших отношений»^{35}.

В силу служебных обязанностей И. Ф. Шаховской вынужден был находиться в разъездах, подолгу отлучаться из дома. Частыми были командировки в Санкт-Петербург, Брест-Литовск, а также за границу: в Пруссию и Италию. Забот по службе у Ивана Федоровича было «страшно много». Как-то будучи в Петербурге Иван Федорович писал: «Работа здесь гибель. Я едва могу найти время для сна, не более 4 часов в сутки, так что я порядочно утомлен». И. Ф. Шаховской был настолько «завален делами», что даже, как позже писал Сергей своему брату Дмитрию, «не только

писать, но даже и читать не успевают твоих писем»^{36}.

Однако, находясь вдали от детей, Иван Федорович оставался заботливым, любящим отцом, непременно хлопотавшим по самым разным поводам — Юриных зубов, Серезиных уроков, Наташиного здоровья. Находясь в Пруссии, он писал домой: «Серезе лучше бы было заказать рубахи... дюжину. Надобно ему также галстук и шляпу. Закажи... пальто зимние для всех троих, воротники могут пойти старые»^{37}.

Варшавский период оставил заметный след в жизни Дмитрия Ивановича Шаховского. Столицей Царства Польского или Привислинских губерний являлась Варшава, которая к концу XIX века стала крупнейшим европейским городом. Непосредственно в самой Варшаве на период приезда семьи Шаховских, согласно статистическим данным, проживало 251,6 тысячи человек, а в 1870 году — 264,5 тысячи человек. После Петербурга и Москвы Варшава занимала первое место среди городов Российской империи, из которых наиболее многолюдные едва ли достигали половины ее населения. Она даже превосходила многие столичные города Европы, как, например, Брюссель, Копенгаген и Стокгольм, а также Прагу, Флоренцию, Дрезден и Мюнхен.

После восстания 1863 года в Царстве Польском произошли заметные изменения. Когда восстание еще находилось в полном разгаре, в правительственных кругах России обсуждалась мысль если не о даровании Царству Польскому особой конституции, то о введении в нем особого областного представительства в форме провинциальных штатов. Задуманные бывшим министром внутренних дел Н. А. Милютиным и его ближайшими сподвижниками Ю. Ф. Самариным и князем В. А. Черкасским коренные социальные реформы в области крестьянского вопроса, учебной и духовной сфер должны были в случае удачного осуществления предоставить Польше больше автономии. Но эти замыслы оказались далеки от реальности.

В декабре 1866 года после подавления восстания Царство Польское было разделено на 10 (вместо 5) губерний и 84 уезда, причем в них были образованы все местные учреждения по типу имперских. В 1867 году был упразднен государственный совет Царства, затем административный совет, правительственные комиссии и другие центральные учреждения в Царстве Польском с подчинением местных по каждому ведомству управлений имперским министерствам. В 1874 году уничтожено звание наместника, а в 1876 году была упразднена собственная Его Величества канцелярия по

делам Царства Польского, в 1881 году закрыт был и главный комитет. С этим вместе стерлись последние следы былой административной автономии Польши и самое название Царства Польского исчезло из официальных актов, замененное вновь изобретенным названием Привислянского края.

Русификаторская политика, как отмечал позднее в своем исследовании А. А. Корнилов, достигла своего апогея при генерал-губернаторе Гурко. Правительством были предприняты меры, направленные к тесному слиянию польских губерний с империей и к обрусению населения Польши. Так, в частности, не только высшие, но и мелкие чиновники в правительственных учреждениях, на железных дорогах были заменены русскими, русский язык был введен в делопроизводство частных общественных учреждений, все набравшиеся в Польше новобранцы отсылались на службу в отдаленные восточные или кавказские губернии; уничтожены были последние следы обособленности польского края: упразднен польский банк, превращенный в контору русского государственного банка, изъята из обращения мелкая разменная монета польского чекана, вывески на магазинах и различные объявления, публично вывешиваемые, приказано было непременно переводить на русский язык, в казенных школах воспитанникам запрещалось говорить между собой по-польски, даже в частных учебных заведениях введено было преподавание всех предметов на русском языке, в сельских школах дети обучались по-русски [Закону Божьему](#)^[38].

Уже в 1864 году в Варшаве наряду с польскими гимназиями была учреждена I русская гимназия, в которой, кстати говоря, училось большинство будущих друзей Д. И. Шаховского, членов Братства, организованного позже под его влиянием. «Русской» гимназия называлась потому, что она была открыта еще во времена Милютина, специально для детей русских чиновников и офицеров, и тогда в ней одной преподавание всех предметов велось на русском языке, тогда как в остальных гимназиях до 1869 года некоторые предметы продолжали преподаваться по-польски. Директором гимназии был известный знаток русско-польских отношений Ефим Михайлович Крыжановский.

Судьба его примечательна. Он был малороссом, имел духовное звание, окончил курс 1-й Киевской духовной академии. Как вспоминал А. А. Корнилов, «человек он был не злой, не глупый и довольно оригинальный, но не имевший никаких педагогических талантов и, по-видимому, мало интересовавшийся педагогической деятельностью. В душе он был противником толстовской (имеется в виду министр народного просвещения

Д. А. Толстой. — И. К., А. Л.) классической системы, но, конечно, открыто заявлять этого не мог. Тем не менее, имея некоторые связи — он был женат вторым браком на дочери седлецкого губернатора Громеки, известного по своей деятельности по воссоединению униатов, — он чувствовал себя довольно прочно на своем месте, не дрожал за него и не лебезил перед начальством, не распинаясь за классическую систему, и в сущности порядочно распустил свою гимназию»^{39}.

В 1870-х годах особой популярностью в русском обществе в Варшаве пользовались варшавские VI мужская и III женская гимназии, образованные на базе бывшего Главного Немецкого евангелического училища. Высокопоставленные лица из русских направляли своих детей в названные учебные заведения, несмотря на существование в Варшаве чисто русских (мужской и женской) гимназий. В числе учеников варшавской VI мужской гимназии оказался и Митя Шаховской.

С 1876 года варшавские VI мужская и III женская гимназии по преобладающему составу учащихся и служащих из немецких окончательно превратились в чисто русские учебные заведения. Согласно уставу 1871 года и до 1890/91 учебного года число учебных часов по предметам гимназического курса в подготовительном и основных классах распределялось следующим образом:

Закон Божий 17 уроков,
Русский язык и логика 31 урок,
Латинский язык 49 уроков,
Греческий язык 36 уроков,
Математика и физика 43 урока,
География 10 уроков,
История 12 уроков,
Французский и Немецкий языки по 19 уроков,
Чистописание 11 уроков.

Всего обязательных в основных классах гимназии 226 уроков и для учащихся одному новому языку — 206 уроков^{40}. Особое значение, как видим, уделялось изучению латыни, греческого языка, русского языка, математики и физики.

Митя — единственный из всех братьев не только окончил гимназию, но окончил ее блестяще, с золотой медалью. Под влиянием своего молодого учителя М. С. Громеки он поступил в Московский университет на

историко-филологический факультет, мечтая о скромной учительской карьере.

Глава 3

УЧИТЕЛЬ И ДРУГ Д. И. ШАХОВСКОГО — М. С. ГРОМЕКА

Обучаясь в VI варшавской гимназии, Митя познакомился с человеком, который оставил глубокий след в его жизни и оказал огромное влияние на становление его как личности.

Сегодня имя Михаила Степановича Громеки мало кому известно даже из специалистов-литературоведов. Вследствие ранней кончины он успел сделать совсем немного на литературном поприще, хотя и был, как отмечали современники, исключительно талантливым и одаренным человеком.

М. С. Громека (1852–1883) — сын седлецкого губернатора в Царстве Польском, известного публициста и рьяного сторонника усиления роли России в Польше, получившего прозвище «Степана Крестителя» за активное обращение униатов в православие. С. Громека сумел сделать весьма оригинальную карьеру. Будучи офицером и адъютантом генерала Щербатского, он похитил у него дочь и женился вопреки воле родителей. Затем поступил на службу в жандармы и одновременно с этим начал писать статьи в «Русском вестнике» Каткова о правильной постановке дела в полиции. Вскоре он был вынужден выйти в отставку и жить литературным трудом.

В конце 1850-х годов Степан Громека подружился с Л. Н. Толстым. Когда же в 1864 году Д. А. Милютин набирал свой штат деятелей для проведения крестьянской реформы в Царстве Польском, то в их число, по рекомендации М. Н. Каткова, попал и С. Громека. Быстро выдвинувшись вперед, он вскоре стал губернатором в Седлецкой губернии. Но, не поладив с высшей администрацией, главным образом с Д. А. Толстым, бывшим в то время не только министром народного просвещения, но и обер-прокурором Святейшего Синода, Степан Громека в 1876 году вышел в отставку^[41].

Михаил Степанович Громека имел не столь яркую биографию. Он получил образование в Московском университете, окончив историко-филологический факультет в 1875 году. Несмотря на свои блестящие дарования, Громека завершил учебу лишь действительным студентом, и это обстоятельство помешало его дальнейшей научной карьере. Только в 1882 году, выдержав экзамен в Варшавском университете, М. С. Громека был

удостоен ученой степени кандидата историко-филологических наук.

После окончания Московского университета полгода он прослужил помощником правителя канцелярии седлецкого губернатора с жалованьем 800 рублей в год. А с 1876 года начал учительствовать в гимназиях Варшавы — сначала во II женской (с окладом 1200 рублей в год), а с 1878 года — в VI мужской (за классное руководство к окладу прибавилось еще 160 рублей в год)^{42}.

С января 1878 года по август 1881 года М. С. Громека был штатным учителем русского и церковно-славянского языков, истории и географии в гимназии, где обучался Митя. Искренним чувством привязанности М. С. Громека проникся не только к своему ученику, но и к его сестре — Наталье Ивановне Шаховской, отличавшейся удивительной красотой.

Дмитрий Иванович волей-неволей оказался вовлеченным в круг взаимоотношений своего учителя и сестры, хотя и признавался в письме к М. С. Громеке от 23 июля 1879 года: «...я слишком неопытен, чтобы помочь Вам», «не понимая ни Ваших чувств, ни поступков сестры». В этом деликатном деле Митя принял на себя некоторые обязательства. В том же письме он писал: «Я считаю своим долгом стараться знать все, что Вы желаете предпринять относительно сестры, и по возможности оградить ее от всякого тяжелого чувства. В другом случае мое поведение не имело бы смысла; и было бы преступным».

Любовь М. С. Громеки оказалась безответной. Наталья Ивановна отвергла его настойчивые ухаживания и не приняла его чувств. К тому же М. С. Громека был постоянно обременен безденежьем и жизненным неустройством. Наталье Ивановне, привыкшей к другой жизни, нужно было проявить поистине большую твердость и усилие, решившись выйти замуж за гимназического учителя. Но главное, Дмитрий Иванович ясно осознавал, «что сестра не любила и не любит» его учителя, о чем и писал в одном из своих писем^{43}.

Изгнать из себя привязанность к Наталье Ивановне было почти недостижимо, принять отношения, которые предписывались чувством христианской любви, оказалось нелегко. Эта любовь оставила неизгладимый след в душе М. С. Громеки, человека ранимого, склонного к рефлексии и частой смене настроений, а порой впадавшего в депрессию.

Возвращаясь к варшавскому периоду жизни Д. И. Шаховского, нужно заметить, что именно благодаря М. С. Громеке он смог познакомиться с С. Е. Крыжановским и А. А. Корниловым. Впоследствии они поддерживали приятельские отношения и, обучаясь в обеих столицах, регулярно

переписывались.

Сергей Ефимович Крыжановский (Серезка) был сыном уже известного нам директора I Варшавской гимназии, в которой с 1876 года учился Александр Александрович Корнилов (Адъка). М. С. Громека приходился родственником Сергею Крыжановскому, отец которого вторым браком был женат на старшей сестре М. С. Громеки. Последний как-то заявил Дмитрию Ивановичу по поводу Серезки: «...я съел с ним во всяком случае более пуда соли»^{44}. А. А. Корнилов встретился с М. С. Громекой уже в самом конце пребывания в гимназии, поэтому знакомство с ним не оставило каких-либо глубоких и заметных следов в его душе.

Между собой Серезка и Адъка в гимназические годы были очень дружны. В своих воспоминаниях Корнилов писал: «Ближе всего я сошелся с директорским сыном, долговязым Сергеем Крыжановским, которого няня Елена Захаровна прозвала «лавочником». «Из всех моих товарищей он по возрасту и по живости своего характера подходил ко мне более других. Сидя с ним на одной скамейке и будучи младшими в классе, мы являлись обыкновенно затевалами всяких гимназических шалостей, к которым класс наш вообще проявлял излишнее стремление»^{45}.

С Шаховским приятели познакомились при весьма интересных обстоятельствах. Как-то раз М. С. Громека отрекомендовал Митю Александру Корнилову как кавалера для танцевальных вечеров. Однако, когда Дмитрий получил приглашение на один из таких вечеров, выяснилось, что он танцевать не умеет. Тогда в квартире отца Мити, в его кабинете, состоялось не только обучение Шаховского правилам кадрили, но и первое общение будущих друзей.

Вторая встреча произошла на вечере, устроенном Михаилом Степановичем для выпускников. Среди приглашенных оказались и Адъка с Серезкой. «Помню, — писал Корнилов, — что пирушка эта была очень веселая, хотя, ввиду недостатка посуды в холостой квартире Громеки и Микешина, мы пили венгерское вино даже из одеколонных фляжек; пели разные студенческие песни и хоры из разных опер, причем, я помню, что развеселившийся Дмитрий Иванович напомнил, к моему удивлению, какой-то мотив, который нам не удавался. Удивился я этому потому, что Дмитрий Иванович в то время представлялся мне таким скромным и никогда не выходившим из сферы книжного учения человеком, что я не подозревал даже за ним возможности знания разных мотивов»^{46}.

Спустя несколько лет Александр Александрович и Дмитрий Иванович превратились в соратников, объединенных узами Братства «Приютино»,

долгие годы их связывали работа в ЦК конституционно-демократической партии и вообще крепкая дружба. Дмитрий Иванович поддерживал своего друга, известного историка, исследовавшего проблемы истории России второй половины XIX века, автора научной биографии М. А. Бакунина до последних дней его жизни. Впоследствии Шаховской принял на себя инициативу по систематизации и изданию рукописных трудов А. А. Корнилова.

С С. Е. Крыжановским жизненные пути школьных товарищей разошлись. Вскоре после окончания университета тот поступил на государственную службу и сделал успешную карьеру, став видным царским сановником, которого накануне Февральской революции прочили в премьер-министры России. Бывшие друзья оказались по разные стороны баррикад. Их взгляды и планы на жизнь не находили точек соприкосновения, у каждого были свои принципы и убеждения.

Что же касается М. С. Громеки, то с самого начала знакомства между ним и учеником завязалась переписка, позволяющая проникнуть в их настроения, мысли и планы. В письмах проступает образ замечательного педагога и вместе с тем одинокого, но очень трогательного и ранимого человека. Послания учителя к ученику полны внимания, заботы, теплоты. Он обращается к нему не иначе как «милый, милый Митя», спрашивает о его здоровье: «Ваша заботливость о себе ради меня доставляет мне двойную радость». В другом случае пишет: «Вы всегда были моим сокровищем, Вы благословение моей жизни» (письмо от 14 ноября 1882 года); «каждая Ваша строчка есть для меня очень большое облегчение и подобно письмам других самых близких мне людей, единственная радость» (письмо от 4 марта 1882 года). В свою очередь Дмитрий Иванович отвечает: «Зная Вашу ни на чем, впрочем, неоснованную и совершенно неосновательную боязнь за меня, спешу сказать...»

Очевидно, что в переписке нуждались оба корреспондента. Одному она помогала преодолеть драму отверженности и отчужденности. Другому давала пищу для духовного взросления, закладывая основания будущего мировоззрения соборного сознания. Душевная рана, нанесенная Михаилу Степановичу несчастной любовью, постепенно заживала благодаря заботам о семье Шаховских.

«Ваша семья стала мне дороже моей собственной, и Вы один сосредоточили на себе всю деятельную сторону этой привлекательности, и я никогда не буду в силах взять свою душу обратно оттуда, куда я ее раз положил», — писал М. С. Громека. В другом письме мы находим еще более искреннее подтверждение этой духовной привязанности: «Я посмотрел бы

в Ваши глаза и увидел бы то, за что больше всего Вас люблю и что давно стало для меня потребностью. Если бы мне когда-нибудь пришлось защищать перед кем-либо мою привязанность к роду Шаховских, я бы отвечал так: посмотрите на них, когда их душа бывает тронута и открыта, когда она чувствует добрые и мягкие чувства, и увидите в глазах их, что гораздо больше, чем Вы могли бы сказать мне словами... в их душе живет нечто глубокое и прекрасное; их ясный ум и сильная воля бывают у других людей; и одни не могли бы заставить любить их; но когда их сердце смягчается и бывает невинно, то отражается на лице таким ясным и прекрасным светом, который освещает всего человека и смотрящего на него, и притягивает всю его душу; а я не могу не любить Митю, и без него мне безразлично все остальное и собственная моя жизнь, вне его, не имеет смысла и не важна»^{47}.

Отношение Дмитрия к своему учителю было не менее отзывчивым и искренним. «Незабвенный учитель и друг», по его словам, был одарен «тонким чувством прекрасного, способностью верного и глубокого понимания человеческой души». Его «вечно ищущая истины, добра и красоты — природа эта все-таки мало ценилась по достоинству, производила часто впечатление слабости, излишнего фантазерства и слишком сильной зависимости от поддержки окружающих, от внешних обстоятельств»^{48}.

Правда, отец Мити — И. Ф. Шаховской далеко не одобрял сына. В одном из писем Мите он прямо утверждал, что не понимает его дружбы с М. С. Громекой, поскольку «этот господин — порядочный нахал и безо всякого понятия о чести и порядочности». И в то же время И. Ф. Шаховской не препятствовал их общению, говоря Мите: «...это Твое дело» (именно так, с большой буквы)^{49}.

М. С. Громека оказал существенное влияние на становление взглядов юного Шаховского, повернув его к проблемам самосознания, самопознания русского народа, к национальной идее. Он был приверженцем более основательного и глубокого преподавания отечественной истории, языка и литературы в средней школе. Не будучи принципиальным противником классического гимназического образования, М. С. Громека смело выступал против сковывающего процесс обучения формализма и оторванности его от подлинных запросов жизни.

В наброске своей речи на педагогическом совете VI Варшавской гимназии, посвященной необходимости изменения учебной программы, М. С. Громека утверждал, что стержнем школьного образования должно стать

«основательное изучение народной словесности и вообще отечественной истории и литературы», именно эти предметы, по его мнению, должны быть «истинными орудиями образования».

Во всемерном развитии национального начала в школе М. С. Громека видел путь к преодолению умственной и нравственной слабости современного молодого поколения. Его логика рассуждения была следующей: именно национальное воспитание «разовьет национальное чувство и сделает его сознательно чутким к индивидуальным особенностям народного характера, привяжет его глубоко и прочно к интересам общественной жизни в ее действительном значении, уничтожит ту безличность и бесцельность рационалистического направления, развивающегося на почве исключительно классического образования, когда живые зародыши народной личности оставляются в небрежении и подавляются».

М. С. Громека полагал, что социальный прогресс должен основываться прежде всего на нравственном самоусовершенствовании личности, на ее внутреннем обновлении и всестороннем раскрытии возможностей и таланта человека, «гармонического развития его духа», который заключал «в себе национального по крайней мере столько же, сколько и общечеловеческого». Выступая на торжественном выпускном собрании в VI мужской и III женской варшавских гимназиях, М. С. Громека обращает внимание своих слушателей именно на нравственную сторону семейной жизни как «главнейший предмет» воспитания^{50}.

Находясь в Варшаве, М. С. Громека, как и многие его соотечественники, тяжело переживал свою оторванность от России. Его московский приятель Н. И. Кареев, с которым М. С. Громека первое время снимал квартиру, вспоминал о своем пребывании в Варшаве как о весьма тяжелом периоде в жизни. «Политическая атмосфера Варшавы с самого же начала неприятно бросилась мне в нос, — говорил он. — Я даже стал думать, не вернуться ли мне в Москву... но некуда было ехать на профессорское место... как только оказывалось возможным, уезжал оттуда. Иногда даже на летние месяцы я не оставлял квартиру за собою, перевозя свои пожитки в склад»; «я видел, что в Варшаве русские люди только и делают, что всячески теснят поляков и своей некультурностью позорят русское имя, к чести которого я не мог быть равнодушным на чужбине»^{51}.

В России тем временем разворачивались поистине драматические события. Террористические акции народников всколыхнули русское общество. Крайние проявления нигилизма получали неоднозначную

оценку даже в среде учащейся молодежи, не говоря уже об их наставниках. Преграду нахлынувшей волне вседозволенности Громека видел в пробуждении национального самосознания, на что и должны опираться образование и воспитание.

Национальное чувство Громека пытался привить и Дмитрию. Митя, будучи гимназистом, имел возможность на каникулах летом бывать на родине в гостях у своих бабушек в родовом имении Щербатовых — Рождествене под Москвой. В письме от 11 июля 1879 года М. С. Громека писал Мите: «...Тоскуя, что долго не увижу Вас, я радовался, что Вы побываете в России и наберетесь русского духу и Ваше полуотвлеченное русское чувство, воспитанное вдали от родины, получит плоть и кровь... Потому что, конечно, нигде русская жизнь не может так благотворно подействовать на Вас, как в деревне». В другом письме М. С. Громека указывал, что жизнь в России является единственным условием «вполне плодотворной деятельности и внутреннего довольства». Позднее, в «Автобиографии» Шаховской признавался: «Ко всему, что говорилось о России, я, страстно туда стремившийся гимназист VII или VIII класса, проведший детство свое с 4-х лет в Варшаве, жадно прислушивался...»^[52]

Будучи во взглядах гораздо ближе к славянофилам и почвенникам, чем к западникам-либералам, Громека между тем стремился максимально объективно разобраться в существе разделявших оба лагеря противоречий и призывал к этому Митю. «Славянофилы неправильно понимают отношение народа к обществу и личности, ложно понимают их отношение в русской истории и их настоящие и будущие задачи», — считал гимназический учитель. «У Достоевского есть прекрасные мысли, но противоречия грубейшие. У Аксакова тоже. «Русь» и «Дневник» я за все время их издания добросовестно изучил и пришел вообще к отрицанию их. Но и противоположный лагерь, с Пыпиным во главе, представляется мне столь же грубою односторонностью»^[53].

Для Мити М. С. Громека стал не просто учителем, но и наставником, старшим товарищем, близким другом и просто дорогим человеком, с которым можно было обсудить и личные проблемы, и учебные дела, и вопросы общественной жизни, найти поддержку, понимание, совет. В одном из писем из Москвы Митя обсуждал с М. С. Громекой кандидаток из девушек, в которых он, в принципе, мог бы влюбиться. Интересен один факт — говоря об Анне Сиротининой, которая впоследствии станет его женой, Д. Шаховской писал: «Когда я ее увидел, то сразу усомнился, а очень скоро вполне убедился, что это не то». В то время ему нравилась дочь

Л. Н. Толстого, это «надежная кандидатка», признавался он, и «в нее я, полагаю, влюбиться могу»^{54}. После своего переезда в Москву он, как и М. С. Громека, часто бывал в гостях у Л. Н. Толстого.

Творчество Толстого было предметом научных изысканий М. С. Громеки. В последние годы жизни он напряженно работал над критическими очерками, посвященными роману «Анна Каренина» Л. Н. Толстого (впоследствии эти очерки выдержали несколько изданий) и его знаменитой «Исповеди». В процессе работы Громека по-прежнему делился со своим учеником переживаемыми мыслями и идеями.

Дмитрий порою весьма резко отзывался относительно отдельных частей присланного сочинения. «Ваше сочинение мне очень не понравилось, — писал он в ответном письме, — я полагаю, что без важных перемен Вы его печатать не должны, а подавать его в теперешнем виде как магистерское сочинение нечего и думать». Не понравились Дмитрию стиль автора, способ изложения материала, отсутствие навыков научного труда. Критиковал он своего учителя за то, что «мало простоты», «слишком далеко пускаетесь в разбор», «недостаток целостности, единства», частые повторения, неясность в выражениях. Возникало такое ощущение, что исследователь хотел «все выболтать»^{55}.

Когда книга М. С. Громеки «О последних произведениях ip. Л. Н. Толстого» печаталась еще в виде ряда статей в «Русской мысли», бедный Михаил Степанович находился уже в психиатрической больнице Николая Чудотворца в Петербурге. В 1882 году он тяжело заболел психическим недугом. Громека жаловался на усталость от жизни, общее разочарование, большую нервную слабость, упадок духа. Мысли об одиночестве, бесполезности проделанной работы, пессимизм не давали покоя изнеможенной душе. По причине болезни пришлось оставить службу. На Рождество 1883 года, почувствовав себя немного лучше и получив разрешение навестить друзей, Громека зашел к своему товарищу по университету — некоему Романову. Не застав его дома, он воспользовался его заряженным револьвером и застрелился. Как позже вспоминал А. А. Корнилов, «никак нельзя было предвидеть такого близкого и грустного конца для этого в высшей степени симпатичного, общительного, мягкого и во всех отношениях милого человека»^{56}.

Дмитрий Иванович глубоко переживал гибель Громеки. После кончины матери это была вторая в его жизни потеря близкого человека, долго не заживающая рана.

Влияние школьного учителя сказалось в дальнейшем. Многие идеи,

которые на протяжении всей своей жизни пытался развивать Д. И. Шаховской, в том числе побудившие его и его друзей к созданию Братства «Приютина», были или навеяны, или подсказаны непосредственно Громекой. После окончания гимназии Дмитрий решил пойти по его стопам. Не пожелав остаться в чуждой ему Варшаве, он поступает в Московский университет на историко-филологический факультет.

Глава 4

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Непосредственно перед поступлением Мити в Московский Императорский университет в Первопрестольной произошло событие, имевшее огромное значение в общественной жизни всей России. 6 июня 1880 года в торжественной обстановке на Страстном бульваре, у монастыря, был установлен памятник великому русскому поэту А. С. Пушкину работы скульптора А. М. Опекушина. Деньги на создание памятника собирались всенародно по подписке, а само открытие и последующее за ним чествование поэта, организованное Обществом любителей российской словесности, стали данью уважения, благодарности и почитания русскими людьми своего национального гения.

Торжества продолжались в течение нескольких дней: сначала в университете, затем в Колонном зале Благородного собрания, где произносились приветственные речи. Кульминацией праздника стала речь Ф. М. Достоевского, произнесенная 8 июня и горячо встреченная всеми участниками заседания. В своем проникновенном слове писатель выразил глубокое понимание судьбы и роли поэта, исторического пути России и великого предназначения русского народа. В «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский повторил: «Да, назначение русского народа есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так даже дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей... стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, *всечеловечной* и *всесоединяющей*, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому

закону!»^{57}

И тогда, и позднее, как мы увидим, эти мысли Ф. М. Достоевского нашли глубокий отклик в душе Д. И. Шаховского, на протяжении всей жизни стремившегося воплотить идеи братства и народности в своей деятельности.

Между тем первое время пребывания в старой столице проходило в привычных хлопотах, связанных с подготовкой к учебе. Москва произвела на юного князя самое обычное впечатление, «или скорее никакого впечатления не произвела... Было ужасно жарко, душно, в Москве как-то скучно и безлюдно».

Вскоре после своего приезда Митя направляется за город, в родовое имение Рождествено-Васькино Серпуховского уезда Московской губернии, где проживали его бабушки, и которое он полюбил еще с последнего посещения России. Его вновь охватывает особенная радость, ликование, эмоциональное наполнение. В послании к М. С. Громеке от 28 июля 1880 года он так описывает свои чувства: «Мы уже вышли на станцию (Лопасня), я почувствовал в себе какую-то силу, свежесть, особую молодость и радость. Все это мое, не потому что оно принадлежит мне, но потому что я принадлежу ему. Вот мысль, являвшаяся у меня и тут и во всю дорогу. Впрочем, оно выражалось не как мысль, а как чувство. Я восхищался всякой мелочью, замечал каждый прекрасный вид и любовался:...изба, родившийся ребенок, качавшийся в люльке около какой-нибудь избы, знакомые лицом ребятишки — все это было... близкое, близкое и дорогое. Это какое-то новое для меня отличнейшее чувство, чувство сильное и такое совсем простое, что просто любо. Я, кажется, всю дорогу широко улыбался»^{58}.

В архивных документах князя Д. И. Шаховского сохранились письма к нему его бабушек: Н. Д. Шаховской и Е. Д. Щербатовой. По переписке видно, какую заботу и тревогу о внуке проявляли бабушки, интересуясь не только его здоровьем, но и личными делами. Так, в одном из писем Наталья Дмитриевна уведомляла Дмитрия, что его книги получены и все поручения исполнены. Из другого письма видно, как она стремилась поддержать Дмитрия материально: высылала на извозчика до вокзала 4 рубля и 60 копеек и сожалела, что не может доставить ему побольше денег; в другой раз отправила ему значительную сумму в 350 рублей.

К Дмитрию бабушки относились с особой нежностью, с любовью, неоднократно признаваясь ему: «Ты знаешь, как ты нам близок сердцу и какое живое участие принимаем во всем, что тебя касается»; «Не

поверишь, как бабушка дорожит твоим вниманием»; «Нам без тебя так грустно, что не могу воздержаться от желания передать тебе хоть письменно мои тебе сердечные пожелания... Обрадуй нас хоть кратким письмецом»; «Наша томная и единообразная жизнь не оживлена твоим частым появлением, от которого сердце всегда трепетало от радости»; «Пожалуйста, милый мой Митя, успокой меня несколькими строками. Сердцу мало отрады».

В Москве, уже учась в университете, Митя останавливался у них на квартирах. Вот один из его московских адресов: Большая Никитская, дом княжны Елизаветы Дмитриевны Щербатовой, совсем рядом с местом учебы^{59}.

Примечательно, что московским генерал-губернатором в то время был Владимир Андреевич Долгоруков, дядя матери Шаховского. В. А. Долгоруков был известен в Москве своей обширнейшей личной благотворительностью, он поощрял искусства, собирал живопись и книги, отдавая предпочтение религиозным сюжетам и богословским вопросам. Один из его биографов писал: «К Владимиру Андреевичу, крайне доступному, обращались все с просьбами самого разнородного, порою фантастического, но в общем всегда сверхзаконного порядка; князь обещал всем, а очень многим помогал своим крупным авторитетом и обширными связями в делах, по роду своему не подходивших ни к какому административному учреждению. Князь не приказывал, а только просил со своей неизменной улыбкой... Как ни мягок и по-магнатски вежлив был Владимир Андреевич, но в его просьбе слышался приказ, и не исполнить ее не решался никто»^{60}.

Москвичи любили своего градоначальника и неизменно доказывали свои чувства, даря бесчисленные подарки в празднование каждого люста его генерал-губернаторства^[1]. В один из юбилеев Владимира Андреевича, например, поклонники выкупили и преподнесли ему его родовое имя^{61}. Многие ценности Владимир Андреевич еще при жизни передал в Румянцевский музей, где они заняли целую залу.

...Итак, шел 1880 год. Общество переживало период «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова, возглавлявшего Верховную распорядительную комиссию по охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Комиссия была создана сразу после взрыва в Зимнем дворце в феврале 1880 года и неудавшегося очередного покушения на Александра II. Ею был поставлен вопрос о проведении некоторых реформ как средства сдерживания революционного движения в стране.

Одной из первой мер графа М. Т. Лорис-Меликова, в прошлом боевого генерала Русско-турецкой войны, генерал-губернатора в Харькове, явилось удаление с поста министра народного просвещения графа Д. А. Толстого и назначение на его место А. А. Сабурова.

Д. А. Толстой перед самой своей отставкой готовил реформу университетского устава 1863 года, дававшего университетам некоторую автономию. Ситуация обострялась изданными в 1879 году новыми правилами для студентов, ужесточившими контроль за ними со стороны инспекции. В Московском университете эти правила были введены в феврале 1880 года. Но вскоре правительственный курс принял более либеральный оттенок. Новый министр народного просвещения проектировал расширение автономии для студентов путем легализации деятельности их организаций.

Вокруг этого вопроса и разгорелось активное студенческое движение. В Московском университете было оживленно и шумно. «Курсовые, факультетские и общие сходки, — по словам Шаховского, — следовали одна за другой»^[62].

Студенческое движение в это время можно подразделить на два течения — представителей либерального «нового университета» и радикальных медиков из «старого» университета. Лидером первого был общепризнан П. Н. Милюков, который заканчивал уже историко-филологический факультет; среди тех, кто возглавлял второе течение, был будущее светило медицины П. П. Кащенко.

Тактические различия между двумя студенческими течениями состояли в том, что филологи считали более благоразумным воспользоваться политическим моментом и «вести подготовительные собрания студентов к созданию признанной правительством системы студенческих учреждений». Левые же течения, представленные преимущественно студентами-медиками и преобладавшие по численности, добивались фактического признания за студенчеством политической роли, «вносили политику в университет». «Общая сходка» или «парламент» — так формулировалось наше основное «политическое» разногласие, — вспоминал П. Н. Милюков^[63], подразумевавший, что на общефакультетских сходках, как правило, речь заходила не о студенческих учреждениях, а о вопросах общей политики, и студенческая сходка превращалась в настоящий политический митинг.

В оценке Шаховского все эти студенческие дебаты представлялись как «кой-какие недоразумения между партиями». Однако он активно

интересовался тем, что происходило в студенческой жизни и, в частности, проектом новой студенческой организации, которая должна была строиться по принципам товарищества наподобие корпораций. Основным принципом товариществ организаторы хотели утвердить связь между собою лиц, окончивших вместе гимназию, например, товарищество смолян и т. д. Однако идея эта находилась в первоначальной стадии разработки и подробности проекта практически были неизвестны. Хотя большинство студентов относилось к нему явно недоброжелательно. Д. И. Шаховской, по его собственному признанию, сначала так же отнесся к проекту, но затем переменял взгляд^{64}.

Помимо участия в жизни собственно студенческой, Митя довольно усердно занимался наукой. Он составлял, например, лекции Дювернуа и Всеволода Миллера по истории Ассирии и Вавилона, писал у Н. С. Тихонравова сочинение о «Домострое», увлекался, как и все первокурсники филологи и юристы, ясным изложением английской философии на лекциях Троицкого, хотя нельзя при всем этом утверждать, что он «много почерпал из того источника мудрости, которым приходилось питаться».

«Едва ли не больше всех этих лекций» он выносил из участия в живом студенческом кружке, собиравшемся еженедельно в доме студента-юриста Цемша и состоявшем главным образом из бывших учеников пятой московской гимназии. Членами кружка были, в частности, ставшие потом известными Москве С. Г. Смирнов, Н. Н. Хмелев, деревенский сосед Д. И. Шаховского, Г. А. Пагинский и др. Это был, главным образом, литературный кружок, где читались и обсуждались написанные студентами рефераты по научным и философским вопросам. Политики они «почти не касались». Сам Д. И. Шаховской, например, для литературного кружка писал сочинение по истории Греции. Но и эти занятия не могли полностью удовлетворить его. Как-то в письме к М. С. Громеке он заметил о кружке: «...ничего особенно хорошего в нем нет. Есть несколько очень умных и знающих людей — вот и все»^{65}.

Политической жизнью и ее отзвуками в университете Митя жил гораздо более, чем научными интересами. В сентябре 1880 года студенты Московского университета обратились к А. А. Сабурову с петицией, смысл которой сводился к требованию признания широких корпоративных прав студенчества. Нарастающая волна сходов достигла своего апогея 5 декабря 1880 года. В этот день во дворе университета собралось более 400 студентов, которые пришли с требованием вернуть исключенных

товарищей. Ректор Н. С. Тихонравов отказался выйти для переговоров и вызвал полицию. Николай Саввич Тихонравов, кстати сказать, был профессором русской литературы. Его лекции внесли определенный вклад в науку, были напечатаны, но на студентов они особого впечатления не произвели. Так, П. Н. Милюков, вспоминая о студенческих днях в Московском университете, писал о Тихонравове, что он «читал по старым запискам, довольно монотонно, и шепелявил»^{66}.

Возвращаясь к событиям 5 декабря 1880 года, следует сказать, что полиция арестовала 405 человек — участников студенческой сходки: 394 студента и 11 посторонних препроводили в Бутырскую тюрьму, где они провели одну ночь. Дальнейших административных последствий этот арест не имел. В тюрьме оказались 19 студентов историко-филологического факультета, среди которых был первокурсник князь Д. И. Шаховской. Эти события не только не оставили какого-либо тяжелого следа в душе молодого человека, но, наоборот, он даже с удовольствием о них рассказывает. В «Автобиографии» Шаховской вспоминал: «Московским студентом попал я в первый раз и в тюрьму, впрочем, на одну только ночь. От университета отвели нас, целую сходку, собравшуюся перед квартирой ректора и не разошедшуюся по требованию полиции, в Бутырки, и там, в новом еще помещении, незапертые по камерам, провели мы в одушевленных беседах и в пении так красиво звучащих теперь в моей памяти песен хорошую, веселую, бодрящую ночь...»^{67} Из опасений, как бы волнения не приобрели еще более бурный характер, занятия в университете были прекращены до января 1881 года.

Пребывание в Московском университете для Дмитрия связано с определенным мироощущением и переживаниями личного характера, выраженными в попытках теоретического конструирования своего «круга» и «дома». В одном из писем к учителю, датированном 3 сентября 1881 года, Митя изливает свои душевные переживания: «Однако у меня нет круга своего в каком-то отношении? У меня нет круга своего, который был бы мне дан рождением и жизнью в нем в детстве. Но у меня есть другой круг, который мой вследствие моей теперешней жизни в нем. Это круг студенческий. Я в нем почти исключительно и вращаюсь — и он действительно для меня самый близкий, дорогой круг».

Будучи человеком общительным по натуре, Д. И. Шаховской не мог довольствоваться «своим кругом» и стремился его расширить, находясь в постоянном поиске новых друзей и общения. Он был как «турист, поехавший проветриться после года кабинетной жизни и, как англичанин,

положивший себе неременной обязанностью осмотреть все «достопримечательные»... вещи...». Сближение с самыми разнообразными слоями студенчества было для него просто «необходимое дело». Своему учителю он неоднократно указывал и даже подчеркивал: «...я хочу быть близким ко всякому *студенческому кругу*».

Казалось бы, проблема была ясна и ее решение представлялось простым. Но для Шаховского вращение в бурной студенческой среде создавало определенного рода трудности. «А дело в том, — писал он своему неизменному другу и наставнику, — что у меня ни с кем не завязывается совсем хороших сношений — вот в чем беда... Я говорил о круге как совсем не в том случае, что войти в него — это расширяет круг сношений, а в том, что для этого нужна искренность, полнота в отношениях к другим... Затем я полагаю, что может быть вообще способность ладить с людьми... не стесняться самому, а главное не стеснять других — и все это хорошие качества, которых у меня нет или, по крайней мере, присутствие которых зависит от моего настроения, очень часто дурного».

В этом смысле Шаховской называл самого себя «домом». Понять, что он подразумевал, можно из следующих его слов: «...что, если я-то не хочу быть домом, если мне это противно, если я все проблески силы хочу развить и, даже сознавая, что это невозможно, не могу с этим помириться. Ведь в этом-то и дело, что я не хочу быть тем, что я есть, и дело то еще осложняется тем, что я не всегда то, чем я быть не хочу».

Очевидно, что, будучи первокурсником, Митя серьезно занимался самоанализом и самопознанием, пытаясь разрешить онтологическую проблему существования собственного «Я». Не случайно, имея подобное мировосприятие и оценку окружающих в период учебы в Московском университете, Д. Шаховской сумел сблизиться только с Глинкой, ставшим действительно его товарищем и другом. (Имя этого товарища Шаховского осталось авторам неизвестным; сам Шаховской называет его по фамилии.) Первое впечатление, которое производил Глинка на окружающих, было, по словам Д. И. Шаховского, «очень хорошее и сразу сильное», хотя его многие в университете и не любили, «что и необходимо кажется для живого, сильного человека». В свою очередь, на Д. И. Шаховского он произвел впечатление «не то что неприятное, но и не особенно приятное с первого разу. Впрочем, я искал первые дни в университете чего-то совсем необыкновенного, и не мудрено, что никто, кажется, из студентов не удовлетворил моих ожиданий...».

Отец Глинки был мировым посредником, но он умер уже к тому

времени, как Глинка учился в Московском университете. В семье остались мать и брат — гимназист V класса. Глинка окончил смоленскую гимназию первым учеником, поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, но в середине года перешел на юридический факультет. По словам Д. И. Шаховского, он был не в пример «артистичнее» его самого, знал толк в музыке и даже сам иногда сочинял романсы. «Меня весьма любит и в университете ни с кем больше (кроме прежних товарищей смолян) не сошелся. Готов на разного рода благородные поступки и делом, а не словом, смешной, умный, забавный, остроумный, веселый — кроме разных «сибирей». Сибири у него смахивают на мои — только часто в другой форме выражаются. Он религиозен, но религия... одна из его сибирей; сознательность особая — другая сибирь».

Далее Шаховской продолжает: «...Человек он не в пример лучше меня — и особенно «органической силой» — которой и у него, впрочем, недостаточно. Увлекается больше меня, поэтому весьма склонен менять убеждения, что его часто мучает — да и вообще часто весьма он мучается — часто попусту, а по большей части кончается не попусту... К славянофильству отношение его меняется часто: на славянофильстве и споре о нем мы с ним и сошлись и много спорили — и всегда почти он относился к нему или слишком увлеченно, или слишком неприязненно — так иногда возьмет да и говорит —...ничего-то в русском народе нет». «В настоящее время к славянофильству относится критически, но, кажется, довольно спокойно».

Многократно в своих письмах М. С. Громеке, делясь впечатлениями о студенческой жизни, Дмитрий оценивает Глинку только с положительной стороны как «отличнейшего господина», «распрекрасного человека». В одном из писем он откровенно признается: «Наши с ним отношения еще как-то лучше стали, просто думать о нем отрадно. Да и молодец же он. В прошлом году он написал... прекрасное, основательное исследование об артелях (ведь он юрист), потом у него было дело с крестьянами... и он сделал его совсем хорошо. Когда я был у него в Смоленске, он к этому готовился, мы с ним об этом много толковали, и успешное окончание этого дела такое хорошее, великое торжество для нас обоих...»

И все же он испытывал недостаток в общении. Особенно ему было тягостно вдали от семьи. «Для человека необходимо влияние семейного начала — влияние если не собственной семьи, то... семьи другой... Есть, я полагаю, периоды в жизни человека, где это влияние не необходимо, и я полагаю, что *вообще* это и есть время студенчества. Но это только *вообще*... я полагаю, особенная черта русских студентов: для того, чтобы

удержаться, для них (кроме исключений) необходимо бывать в семье»^{68}.

Это одна из важных мыслей Д. И. Шаховского, которая оказывала влияние на взаимоотношения его с окружающими и, в частности, определяла его позицию к семье Сиротининых, с которыми он познакомился опять-таки благодаря своему учителю М. С. Громеке. Тот еще в период своего студенчества в Москве довольно тесно сдружился с ними и впоследствии познакомил и своих учеников. Как вспоминал А. А. Корнилов, «когда Анна Николаевна (Сиротинина. — И. К., А, Л.) еще в 1881 году поступила на высшие Бестужевские курсы, то, по письму Громеки, мы (т. е. Корнилов, Крыжановский, Харламов, Обольянинов и Д. И. Шаховской) тотчас же с ней познакомились»^{69}.

Шаховской был частым гостем в этой семье. И весь начальный период знакомства с ними он неизменно мучился вопросом: «С ними-то у меня что общего? Ни рождение, ни детство никакой связи с ними у меня не создало». Сиротинины были простыми, образованными русскими людьми. Но Шаховской всей душой к ним тянулся, несмотря на свое княжеское происхождение.

Гимназический учитель считал, что все эти переживания и мысли — явление временное, которое пройдет само собой. В письме от 10 сентября 1881 года он так отвечал: «Я начинаю бояться Вашей теории «дома». Вы придаете ей слишком безусловное значение, господствующее над всей Вашей прошлой, настоящей и будущей жизнью. Этого совсем не нужно, и это чрезвычайно опасно. Вы можете любить людей и любите, потом будете любить или еще больше и глубже. Это пройдет само собой — нужно совсем об этом не думать, а просто жить. Ваше воспитание, лишенное семейного начала и сдавливавшее проявление чувства, было вредно и оставило вредные последствия. Ваше аристократическое происхождение положило некоторые препятствия раннему сближению с широким кругом людей. Это все верно. Но теперь вы свободны, все в Ваших руках...»^{70}

И действительно, со временем эти переживания прошли, взаимоотношения с семьей Сиротининых окрепли, особенно в последующий период учебы в Петербургском университете и организации кружка народной литературы, активным участником и единомышленником которого стала Анна Сиротинина. Через несколько лет она выйдет замуж за Д. И. Шаховского, и отношения, которые казались ему когда-то «противоестественными» вследствие принадлежности к различным общественным кругам, перерастут, преодолев всяческие барьеры, в совершенно естественные.

Между тем социально-политическая атмосфера в России была накалена до предела. Самодержавие переживало один из самых серьезных кризисов за свою историю, не только подвергаясь натиску радикальных революционных сил, но и испытывая давление различных представителей общественности, как консервативной, так и либеральной. Да и в самом правительственном лагере нарастали серьезные противоречия. Трагическая развязка, последовавшая 1 марта 1881 года, повергла русское общество в состояние глубокого шока.

Студенчество бурлило. В марте — апреле 1881 года сходки в Московском университете, как с санкции начальства, так и без его разрешения, практически не прекращались ни на один день. 6 марта на сходке историко-филологического факультета было внесено предложение объявить поименную подписку на венок убитому государю императору. Это вызвало бурю негодования у отдельных студентов, один из них даже порвал подписной лист.

В результате событий с 5 марта по 1 апреля, были преданы профессорскому суду 250 человек. По приговору суда двое были исключены с правом поступить в другое учебное заведение не ранее двух лет; 35 — с правом поступить тотчас же в другие учебные заведения и 165 — временно удалены из Московского университета»^{71}.

Дмитрия Шаховского в эти дни переполняли разные чувства: «Кружки, сходки, лекции, столкновения с начальством, споры и мечты — все это вдруг приняло другой более серьезный и роковой характер после 1-го марта 1881 года. В настроении студенчества последовал раскол. Надо ли отстаивать приобретенные студенчеством права во что бы то ни стало? Я, помню, считал студенческую борьбу из-за своих маленьких прав несвоевременной в роковую годину народной жизни. Ошибался ли я? Не знаю. Но казавшееся лично мне правильным решение вопроса не мешало с особым уважением относиться к тем, которые считали уступку раз завоеванных позиций недопустимой»^{72}.

Среди этих непримиримых, о которых говорил Д. Шаховской, был П. Н. Милюков. Он оказался в числе временно удаленных с правом поступить по истечении срока в Московский университет или сразу в другой университет. В результате отчисления П. Н. Милюков лишился стипендии князя В. А. Долгорукова по назначению университета, размер которой составлял 238 рублей 87 копеек в год^{73}.

В письме к М. С. Громеке Дмитрий делился: «Дела в университете у нас самые скверные. Просто думать не хочется, а все на ум идет. Зубрю я

теперь лекции по сравнительному языковедению. Материал довольно скучный, а вместе с тем и нелегкий, так что учиться, когда в голове многое другое, трудновато». В более позднем письме от 23 апреля 1881 года Д. Шаховской говорил: «Во всем происходящем последнее время я никакого участия действительно не принимал. Но это (т. е. самое обстоятельство) оказывается очень неприятно»^{74}.

Индифферентное отношение Шаховского объяснялось тем, что он имел собственный взгляд на многие коренные вопросы общественной и государственной жизни. Набрасывая письмо отцу в начале 1881 года, вероятно, еще до царевубийства 1 марта, Д. Шаховской делился с ним сложившимися у него убеждениями: «Я в принципе сторонник самодержавной власти в России, но на царя я смотрю как на защитника народа, стоящего вне всяких сословий.

На русскую землю я смотрю как на землю по преимуществу мужицкую, где строй мужицкий и интересы мужика должны бы стоять на первом месте.

Дворянство русское только и имеет, по-моему, значение, как служилое сословие и никакими особыми льготами пользоваться не должно.

Я сказал, что я приверженец самодержавия, но, по-моему, в настоящее время самодержавная власть делает как раз противоположное тому, что должно бы делать, и ужасно роняет себя в глазах разумных людей. Я вижу в высших сферах совершенное непонимание русской жизни, деятельность страшно вредную и развращающую народ. При пережитом всеобщем стеснении, угнетении интеллигенции и печати, препятствиях всякому живому делу, совершенном подавлении общественного почина, при произволе полиции и необеспеченности личности почти невозможно, по-моему, правильное развитие, и я и предоставить себе не могу, чем кончится это бессмысленное положение дел, если правительство не изменит своего поведения.

В жизни нашего высшего общества я вижу много нелепого. Эта ужасная и никому, в сущности, не нужная роскошь рядом с голодающими рабочими и мужиками, страшно неравномерное распределение богатств, покровительство кулаку — все это вещи несправедливые, против которых должен, по-моему, бороться всякий честный и понимающий дело человек. Я не приверженец революции, но не знаю, чем кроме нее может это все кончиться, если будет продолжаться так же».

Называя себя «в принципе, сторонником самодержавия», Д. И. Шаховской весьма критически относился не только к проводимой властью политике, но и к важнейшим государственным и социальным институтам,

фактически выступал за их существенное реформирование.

«Я стою за свободу печати, — продолжал Шаховской, — и меня возмущает ее теперешнее стеснение. По отношению к университетам правительство действует неправильно. Люди власти совершенно не понимают нужд и законных требований студентов и этим искусственно развивают в них недовольство правительством и принимают на себя тяжкий грех, калеча лучшие силы русского общества.

Земству должны быть предоставлены, по-моему, большие права, и только с развитием земского дела возможно улучшение общего хода вещей.

В школах у нас господствует ужасный формализм и много в этом виновато министерство. Денег на народное образование отпускается безобразно мало сравнительно с потребностями.

Правительство вообще должно было бы совершенно переменить свое недоверчивое и враждебное отношение к русскому обществу и выслушивать его заявления, а без этого никакое действительное улучшение не будет возможным. Я не всякое нарушение закона считаю безнравственным поступком»^{75}.

Таким образом, перед нами предстает уже сложившийся в своем мировоззрении человек с ясными политическими взглядами.

Новый император Александр III, вступивший на престол в чрезвычайных обстоятельствах, пошел на смену политического курса. На совместном заседании Государственного совета и Совета министров 8 марта было принято решение не утверждать подписанный Александром II проект М. Т. Лорис-Меликова о введении в состав Государственного совета членов представительных организаций, то есть так называемой «конституции».

Изменился состав правительства, куда пришли жесткие прагматики, решительные сторонники самодержавия, опытные администраторы. Были приняты серьезные меры в области внутренней и внешней политики, укреплении экономики и финансов. «Контрреформы» или, как сегодня говорят современные историки, «консервативная стабилизация» давала свои плоды. Россия сосредоточивалась, но важно было не упустить новые поколения молодых людей, не отдать их под влияние безумных и безответственных радикалов. Университетский устав 1884 года значительно урезал академическую автономию, но больнее ударил по профессорской корпорации, чем по студентам и по их вольностям, хотя и предписал носить обязательную форму.

Реформа университетского образования имела своей целью воспитать в молодежи уважение к государственным устоям, к традициям и истории

России. Правительство, как образно писал М. Н. Катков в своих статьях в это время, не только возвращалось к твердому управлению страной, но и поворачивалось лицом к высшим учебным заведениям. Посещение Александром III Московского университета весной 1886 года было с воодушевлением встречено студенчеством, устроившим государю восторженный прием. Общественное настроение постепенно менялось.

Но вернемся к нашему герою. В апреле 1881 года отцу Шаховского в связи с назначением начальником 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии предстояло покинуть Варшаву и переехать на службу в Санкт-Петербург. Завершив первый курс Московского университета, туда же отправлялся и Дмитрий, переведенный на учебу в Петербургский университет.

Переезд из Москвы был связан также с желанием отца оградить Митю от опасного радикального влияния. «Благодари Бога еще, — писал отец сыну, — что тебя не втянули в новую безмозглость студенческую и что творец небесный не поставил меня генерал-губернатором московским»^{76}. М. С. Громека также опасался за судьбу близкого ему человека. В апреле 1881 года он делился со своим другом переполнявшими его чувствами: «... Я очень рад теперь, что Вы переходите в Петербург. Черт знает, что теперь делается в Московском университете. Хотя я уверен, что Вы держите себя далеко от этих гадостей, но все же случайно Вам нетрудно от них пострадать. А для Вашей семьи это также весьма важно, особенно для Сережи...»^{77}

Серьезных возражений у Дмитрия этот переезд не вызвал. Юноша пытался осмыслить проведенный в университете год, подвести его итоги, определить дальнейшие перспективы. В ряде писем к М. С. Громеке он обсуждал с ним все эти вопросы: «Напишите, как подействовал университет на Вас и Ваших товарищей в первый год. Он, в сущности, на нас повлиял, пожалуй, хорошо, но только каждый из нас, кажется, не сосредоточился, а скорее расползся, по крайней мере в некоторых отношениях. Я, например, полагаю, что я ничего дельно написать не могу, даже письма выходят у меня какие-то безалаберные, разбросанные, непонятные и неясные. Надо привыкать писать. Я полагаю, здесь много виноваты профессора, они бы могли более сосредоточить свои усилия, только чем-нибудь заинтересовать и заставить систематически работать. А может быть, после гимназии необходим период некоторой умственной разнузданности, чтобы потом воздвигнуть новое здание на более широком основании. Об этом Вы как полагаете?» В другом письме Митя пишет: «Год проходит, таким образом, без существенного дела, но я не считаю его

далеко потерянным. Я все же прочел в разброд довольно много, сделал дольки во всех трех новых языках, преодолел знаменитую часть логики Милля». «Впрочем я замечаю, что 1-й год в университете у всех так или иначе исковеркан»^{78}.

Одно из своих писем от 29 мая 1881 года Д. И. Шаховской так и назвал «Итоги». Оно достаточно полно раскрывает его ожидания и результаты от учебы в университете. «Вы, вероятно, помните, — писал он, — с какими надеждами я вступал в университет. Я редко говорил с Вами об этих надеждах, но я писал вам из деревни об одной из них, тогда одной из главных — именно научиться *быть с людьми*, обращаться с ними... Все это неумение главным образом сводится к двум причинам: 1) недостатку искренней и горячей любви к человеку вообще и в отдельности, к неумению действительно живо привязаться к чему-либо живому, привязаться так, чтобы эта привязанность побеждала все прочее. 2) К излишнему самолюбию, боязни смешного, т. е. выставить себя в смешном свете... Есть, впрочем, этому еще причины: 1) просто влияние Варшавской обстановки, чисто формальное влияние: мне не для чего было стесняться, можно было быть как угодно и еще кое-что вследствие этой обстановки: просто враждебность польского населения и невозможность *сердечных* отношений. 2) *Сознательность*, Этого я Вам уже решительно объяснять не буду. Толкуйте как знаете, я, впрочем, думаю, что Вы понимаете. Так, значит, все это одно явление, которое, я надеялся, искоренится в университете. Я сделал здесь, кажется, некоторые усилия и главный успех в этом отношении это то, что я, кажется, вполне понял, что такое *рационализм*, которого я совсем как следует, кажется, не понимаю. Затем по убеждениям и в других отношениях сделаны тут успехи, с практической стороны, относительно «светского обхождения» *во всех отношениях* тоже, но все же я ожидал во всех этих отношениях от университета большего. Впрочем все, чего я ожидал, исполниться никак уже не могло. Затем от университетской жизни в Москве я ожидал выработки самостоятельности и решительности... Затем сближение с товарищами. Совсем как следует я сблизился с одним лишь Глинкой; есть у меня еще хорошие приятели, люди, которых я очень люблю и положительно расположен, но не могу вполне уважать. Кроме того, я поставил себя так, что, кажется, все меня уважают. Но все это далеко не достаточно. Нет у меня прежде всего *полной* искренности. Тут самое главное искренность личная... Отношения к товарищам представляются мне разнородными, смотря по моему настроению: то кажется все как следует и даже все вполне прекрасно, то все мерзко и гадко... Относительно науки сделал кое-что и работал даже

довольно много, но массу времени потратил не продуктивно. Общественные дела наши принесли мне, кажется, много пользы своими действиями, в этом отношении я доволен. Общее впечатление этого года у меня таково: дурного я делал немного, но немного и хорошего»^{79}.

И вместе с тем с Московским университетом ему было «очень жаль проститься», «в сущности тяжело, даже очень». «Я мало видел здесь хорошего, но очень люблю его и оба эти обстоятельства... заставляют меня жалеть о нем. Затем, я все-таки здесь со многими познакомился, а для меня это дело первой важности»^{80}.

В жизни Дмитрия Шаховского с его переводом в Петербургский университет начинался новый этап, принесший ему новых друзей, укрепивший его во многих его надеждах и устремлениях, открывший ему новые горизонты.

Идеалы молодежи между тем претерпевали серьезные изменения. Переход Д. И. Шаховского в Петербургский университет по времени совпал с наступлением нового периода в жизни страны. Цареубийство 1 марта 1881 года расценивалось как национальная катастрофа в самых широких слоях населения. Крайний радикализм явился со всей неприглядностью, и даже ореол мученичества народовольцев не мог заслонить ущербность и очевидную бесцельность террора как метода разрешения насущных политических вопросов. Востребованными становились иные методы обновления жизни и иные общественные и нравственные идеалы, которые должны были выработать другие люди.

Глава 5

В ПЕТЕРБУРГЕ

В конце XIX века Россия переживала период быстрого промышленного подъема. Заметно менялась социальная структура городов Российской империи, и в особенности обеих столиц — Москвы и Петербурга, значительную часть населения которых составляла интеллигенция. Весьма динамичной частью этой социальной группы было все более растущее студенчество. Отметим, что в конце XIX века из 52 учебных заведений России 14 (не считая 5 военных и 2 духовных) находились в Петербурге. В них обучалось около 10 тысяч человек, или почти половина всех российских студентов; 4,5 тысячи из них были студентами Петербургского университета (на 1 января 1905 года)^[81].

Подобно многим европейским городам, Петербург рос больше ввысь, чем вширь. Тогда не было единого Петербурга. Центр города и окраины жили совершенно обособленной жизнью. Петербург дворянско-чиновничий был по площади, в сущности, небольшим городом. Таврический сад, Лиговка (до Невского), Загородный проспект, Большой театр, Галерная и течение Невы с захватом небольшой части Васильевского острова — таковыми были примерные границы официального, центрального Петербурга, престижной «сердцевины» города. На Выборгскую сторону ездили в основном на Финляндский вокзал, на Петербургскую — при катании на острова. «Это были по виду захолустные уездные городки с деревянными домиками, крашеными заборами, окаймлявшими огромные пустыри, с универсальными лавочками, в которых продавались и духи, и деготь»^[82].

Путь из Петербургского университета с величественной набережной, с ее монументальными дворцами и простором лежал в совершенно другой город — к студенческому жилью, которое порой поражало своею бедностью. «Город пышный, город бедный» для многих студентов был неким психологическим и метафизическим прессом. Петербург был парадоксален, многолик. И если официозный, строгий, казарменный, чиновничий город пугал своим бездушием и безразличием, то город-муравейник, с грязными улочками, сырыми дворами-колодцами, каналами и вонью — город страданий, унижал, доводил порой до трагических ситуаций, достойных пера Ф. М. Достоевского.

Данные студенческих самопереписей свидетельствуют, что бюджет большинства студентов в значительной степени зиждился на финансовой помощи родителей и близких, найти работу в столице учащемуся студенту было очень непросто. Любопытно посмотреть прожиточный уровень столичного студента. Так, например, размер «среднего» бюджета, исходя из среднестатистических сумм ежемесячных родительских пособий и стипендий, определялся в 25 рублей. В эту сумму входили следующие расходы:

Комната – 11 руб. (22 руб. на двоих).
Обед – 7 руб. 50 коп.
Чай – 50 коп.
Сахар (5 ф.) – 80 коп.
Хлеб (утром 5 коп. и вечером 5 коп.) – 3 руб.
Освещение – 50 коп.
Прачка – 1 руб.
Мелкие расходы (баня, мыло, марки и т. п.) – 50 коп.
Театр, табак – 20 коп.
· · · · ·
Всего – 25 рублей.

Как видим, средний бюджет был чрезвычайно напряженным, не допускавшим даже малейшего перерасхода по какой-либо его статье.

Прожиточный минимум студентов, попавших в материальное положение «недостаточных», колебался между 18 и 15 рублями. По большинству статей он вдвое уступал «среднему» бюджету. Если же студент обладал суммой, скажем, в 15 рублей и меньше, то он фактически оказывался на грани голода.

Чтобы находиться в категории «состоятельных», студенту необходим был более «эластичный» бюджет в 35–50 рублей:

Квартира и обед – 25 руб.
Хлеб, чай, сахар – 4 руб. 50 коп.
Прачка – 1 руб. 50 коп.
Мелкие расходы – 1 руб. 50 коп.
Подписка на библиотеку – 50 коп.
Подписка на газеты – 65–85 коп.
· · · · ·
Всего – около 34 рублей^[83].

По сравнению с предыдущими, такой бюджет позволял иметь приличное жилье и питание, которые, как следует из приведенных выше

расходных статей, «съедали» 87–93 процента студенческого бюджета. Кроме того, студентам приходилось платить за свое обучение. Правительство систематически повышало плату за образование с целью оградить университет от выходцев из неимущих слоев. Так, например, с 1887 до 1897 года плата за обучение возросла с 10 до 50 рублей в год^[84]. Перед началом каждого полугодия студенты должны были внести в кассу высшего учебного заведения половинную часть годовой платы за учение.

На квартирное скитальчество было обречено абсолютное большинство студентов, как правило, из тех, кто учился вдали от отчего дома. Как показывали социологические опросы, основная масса студенчества была в возрасте от 19 до 21 года. Студентов от 21 года до 26 лет было только 3 процента. В анкетах студенты отмечали, что хотя их семейный круг достаточно интеллигентный, образованный (это признавали 71 %), к моменту поступления в университет они отторгались от семьи и не имели уже духовной и нравственной близости с родителями (37 %)^[85].

В Москве и Петербурге квартирная плата была особо высокой, за плохую комнату просили 10–15 рублей, за сносную — 20–25 рублей в месяц. За 20–25 рублей можно было устроиться с подобающими удобствами и снимать либо комнаты у хозяев, либо так называемые «меблированные номера» в дешевых гостиницах. Стоимость самого дешевого номера, например, составляла 20–25 рублей, чуть получше — 30–40 рублей. Обыкновенный номер — полуторакомнатный — состоял из гостиной и выгороженной спальни с кроватью. Он был оборудован дешевой мягкой мебелью — диваном, столом, двумя креслами, ломберным столиком, зеркалом. Среди студентов «меблировки» особенно ценились за возможность независимости от «хозяек»^[86].

Однако многие студенты ввиду своего низкого материального положения вынуждены были довольствоваться углом в комнате — каморке, напоминающей гроб, в полуподвале, с грязной скользкой лестницей, в безликом сером доме. На многочисленных Подьяческих, Мещанских, Прачечных, Столярных улицах и переулках Петербурга, где ютились мелкие чиновники, торговцы и ремесленники, можно было найти очень недорогую комнату или снять просто угол, но бытовые условия жизни и окружающая атмосфера были настолько жуткими, поражающими воображение, что при первых признаках улучшения материального положения студенты стремились съехать с этих квартир.

А в старинных зданиях университета на Васильевском острове царил академический дух. Петербургский университет размещался в знаменитом

петровском здании 12 Коллегий, согласно приказу императора Николая I. Он занял достойное место в цепи классических храмов наук на набережной Невы. Располагаясь в обозреваемой близости к царскому Зимнему дворцу и Петропавловской крепости, университет вливался в уникальное культурно-духовное пространство Петербурга.

В университете господствовали свой ритм, свое мироощущение. Как вспоминал позднее младший современник Д. И. Шаховского князь В. А. Оболенский, «сменив гимназическую рубашку на студенческий сюртук, я сразу почувствовал себя взрослым. Ни до поступления в университет, ни после я не переживал столь глубокого психологического переворота. В моей личной и в окружавшей меня общественной жизни происходили, конечно, значительно более крупные события, оказывавшие влияние на мою психику. Но все же личность моя эволюционировала медленно и постепенно. Между тем окончание гимназии и поступление в университет ощущалось мною как внутренний революционный переворот с внезапным переходом от неполноправного состояния к самостоятельной свободной жизни. Это ощущение происшедшего в сознании переворота давало радость и счастье, по сравнению с которыми казались ничтожными мелкие жизненные неудачи и неприятности^{87}.

Главной достопримечательностью императорского Санкт-Петербургского университета являлся его коридор. Слева освещенный бесчисленными большими венецианскими окнами, а справа оттененный нескончаемыми книжными шкафами с поблескивающими золотом корешками старинных книг, он символизировал глубинный философский смысл Universitas. Под сводами храма науки соединялась молодежь различных сословий, состояний, образа жизни и мысли, политических и общественных ориентаций.

Самой своей бесконечностью университетский коридор, длиной в 400 метров, связывал воедино все факультеты. В аудиториях, ответвляющихся от коридора, шла напряженная научная жизнь. Стеклянные двери аудиторий постоянно пестрели бумажками — объявлениями с расписанием занятий, кружков, собраний землячеств, партийных диспутов и прочих дел^{88}.

Среди наиболее популярных факультетов Петербургского университета был юридический. Сюда стекались дети из преуспевающих чиновничьих и предпринимательских семей, уверенные в удачливой карьере. Этот факультет более других давал нужные познания для административной и судебной карьеры. Поэтому на него поступали все

молодые люди, не имеющие определенных научных интересов. Юридический факультет считался самым легким. «Можно было целый год ничего не делать, а весной засесть за учебники и, при средних способностях, сдать удовлетворительно зачеты и экзамены», — вспоминал современник событий^{189}. Избиравшие этот факультет по склонности к юридическим наукам составляли исключение.

Надо сказать, что лишь немногие из абитуриентов руководствовались при выборе факультета твердо осознанным решением. В своей очень популярной среди абитуриентов книге о выборе университетского факультета профессор Н. И. Кареев писал: «...Резко выраженное и рано установленное призвание все-таки редкость. В подобных случаях это есть или проявление особенно развитой индивидуальности... или, наоборот, результат постороннего внушения (совета или примера)»^{190}.

Ярким примером подобного рода выражения «развитой индивидуальности» можно назвать Д. И. Шаховского. Выбор им специальности был предметом довольно раннего осознанного решения. Так, Дмитрий поступил на историко-филологический факультет еще в Московский университет, а через год перевелся на тот же факультет в Петербургский университет. Историко-филологический факультет считался самым непопулярным среди подавляющего большинства гимназистов, будучи воплощением злокозненного классицизма. Только очень глубокий интерес к историческим и философским наукам преодолевал предубеждение к латыни и древнегреческому языку, надоевшим многим еще в гимназиях.

Друг Д. И. Шаховского, известный медиевист И. М. Гревс, также пошел на историко-филологический факультет, потому что давно мечтал стать историком, хотя к классицизму испытывал недоверие и чувствовал неудовлетворенность собою, средою и учителями.

Братья Ольденбурги сделали осознанный выбор будущей специальности. В отличие от их старших товарищей по гимназии, «порядочных шалопаев», по словам А. А. Корнилова, братьев «всегда отличало серьезное отношение и к учебе, и к жизненным планам — они сразу определились в своем выборе». Федор Ольденбург поступил, как и Дмитрий Шаховской, на историко-филологический факультет. Федор мечтал о реформе классической гимназии, чтобы древние языки и литература могли из ненавистного предмета гимназического курса сделаться интересными и нравственно ценными в воспитательном отношении. Он «долго и настойчиво готовил себя в образцовые учителя

древних языков и классической древности, чтобы тем самым сделаться впоследствии авторитетным двигателем реформы средней школы...».

Сергей Ольденбург всей душой любил науку и надеялся пробивать в ней новые пути. Индия и ее культура, литература, религия, искусство, почти с отрочества наметились основной целью его познания. Постепенно малоисследованная область — арийское востоковедение и преимущественно мир санскрита стали для него предметом глубокой научной страсти^[91].

Классические гимназии давали очень важное преимущество при поступлении в университет. Выпускники классических гимназий обладали правом быть зачисленными без экзаменов, а также правом свободного выбора любого факультета в университетах. По мнению видного исследователя этих вопросов А. Е. Иванова, учеба на историко-филологическом факультете облегчала доступ к стипендиям, которых здесь было больше, с целью привлечения слушателей, чем на других факультетах^[92].

Своеобразным антиподом историко-филологического факультета были физико-математический и естественный факультеты. Академик В. И. Вернадский, окончивший I Петербургскую гимназию в 1881 году и поступивший на естественный факультет Петербургского университета, позже вспоминал: «Совершенно неожиданно, по-видимому, для гимназического начальства значительная часть класса поступила на естественный факультет, но не все пошли туда по призванию. Некоторые думали потом перейти на медицинский, другие хотели дополнить резкие и больно чувствуемые пробелы образования. Наконец, иные поступили на естественное отделение, так как хотели отойти подальше от тяжелых воспоминаний о гимназической науке, искали науки новой, запретной для гимназиста того времени...»

То же писал князь В. А. Оболенский: «На естественный факультет пошли лучшие ученики и вся та более интеллигентная часть нашего класса, которая входила в состав кружка моих ближайших товарищей... Я бы не сказал, что и для большинства моих товарищей, поступивших на естественный факультет, выбор специальности был вполне сознательным. В этом мы убедились впоследствии, когда обнаружилось, что только двое из нас использовали в жизни свои познания в естественных науках, остальные шесть работали на поприщах, совершенно с ними не связанных».

Многие юноши шли на математический факультет, мечтая о военной

карьере. Так, например, по словам А. А. Корнилова, многие его товарищи хотели поступить на военную службу, хотя какого-либо призвания или любви к математике при этом не имели. Подобный интерес обуславливался определенным социальным положением. Дети чиновников и военных часто задумывались о военной карьере, что и объясняло их поступление на математический факультет. В классе А. А. Корнилова, например, из 21 человека — 11 поступили на математический факультет, но лишь очень немногие, «2 или 3, удержались на нем до конца»^[93].

Большинство выпускников гимназий многократно меняли принятое было решение вплоть до подачи прошения о приеме в университет. Типичная ситуация, в которой оказывались новоиспеченные первокурсники-универсанты, интересно описана, например, в дневнике бывшего студента: «Медики бродят по юридическим аудиториям, юристы, филологи — по медицинским. Группа молодых студентов, только что надевших форменные тужурки, осматривают патологоанатомический музей. Все эти раковые новообразования, колоссальные куски саркомы, заспиртованные младенцы, сросшиеся какими-нибудь частями тела, вызывают удивление. У некоторых даже возникает сомнение: не перейти ли, пока не поздно, на медицинский факультет»^[94].

Так, многие товарищи по Петербургскому университету, с которыми Д. И. Шаховской познакомился и вскоре подружился, вначале избрали математический факультет в качестве базы для получения образования, но, проучившись совсем немного, кардинально меняли направление, посвящая себя гуманитарным наукам. Например, А. А. Корнилов поступил в Петербургский университет на математический факультет, но со второго курса перешел на юридический. Н. В. Харламов также поступил на математический факультет Варшавского университета, а затем перевелся на юридический в Петербургский. С. Е. Крыжановский поступил в Московский университет на математический, затем перевелся на юридический факультет, а потом продолжил образование в Петербургском университете также на юридическом. Л. А. Обольянинов из Варшавского университета перевелся на естественное отделение математического факультета в Петербургский. Сделанный выбор уже был осознанным и взвешенным решением. «Каждый из нас думал теперь уже не о внешних личных отличиях, а о том, чтобы избрать себе такую жизненную дорогу, на которой он мог бы принести больше пользы обществу и во всяком случае прожить не пустую жизнь», — вспоминал А. А. Корнилов^[95].

Итак, жизненные дороги гимназистов, прежних товарищей и друзей

сошлись в Петербургском университете. По удивительному стечению обстоятельств в Петербургском университете именно в этот период собралось несказанное число блестящих ученых и талантливых преподавателей. Что ни имя, то страница из истории науки: профессора Д. И. Менделеев, П. Ф. Лесгафт, И. М. Сеченов, А. М. Бутлеров. Студенты-первокурсники историко-филологического факультета любили отличавшиеся остроумием лекции И. И. Срезневского, читавшего введение в филологию; курсы К. Н. Бестужева-Рюмина по русской истории и Ор. Ф. Миллера по народной словесности, занятия юристов В. И. Сергеевича, А. Д. Градовского, Н. М. Коркунова, которые «дали много для ознакомления с постановкою гуманитарных наук».

Особо выделялась среди этих фигур личность профессора Ореста Федоровича Миллера. По словам историка И. М. Гревса, его лекции, насыщенные религиозною верою, моральным подъемом, воспринимались «как постоянный глас призывающего к добру колокола». Подобные вещи слышались студентами в основном только из уст этого профессора. К примеру, Владимир Соловьев появлялся в университете «метеором», а после своей знаменитой майской лекции в 1881 году в зале Кредитного общества против смертной казни исчез совсем из академической сферы^[96].

Вместе с тем его влияние безусловно не осталось незамеченным. Д. И. Шаховской, например, отмечал, что «испытывал на себе наиболее сильное влияние» Владимира Сергеевича Соловьева, «который, впрочем, прочитал в университете всего три лекции», и Игнатия Викентьевича Ягича. Лекции последнего он издавал несколько лет подряд и много у него занимался славянскими языками и сербской литературой^[97].

В отношении к себе молодой князь старался быть предельно объективным и строгим. В одном из писем к учителю он делится: «Вообще, когда какую-нибудь работу непременно нужно делать, она сейчас же приобретает для меня что-то крайне отвратительное, трудно за нее браться, все делаешь с удовольствием, а тут ни с места. Да, барство как-то ужасно далеко засело, и не выживешь его никак, как-то нежданно-негаданно вынырнет нелепый каприз в виде ужасной лени, и странной такой: и стремление к деятельности есть, а рядом отвращение от работы, и прекрасные стремления (весьма выполнимые) и отвращение к мелочной поневоле работе по приведению их в исполнение. Я, впрочем, совсем не так это все выразил, как чувствую. Веду я к тому, что нет барства и аристократизма в моих убеждениях, нет его почти и в чувствах — но оно как-то всего меня все-таки проникло, пронизан я им, весь строй душевный,

вся организация сил моих — барские... это уж удел мой, удел, от которого можно избавиться лишь согласной и упорной борьбой нескольких поколений, но, конечно, этот недостаток следует исследовать, ставить на вид и всеми силами искоренять в себе и других, чтобы и моя жизнь не пропала бесследно в борьбе этих поколений. Между прочим, замечу, что главное поприще борьбы этой — гимназия. В университете слагаются убеждения, навык (...но многое обусловлено уже более ранним воспитанием) к труду, получают знания более ли менее технические, упрочаются стремления частные и высокие и т. д. и все это обстоит у меня, вообще говоря, в порядке... полагаю, что в университете необходимо готовиться к какому-либо ремеслу, думать о карьере и этой карьерой (могущей и измениться) я избираю учительство. В связи с этим я ставлю и план своих дальнейших занятий в университете, не забывая, конечно, и общего развития. Подымается опять вопрос о выборе отделения... Я склоняюсь к философскому... Особенно действует на меня Соловьев, о котором я в сущности знаю мало»^{98}.

Проанализировав выработанный им план самостоятельных работ в университете, который он подробно излагает в письмах к М. С. Громеке от 7 и 23 сентября 1881 года, можно обнаружить явное предпочтение молодого юноши тем или иным наукам. При этом чисто научная деятельность его не манила. Он собирался стать учителем гимназии в русской провинции, «ища рядовой работы и сближения с русской повседневностью»^{99}.

Итак, свой план занятий Дмитрий разделил на следующие пункты:

Общечеловеческие предметы. Прежде всего он предполагал заняться психологией. Этот предмет привлекал своей новизной очень многих студентов. Поэтому выбор этой дисциплины в качестве первостепенной вовсе не случаен, хотя читалась она далеко не прекрасно. Философ М. И. Владиславлев, как вспоминал другой студент И. М. Гревс, привлекал студентов своим предметом — психологией, но «отвращал грузною тяжестью изложения и схоластическою мертвенностью постановки курса»^{100}.

Кроме того, Д. И. Шаховской планировал заняться логикой и положительной философией — утилитаризмом, которая интересовала его не как область научного исследования, а «для жизни». Источниками в изучении должны были стать психологический курс Владиславлева, курс по истории психологии Троицкого, курс логики Владиславлева, Ушинский, «Логика» Милля. Постигание внушительного труда Милля отчасти уже

было завершено к осени 1881 года прочтением полностью первого тома и 200 с лишним страниц второго. По признанию Д. И. Шаховского, «надо заставлять себя читать его... *главное* значение Милля для меня добросовестное упражнение». Своим результатом, очевидно, Дмитрий был весьма доволен: «Прочел хорошо, весьма добросовестно... впечатление она на меня произвела весьма и весьма сильное».

Вторым пунктом в своей программе занятий Д. И. Шаховской поставил всеобщую историю. Предстояло изучить историю «Средних веков», причем главное внимание предполагалось уделить истории Франции и прочтению Бокля. Кроме того, Дмитрий собирался самостоятельно разобрать результаты античной культуры и период императорский из римской истории, поскольку по неизвестным нам причинам ему не пришлось бы слушать этот курс, хотя он и читался в университете профессором Васильевским три часа в неделю, что было явно недостаточно, по мнению Шаховского.

Курс средневековой литературы Д. И. Шаховской намеревался выписать из Москвы. Наиболее важными вопросами, которые он поставил себе задачей внимательно изучить в связи со средневековой историей и которые были бы важны для понимания русской истории, были Византия и христианство.

Третьим пунктом занятий была русская история и литература. «Сосредоточенно и полно» Д. И. Шаховской планировал заняться древней русской литературой, которую должен был читать О. Ф. Миллер, и древней русской историей, изучить которую он рассчитывал по книге Бестужева-Рюмина. Самостоятельно, хотя и не систематически, Д. И. Шаховской предполагал заняться народной поэзией, особенно в связи с южнорусским вопросом и казачеством. Его интересовали также сюжеты, связанные с «Домостроем» и народной поэзией периода крестьянской войны под предводительством Степана Разина. И хотя эти вопросы специально изучались в следующем году, Д. И. Шаховской планировал познакомиться с ними уже сейчас в качестве пусть даже и хаотических занятий.

Периодическими должны были стать занятия по изучению славянской поэзии, «чтоб не забыть польский и чуточку узнать чешский». Курсы по истории славянских народов, читаемые Ягичем и Ламанским, интересовали его с точки зрения изучения проблемы русской народности вообще, ее религиозных воззрениях, проблемы народной школы и раскола.

Ознакомительными должны были стать также занятия французской и немецкой литературой с целью дополнительного упражнения в языках, изучение русской истории XVIII и XIX веков. В частности, Д. И.

Шаховской собирался прочесть книгу Пыпина о времени Александра I, «затем нечто о декабристах», в свободное время — Белинского, Добролюбова и Писарева, чтобы познакомиться с новыми взглядами, высказываемыми в русской журналистике и обществе.

В разряд необходимых, но в данный момент времени поневоле отложенных, им были отнесены занятия феодальной историей, ознакомление с земским делом, изучение естественных наук. Причем последние имели для молодого Шаховского практическую важность в случае, если ему пришлось бы быть помещиком, «а также для сближения с народом»^{101}.

Таким образом, план самостоятельной работы юноши-студента был весьма значителен. Он включал как систематические занятия по читаемым курсам, предполагающим глубокое изучение дисциплин, так и самостоятельное изучение ряда проблем, а также ознакомительное изучение широкого спектра вопросов истории и филологии различных народов. Все это свидетельствует о разнообразии интересов Дмитрия Шаховского, жажде познания самых разнообразных областей науки, стремлении к самостоятельному творческому поиску.

Сравнивая атмосферу занятий в Московском университете с обстановкой в Петербургском, в том же самом письме от 23 сентября 1881 года Д. И. Шаховской констатирует, что со студентами он еще мало сблизился, но вообще «народ хуже московского — зато профессура гораздо лучше». В другом письме он продолжает отмечать: «В университете насчет товарищей продолжает быть довольно скверно — и тут виноват уже не мой «каприз». Положительно на нашем курсе народ плохой — сравнительно с московским».

И только позже, в апреле 1882 года, из письма Д. И. Шаховского к его старому верному другу-учителю мы узнаем, что у него начинают «почеловечески» складываться отношения с «учащимся людом». И — что особенно важно для понимания будущего Приютинского братства и корней дружеских, «братских» взаимоотношений — Д. И. Шаховской пишет: «Собственно, лучших людей мне и желать почти нечего... Я не могу не поблагодарить вас горячо за мои теперешние связи: собственно ведь все лучшие из них имеют, так сказать, вас своим источником. Это относится главным образом к петербургским связям, но оно точно так же относится и к московским»^{102}.

Так Дмитрий Шаховской вошел в круг студентов Петербургского университета, ставших впоследствии на всю жизнь его близкими друзьями

и товарищами.

Глава 6

«ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ КРУЖОК»

И Петербург, который показался Д. И. Шаховскому после Москвы «холодным и сухим», вскоре приобрел для него совсем иное значение. Постепенно у Д. И. Шаховского завязалось хорошее знакомство с группой студентов, бывших выпускников варшавских гимназий. Помимо Д. И. Шаховского, окончившего VI мужскую гимназию, все остальные «варшавяне» окончили I мужскую или «русскую» гимназию — А. А. Корнилов (Адъка), Н. В. Харламов (Генерал), Л. А. Обольянинов (Лелька) и С. Е. Крыжановский (Сережка) — в 1880 году, а братья Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбурги — в 1881 году.

Образовалось так называемое «варшавское землячество». Надо сказать, что в университете вообще было распространено общение «земляков» и создание «землячеств», которые помогали студентам выжить в нелегких буднях студенческой жизни. Интересно, что воспитавшись в одном из средоточий острой русификаторской политики царского правительства, никто из «варшавской компании» не впитал в себя воинствующего агрессивного национализма. Наоборот, основополагающим принципом в своей жизни все они положили идею человеческой солидарности и братства. «Личность, ее достоинство и свобода, как воплощение этого достоинства, и культура, как орудие ее развития, свобода и культура для всех и работа за всех» — это были основные приоритеты деятельности кружка и каждого его члена^{103}.

Как уже отмечалось, Дмитрий еще до своего переезда в Петербург хорошо знал некоторых «варшавян». В письме к М. С. Громеке от 1 октября 1881 года Шаховской рассказывал: «Недавно провел я вечер у Крыжановского. И он, и товарищи его мне очень понравились, и я сильно на них рассчитываю». Под товарищами С. Е. Крыжановского здесь подразумевались три фигуры — А. А. Корнилов, Н. В. Харламов и Л. А. Обольянинов. Все они учились в одном классе I Варшавской или «русской» гимназии и давно дружили. В Петербурге все четверо «водворились» на одной квартире. Друзья снимали меблированные комнаты, «меняя квартиру несколько раз в год»^{104}.

В Петербурге товарищеские связи окрепли и со временем стали для многих нечто большим, чем просто дружба, превратились в настоящее

«Братство» — глубокие духовные отношения близких и родных людей на всю жизнь. Постепенно сформировался тесный кружок товарищей, ставших мало-помалу друзьями по чувству и по убеждениям, и по вкусам жизни, и по роду деятельности. Из этого кружка впоследствии вышел не один замечательный человек и видный общественный деятель. Члены «варшавской компании» или «Ольденбургского кружка», как его еще называли, собирались на квартире Ольденбургов, расположенной по 6-й линии Васильевского острова, в Климовом переулке. В Петербург братья Ольденбурги переехали вместе со своей матерью, Надеждой Федоровной. Их квартира и стала местом регулярных, не реже одного раза в неделю, товарищеских встреч «варшавян».

Кружок назывался «Ольденбургским» не только потому, что квартира Ольденбургов была обычным местом общения друзей. Хотя, надо отметить, обстановка домашнего уюта и доброжелательности, несомненно, играла свою роль. «У них сразу повеяло благоустройством семейного дома, — вспоминал И. М. Гревс, примкнувший к членам кружка в середине 1880-х годов, — которым и я пользовался в детстве, под кровом отчима, но тогда уже был лишен, обреченный на студенческое кочеванье. У обоих братьев были просторные светлые комнаты, дверь в дверь, заставленные книгами. В окна лилось солнце и открывался вид на сады и золотые купола Андреевского собора».

Братья Ольденбурги составляли главное организующее ядро в формировавшемся кружке. Фактически вокруг них шло объединение «варшавян». Несомненным духовным лидером студенческого общества считался Ф. Ф. Ольденбург. Это был «высокий, худенький студент, подвижный, общительный. Его многие знали и равно выказывали симпатию и уважение». Впечатление от общения с ним создавалось двойственное. «К нему влекло живое и убежденное отношение его к научной работе... Вызывала почтение чувствовавшаяся в Федоре хорошая подготовка и активная энергия: видно было, он знал, что делать, с скромною легкостью это знание нес и благожелательно подносил другим. Приятно действовали на окружающих его дружественность, душевное стремление разделить с товарищами интерес. Такие свойства обведали свежим воздухом того, кто с ним соприкасался. Еще особенностью создаваемого им настроения была доверчивая, молодая бодрость, подход к другому, как к хорошему, оценка жизни, как чего-то, манящего благом».

Ольденбурги были воспитаны в довольно необычных, но благоприятных условиях. Отец их происходил из древнего немецкого рыцарского рода, который еще при Петре I переселился в Россию из

Мекленбурга. Глава семейства был сыном важного инженерного генерала и сам очень рано достиг генеральского чина. Незадолго до своей женитьбы на Надежде Федоровне, урожденной Берг, он получил назначение бригадным командиром в Забайкалье, где провел несколько лет. Это был поистине выдающийся человек. Желая стоять на высоте руководства образованием своих сыновей, он решил оставить службу и посвятить себя всецело делу их воспитания. Выйдя в отставку, он поступил вольнослушателем в Гейдельбергский университет с целью подготовки себя к воспитанию детей.

Несколько лет Ольденбурги прожили за границей, а когда мальчикам, между которыми было всего года полтора разницы, исполнилось 12 и 10 лет, то родители их решили вернуться в Россию и местом поселения избрали Варшаву как город, наиболее подходивший для них, по мнению врачей, в климатическом отношении. Вскоре после этих событий в семье произошло тяжелое горе — отец в возрасте 52 лет простудился и умер от воспаления легких. Мать мальчиков, Надежда Федоровна, вполне разделявшая взгляды мужа, осталась единственной их воспитательницей.

Братья отличались своею образованностью. Гимназия сама вряд ли пробудила такой интерес. Помимо даровитой восприимчивости собственной природы, тут, несомненно, сказывалось влияние отца. В I Варшавской гимназии Федор и Сергей были «звездами первой величины». Они имели всегда по всем предметам круглые пятерки. По окончании оба получили золотые медали; но между ними, несмотря на равенство баллов, первым бесспорно признавался старший — Федор.

Яркое представление, что это был за человек, можно получить благодаря характеристике, данной ему И. М. Гревсом, который был «осведомленным летописцем этих событий и живописцем этих людей», будучи членом кружка. Федор Ольденбург был лучшим учеником, далеко оставлявшим за собою одноклассников, не вследствие самолюбия или стремления к первенству, но от одной безукоризненной добросовестности и неустанного трудолюбия. Он являл собой плод крупнейшего природного таланта, искони творящего духа, огромной любви к мысли, духовному подвигу. Свойства эти, удивительные и редкие, расцветали сквозь всю его жизнь. Еще когда Федору было 10–12 лет, его называли за огромную глубокомысленность Эразмом или Платоном. «Громадный (смело говорю так!) ум и удивительная совесть, неустанный труд, постоянное искание, замечательное понимание вопросов науки, сплетений жизни, характеров людей, необычайная, альтруистическая любовь и чувство правды, — это такое соединение, которое не могло не поставить его фактическим вождем,

что бы он ни думал сам, что бы ни рисовали себе все мы. Это был — синтезирующий, нас объединяющий гений, живой и живящий, животворный. — Мы в различной степени были близки друг с другом. Но Федор был всем почти равно близок и нужен. Вездеприсутствие, всенеобходимость Федора была особенностью жизни кружка, хотя, может быть, мы того не сознавали. Когда он был тут, мы могли этого не замечать, как здоровый организм себя не чувствует. Но когда он отсутствовал, сейчас становилось неладно, и его же бранили: зачем тебя нет? и не стесняясь призывали: будь с нами! — А он неизменно все приписывал другим, радовался за всех. Тихий пламень деятельной святости исходил от него неиссякаемым источником света и тепла».

Ровесники его уважали за никогда не слабеющую твердость и любили, потому что он был добрый человек, верный друг, честный товарищ, активно благожелательный во всех случаях жизни. В личных же интересах он всегда был уступчив, ставил себя на последний план. Будучи превосходным учеником по занятиям, Федор отнюдь не принадлежал к типу «примерных», никогда не старался отличиться перед раздавателями благ. В поведении он всегда являл самостоятельность и перед начальством, которое его даже побаивалось, и перед товарищами. Нравственная смелость бессленно проникала во все его поступки.

В своем доме после смерти отца он стал авторитетом. Проявлял он в семье не одну любовь и неослабное сыновнее и братское внимание, но оказывался способен на решительное принятие страдания, когда того требовало благо близких. «Уже тогда Федор держался теории, что человеку должно твердо переносить не одну нравственную, но и физическую боль, и он осуществлял ее суровою практикою над собой. Вообще в ту пору, и в последующую, он проявлял своеобразную склонность к юношескому аскетизму или стоицизму. Если чего-нибудь очень хочется из радостей жизни, значит, нельзя; и он умел, следуя такому велению — отказаться от многого. То было, может быть, наивное, но крепкое обострение моральной строгости, которою проникнута была его благородная душа».

Оба брата были необычайно дружны. Их соединяли действительно братские отношения, хотя они мало были похожи характерами. Федор был на год с небольшим старше Сергея. «Последний проявлялся более блестяще, более агрессивно импонировал. Первый представлялся смиреннее, тише и мягче. Младший иногда принимал даже тон старшего, на что тот реагировал как на должное, и выходило это мило и просто. Но в Федоре чувствовалась подлинная оригинальность и редкая глубина, которая вручала ему на деле определяющую роль. Происходило это не в силу

властолюбивой воли, а благодаря могуществу большого, большого ума, который давал ему такое положение. Многие из находившихся в сфере влияния его молодого гения не отдавали себе отчета в наличности такого преобладания, потому что в нем не сказывалось никакого гнета. То был мягко светящийся луч, и он не замечался, как привычное благо, как доброе здоровье».

Сергей Федорович Ольденбург имел в кружке репутацию главного проводника идеологии. Он вдохновлял и горячо поддерживал тех, кто поднимал новый вопрос или высказывал мысль, был строителем, двигателем и убежденным агитатором открываемой истины. Обладая открыто экспансивностью, он мог увлеченно и легко заражать проектами и идеями остальных товарищей. «В близких друзьях он перевозносил от всего сердца их лучшие качества. Он охотно искал, легко находил — добрые свойства, видные таланты и в более дальних, с радостью приветствовал во всех выроставшее благо. Общий след Сергея Ольденбурга, несмотря на кипучую живость, был несколько отвлеченный, и любимые идеи часто принимали у него вид поспешных схематических афоризмов, лишенных иногда настоящей глубины и жизненной гибкости, но и их одухотворял юношеский энтузиазм. Самоуверенность его облекалась в цвет милой молодой веры, которая привлекала головы и покоряла сердца. Благодаря всему этому и специально благодаря свободной выразительности его речи, симпатичной и приветливой благожелательности он являлся в кружке одним из виднейших «лидеров» и сильнейших органов лучеиспускания его идей. И знакомились с ним всего быстрее, и нас узнавали через него... Для всех нас Сергей был прекрасным ферментом начал добра», — писал И. М. Гревс, вспоминая свои годы юности^[105].

Если Сергея Федоровича Ольденбурга можно назвать глашатаем новых идей, то главными их творцами, зиждителями движущей мысли, являлись Федор Ольденбург, о котором мы сказали выше, и Дмитрий Иванович Шаховской. Дмитрий Иванович не любил акцентировать внимание товарищей на своем происхождении. Систематически устранив свой титул, как студент он подписывался всегда просто — Дмитрий Шаховской. Когда И. М. Гревс расспросил его, титулован ли, он ответил: «Да, я князь Шаховской, но не придаю тому значения».

И. М. Гревс вспоминал: «По письмам Федора к Дм[итрию] Ивановичу] можно хорошо восстановить волны нашей жизни в памятную зиму. Через них, с другой стороны, глубилось изумительное существовавшее между ними обоюдное понимание, жизнь вдвоем, даже на расстоянии. В одном из

них Федор прямо высказывает мысль, что он и Шаховской являются дополнением друг к другу и как будто предназначены быть одним человеком. Федор пишет: «Как жаль, что нам нельзя исправлять одной должности! Ты бы администраторствовал, я бы организовывал; ты бы составлял докладные записки, я бы их распространял и доставлял, куда следует; ты бы не давал мне разбрасываться, лениться и прочую гадость, а я бы заменял тебя во время твоих настроений, заводил бы знакомства, продавал бы книжки и т. д.». Здесь Федор, по обыкновению, умалывает себя, но мысль о том, что они были «половинами» друг друга — верная и тонкая. И она много раз оправдывалась.

«На Дм[итрии] Ив(ановиче) Шаховском уже тогда ярко сиял луч высшего духовного света. Он весь вдохновенно, но сдержанно, гармонично горел могучим порывом к благу и истине... Она (имеется в виду его творческая мысль. — И. К., А. Л.) воплощалась в своеобразно индивидуализированном, цветном и сильном языке, в самобытном слове, произносившемся глубоким, чарующим голосом; эта неподдельная и высокая сила всеобновляющего творчества, открывающего прозрения, осталась навсегда печатью живущего в нем высшего начала. Самая наружность его привлекала особою, духовною красотой энергично и гордо выточенных черт. Со всем тем Дм[итрий] Иванович] в юности полон был и искренней душевной веселости, прекрасной простоты в общении с людьми при очень уже сложном внутреннем мире. Он обладал таким художественным юмором, богат был неиссякаемым запасом коллегиального чувства и дружеской активности. Выдающаяся, мощно строившаяся индивидуальность объединялась в нем уже тогда двумя созвучно действовавшими зиждательными началами — крупным умом и благородным характером, вдохновенною пронизательностью в искании правды, верующею смелостью в осуществлении добра».

В «Ольденбургский кружок» помимо этих главных, всеми признававшихся корифеев вошли также четверо друзей, сплотившихся в тесную компанию еще в годы обучения в 1 Варшавской гимназии. Среди них был Александр Александрович Корнилов — «человек замечательной доброты и дружелюбия», принципиально и серьезно относившийся к жизни с юности, умный и дельный работник. Он вырос в ладной многодетной семье с несколькими младшими сестрами, о развитии души которых радел братски, почти отечески. Он искренно был проникнут патриархальными традициями теплых и крепких домашних привязанностей. Александр Александрович и на друзей переносил свою способность к глубоким дружеским отношениям, становившимся почти

кровными в его сердце. «Он — сам всегда бесхитростно скромный к себе — высоко ставил членов своего дружеского союза и навсегда остался для тех, кто сами сохранили основы своего духа, верным другом в жизни, незаменимым сотрудником в делах... Но широта взора и удивительное беспристрастие избавляло его от доктринерства, помогала ему отзываться на многообразные духовные интересы. Справедливость в суждениях о людях, в отношении к вопросам были неизменно его отличием, не часто встречающимся, важным и для группы достоинством».

А. А. Корнилов был юрист-историк, с любовью углублявшийся в науку во время студенчества, много от нее научившийся, никогда вполне ее не покидавший во все периоды своей разнообразной, содержательной, всегда стойкой общественной и политической деятельности. В ней он умел не только трудиться, не жалея сил, но и жертвовать своею безопасностью. После университета он уехал в Польшу комиссаром по крестьянским делам, в 1890-х годах служил при восточно-сибирском генерал-губернаторе Горемыкине, будущем царском премьер-министре.

А. А. Корнилов приобрел большой авторитет, что не помешало ему в начале 1900 года подвергнуться по возвращении преследованиям, аресту и высылке за одну литературную публикацию. Позже он отдался писательству, а с момента основания конституционно-демократической партии являлся одним из деятельнейших ее работников, секретарем ЦК. Все последующие годы он преподавал русскую историю в Петербургском политехническом институте и выпустил несколько ценных сочинений.

О себе А. А. Корнилов писал: «Мой отец приходился двоюродным племянником адмиралу Владимиру Алексеевичу Корнилову и будучи студентом II курса Московского университета (юридический факультет) в 1854 г. был завербован В[ладимиром] А[лексеевичем] в Черноморский флот и попал таким образом в число защитников Севастополя, в котором он и пробыл все 11 месяцев осады, вместе со старшим братом своим Алексеем Александровичем, также моряком, дослужившимся впоследствии до чина вице-адмирала».

Другой член «Ольденбургского кружка» Лев Александрович Обольянинов был человеком совсем другого склада и лада. «Можно бы сказать, что он не подходит к компании, принадлежит людям иного толка. Но это только наружно. Сродство с душою группы он сам затемнял преувеличением своих материалистических теорий и своего бытового «нигилизма», особым подчеркиванием отрицания всяких «сентиментальных» и идеалистических бредней. Наука, опытное знание, изучение природы для открытия доступной истины, трудовой строй, так

или иначе примыкающий к социализму, как устройство жизни, — и никаких туманов, полнейший реализм, такова была его *proffesion de foi*, которую он, впрочем, не очень часто высказывал: обычно он молчаливо держал ее про себя, обнаруживая разногласие критическими взглядами, краткими афоризмами, иронической улыбкою и пожатием плеч. Он не то что напускал на себя такое отрицание верований и идеализаций, но и сам себя в том несколько обманывал, что именно такова правда. Это ему и нравилось, и в таком материализме он, может быть, невольно находил оправдание своим и других «человеческим» слабостям. Но указанное умонастроение являлось скорее национализированною оболочкою его души в качестве идейной вывески (для пропаганды). Оно поддерживалось мнимою суровою внешностью — строгим взглядом, густыми усами и длинной черной бородой, иногда полупрезрительно надувавшимися губами, сквозь которые он пропускал клубы табачного дыма, вносившего также ему присвоенный знак отличия среди всей некурящей компании. Сразить противоречие он старался особенным выражением недоумения в раскрытых глазах и собранных кверху складках кожи на лбу, которое он себе неуклонно придавал, когда друзья впадали в неодобряемые его здравым смыслом фантазии. — В существе же дела он был — добрейшая, преданнейшая душа, доступная самым нежным движениям (лишь бы только они не выражались вовне, как у других), искренно участвовавшая во всех интересах группы».

Обольянинов склонен был придавать всему собственную реалистическую терминологию и подчеркивать в компанейских планах элементы радикальной общественности. Он тонко чувствовал музыку и сам играл на фортепьяно (единственный из компании), любил цветы и мог быть чрезвычайно мил и трогателен с детьми. Когда у «ольденбургцев» стали подрастать дети, он сделался их неизменным любимцем, отлично рассказывая им сцены из жизни животных и очаровывая малых слушателей. Он также скоро уехал из Петербурга, поселился в имении отца в Гдовском уезде, где стал заниматься хозяйством, в особенности садоводством, и земской деятельностью. Его деревенская жизнь, близость к природе и простому трудовому быту приносила всегда в общение «Ольденбургского кружка» особую свежую струю.

Об участии в деятельности кружка Н. В. Харламова известно немного. И. М. Гревс пишет, что Харламов скоро уехал в Польшу и отношения с ним заметно ослабели.

Что касается С. Е. Крыжановского, то его характеризуют «человеком особого, иного склада». Он вырос в духовно-чиновничьей семье, где был

единственным сыном; но, по-видимому, «внутренним уютom пригрет он в родном доме не был». Может быть, из отчего дома он вынес уже недоверие к людям вообще, к людской природе, в центре которой видел зло. И. М. Гревс предполагал, что он, вероятно, искренно любил всех входивших в кружок и увлекался идеями чистосердечно, «может быть, только они не проникли до дна его души, не закалили ее». «Он и тогда, бывало, возражал с некоторою иронией, но милою, добродушною, против «крайностей». — Этическая и политическая принципиальность легла на него сверху, и столкновения с жизнью быстро разочаровали его в идеалистических построениях, которые стали казаться наивными. Критический реализм завладел им... Корень жестокого скептицизма и зерно сильного честолюбия, сидевшие в нем, задерживались в своем развитии добрым соседством, а сердце поднималось чистою дружбою. Потом судьбы его души и жизни попали под другие звезды и он стал постепенно удаляться от компании. Стремление к власти пересилило все остальное: «когда я буду царем» сделалось в его устах повторявшимся символом. Он отдал свой выдающийся ум и редкую трудоспособность на служение порядку (даже порядкам), могшему его возвеличить».

И. М. Гревс вспоминал о С. Е. Крыжановском: «Суровое отношение к «человеку», помню, мрачно-характерно выражалось у него, когда он стал служить по судебному ведомству, в Прибалтийском крае, в его эскизах психологии населения. Он отметил племенные особенности преступлений; он говорил: «латыш — это вор, эстонец — убийца». Сам он, живой и здоровый, крупного роста с громким голосом и сильной, широкой рукой, больно сдавливавшей при пожатии, вероятно, искал в дружеских отношениях выход для раскрытия сил, очень недюжинных, рвавшихся наружу, бившихся в душе, сжатой сухою обстановкою дома. В университете одно время он увлекался радикальными кружками и костюмом своим — косовороткою, высокими сапогами — подчеркивал охватившее его настроение^{106}.

Впоследствии он отошел от членов Братства, стал видным государственным деятелем, товарищем министра внутренних дел, сенатором, членом Государственного совета, последним Государственным секретарем Российской империи (1911–1917). Накануне падения монархии, в период с декабря 1916 года по февраль 1917 года, неоднократно рассматривался как один из возможных претендентов на пост премьер-министра, которым он, впрочем, так и не стал.

Таковы были основные фигуры «Ольденбургского» кружка. Быть может, начертанные силуэты помогут восстановить некоторые важные

элементы в духовном колорите эпохи, почувствовать ритм ее культурного движения.

«Варшавское землячество» преследовало исключительно духовные, нематериальные цели; «решено было читать что-нибудь сообща». Сначала «варшавяне» читали без какого-либо определенного плана — «Отчаянного» Тургенева, очерки Глеба Успенского «Власть земли», которые печатались в «Отечественных записках», «Пир на весь мир» Некрасова. Но вскоре они перешли «к более систематическому чтению, целью которого было знакомство с русской народной жизнью». Внимание привлекла проблема раскола, которая изучалась по книгам Пругавина, Андреева «История раскола в России» и Юзова «Русские диссиденты»^{107}.

Помимо «варшавян» к кружку вскоре примкнули В. И. Вернадский и А. Н. Краснов. Владимир, сын известного московского профессора-экономиста Ивана Васильевича Вернадского, рано оставшись без отца, окончил Первую мужскую петербургскую гимназию, жил в квартире с матерью на Надеждинской. Комната его «темная, в нижнем этаже, во дворе, она заставлена была книгами и какими-то научными приборами. Единственное окно закрыто было почти все большою клеткою с разными птицами: представлялся невольно кабинет алхимика, полный тайн и чудес».

Его друг А. Н. Краснов — ярко талантливый юноша и рано начавший подавать блестящие надежды молодой ученый-натуралист, ботаник и географ. Впоследствии он отдалился от кружка, «отчасти разойдясь в исканиях и влечениях, отчасти чем-то обиженный против нас, задетый как-то в личном самолюбии или не захотев разьяснить какое-то происшедшее недоразумение: часто бывает, что мелочи служат причиной порчи доброй связи между людьми»^{108}.

В «Ольденбургском» кружке часто и о многом рассуждали. «Вообще это дело очень хорошее, — вспоминал Д. И. Шаховской, — и для всех нас, я полагаю, очень полезное. Рассуждаем и спорим мы вполне по душе, засиживаемся по большей части ужасно поздно, горячимся — и вообще хорошо. Но, к сожалению, в других отношениях связи и не очень тесные, так что и сближение наше, и общение какое-то порывистое, настоящего кружка людей, хорошо знающих друг друга, еще далеко нет. Но люди все хорошие, и надо надеяться, мы как-нибудь сойдемся и вообще поближе. Ольденбурги мне вообще нравятся, и я много ожидаю пользы от своих связей с ними, пользы вот какой. Я совершенно теперь определенно ставлю свои задачи... задачи эти — способствовать поднятию средних учебных

заведений... я не говорю, что это цель моей жизни, но это для меня цель первая моя после выхода из университета, к этому я должен подготовиться в университете... Ну, а старший Ольденбург задается приблизительно теми же задачами, между тем в таком деле самое главное то, чтобы чувствовать усилия свои не единичными... вообще люди хорошие»^{109}.

Так прошел первый год общения. Знакомство будущих друзей только начиналось. «У нас в это время было, кажется, еще много других интересов», — вспоминал Ф. Ольденбург по окончании университетского курса в письме А. А. Корнилову и Н. В. Харламову от 31 декабря 1885 года. Это были и вечеринки, и большие университетские встречи, это общение «было единственным тогда, кроме науки»^{110}.

Значение кружка его члены смогли оценить гораздо позже, по прошествии нескольких лет знакомства и дружбы, совместной студенческой деятельности. С ним будут связаны самые лучшие воспоминания их жизни. Ему они будут обязаны гораздо больше, чем всем лекциям и остальной обстановке студенческой жизни, так как именно он дал столько «непосредственных теплых и радостных чувств» и несравненно много сделал для их развития^{111}.

В первый год своего дружеского общения «варшавяне» приняли активное участие в образовании студенческого научно-литературного общества, деятельность в котором дала им навыки общественной работы и совместного достижения общих целей. Учебная обстановка, в которую попали юноши, стала одним из главных факторов, скрепляющих их дружбу.

Студенческое научно-литературное общество являлось едва ли не первой официально разрешенной в университете общественной организацией, ставящей перед собой задачи содействовать реализации научных и культурных запросов студентов, развитию интенсивного юношеского самообразования, расширить основы духовного опыта. Мысль об организации студенческого научно-литературного общества не лишена была политических мотивов. Она возникла в консервативных кругах. Правое студенчество, слабое и распыленное, решило сплотить «благоразумную» и верноподданную часть университетской молодежи для противовеса революционерам. Новое общество призвано было действовать под знаменем аполитичности и научности.

Следует отметить, что в массе студенчества тогда мало было энтузиазма к науке, ее заботили совсем другие вопросы. Скептицизм и равнодушие, апатия и придавленность охватывали широкие круги молодежи. Одни, как позже вспоминал историк Иван Гревс, жили изо дня в

день, подчиняясь гнету извне идущей безотрадной полосы жизни: как выйдет, лишь бы полегче удавалось устройство быта. Они хоть и волновались агитацией на сходках, но затем легко охлаждались, вновь погружаясь в состояние неподвижности. Другие — остро ощущали чувство самосохранения в тревожные времена, когда опасно было увлекаться. Третьи — руководствовались карьерными соображениями. Четвертые, меньшинство, — политики на разных ступенях радикализма, — переживали кризис, в котором находилось тогда революционное движение вообще.

«Удручающая атмосфера тяготела над университетом, как, впрочем, и над обществом. Петербургский университет не оскудел выдающимися учеными силами, особенно юридический и естественный факультеты. Но и профессора были угнетены совершавшейся бюрократизацией порядков внутри академической жизни и обволакивавшей ее политической реакцией. Они ощущали себя на пороге утраты самоуправления по уставу 1863 года. Над студентами безгранично властвовал полицейский режим с назначенной инспекцией как органом сыска, при доживавшем век избранном ректоре, представителе ослабевшего совета»^{112}.

Итоги «новых веяний» в университетах оказались плачевны. В течение 1881 года студенческие организации, которые получили разрешение, были поставлены под полицейский контроль, а затем большинство их было закрыто^{113}. А между тем в реальной действительности продолжали существовать полулегально и конспиративно различные организации учащейся молодежи. «Жизнь гимназистов и студентов того времени (1876–1885), — вспоминал впоследствии В. И. Вернадский, — проходила в «кружках». Она скрывалась в недозволенных формах общения»^{114}.

Стеснения коснулись даже работы университетской библиотеки. «Пользование библиотекой для нас, — отмечал В. Вернадский, — очень затруднительно. В верхней библиотеке студент не может застать ни одного сочинения Д. С. Милля, которого в каталогах нет... Многих из сочинений, помещаемых в каталогах, не выдают студентам. Так, мне не выдали сочинение De Salles; «Histoire des races humaines» Paris, 1849, объявив, что оно запрещено цензурой. Каталоги составлены безобразнейшим образом и между 60-м и 77-м годом есть пропуск. Нижняя библиотека и читальня закрыты, но, наконец, их открыли. Но, по новому положению, они были отняты от заведывания студентов и переданы двум назначенным для того чиновникам; кроме лишения студентов этого заведывания, она открыта только от 10 до 3-х часов дня, тогда как в том (имеется в виду 1880 год. —

И. К, А. Л.) году была, если не ошибаюсь, от 9 до 4 и от 6 до 10 ч[асов] вечера. В том году, по подписке, собир[аемой] между студентами, выписывались несколько номеров «Порядка», «Голоса» и пр., теперь эти все газеты, кр[оме] «Голоса», кот[орого] нет, получают[ся] в одном экземпляре — куда делись остальные, неизвестно. Между журналами, выписываемыми в библиотеке, нет, напр[имер], таких, как «Юридический вестник», лучшего нашего юрид[ического] журнала... Иностраных научных журналов нет почти ни одного».

В университете заметно был усилен полицейский и административный надзор. В раздевальной появились отставные солдаты. «Сперва их было всего 2–3, потом стало больше и больше, они появились и наверху в коридорах, и в читальне, и в буфете. Что это за личности, — вспоминал В. И. Вернадский, — мы не знали, нам о них ничего не объявляли, и некоторые считали их за таких же сторожей, другие за педелей^[2]. Уже с самого начала происходили с ними столкновения. Первое столкновение произошло в раздевальной, где, как мне рассказали, один студент читал какую-то книгу, «служитель инспекции» подошел к нему и стал рассматривать, что это за книга. Тот прогнал его. Между тем разные столкновения стали происходить все чаще и чаще. То, когда несколько человек соберется и разговаривает, к ним подходит и прислушивается, то даже подходит и требует, чтобы не собиралось человека 3–4 вместе для разговоров и т. д.».

Петербургский университет бурлил. Он напоминал дискуссионный клуб, в котором на сходках дебатировались важнейшие вопросы студенческой жизни: поведение инспектора и сторожей, создания различных корпораций — землячеств, кружков взаимопомощи, самоуправления высшей школы. Взрыв возмущения притеснениями и мелкими придирками вылился в открытое волнение студентов Петербургского университета 27 октября 1881 года. Именно это событие, не освещенное в исторической литературе, подробно описано в небольшой записке, озаглавленной «Университетская история октября 27, 1881 года».

Владимир Вернадский как очевидец происходившего, явно не увлеченный, а скорее — уравновешенный наблюдатель студенческих сходок, показал самый процесс нарастания возмущения студентов. Его записка является ценным документом. Такого рода источники по истории студенчества весьма редки. В ней точно, почти протокольно описан ход конфликта, увлекшего массу учащихся, конфликта, внешне очень далекого от политических событий и развивавшегося на почве, казалось бы, чисто академической жизни. Детально воспроизведены нарастание недовольства

студентов, быстрая смена неустойчивых настроений, взрывы эмоциональности, стремление немедленно воздать за несправедливость, «исправить» положение здесь на сходке, во что автор явно не верил. Воспоминания позволяют заглянуть в повседневную жизнь студентов, вынуждавшую их к протестам.

Бесцеремонность инспекции, пытавшейся не только подслушивать горячие юношеские споры и беседы, но и читать их корреспонденцию, заставила студентов обратиться к инспектору с вопросом, что за личности наводнили университет и каковы их обязанности. Тот объяснил, что это обязанность слугителей инспекции следить за нравственностью студентов и за тем, чтобы они исполняли правила и пр. Все увеличивавшаяся толпа студентов, человек 70–80, стала требовать ректора. Обстановка накалялась. Настойчивые уговоры разойтись результата не имели. Студенты стали убеждать, что оскорблены поведением инспекции и что все эти истории одинаково касаются всех.

Обстоятельством, подлившим масло в огонь, послужило ознакомление студентов с неизвестными им до этого «Правилами для студентов» и «Инструкцией для инспекции», принятыми еще в 1879 году. Параграфы 8, 9, 10 правил затрагивали фактически честь студентов. В этих параграфах речь шла о кондуитных книгах для студентов, о том, что стипендии могут выдаваться только вполне благонамеренным студентам, о предпочтительности в предоставлении общежитий. После того как студенты ознакомились с содержанием правил, шум еще более усилился. И если первоначально хотели только увольнения в качестве примера прочим только одного педеля, виновника всей катавасии, то затем стали уже требовать изгнания всех педелей и даже раздавались крики: «Долой инспекцию!» Появился ректор Петербургского университета А. Н. Бекетов, заявивший студентам, что никакие сборища не дозволены, и потребовавший разойтись. «Большинство не двигалось... Шум все усиливался». Собравшиеся решили, что 28-го, в среду, в 12 часов они опять соберутся на сходке^[115].

Позиция автора записки В. И. Вернадского в отношении студенческих выступлений вполне созвучна тактике членов «Ольденбургского» кружка. Позднее В. И. Вернадский определил позицию того направления в студенчестве, к которому принадлежали он и его товарищи: «В начале 1880 года наряду с чисто социалистическими настроениями существовали другие течения. Они не отличались от первого своими либеральными и демократическими стремлениями, одинаково с ним сходились на необходимости работы для обездоленных, для народных масс, в отрицании

исторически сложившегося порядка вещей. Но они не могли примириться с тем отношением к религии, искусству, философии, политической жизни, науке, которое было связано с тогдашними социалистическими настроениями молодежи»^{116}.

Жизнь студенческого научно-литературного общества раскрывает короткую, но ценную страницу из жизни университетской молодежи 1880-х годов. В созвучии с текущей научно-исследовательской работой, систематизируемой профессорами, научно-литературное общество призвано было положить основу студенческой самостоятельности, сотрудничества и взаимопомощи именно на той почве, которая составляет истинное призвание «учащейся молодежи», на почве расширения и углубления просветительной ее работы. Два течения, идущие одно сверху, другое — снизу, должны были сочетаться в живом и цельном единстве, с устранением контраста между «официальной» наукой и вкусами юношества, с установлением деятельного и дружного взаимодействия одного с другим.

Среди организаторов общества были студенты-филологи: граф А. Ф. Гейден и И. А. Шляпкин и их ближайшие товарищи, филологи и юристы, студенты старших курсов. Группа инициаторов создания общества объединяла в основном отпрысков аристократических, титулованных, состоятельных семей. Это были так называемые «белоподкладочники», получившие свое название по белым шелковым подкладкам форменных мундиров и тужурок. Никогда не пылавшие особенной страстью к наукам, аристократы преследовали интересы далеко не академические. Помимо определенных политических устремлений, «белоподкладочники» стремились создать себе определенный круг знакомств, который помог бы им делать карьеру после окончания университета. Местом сбора консервативной части студентов являлся зал Петра Великого в Петербургском университете, где был выставлен в ожидании погребения императора Александра II серебряный лавровый венок, который студенчество, по инициативе правых, намеревалось возложить на гробницу погибшего государя.

Вообще надо сказать, власти опасались любого шага, который вел бы к объединению студентов. Они дорожили их состоянием распыленности, пребыванием в виде «отдельных посетителей» университета. Но трения были преодолены при помощи связей инициаторов, и попечитель Петербургского округа в конце 1881 года подписал устав общества из студентов различных факультетов, которое имело бы целью «содействовать научным и литературным занятиям студентов, устраивая рефераты и

чтения, предпринимая переводы иностранных научных сочинений и издания в виде сборников или отдельных выпусков лучших студенческих диссертаций и статей, приискивая научные и литературные занятия членам и выписывая научные и литературные журналы и книги для пользования членов». В состав общества могли входить все студенты и оставленные при университете для приготовления к профессорскому званию. Общество было основано на принципах студенческой самостоятельности.

Почетным председателем общества являлся попечитель Петербургского округа профессор Ф. М. Дмитриев. Общество должно было находиться в ведении университетской администрации под ближайшим руководством особо назначенного профессора. Поэтому действительным председателем общества стал профессор русской словесности О. Ф. Миллер. Фигура Ореста Федоровича Миллера, известного своими славянофильскими воззрениями, с одной стороны, и пиететным отношением к реформам Александра II, с другой, была привлекательна в качестве подходящего звена для соединения консервативного «русского» знамени с сочувствием к «лояльным» преобразованиям. В лице его приобретался примиритель между «допустимыми» направлениями. Учредители, очевидно, рассчитывали и на популярность О. Ф. Миллера, «самоотверженного друга университетской молодежи», как все его называли.

Орест Федорович Миллер считался одним из самых выдающихся руководителей юношества. Он был учителем по призванию. Он заражал своих слушателей. Лекции его, «всегда тщательно обработанные, отличались и фактической содержательностью, и глубокой идейностью, постоянным исканием истины, не одной истины, но и блага». Однако далеко не лекции и научный труд сделали его любимцем молодежи. Основа его замечательности крылась в его душе, полной добра и самоотверженности. Он был безгранично добр и доступен. Двери его скромной квартиры на 3-й линии Васильевского острова были открыты денно и ночью для всякого просящего материальной помощи, делового или научного совета, нравственной поддержки или утешения. Он вечно был окружен близкими и дальними родичами, бедствующими или скитающимися студентами.

Считалось, что О. Ф. Миллер был славянофилом, но в духе старых основателей доктрины, чуждых официальной народности. По отзывам своих учеников, он любил родину всем сердцем, стоял за свободу и право народа, в общинности, демократизме («народосоветии») старой Руси, любви и братстве находил руководящий устой и для России будущего. В

далекой старине и в великих писателях современности видел он воплощение заветов христианства и залог его полного раскрытия в грядущем русского народа, в славу которого он верил незыблемо, светло и свято. Все курсы его были согреты неподдельным народолюбием: им обуславливались и план, и выбор материала, и тип разработки. Реформы Александра II он рассматривал как крупный прогресс в осуществлении исконных идеалов русской души. Он часто толковал суть их словами адреса старообрядцев государю: «В новизне твоей старина наша слышится». В Достоевском О. Ф. Миллер чувствовал, искал и отыскивал носителя всей полноты русской правды, пророка и лучшего народного вождя. Он ему поклонялся, изучал его, убежденно проповедовал и пытался ему следовать, поддерживая всем сердцем и душой «униженных и оскорбленных»^{117}.

Особым его деянием была достопримечательность университета, без которой невозможно полностью представить жизнь студента того времени, — знаменитая студенческая столовая. Она была торжественно открыта 1 октября 1902 года и получила имя тогда уже покойного профессора О. Ф. Миллера. Существовала она на средства общества Вспомоществования недостаточным студентам Санкт-Петербургского университета, детища профессора Миллера. До сих пор красуется на Биржевой линии великолепное здание столовой, построенное архитектором И. Н. Коковцевым на земле, пожертвованной княгиней З. Н. Юсуповой. Стоимость здания определялась в 135 тысяч рублей.

«Евангельская душа» профессора, безусловно, искренне страдала от вида голодного студента, приехавшего из провинции и имевшего гроши на пропитание. И он приложил все усилия и создал себе «памятник» — студенческую столовую! Но он не мог вообразить себе, что его детище будет не только дешево кормить голодную молодежь, но и превратится в популярнейший политический клуб студенчества.

Столовая имела три этажа, помещения ее были обширны. При столовой была библиотека-читальня, в которой можно было провести весь день. По тем временам столовая обладала «грандиозной питательной способностью», она могла отпускать в день до двух тысяч обедов и при этом в течение дня без всякого стеснения обслуживала одновременно до 400 человек. Обеды выдавались по порционной системе с отдельной платой за каждое блюдо, что было весьма удобно для малоимущих студентов. Цены были вполне «студенческие», и качество еды приличное. Обедающих с самого утра было много, шум стоял несусветный, в клубах табачного дыма трудно было разглядеть лица. Молодые завсегда и проводили в столовой весь день, предпочитая ее лекциям. Большинство студентов

довольствовались только одним блюдом. Порция супа стоила 6 копеек, обед с мясом — 12 копеек, стакан чая — 1 копейку, бутылка пива — 9 копеек. Сколь значительное место в жизни студентов занимала университетская столовая, может показать ответ студента: на вопрос переписи «чем вы занимаетесь?» он категорически ответил: «Обедаю в студенческой столовой»^{118}.

Теперь можно понять, какое благо выпало на долю студенческого научно-литературного общества, когда оно получило такого председателя. Шаг за шагом, душа в душу прошел О. Ф. Миллер вместе с «юными друзьями» все пять с лишком лет жизни общества.

Непременным членом общества считался ректор университета. Организационными делами занимался особый совет, который определял все текущие задачи, собирал средства, распределял обязанности между лицами и труппами. Товарищем председателя был избран оставленный при университете ученик О. Ф. Миллера Илья Александрович Шляпкин, позже ставший профессором по той же кафедре, секретарем — также оставленный при университете по кафедре истории русского права Василий Николаевич Латкин, вся дальнейшая жизнь которого оказалась связанной с работой в Петербургском университете. В организации общества принимал деятельное участие еще один из будущих видных профессоров историк Сергей Федорович Платонов.

Для руководства научно-литературной деятельностью избирался научный отдел, состоявший из 20 представителей различных факультетов. Члены этого отдела должны были предварительно оценивать научные рефераты и работы студентов и лучшие допускать к публичному чтению. Если бы мы взглянули на списки членов этого отдела, который фактически и руководил жизнью общества, мы увидели бы множество всем известных имен ученых, историков, натуралистов, юристов, медиков, писателей, общественных деятелей. Едва ли когда-либо так захватывался в единое целое весь цвет студенческих поколений. Известно, что из студенческого научно-литературного общества, которое просуществовало всего шесть лет, вышли семь будущих академиков, в том числе В. И. Вернадский и С. Ф. Ольденбург, и 12 профессоров, среди них А. Н. Краснов, А. А. Корнилов, И. М. Гревс.

Научный отдел создавал план годичной работы, ставил и систематизировал очередные задачи, искал новые формы деятельности членов общества. Он строился по образцу университета, его члены группировались по секциям и отраслям знаний, наподобие факультетов и кафедр. На каждую «кафедру» общее собрание по представлению советом

кандидатов из старших студентов либо оставленных при университете избирало специалистов, приобретших известность своими способностями. В научном отделе готовились доклады и определялись темы, подыскивались новые деятели и т. д. Собирался отдел еженедельно^{119}.

Пока в общество входили только «белоподкладочники», оно ничем особенным себя не проявляло. Новую струю и жизненную силу в него внесли члены «Ольденбургского кружка», развернувшие научную деятельность в полную мощь. Многие из членов кружка обладали редким мастерством в привлечении людей к организуемому делу. Тут проявлялась и энергия, и умение определить кандидата, направить его способности к наиболее нужной для общества цели. В силу своих способностей и склонностей они быстро стали в нем лидерами, возглавив определенную отрасль науки в научном отделе: Д. И. Шаховской, например, славянскую филологию, В. И. Вернадский — геологию, А. Н. Краснов — ботанику, Н. Г. Ушинский и Л. А. Оболянинов — зоологию и физиологию, М. И. Свешников — государственное право, Ф. Ф. Ольденбург — педагогику, С. Ф. Ольденбург — восточную филологию, он также стал секретарем, а затем библиотекарем общества^{120}.

В один-два года дружными усилиями была собрана богатая библиотека. Пополнение ее шло разными путями: привлекались пожертвования членов, профессоров, авторов, издателей, ученых обществ; выполнялись дубликаты из университетской библиотеки, публичной и Академии наук. Общество выделяло на библиотеку ежегодно солидную долю своего бюджета. Доходы его, кстати говоря, слагались из членских взносов и пожертвований. Общество рассчитывало еще на выручку от издания трудов членов. Умело производилась выписка книг, русских и иностранных, а также научных журналов и ученых коллекций. Составление планов и списков книг к приобретению в библиотеку являлось одной из главных забот научного отдела. Такой прогресс библиотечного дела являлся примером успешности общества. Внушительный задел в фонды библиотеки был сделан С. Ф. Ольденбургом. Принял он ее в количестве 140 наименований, а довел до 1140^{121}.

По вечерам, в определенные дни, будущие профессора и академики, талантливые выпускники, оставленные при университете и готовящиеся к «профессорскому званию», студенты старших курсов, мечтающие о научной карьере, и просто любопытные собирались в физическом кабинете. Они приходили послушать рефераты, поспорить, выдвинуть на обсуждение свои новые идеи и смело «отвергнуть» устаревшие. Кружок

настолько славился «заумностью» и «ученостью», что его не посещали субинспекторы. Молодежь свято верила в науку и ей служила^{122}.

Однако политическая подоплека затеваемого учреждения проступала вполне отчетливо. Вскоре после открытия в обществе возник конфликт, грозящий ему неминуемым закрытием, если бы в дело не вмешалась известная нам уже «варшавская компания». Об обществе пошла молва как о союзе реакционеров и карьеристов. В студенчестве поднялся шум. 8 апреля 1882 года состоялось экстренное общее собрание под председательством О. Ф. Миллера. Достигнуть желанного мира было не легко, пылали оба крайних лагеря. Радикалы предпочитали довести дело до шумного конца, то есть или вытеснить реакционеров, или «взорвать» изнутри общество; оставить все по-прежнему они не желали. Кипятилась и правая часть, настаивая на том, что или их оппоненты возьмут назад обвинения, или пусть выходят из общества. Обстановка была накалена. В конце концов восторжествовало меньшинство, которое сумело убедить конфликтующие стороны в необходимости сохранения общества в чистом виде «научно-литературного союза». В числе этих студентов как раз оказались члены «Ольденбургского кружка»^{123}.

Дмитрий Шаховской и Федор Ольденбург, два признанных лидера варшавского землячества, предприняли еще ранее попытку разрешить кризис и направились на переговоры: первый — к товарищу председателя общества молодому историку литературы И. А. Шляпкину, второй — к графу А. Ф. Гейдену. Им удалось убедить своих собеседников в том, что студенческое общество в своей деятельности должно руководствоваться утвержденными в уставе целями и не отвлекаться на посторонние, в том числе — на политику. О. Ф. Миллер, с которым также встречались Д. Шаховской и Ф. Ольденбург, поддержал их позицию и согласился остаться на своем посту^{124}.

Интерес к обществу и авторитет председателя пересилили: голосование на общем собрании поддержало предложение О. Ф. Миллера «предать происшествие забвению, приняться за скромный созидательный труд». Конфликт в студенческом научно-литературном обществе был разрешен. «Белоподкладочники» (27 человек) демонстративно вышли из его состава, и с момента размежевания оно приобрело тот вид, который запечатлелся затем в истории русской науки и общественного движения.

Намерение оградить студенческое научно-литературное общество от чуждых для него политических целей было глубоко продуманным решением друзей «Ольденбургского кружка». Иван Гревс вспоминал: «Мы

лелеяли надежду, что оно по мере развития будет вовлекать в свои рамки все большее количество деятельных элементов из студенчества различных направлений, воспитывать их товарищеским взаимовлиянием в нормах созидającego производительного труда — и тем разумно отвлекать от преждевременного революционаризма, подкашивающего силы еще несложившейся личности, или от реакционности, опустошающей, может быть, особенно ядовито именно юношеские сердца. Насаждение прогрессивного идеализма, освобождающего от незрелой партийности, но движущего к идейности и самоотвержению, — таковою строилась общая задача; а научная работа и в ней товарищеское сближение рисовалось наилучшим путем»^{125}.

Судя по всему, Шаховской и его товарищи в разрешении конфликта в научно-литературном обществе руководствовались рядом принципиальных соображений. Это и невозможность и непродуктивность обсуждения каких-либо политических вопросов в складывающейся обстановке, и искреннее желание не допустить раскола в студенческой среде и сохранить самостоятельную организацию учащихся, ценную уже саму по себе^{126}. Важную роль играло и то обстоятельство, что для членов «Ольденбургского кружка», по сравнению с другими студентами их поколения и особенно с определенным кругом их предшественников 1860—1870-х годов, все многообразие жизни не сводилось только к политическим интересам. Их взгляд на жизнь был гораздо шире рамок политических пристрастий.

Обращение к общим проблемам бытия, вопросам философии, литературы, истории, морали и религии характерно для Д. И. Шаховского и в юности, и в студенческую пору. Свое место в этом ряду занимала наука, а для некоторых членов кружка — Ф. Ф. Ольденбурга, С. Ф. Ольденбурга, В. И. Вернадского, например, она уже в это время стала во многом определяющим делом. В глубоком проникновении в мир научных идей можно найти некоторое сходство «ольденбурговцев» с представителями так называемых «академиков» — группой студентов, для которых занятие «чистой» наукой было предпочтительнее всего остального. Но сходство здесь было лишь внешнее. Ведь «аполитизм» Д. И. Шаховского и его друзей был вынужденным, и не только по необходимости, но и в силу того, что собственные политические взгляды их круга еще не созрели окончательно.

Коллективная их разработка должна была занять продолжительный период. Поэтому на этапе становления их кружка политические вопросы

никогда не выдвигались сами по себе на передний план, преимущество отдавалось проблемам совершенствования личности, морально-этическим и религиозно-нравственным аспектам, поискам истины и смысла жизни. Да и позднее, уже в пору зрелости Братства «Приютина», несмотря на всю серьезную увлеченность Д. И. Шаховского, А. А. Корнилова, В. И. Вернадского сугубо политической работой, в том числе и внутри кадетского ЦК, они никогда только ею не ограничивали свои многоплановые интересы. Главной целью их жизни уже смолоду было общественное, гражданское служение своему народу и стране. Еще студентами они пришли к пониманию того, что средства никогда не должны подменять собою цель. Уроки нравственности, полученные в университете, опыт, приобретенный в студенчестве, были усвоены и пронесены Д. И. Шаховским и его друзьями по Братству через всю жизнь.

Пока выработывалась организационная практика работы общества, взаимодействия его членов, подошла осень 1882 года, ознаменовавшаяся в Петербургском университете яркой вспышкой студенческого движения. Студенческие волнения в 1882/83 учебном году охватили все российские университеты. Летом 1882 года на пост министра внутренних дел был назначен граф Д. А. Толстой, а министром народного просвещения стал И. Д. Делянов. Скоро утвердилось стоячее болото «деляновщины» с сохранением полицейского произвола, царившего над всеми — просвещающими и просвещаемыми.

Радикалы использовали первый удобный повод для своей пропаганды, пытаясь организовать общеуниверситетскую сходку. Либеральная профессура всеми силами старалась удержать студенчество от выступлений, прекрасно понимая, что время для них выбрано крайне неудачно; в новом кабинете министров, назначенном Александром III, обсуждался вопрос об отмене университетского устава 1863 года и резком сокращении университетской автономии.

Однако предостережения либеральных профессоров не были услышаны. Студенческие сходки 1882 года в Петербургском университете были результатом агитации народовольческих кружков. Инициаторы искали поводы, задевавшие интересы студенчества, чтобы всколыхнуть массы юношества, использовать их для политических целей. Эта позиция была известна тем, кто вращался в кругах радикального студенчества и общался с его видными членами. Таковым был, например, Гревс. «Меня уже тяготила такая связь: я ясно чувствовал разлад между моими взглядами и их программой. Особенно неприятно поражал меня низкий уровень политического образования и общественной подготовки студенческих

радикальных групп»^{127}.

В декабре 1882 года в Петербургском университете вспыхнули беспорядки, связанные с открытием Поляковского общежития и с холопским адресом жертвователю, поданным группой студентов от имени якобы всего петербургского студенчества. «Наш кружок был против сходов, бывших явно на руку реакционным врагам университета, — писал Владимир Вернадский, — и мы решительно агитировали на предвыборном собрании, доказывая их безуспешность»^{128}.

Осенние волнения 1882 года закончились большой студенческой сходкой 10 ноября. Она началась в актовом зале университета и верхнем коридоре, потом перелилась в вестибюль и раздевальни. «Не сумею точно восстановить, что ее вызвало непосредственно. Но поводы для вспышек возникали чуть не ежедневно. Инспекция, действовавшая по наитию от охраны и жандармов, обыски, аресты, высылки, стеснения остатков студенческих организаций, читален, кружков — все это нервировало», — вспоминал Корнилов.

«Ольденбурговцы» резко отрицательно относились к тактике радикалов, сознавая невыгодность студенческих волнений для дела академической свободы. «Мы все уклонялись от участия в сходах и пытались бороться с тактикой радикалов», — вспоминал один из них^{129}. Оставаясь идейными оппонентами своих товарищей, они все-таки приняли участие в «беспорядках», разделив с ними ответственность за все происходящее в университете. Утром до сходки, члены «Ольденбургского» кружка всюду в университете доказывали ее бесцельность и вред, утверждали, что политика неуместна в университете, что дело студентов — готовиться к борьбе в жизни путем углубления в научную работу и сплочения друг с другом во имя просвещения. В разгоряченной толпе проповедь воздержания успеха иметь не могла.

Сходка завершилась крупным разгромом. Здание университета было окружено войсками и блокировано, а оставшиеся в нем студенты под конвоем препровождены в находящийся по близости манеж Павловского училища. Несколько сот студентов было арестовано. Среди арестованных оказались и наши друзья. Когда университет был захвачен полицией, они, протестуя против насилия сверху, слились с оцепленной толпой и были уведены в соседний манеж Павловского военного училища. Как это часто бывает, трагическое положение перемежалось комическими сценами. Все это было впоследствии изображено с юмором А. А. Корниловым в сочиненной им поэме «Манежиада». «Тогда мы много смеялись, а теперь

жутко вспомнить: сколько вымучено было времени, крови и сил. Вечно многострадальная молодая Русь!» — вспоминал Гревс.

Корнилова выпустили раньше остальных товарищей. «Когда меня выпустили из дверей манежа, — писал он, — в 11 часов вечера на Университетскую набережную, то я тут же столкнулся с матерью Ольденбургов Надеждой Федоровной, с беспокойством ожидавшею своих сыновей. Мы стали ходить с ней по тротуару и проходили довольно долго, пока она не дождалась, наконец, Федора и Сергея, выпущенных один за другим».

Многие из арестованных студентов были исключены из университета и отправлены в ссылку. Из «варшавян» в эти дни пострадал С. Е. Крыжановский. На вопрос полиции, кто устроил сходку, он заявил: «Полиция и попечитель». Его задержали на несколько суток, и он просидел в полицейской части, куда, впрочем, был доступ для друзей и где «заключенные студенты проводили свое время довольно весело, благодаря добродушному отношению к ним полиции»^{130}.

Что касается Д. И. Шаховского, то он в числе других участников движения был предан университетскому суду и приговорен к заключению в карцере на 5 суток. Как раз на это время прилась свадьба сестры Д. И. Шаховского Натальи Ивановны, бывшей фрейлиной императрицы Марии Федоровны, и генерала П. В. Оржевского, командира корпуса жандармов, товарища министра внутренних дел. Свадьба проходила в Аничковом дворце, и посаженными отцом и матерью невесты были венценосные супруги — Александр III и Мария Федоровна, шаферами — четыре брата невесты, в их числе Дмитрий Иванович^{131}. А. А. Корнилов вспоминал, что «к удивлению своему, ректор университета А. Н. Бекетов получил распоряжение выпустить заключенного на свадьбу сестры. Дмитрий Иванович был освобожден на один вечер, побрился первый и единственный раз в жизни, надел фрак и отправился во дворец, а по окончании свадьбы вернулся как ни в чем не бывало в свое заключение и отбыл его до конца».

Освобожденные товарищи вскоре энергично, с полной отдачей сил принялись за устройство помощи пострадавшим. Работа в пользу арестованных за осенние беспорядки 1882 года студентов еще более объединила и сблизила «ольденбурговцев», настоящая дружба которых только начиналась. События 1882 года позволили им поистине оценить значение кружка. Как вспоминал Ф. Ольденбург накануне нового 1886 года, «без него мы бы, наверное, или ушли глубже, и могли бы очень сильно

поплатиться, или остаться вполне пассивными, как большинство, и совершенно не понять этого самого сильного, хотя и глупого проявления студенческих чувств и мыслей». Тому положению, которое завоевали себе товарищи в университете, они всецело были обязаны кружку. Именно благодаря ему они были известны в университете как «кружок дружный и тесный».

События эти обогатили кружок несколькими новыми членами^{132}. В его состав вошли В. И. Вернадский, который занял вскоре одно из центральных мест в кружке, его товарищи по естественному факультету Н. Г. Ушинский и А. Н. Краснов, а также юрист М. И. Свешников, однокурсник А. Корнилова.

Владимир Вернадский выделялся и своими выдающимися способностями, и личными качествами. «Уже тогда он был определенно выраженный, очевидно очень талантливый будущий научный исследователь, натуралист-экспериментатор, но с философскою складкою ума, со склонностью даже, казалось мне, к спиритуализму, — отмечал Иван Гревс. — Последнее влекло меня к нему: он рисовался близким, несмотря на далекую специальность. Он живо интересовался гуманитарными науками, историею, правом, религиею. У него образовались очень раскинутые вкусы, он приобрел большие разнородные знания. Начитанность его была поразительна. Он одарен был способностью умно прочитывать трудную книгу с необычайною быстротой... сдержанно-приветливый, улыбающийся и наружно-тихий, он смотрел на людей с уравновешенным, критическим вниманием. Но в движениях его чувствовалась нервность, в словах и тоне проглядывала легкая насмешливость, в действиях иногда род задора. Говорил он неровно, путаясь, не доканчивая фразы, бросая мысль и переходя к другой, завершая улыбкою, которая прикрывала многоточие; но в необработанной речи ощущалось внутреннее лицо, даже вскрывалось упорство формы... Он умел промолчать в сложной коллизии фактов и отношений, постоять, посмотреть, как будет, не идя на опрометчивый шаг или наивно-прямолинейный поступок; но то была не хитрая уклончивость на эгоистической подкладке, а умное воздержание при понимании трудности положения, нежелании попасть впросак. Неуступчивый, но и неприхотливый, он являл себя иногда упрямым в разных любимых пунктах, но не капризничал по мелочам. Он был ценный друг, умевший, если захочет, войти в другую душу. Он еще студентом соприкасался с некоторыми (довольно видными) революционерами; в нем пробуждены были политические стремления, но свободу своего духа от радикальных

шаблонов он умел сохранить. Он был критик и идеалист». Таким предстает перед нами будущий великий ученый в свои молодые годы.

Члены «Ольденбургского кружка» высоко ценили друг друга, предвидя для многих блестящее будущее. Сергей Ольденбург, который всегда был самым решительным выразителем устанавливаемого в компании общественного мнения, говорил: «Между нами самый умный — Шаховской, а самый талантливый — Вернадский». Но при этом он колебался и оговаривался: «Впрочем, не знаю: пожалуй, даже наверно — Федор умнее всех»^[133].

Эта троица — Федор Федорович Ольденбург, Дмитрий Иванович Шаховской, Владимир Иванович Вернадский — стояла в центре «Ольденбургского» кружка. Как-то непроизвольно данный факт нашел отражение в полушуточном произведении одного из членов кружка. Д. И. Шаховской, когда приближалось время расходиться по жизненным дорогам, составил нечто вроде перспективных характеристик друзей под общим заглавием: «Что выйдет из нас, когда мы будем большими?» И здесь все трое были объединены в один собирательный образ с прозвищем — «Шахвербург», составленным из трех их фамилий.

Старая «варшавская» компания множилась; но кружок не распадался, и ядро его сохранялось. Рост происходил органически. Большинство его членов вышло из «привилегированных» семейств, почти все они были «генеральскими сыновьями». От дворянства у многих оставалась духовная благовоспитанность, сердечная деликатность и благородство. Они все были хорошо образованны, верили в науку и в жизнь; в них росла надежда, что наука освещает жизнь, культура ее движет. Но они проникались духом времени с его демократическими идеями и любовью к народу от всего сердца. Сознание долга служить ему придавало дополнительный импульс их общественной энергии.

Глава 7

РОЖДЕНИЕ БРАТСТВА

Все участники «Ольденбургского кружка» напряженно искали и жаждали какого-то весомого общего дела, хотели не службы, а Служения. Мысли о своей будущей судьбе они связывали со стремлением к внутреннему совершенству. Внимание к моральным вопросам, страстные поиски всего того, что называется смыслом жизни, нравственное самоусовершенствование — вот что породило впоследствии Братство. Их вдохновляла вера в духовную культуру как единый путь прогресса и общественного, и научного. Они хотели, чтобы «в студенческой России вырос надпартийный, просвещенный, реально-идеальный, искренний демократический либерализм. Они ставили ему задачу стремиться к добыванию свободы для всех. Они горячо любили народ, но высоко ставили миссию интеллигенции, не противопоставляя вторую первой, но и не принижая одну перед другим. Они признавали необходимость вести свою работу не разрушительным натиском, а положительным строительством. Но они предвидели в борьбе с правительством неизбежность жертвы и готовы были идти на нее»^{134}.

Немало сверстников друзей «Ольденбургского кружка» вошли в жизнь с вдохновленными идеями, здесь зародившимися. Д. И. Шаховской, как и Ф. Ольденбург, уже в начале своего обучения в Петербургском университете избрал в качестве своей будущей карьеры учительство. Осознавая всю сложность своего выбора, он писал: «В обществе нашем педагогическое дело понимается до отвратительности плохо — по крайней мере педагогика — учебная литература и политические журналы трактуют об этом положительно как-то дико... опять я, пожалуй, ошибаюсь, но я нахожу, читая статьи газетные особенно, множество каких-то ребяческих недоразумений, очевидно до крайности неустановившихся, зависящих от... минутного настроения рассуждений».

В соответствии с поставленной целью — подготовкой себя к учительству, Д. И. Шаховской выработал и план своих дальнейших занятий в университете на 1882/83 учебный год, представляющий собой «нечто вроде целой системы занятий». Д. И. Шаховской предполагал до Рождества заняться народной поэзией, главным образом, сербской и русской, затем в течение месяца, с середины ноября до середины декабря, — логикой, потом

— южнославянской литературой. Во втором полугодии предстояло посвятить время составлению и изданию лекций Ягича, занятиям по философии, и, главным образом, изучению всеобщей истории.

На некоторых пунктах этого плана следует остановиться. Так, издание лекций требовало много времени и усердия. Эту деятельность своего ученика М. С. Громека, очевидно, не одобрял. В письме от 26 апреля 1882 года Д. И. Шаховской признавался: «Я все до сих пор не решался Вам сказать это, но ведь я опять издаю лекции!! Что делать. Никак (право!) нельзя было отказаться... Пришлось взять Ягича. Я изо всех сил упирался, да ничего не поделаешь. Впрочем, ведь читает он в этом году историю литературы южнославянской, читает очень основательно и хорошо, и составление этих лекций будет и мне полезно».

В дальнейшем Д. И. Шаховской продолжает убеждать своего учителя в полезности изданий лекций: «На счет издания лекций я с Вами во многом не согласен. Дело в том, что издание это не есть вовсе бессмысленное записывание и переписывание лекций: добросовестно составленные лекции требуют много совсем самостоятельного труда, на который не всякий способен уже по недостатку времени»; «тут наряду с большим количеством даром потраченного времени была и разумная специализация — я познакомился с историей русского языка, в общих чертах с основными особенностями славянского народа — отчасти и практически — и у меня начинают складываться кое-какие небесполезные мысли о науке об языке, ее методе и педагогическом значении вообще... Таким образом, совсем посторонним это третье дело назвать нельзя».

План занятий Шаховского, как и в предыдущем учебном году, получился весьма насыщенным. Однако было существенное отличие. Наибольшее внимание, в отличие от предшествующего периода занятий, Митя собирался уделить не общим предметам, а специальным, которые давно его интересовали. Так, он пишет своему учителю: «Я слишком мало занимался общими предметами, много слишком славянством и русским... Занимался... и логикой, и психологией, и немецким языком, и славянством, и древнерусскими [наместниками и вопросами об искусстве, и религиозными вопросами, и педагогическими, и вопросами о народном образовании, о народе вообще, о науке языковедения. Эта та разбросанность, которую Вы знали за мной еще в Варшаве, где я мог читать 5 книг за раз. Так что разбросанность была, была и своего рода специализация, на которую уходило слишком уж много времени... Притом я занимался совершенно один и поэтому многое, что усвоилось бы более твердо, будучи передаваемо тотчас другому, возбуждая споры, совсем

улетучилось из памяти».

Разбросанность или, лучше сказать, широта интересов была действительно характерной чертой Д. И. Шаховского. Еще в 1881 году он говорил: «Я готов заняться сельским хозяйством — сделаться хозяином и земцем, — профессором — учителем — публицистом — собирателем народных обычаев — промышленником, — посвятившим себя своей лишь семье, — а притом профессором 20 разнородных предметов. И, конечно, при всем этом часто кажется невозможным сделаться чем бы то ни было порядочным. Надо поэтому по возможности спокойно, без претензий и скромности, уменьшающей возможное, постараться ответить на вопросы: к чему я могу готовиться и к чему я должен готовиться и затем действовать сообразно с этим. Тут, вероятно, много ребячества. Но что же мне делать? Я сознаю невозможность или по крайней мере вред продолжать теперешнее; смутно сознаю, что все замышляемые выходы призрачны. Но я все-таки поэтому не могу отказаться от искания этого выхода... а таким средством, как ожидание, удовольствоваться не могу».

Причины подобного объяснял сам Д. И. Шаховской. Они были очень просты — «пробелов в образовании ужасно много: вот и приходится хватать отовсюду, чтобы уничтожить прорехи»; «я был подготовлен скверно и воспитывался в тяжелое время и если и не достиг цельного миросозерцания, то много для него работал».

Что касается специализации, то четкого, ясного представления, какой она должна быть, у Д. И. Шаховского не было. В письме от 23 августа 1881 года он писал: «Я думаю, что в университете нет возможности заниматься так специально, как Вы об этом пишете. Необходимо более *общее* образование — по крайней мере, если думать о профессорстве. И необходимо, кажется, главное внимание обратить на историю и литературу всеобщие». 26 апреля 1882 года Шаховской писал М. С. Громеке: «Поднимается опять вопрос о выборе отделения. Я склоняюсь к философскому».

Вообще, судя по письмам Д. И. Шаховского М. С. Громеке в течение 1882 года, можно с уверенностью утверждать, что между ними разразился целый диспут по вопросу о выборе специальности и плане занятий. В одном из писем Шаховской заявлял: «Все Ваши письма о выборе специальности тесно связаны между собою, и мне на них отвечать трудно, потому что тут я опять чувствую совершенное отсутствие полного взаимного понимания. То, что явилось бы сейчас в пять минут разговора, то отсутствует — и отсутствие это болезненно чувствуется — во многих случаях нашей переписки. Оба мы развиваемся, меняются наши воззрения,

меняется отчасти самая терминология, круг понятий, связываемых с известным словом...»

«Из университета я выйду учителем неопытным и, вероятно, скверным», — подытоживал Д. И. Шаховской. «Что я вполне хорошим учителем не буду, это я знаю, не буду им никогда. Но эти соображения дают мне возможность ожидать все же некоторого прока от моего учительства и со спокойной совестью... идти в учителя прямо из университета».

Встать на ноги самостоятельно и начать зарабатывать учительством было чрезвычайно важным делом для Д. И. Шаховского в плане решения им своих финансовых, а главное — семейных проблем, которые мучили его со времени поступления в университет. В августе 1881 года он делился своими переживаниями с учителем: «Я понимаю, что условия моего развития теперь совсем ненормальны. Я поставлен так, что не могу делать глупостей, тратить лишнюю копейку — и право, так ужасно завидую тем, которые делают глупости — а делать нечего. Из этого вытекает, что мне необходимо обдумывать каждый шаг, вообще хорошего тут не очень много. А между тем оно необходимо. Я не могу оставлять отношений к семье так, в неопределенном виде. Мне просто как-то стыдно и на деньги отца жить, когда я думаю, что весьма возможно, что моя деятельность будет радикально противоположна тому, что он от меня может ожидать. Тут всякий обман мне мучителен. А чтобы не было обмана — надо что-то, какое-то объяснение — но я не понимаю, как следует какое».

Через год ситуация не изменилась к лучшему. В письме от 11 марта 1882 года Дмитрий Иванович с болью писал: «Внутренние семейные отношения все хуже, по-моему, становятся, просить денег мне очень тяжело — и вообще это ужасно мучает и показывает мою несостоятельность и подлость вообще...» В другом письме: «Мои семейные обстоятельства становятся для меня настолько тягостны, что я воспользуюсь первой возможностью (по выходу из университета) пристроиться самостоятельно, начать зарабатывать собственными трудами хлеб. Я уверен, что тогда и наши семейные отношения несколько исправятся: в них, собственно, нет ничего дурного — но чувствуется ужасно тягостное отсутствие повседневной откровенности, при которой теперешняя зависимая и близкая друг к другу жизнь становится невыносимой»^{135}.

Шаховского переполняли противоречивые чувства. С одной стороны, его тяготило отчуждение в семье, в частности, в отношениях с отцом, с другой — наполняла особой радостью укреплявшаяся дружба с товарищами по университету.

Пережитые события 1882 года возбудили в членах «Ольденбургского кружка» серьезный и устойчивый интерес к вопросам внутриуниверситетской жизни: к истории университетов, корпоративным устремлениям студенчества, его социальной психологии, «механизму» студенческих волнений. Свободное от занятий время друзья решили посвятить изучению организации университетской и студенческой жизни в различных странах. Члены кружка разделили это изучение между собой по странам. А. А. Корнилов, например, подготовил реферат об итальянских университетах. По его собственной оценке он был «довольно поверхностный и неосновательный. Гораздо основательнее были рефераты братьев Ольденбургов, Шаховского и Вернадского, взявших на себя рассмотрение строя германских, английских и американских университетов». Тщательно была составлена библиография по истории университетских центров в Англии, Шотландии, Японии^[136].

С изучением университетского вопроса был связан и план систематического издания студенческого ежегодника, составленный В. И. Вернадским. Предполагалось включить в него раздел об общем значении университета, историю Петербургского университета и очерк студенческой жизни в России за 1882/83 год, распоряжения правительства, расписание лекций, сведения о средствах студентов на жизнь, статьи по истории высшего образования и его положения в других странах. Для освещения всех этих вопросов планировалось использовать подготовленные членами кружка рефераты. В. И. Вернадский в письме от 30 июня 1883 года убеждал С. Ф. Ольденбурга: «Твой брат мог бы представить здесь свой лучший из наших рефератов, даже я мог, пожалуй, тоже вновь переделать историю (только историю) Оксфорда и Кембриджа, обзор литературы об университетах с 1880 года; причем о русской можно бы представить и критические отчеты».

Вернадский предлагал также включить в план издания отчеты студенческих научно-литературного и математического обществ. Возражая Ольденбургам, он настаивал на ограничении сведений ежегодника только столицей: «Обо всех университетах мы не можем толковать с той подробностью и тем знанием дела, с каким можем толковать о Петербургском. Даже больше. Если наш ежегодник будет иметь успех — он найдет подражателей и в других университетах». Из-за цензурных соображений, правда, пришлось бы пожертвовать разделом о «жгучих» вопросах студенческой жизни.

Издание по широкой программе, намеченной В. И. Вернадским, включавшей сбор сведений о том, сколько из ежегодно приезжавших в

Петербург молодых людей не смогли поступить в высшее учебное заведение, какова судьба окончивших курс студентов, размеры общественной и земляческой помощи и т. д., к сожалению, не осуществилось. Переписка В. И. Вернадского с С. Ф. Ольденбургом показывает, что Вернадский вообще начал сомневаться в плодотворности подобной деятельности. «Этим летом мне как-то не по себе и опять завладело мной сомнение как в своих силах, так и возможности какой бы то ни было полезной деятельности у нас на Руси», — писал он С. Ф. Ольденбургу 30 июня 1883 года. 3 августа 1883 года он снова спрашивал своего друга: «Не делаем ли мы работу Данаид, так как у нас на Руси работать не стоит. Ей-богу, я дохожу до отчаяния»^{137}.

Вместе с тем деятельность студенческого научно-литературного общества продолжалась. Во многом благодаря членам «Ольденбургского кружка» общество становилось заметным явлением в жизни Петербургского университета. Показательной была картина собраний общества. Научный отдел много старался придавать им содержательности, систематизировать работу. Большие заседания устраивались не часто, только когда из занятий отдельных членов выдвигались труды по общему вопросу, могущему интересовать значительное число слушателей и оказывать серьезное образовательное воздействие. Наиболее видные рефераты общество выносило на суд всего студенчества на открытых собраниях. Дважды в месяц в большой 11-й аудитории университета собиралось 60–80 человек студентов, чтобы выслушать очередной доклад и возражения оппонентов.

Особенно торжественно обставлялись годовые собрания, где заслушивались отчеты, избирались почетные члены, обсуждалась постановка новых задач. Читались и сообщения о новинках в области научных открытий. Философия чередовалась с математикой и естествознанием, история и литература с правом и политической экономией. Кроме того, научный отдел постоянно уведомлял общее собрание о своих планах, заботясь о поддержании тесного взаимодействия внутри общества. Всего за время его существования было прочитано 27 крупных рефератов, 95 сообщений, 13 стихотворений. В чтении их принимало участие более 50 человек.

Со временем около научного отдела возникли кружки по отдельным специальностям, которые ставили более конкретные профессиональные цели. Это был, например, исторический, спланивавшийся около теоретических вопросов исторической науки, другой кружок занимался социологией и первобытной культурой, действовал математический

кружок. Когда в научном отделе поднимались более сложные вопросы, он выделял из своего состава временные комиссии, которые привлекали компетентных экспертов из членов общества. Такая практика также углубляла работу и расширяла взаимодействие.

Однажды в студенческом научно-литературном обществе родилась мысль не прекращать деятельность общества и летом, когда его члены разъезжаются на каникулы, и продолжать изучать жизнь отдельных местностей, их природу и культуру. Эта задача, предложенная научным отделом, вызвала к себе особый интерес. Составлены были списки имеющихся программ для собирания сведений и наблюдений по геологии и климатологии, флоре и фауне, а также по землевладению, кустарным промыслам, правовым обычаям, народным песням и поверьям, состоянию народного образования, религиозным верованиям, памятникам старины и т. д.

Общество фактически переросло в орган отечествоведения, всестороннего изучения страны и народной жизни. Позже специально для изучения «земской жизни» России в различных ее местных особенностях был создан при обществе областной отдел. Задачей его стало служить «школой для теоретической подготовки будущих деятелей русской земли, — служить родине на местах научным знанием, отдачей труда жизни на благо народа, его свободы и культуры». Этой установкой подчеркивалась реалистичность идеализма, выработывавшегося руководителями общества, — наука для познания правды жизни, поднятие своего сознания для работы на пользу других, прежде всего бедствующих, — но не разрушительным, а созидательным трудом. Идеи народности и служения Родине прочно входили в сознание членов кружка. Деятельный патриотизм становился мощным стимулом в жизни Д. И. Шаховского и его друзей.

После напряженно проведенного лета многие члены общества возвращались с немалым запасом накопленного материала. Д. И. Шаховской, например, в 1885 году после своего пребывания в Весьегонске Тверской губернии (о чем речь пойдет в следующей главе) составил отчет о состоянии народного образования, с которым выступил на одном из собраний научного общества, устроенного по инициативе братьев Ольденбургов. Он поделился результатами своего первого опыта на важном жизненном поприще. Доклад Д. И. Шаховского был выслушан с неослабевающим вниманием, а потом долго не смолкала живая, содержательная беседа. Ф. Ф. Ольденбург был счастлив. Как было не радоваться: давался отличнейший образец осуществления дорогого замысла, сочетания в работах общества теоретического изучения науки с

наблюдением отечественной действительности, и заслуженным героем хорошего дня являлся близкий, любимый друг.

Дмитрий Иванович считался идеальным членом научного отдела. Никто не умел так сочувственно поддержать всякий живой, серьезный интерес, проникнуть в то, что может вызвать энергию и работу другого, никто и не возбуждал с большим рвением других к труду, как он. В 1883–1884 годах он был секретарем научного отдела, и именно он сплотил его в тесное дружество и стал душой его.

Другим средоточием сплотившейся группы, как и раньше, был Ф. Ф. Ольденбург. И. М. Гревс вспоминал: «Я наблюдал Федора как агитатора и восхищался деликатностью его действий: никакого натиска, дискредитирования противников или искажения их мыслей, полное уважение к спорящему, доверие к его искренности. Замечательно от такого поведения хорошо становилось на душе. Это — великий дар: признавать достоинство противника, искать добра в разногласящем, не ослабляя своего убеждения. В политической деятельности своих последних лет Федор Ольденбург так же благородно и гуманно вел себя с политическими врагами. Сомневаюсь, чтобы это можно было назвать неопределенностью или уклончивостью. То была совсем особенная вера в человека, которая породила и плодила много блага кругом».

Общество постепенно выросло до 300 человек и приобрело популярность в университете среди студентов и преподавателей. Радикалы, сначала чуждавшиеся его, мало-помалу стали вступать в число его членов, достигалось желанное сближение, общение между различными направлениями на почве общего, казалось, интереса к науке. Сравнительно с приемами и стилем радикалов, «ольденбурговцы» сразу манили терпимостью, находили общую почву с теми, с кем только что жарко боролись. Это были люди, уважающие разногласия, зовущие к общему делу «инакомыслящих», признающие и почитающие личность, мягкие, гуманно воспитанные. От всего этого веяло чем-то новым, невиданным, все это сближало, побеждало, привлекало помимо воли к себе. «Меня неудержимо тянуло слиться с ними всецело, — вспоминал И. М. Гревс. — Входя в ольденбургский кружок и испытывая со стороны его членов усиливавшуюся симпатию, я переживал часы и дни внутреннего возрождения. Они помогли мне найти самого себя и начертать по-должному линию трудовой и идейной жизни».

История «обращения» И. М. Гревса весьма характерна. В начале 1880-х годов значительная часть молодежи испытывала разочарование в революционном народничестве. У одних оно выразилось в поисках новых

путей борьбы; другие навсегда ушли из революции. Либерализм проникает в это время в студенческую среду, собирая вокруг себя и слабых, разочарованных, предлагая им путь удовлетворения идейных запросов вне революционной борьбы. Этот процесс и выдвинул в лидеры студенческого либерального движения «Ольденбургский кружок».

По словам Гревса, в членах кружка его очаровала «струя почитания культурных благ». В душе разгоралась «сдерживавшаяся революционной ортодоксиею жажда свободной умственной влаги. Ольденбурги отдавались духовным интересам с открытым увлечением и сознанием таящейся в том правды. Они проникнуты были принципиальностью совсем иною, чем привычное мне политическое доктринерство. Их задушевные девизы вновь будили потребности и искания, и мною реально ощущавшиеся, но осуждаемые революционною моралью как запретные (теперь бы сказали — «буржуазные») привилегии. А здесь мир науки, философии, поэзии, искусства становился родною и желанною стихиею. Здесь дружелюбно предлагалось и другим идти общею дорогою, свободно, идейно, вместе нести труд, сообща получать наслаждение, доставляемое трудом». Всемерное поощрение свободомыслия членов кружка между тем обернулось роковым для общества обстоятельством.

На 1 марта 1887 года в Петербурге готовилось покушение на императора Александра III. Заговор был раскрыт, оказалось, что большая часть заговорщиков — студенты Петербургского университета и притом члены научно-литературного общества. Все четверо казненных 8 мая 1887 года — Ульянов, Генералов, Андреюшкин, Шевырев, оказались членами общества, а Александр Ульянов исполнял обязанности секретаря общества. Вообще, Александр Ульянов был известен успешными занятиями как студент-естественник, особенно сосредоточившийся на зоологии, и был даже намечен к оставлению при университете. Потому-то он и был избран членом научного отдела осенью 1886 года и стал его секретарем. «Он возбуждал во всех симпатию и уважение серьезностью и искренностью. Он был молчалив и сдержан, что-то было в нем будто суровое или меланхоличное. Но нечто твердое, сильное, умное, закаленно преданное всегда чувствовалось, виделся крупный человек. Мы испытывали к нему определенное уважение», — вспоминал впоследствии И. М. Гревс^[138].

Современники отмечали: «Гнусное дело 1-го марта 1887 года послужило к обнаружению, между прочим, что в С.-Петербургском университете продолжали существование не только разные тайные землячества, но и явные quasi-литературные общества, и студенческая читальня, и университетский буфет — учреждения, служившие, между

прочим, для уловления в сети крамолы бесхитростных провинциалов, наехавших в Петербург из захолустьев; но зато отсутствовал вовсе карцер».

Дело это побудило профессора философии Петербургского университета и декана историко-филологического факультета М. И. Владиславлева представить министру народного просвещения записку, в которой предлагались меры к очищению университета от вредных элементов. «Зло, — по мнению Владиславлева, — в университете есть; но относительно массы студентов революционная партия в нем не велика и даже менее, чем была до введения устава 1884 года»^{139}.

Тем не менее судьба общества была предрешена. Правительство решило немедленно его закрыть. Злая ирония происшедшего заключалась в том, что общество пострадало именно за то, против чего честно, открыто, идейными средствами боролись его вдохновители и деятельные радетели. Хорошо сработавшаяся большая группа оказалась разбитой, ценная духовная традиция — порванной. Но долгое время члены общества чувствовали себя и дальше частью целого. Они сходились, хотя бы изредка; несколько раз пытались в частных кружках возродить нечто вроде суррогатов погубленного союза. Но то была безнадежная мечта, без открытой университетской базы она была неосуществима. Для многих членов общества стало необходимостью найти новые формы и способы объединения и товарищеского общения.

*

Середина 1880-х годов ознаменовалась особым вниманием части интеллигенции к глубоким религиозно-нравственным, этическим вопросам бытия, что в первую очередь было связано с распространением идей Л. Н. Толстого, а также народнического движения. Случилось так, что широкие слои русского общества познакомились со знаменитой «Исповедью» Льва Толстого и многими другими его неподцензурными произведениями, благодаря членам «Ольденбургского кружка», которые гектографировали их.

Нам сейчас трудно представить себе до конца отчетливо, насколько Толстой заполнял собой временное пространство восьмидесятых годов. С появлением его философско-этических произведений он превратился в нравственный полюс для определенной части нации, а его Ясная Поляна в некотором смысле стала претендовать на роль духовной столицы России. Сюда писали, шли, ехали. В недавно изданном сборнике статей и писем Д.

И. Шаховского можно найти полный текст письма Д. И. Шаховского и Ф. Ф. Ольденбурга А. А. Корнилову и Н. В. Харламову, которое является этому ярким примером. В письме, датированном октябрём 1885 года, описывается совместное путешествие друзей в Ясную Поляну. В части письма, написанной рукой Ф. Ольденбурга, мы читаем: «Облекшись в русские рубашки, закинув через плечо на веревочках пакеты с переменным бельем, завернутым у Д[митрия] И[вановича] в газетную бумагу, у меня в дамский клетчатый платок, захвативши с собой большой жестяной чайник, куда уложили стаканы, чай, сахар, — мы отправились сначала по железной дороге до Козловки, первой станции за Тулою, а оттуда версты три пешком в Ясную Поляну; у Толстого остались более двух суток, говорили с ним много, познакомились и со всею семьею...»^{140}

Их совершенно необычное для того времени пешее путешествие отнюдь не говорило о превращении юношей в последователей Толстого, которых впоследствии называли «толстовцами». Они ходили не поклоняться, а беседовать с великим человеком — самостоятельные, взрослые люди с уже определившимися собственными взглядами. С Л. Н. Толстым можно было соглашаться или не соглашаться, восторгаться им или проклинать его, нельзя было только делать вид, что его нет. Обращение к «вопросам жизни» в духе моралиста и философа способствовало самовоспитанию «ольденбургцев», помогало вырабатывать ориентиры и ценности.

С Толстым Д. Шаховской, как известно, был знаком еще с конца 1870-х годов через М. С. Громеку. Шаховской в молодости несколько раз бывал в Ясной Поляне, был близок с семьей Толстого и за него прочили одну из его дочерей^{141}. Позднее сам Д. И. Шаховской писал: «Толстой увлекал нас своим радикализмом и всенародностью, демократизмом, осмысливанием опрощенства, подведением нравственной основы под требования политического и социального обновления».

Необходимо отметить, что в середине 1880-х годов интерес к вопросам народного образования значительно оживился среди земств, специальных обществ и частных групп. Появилось книгоиздательство «Посредник», которое, пропагандируя религиозные, этические и общественные идеи Л. Н. Толстого, выпустило в свет известные его произведения — «Чем люди живы?», «Бог правду видит» и др. Издание серьезных народных книжек художественного и научно-просветительского содержания расширилось и было весьма популярным делом^{142}.

К концу 1883-го — началу 1884 года интересы членов «Ольденбургского кружка» и большинства членов студенческого научно-

литературного общества переместились в область народной школы и народной литературы. «Я из всего нашего кружка, кажется, отдал этому движению наибольшую дань, но никогда не был правоверным толстовцем», — вспоминал Д. И. Шаховской^{143}. И. М. Гревс также утверждает, что «дело возникло по явной инициативе Д. И. Шаховского, который уже тогда определенно решил посвятить себя работе по образованию народа и доказывал, что то или иное участие в деле просвещения масс — долг каждого члена интеллигенции».

Весной 1884 года образовался кружок народной литературы, ставший отражением этих жизненных веяний. В центре его вновь оказались «ольденбурговцы», причем каждый из них вносил свои знания, тон, стиль и вкусы, научные, литературные и общественные. Свою главную задачу кружок видел не в обучении чтению народных масс, а в их приобщении к культуре. Собирался кружок народной литературы не менее раза в неделю, чаще всего на квартире Ольденбургов. «Собрания кружка были всегда содержательны. Делались сообщения теоретические, знакомились с сериями изданий, собирали и разбирали библиографию, ставили дальнейшие задачи, устанавливали план их осуществления. Каждое собрание поднимало серьезный вопрос и оставляло деловой след», — вспоминал участник кружка И. М. Гревс.

По словам И. М. Гревса, не только свидетеля, но и участника событий, «кружок находился под влиянием сильно распространенных в молодежи народнических воззрений; только они в нем своеобразно освобождались от революционаризма и бунтарства, приобретая характер мирного и гуманного демократизма. Еще во времена студенчества компания коллективно изучала Глеба Успенского, увлекалась сектантством, читая вместе работы Пругавина и др...Основную целью тут ставилось служить образованию масс наукою и художественною литературою. Цель эта углублялась сознанием нравственного и общественного блага»^{144}.

Кружок много внимания уделял библиографической работе, составлению каталогов, изучению читательского спроса на литературу. Именно этому вопросу была посвящена и первая научная публикация Д. И. Шаховского в ежемесячном педагогическом журнале «Русский начальный учитель» (СПб., 1885. № 3), который издавался с 1880 года в Петербурге В. А. Латышевым. В статье «К вопросу о книгах для народа» Д. И. Шаховской сформулировал цели начатой кружком работы — «всякий, поглубже вникающий в дело, должен задаться не только вопросом: как выучить читать, но еще и вопросом о том, что читать грамотному мужику и как

доставить ему желательное чтение». «Мы и хотели бы предложить учителям нашу посильную помощь для приобретения знакомства с народной литературой, для уяснения взгляда на ее желательный характер, для ознакомления с лучшими из имеющихся в ней книг и с самыми удобными способами приобретать эти книги и доставлять народу возможность ими пользоваться»^{145}.

В целом работа в кружке благотворно подействовала на Шаховского, помогла преодолеть ему духовный кризис, вызванный гибелью М. С. Громеки, покончившего с собой под Рождество 1883 года. Дмитрий Иванович глубоко переживал трагедию друга и учителя, но общественные заботы, активная деятельность по распространению и изданию книжек для народа, к которым приступили в кружке, новые связи и знакомства несколько смягчили боль утраты.

Состав кружка расширялся. В кружок влились новые силы — студентки Высших женских, или Бестужевских, курсов, принявшие самое ревностное участие в занятиях по изучению народной литературы. С некоторыми из них, судя по письмам Д. И. Шаховского, он был знаком уже давно. В одном из писем, например, Дмитрий Иванович признается: «Я все более дружу с Анной Николаевной... У Анны Николаевны есть несколько приятельниц на курсах... И этот кружок (т. е. он тоже не кружок) интересуется вопросами народного образования, вопросами народного хозяйства и, как кажется, способен относиться к делу спокойно, деловито. Это все очень хорошо...»^{146}

Анна Николаевна Сиротинина вскоре вышла замуж за Д. И. Шаховского. Среди упомянутых ее приятельниц были сестры Тимофеевы — Александра Павловна, которая через год стала женою Сергея Ольденбурга, и Ольга Павловна. Мать Тимофеевых приходилась сестрой известному, почтенному педагогу Карлу Карловичу Сент-Илеру. Через нее у членов кружка возникло вскоре знакомство и с самим К. К. Сент-Илером, а потом и с кругом передовых учителей и педагогических кружков и обществ. Кроме того, в работе кружка участвовали супруги Гревсы. Жена молодого историка И. М. Гревса Мария Сергеевна Гревс привлекла к участию в кружке свою родную сестру Екатерину Сергеевну Зарудную. Скоро примкнули к работе их брат А. С. Зарудный и двоюродная сестра Наталия Егоровна Старицкая. Через год Н. Е. Старицкая повенчалась с В. И. Вернадским.

Браки особенным образом сплачивали дружбу внутри кружка. Фактически с возникновением кружка народной литературы определился

основной круг друзей, будущих членов Братства, связанных между собою глубокими человеческими узами. Участие женщин придавало кружку полноту и задушевность. В компании «господствовало безукоризненно чистое, идеальное и практически серьезное отношение к женщине. Воодушевленно поддерживалась идея полного равноправия между обоими полами. Не было чрезмерного «феминизма», но влияние женщин развивалось заметнее, и члены группы мужчины много труда отдавали за различные женские предприятия».

Кружок помимо внутреннего общения на почве ширившихся идейных интересов и стремлений, помимо потребности крепнуть, «растить союз» углубляющейся духовной дружбы, — энергично развивал различные коллективные деловые начинания, в которых заключались и питались новые умственные и общественные связи. В начале 1885 года состоялось знакомство «ольденбурговцев» с основателями известной фирмы «Посредник» — В. Г. Чертковым и Бирюковым, а затем и с представительницами харьковских народных учительниц Христиной Даниловной Алчевской и Александрой Михайловной Калмыковой, издавших тогда известную книгу «Что читать народу?» в двух толстых томах.

Знакомство с Х. Д. Алчевской осталось поверхностным, но с А. М. Калмыковой оно скоро превратилось, особенно у братьев Ольденбургов, Д. И. Шаховского и В. И. Вернадского, в близкую дружбу. А. М. Калмыкова тогда переселилась в Петербург после назначения ее мужа сенатором. Здесь окончательно совершилась в ее душе и жизни «перемена от привилегированного существования к трудовому бытию, освещенному нравственною и общественною мыслью». Своими знаниями по предмету, ясным и смелым умом, твердостью и инициативою, быстротою и находчивостью, воплощаемым в ярком, четко красочном языке и неутомимой деловой подвижности, — она явилась крупной сотрудницей, определенной руководительницей в деле. «Она была значительно старше нас, но обладала молодым и одушевленным складом, умела просто внушительно подойти к людям, так что скоро заняла место видного члена в кружке, входя постепенно и в компанию», — вспоминал И. М. Гревс^{147}.

Тогда же завязались связи с Петербургским комитетом грамотности, находившимся в то время в большом упадке. Санкт-Петербургский комитет грамотности (1861–1895) являлся общественной просветительной организацией, созданной при Вольном экономическом обществе (ВЭО). Программа, утвержденная ВЭО, предусматривала материальную помощь школам, издание книг, рассмотрение и рекомендацию учебников для

начальных школ и книг для народного чтения, сбор сведений о народном образовании. В состав комитета входили Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, педагоги И. И. Паульсон, Ф. Ф. Резенер и др. В 1885–1886 годах в комитет вошел кружок по изучению народной литературы. Деятельность комитета вызвала широкую общественную поддержку. К 1895 году число членов комитета достигло 1025 человек. Издательство выпустило (на 1894 год) 449 тысяч экземпляров книг, был издан каталог лучших книг для народа и др. В 1895 году правительство признало деятельность Петербургского комитета «опасной» в политическом отношении, и вскоре он прекратил свое существование.

В Петербургском комитете грамотности у друзей «ольденбурговцев» сложились близкие отношения с Е. П. Свешниковой и Б. Э. Кетрицем — людьми старшего поколения, помнившими, как и А. М. Калмыкова, конец 1860-х годов^[148]. Бернارد Эрнестович Кетриц был известен сначала как земский работник, потом присяжный поверенный, юрист, всецело преданный делу просвещения народа. «Он был олицетворением исключительного бескорыстия, напряженнейшего труда без всякой мысли о себе. Он стоял на страже, пренебрегая всякою заботою об удобствах. Часто казалось, он проводил дни без пищи и отдыха, почти без сна. Вечно находился он в движении, с громадным портфелем под мышкой, нагруженным книжками и рукописями, он всегда был полон мыслей и планов... мы высоко чтили его как редкий образец самоотвержения», — вспоминал И. М. Гревс.

Елизавета Петровна Свешникова была «образцом удивительного богатства хорошего дела почти без слов, самоотверженного чувства при строгой, иногда сердитой внешности, настоящего свободного ума и активного добра». Вместе с Ф. Ф. Ольденбургом она некоторое время руководила учительской школой Максимовича в Твери. «Восстанавливая деятельную сторону жизни нашего кружка, надо еще вспомнить, — писал И. М. Гревс, — что некоторые из нас уже приступили к учительству в начальных и средних школах, которое требовало большого напряжения и ощущалось как любимое дело. Другие готовились усиленно к будущему университетскому преподаванию, твердо двигаясь к научной, профессорской специальности. Но все это не насыщало еще сил и не истощивало энергии».

Кружок народной литературы рос и за счет сверстников. Каждый из основных членов привлекал адептов из своих ближайших знакомых. Около каждого из ольденбургской компании слагалась своя особая группа. «Оставаться самими собою, но не чуждаться связи с работою других,

только без принципиальных уступок. Такой выработывался у нас девиз», — вспоминал все тот же И. М. Гревс.

Внутри кружка интенсивно шла работа по сбору сведений об имеющейся литературе. Фиксировать результаты задумывалось в форме справочных и рекомендованных пособий, согласно целям и предполагаемому уровню читателей. Кроме ознакомления с известной литературой систематически изучалась текущая и новая. Под влиянием А. М. Калмыковой собирали лубочные картины, изучали народные журналы. В самой группе возникла мысль об издании собственного журнала для народа под названием — «Город и деревня». Некоторые члены кружка составляли и выпускали собственные народные книжки. Например, А. П. Тимофеева-Ольденбург составила переработку «Мучеников» Шатобриана, также выдержавшую несколько изданий и переведенную на новые языки. С. Ф. Ольденбург вводил в обиход народного чтения индийские сказки, а Е. С. Зарудная иллюстрировала их. А. Н. Сиротина обрабатывала сказки Андерсена, Е. П. Свешникова переделывала драмы и комедии Островского и составила очень хорошую книжку о Франциске Ассизском. Н. Е. Вернадская подготовила книжку, составленную по известным «Делателям золота» Цшоке. Столь широкая деятельность членов кружка свидетельствует о глубоком понимании стоящих задач как весьма серьезных и жизненных. Это характеризует «реальность идеализма» кружка, его культурную чуткость.

Кружок чем дальше, тем больше стремился именно к практической работе. Отношения с Петербургским комитетом грамотности привели к знакомству с учительницами и учителями начальных школ, что сблизило «ольденбурговцев» с пониманием нужд городских детей и рабочих. Так, например, жена И. М. Гревса решила вплотную заняться вопросом устройства бесплатных народных читален в Петербурге. Благодаря ее энтузиазму, помощи Петербургского комитета грамотности, а также гласных городской думы, в Петербурге были основаны первые две народные читальни имени Пушкина и Тургенева.

По свидетельству современников, столько людей хотело примкнуть к кружку, что численно нельзя было уже оставаться неразделенными: отчасти по причинам полицейского характера, отчасти из-за удобства. Поэтому решено было обособить младших членов в особую «филиальную» группу, которая и стала функционировать отдельно с начала 1886 года под главным руководством А. М. Калмыковой^{149}.

Середина восьмидесятых годов в России была временем жесткой правительственной политики в области образования. Университетский

устав 1884 года практически ликвидировал университетскую автономию—выборную профессию, отменил также выборы деканов и секретарей факультетов и ректора, ограничил прежнюю власть Совета, увеличив попечительскую его функцию, учредил должность инспектора студентов, заменил ежегодные переходные экзамены государственными и облек студентов в форменные сюртуки и мундиры военного покроя со шпагами.

Над студентами в здании университета был учрежден строгий надзор инспекторов, которые насаждали в стенах учебных заведений почти армейские порядки, внедряли сети шпионажа. Существовала даже секретная комната, где висели фотографические карточки студентов, присовокупляемые в трех экземплярах к прошению о приеме, а инспекторы время от времени сдавали экзамен по этим карточкам в знании, «какая фамилия соединена с какою физиономиею».

Соблюдение введенной по уставу 1884 года формы неукоснительно требовалось: за то или другое отступление делался выговор, пришедшего в партикулярном платье не впускали в здание университета, были и случаи отсидки в карцере. У каждого студента было свое место на вешалке верхнего платья, так что инспектора могли проверять, «кто ходит и кто не ходит на лекции». Студенчество присмирело^{150}.

С запретом любых студенческих кружков при уставе 1884 года даже академическая работа в землячествах попала в разряд опасных. В 1886–1887 годах, по словам В. Вернадского, «являлся я в глазах университета неблагонадежным и в действительности им был». Лишь случайно он не был арестован в то время. «У меня чуть ли не еженедельно, — писал В. И. Вернадский о 1886 годе, — собирался Совет объединенных студенческих землячеств, председателем которого был я»^{151}.

Летом 1884 года Д. И. Шаховской успешно закончил Петербургский университет и остался в столице. Продолжая увлеченно заниматься русской литературой, он готовит кандидатскую диссертацию «О языке Домостроя о. Сильвестра», не оставляя и своей общественной деятельности в кружке народной литературы и других научных объединениях университетской молодежи^{152}.

На старших курсах университета Дмитрий Иванович близко познакомился с К. Д. Кавелиным, знаменитым профессором истории и одним из столпов российского либерализма, который еще молодым студентом был недолгое время домашним учителем И. Ф. Шаховского. Теперь Кавелин с большой теплотой и вниманием отнесся к сыну своего бывшего ученика, приглашая его на свои традиционные журфиксы по

воскресеньям. На одном из них Д. И. Шаховской встретился с известными уже тогда тверскими земцами — П. А. Корсаковым и Ф. И. Родичевым.

Ф. И. Родичев, будучи предводителем дворянства Весьегонского уезда Тверской губернии, сделал предложение Шаховскому: поехать в Весьегонск на земскую службу, заведовать школами уезда^{153}. После некоторых колебаний и размышлений Д. И. Шаховской согласился и осенью 1885 года отправился по Волге и Мологе к месту своей будущей службы.

Решение Шаховского сыграло важную роль в его жизни, во многом определив все ее дальнейшее направление. Это был вполне осмысленный выбор. Судя по переписке с М. С. Громекой, он внутренне давно уже готовил себя к подобному шагу. Его размышления об ответственности интеллигенции за судьбу страны, о ее предназначении и служении народу были для него не отвлеченными умозаключениями и уж ни в коем случае не данью моде. Это были глубокие и искренние убеждения, нашедшие свое выражение в активной общественной деятельности на гражданском поприще. В формировании мировоззрения членов компании влияние идей и поступков князя Шаховского трудно переоценить. Его переезд в Весьегонск неслучайно совпадает с дальнейшей эволюцией отношений внутри кружка.

Середина 1880-х годов ознаменовалась для «ольденбурговцев» ярким событием, оставившим отпечаток на всей их дальнейшей жизни, — рождением Братства. Годом его рождения считается 1883-й. Этот год «прошел очень интенсивно, — писал впоследствии В. И. Вернадский, — во-первых, это начало формирования Братства и, во-вторых, — моей работы в студенческом научно-литературном обществе, куда я был выбран в руководящий научный совет»^{154}.

«Связь наша сделалась тесной дружеской связью, — вспоминал А. А. Корнилов, — даже и независимо от тех общих этических и общественных интересов, которыми мы увлекались. Мы еженедельно собирались, кажется, по четвергам, у Ольденбургов и иногда засиживались далеко за полночь и даже раза два до утра, беседуя, мечтая и споря об основах нашей будущей жизни и деятельности. В одно из таких всенощных бдений возникла у нас мысль — не помню, кем первым формулированная — скрепить нашу дружескую связь в будущем покупкой на общий счет какой-нибудь земли, где мы могли бы впоследствии съезжаться, хотя летом, и обновлять, таким образом, постоянно и наше дружеское общение, и те этические принципы жизни, которые нас связывали, хотя тогда еще и не были, сколько я помню, никем из нас точно формулированы. Так как мысль

о покупке такого маленького имения связывалась у нас и со стремлением стать ближе к народу, и с желанием иметь общий уголок земли, в котором мог бы, в трудный в материальном отношении момент своей жизни, каждый из нас найти временный приют, то и будущее имение наше, так и оставшееся потом в наших мечтах, решено было тогда же назвать Приютиным, а отсюда и члены нашего кружка стали потом называть себя «приютинцами», и именно Федор Федорович на многих письмах и записочках того времени (1884–1885 годы) так и подписывался: «Федор Приютинец» или сокращенно: «Ф. Пр-ц»^{155}.

И. М. Гревс писал: «Выдвигалось правило долга писать: пиши друзьям не в случайную свободную минуту, а выделяй часть рабочего времени, увеличивай его, чтобы эту обязанность честно выполнять. Установлен был особый день 30 декабря, в который должно было происходить годовое собрание кружка для подведения итогов прожитого и сделанного, для построения плана должного на следующий год, для проверки дружеским добрым сердцем взаимных настроений, просто для рукопожатия и объятия в свете и тепле общей любви. Постановлено было, чтобы и разбросавшиеся по разным углам России при малейшей возможности съезжались к этому дню в Петербург, во всяком случае списывались. На компанейской годовщине в конце 1885 года мы с женою участвовали уже по полному праву. Эти собрания наши 30 декабря осуществлялись ежегодно в продолжение тридцати двух лет без пропуска. Только в 1917 году 30 декабря прошло без собрания. Все, очевидно, вело к объединению всех нас в дружество особой природы; все двигалось к превращению компании добрых приятелей в коллективную личность нового, необычного вида»^{156}.

Размышления вслух, споры завершали внутреннюю кристаллизацию группы. Они постепенно стали осознавать себя Братством. Но зарождавшееся Братство не могло ограничиться только живым одушевлением, идейным сплочением в порывах горячей юношеской любви, требовалось нечто еще, что давало бы смысл и удовлетворение. Остро ощущалась необходимость объединения не только одним общим чувством, но и общею мыслью и работой. Встреча с В. Фреем была расценена членами кружка как путь к разрешению такой потребности.

Американец Вильям Фрей по происхождению был русским — Владимиром Константиновичем Гейнсом. Необычно не только имя, но и судьба его. Потомок шотландца, переселившегося в Россию еще при Петре I, он следовал вначале традиционной для его семьи военной дорогой.

Обладая яркими математическими способностями, Гейнс уже к 24 годам закончил две академии и преподавал в Академии Генштаба. Его ожидала блестящая карьера. Но внезапно штабс-капитан оставил службу и отказался от своего круга. Поначалу он примкнул к народникам, но необходимость вести подпольный образ жизни претила ему как человеку необычайно цельному. Владимир Гейнс вместе с женой покидает Россию и отправляется в Америку, где в земледельческих коммунах пытается на практике осуществить свои идеалы равенства и справедливости. Тогда-то он и переименовал имя и стал называть себя Вильям Фрей, что означало «свободный».

В течение многих лет Фрей скитался по США. Все его замыслы и начинания неизменно заканчивались неудачей. Но несмотря на отчаянную нищету, на невозможность осуществить свои мечтания, он все же не растерял веру в людей, в науку и в доброе начало жизни. В 1886 году он вернулся ненадолго в Россию, чтобы увидеться с Л. Н. Толстым. На квартире у Ольденбургов Фрей встретился со студентами и девушками, совместно работавшими к тому времени в кружке по народной литературе. Беседа произвела на молодых людей неизгладимое впечатление. Привлекла их не столько «религия человечества», которую проповедовал Фрей, сколько сама личность моралиста: нравственная чистота, юношеский, несмотря на его сорокалетний возраст, максимализм, почти детская в своей искренности вера в самое высокое предназначение человека и человечества^{157}.

В наши дни редко вспоминают об идеалах молодости. А ведь было время, когда молодые люди относились к ним серьезно, открыто и искренне судили о моральных ориентирах и ценностях. Их опыт и жизненные искания сегодня вызывают наш отклик и небезразличны нам, поколению куда более рационалистического века. Может быть, разгадка прочности дружбы кроется в неких особенностях поколения людей, рожденных в начале шестидесятых годов XIX века? Начало их жизненного пути совпадает с отменой крепостного права, а гимназические годы пришлись на десятилетие реформ. За какие-нибудь полтора десятка лет происходит ломка устоев, державшихся столетиями, а затем вновь потрясения... Рубеж 70—80-х годов XIX века — кризис реформаторской политики правительства, террор народовольцев, наконец, цареубийство Александра II — роковое событие русской истории — ввергает в шок российское общество. Кажется, сбываются пророчества Достоевского о бесах, терзающих Россию, коим «все дозволено»; о душе человеческой как поле битвы между темными и светлыми силами. Нравственный выбор героев в

таких условиях уже вопрос не художественного произведения, а актуальная задача реальной действительности, над решением которой ломают головы многие мыслящие и ответственные люди в России. Д. Шаховской и его друзья также пытаются найти ответы на вызовы своего времени.

Глава 8

ВЕСЬЕГОНСК

Глухой Весьегонский уезд Тверской губернии — типичный «медвежий угол», — где Д. И. Шаховскому предстояло прожить три с половиной года, с сентября 1885-го по январь 1889-го, в определенных кругах общественности рассматривался как «опытная станция созидательного русского либерализма». Местное дворянство еще с давних времен порою очень явно и открыто демонстрировало свое особое отношение к центральной власти и к проводимым ею мероприятиям. Тверское земство, состоящее из представителей дворянских родов Бакуниных, Олениных, Корсаковых, Родичевых и др., как бы унаследовав эту традицию, постепенно превратилось в один из очагов оппозиционности. В секретных политических обзорах, ежегодно составляемых по всем губерниям империи Департаментом полиции, за 1886 год отмечалось, что «тверское губернское земство отличается редким единодушием и согласованностью в силу солидарности взглядов деятелей земства, которые хотя люди и вполне способные и умные, но тем не менее обладают крайне либеральными взглядами».

Федор Измайлович Родичев, один из лидеров тверских земцев, в 1878 году был избран весьегонским уездным предводителем дворянства, мировым судьей и губернским гласным. Как вспоминала А. В. Тыркова-Вильямс, к своим общественным обязанностям Ф. И. Родичев относился с большой ответственностью, он «не только числился, но работал, вносил свой вклад, свой почин. Живя в деревне, он, как судья и гласный, близко соприкасался с крестьянами. Но модным тогда сентиментальным народничеством он не заразился. Он подходил к нуждам населения с критической наблюдательностью, с трезвой практичностью, которую мало кто мог подозревать в этом красноречивом энтузиасте».

Деятельность Родичева не могла остаться без внимания властей, установивших за ним негласное наблюдение. Департаментом полиции Ф. И. Родичев характеризовался как человек «безусловно вредный правительству»; указывалось, что в его имении в 1881 году проживали политические преступники: Гартман, Перовская, Фигнер и другие. Давая приют видным народникам, Родичев тем не менее не разделял их политических взглядов и методов борьбы. Критически он относился и к крестьянской общине, полагая, что «центром тяжести в подъеме русского

хозяйства должен стать вопрос личной свободы, вопрос о воспитании свободного человека, об освобождении крестьян от гнета мирского, от гнета невежества». В связи с этим особые надежды он возлагал на развитие образования и просвещения народа. В лице Д. И. Шаховского Ф. И. Родичев нашел не только своего единомышленника, но и, как оказалось, близкого товарища, соратника, блестящего организатора и неутомимого труженика.

Ф. И. Родичев был человеком весьма образованным и начитанным. Знание отражалось во всех его речах, митинговых и думских. Он не только обличал, часто очень бурно, недостатки правительства, но и развивал созидательные правовые идеи, которым всю жизнь служил. Политические и общественные его воззрения сложились рано и цельно. Он не проходил через смену вех. Был он земец, общественник, патриот. Всякий произвол, всякое насилие вызывали в нем праведное негодование. По натуре своей он был человек мягкий, застенчивый, уступчивый. Но когда надо было драться, наносить удары, застенчивость с него слетала. Удары он наносил меткие. И при этом, что далеко не всегда соблюдается, сохранял уважение к противнику, стремился понять чужую точку зрения. Родичев не был равнодушен к той травле, которая велась против него справа и слева. Но ни осуждения, ни похвалы не могли поколебать его глубоко либеральных идей. Складывались они не только из книг, но и из живого общения со старыми идеалистами 40-х годов и более близкими ему по возрасту шестидесятниками.

Родичев принадлежал к старинному тверскому дворянскому роду. Большую часть жизни он прожил в родовом имении Вятка, которое с 1575 года принадлежало его предкам. У этого борца за свободу, за новые формы общежития, которого многие считали разрушителем, потрясателем основ, было в крови глубокое чувство оседлости, семьи, гнезда. Его противники не понимали или не хотели понять, что он мечтал путем мирных реформ оградить Россию от революционных судорог, от катастрофы, хотел добиться свободы без разрушительных потрясений. Это слово — свобода — всегда звучало для него повелительным призывом. На него он откликнулся, когда 22-летним юношей поехал добровольцем на Балканы, чтобы принять участие в борьбе сербов против турок. Это было в 1876 году. Родичев уже успел окончить два факультета — сначала естественный, потом юридический. Сразу после экзаменов он поехал в армию. Так с этого пленительного и ядовитого, неуловимого и властного слова «свобода» началась его общественная деятельность. Свобода стала содержанием, красотой, пафосом всей его жизни. После короткого, быстро

промелькнувшего добровольческого эпизода он поселился в деревне, в тихой, казалось бы, сонной обстановке, где так легко помещичий уют толкал к обломовщине. Но случилось так, что благодаря Родичеву Весьегонский уезд Тверской губернии постепенно преобразался.

В уезде у земства не было ни одного школьного здания. Немногие школы грамотности кое-как ютились в крестьянских избах. Ценой упорной, многолетней работы он превратил свои мечты в реальность. В этом ему помог другой мечтатель и идеалист, князь Дмитрий Иванович Шаховской, который свою замечательную общественную деятельность начал под руководством Родичева в качестве помощника предводителя дворянства.

В самом земстве идея всеобщего обучения встречала возражения со стороны тех, кто считал лишним учить мужиков, так как грамота усилит вредную тягу в город. Да и правительство не очень одобрительно относилось к школам, боялось, что учителя станут проповедниками крамолы. Губернатор накладывал запреты на ассигновки, неугодных ему лиц не утверждал, учителей высылал. В своих записках Родичев приводит примеры такого вмешательства со стороны администрации. Они объясняют, как и почему в самых разнообразных кругах в России нарастало раздражение против власти. Описывая просветительскую работу Шаховского, Родичев говорит, что практическая земская работа их обоих переделала, перевоспитала. Раньше Шаховской был толстовец, непротивленец, отрицавший значение государства и политического строя. «Но воззрения его на государство, на значение принуждения, изменились настолько, что его можно даже было уговорить баллотироваться в мировые судьи, хотя раньше Шаховской судьи отрицал»^{158}.

Школьное дело в Весьегонском уезде с середины 1870-х годов благодаря заботам местного земства и инициативе самих крестьян переживало заметный подъем. Расходы на народное образование составляли в эти годы пятую часть всего земского бюджета и неуклонно увеличивались. За 10 лет, с 1875 по 1885 год, на земских собраниях было рассмотрено 24 ходатайства об открытии в уезде земских училищ. Всего же к моменту приезда Д. И. Шаховского в Весьегонск уездное земство за свой счет содержало 43 земских училища, поддерживало 19 школ грамотности и 4 церковно-приходские школы, выплачивало жалованье местным учителям, закупало учебные пособия, периодические издания для педагогов и учащихся и обустроивало помещения для занятий. Грамотность среди детей и подростков постепенно возрастала, о чем свидетельствовали и такие факты. За шестилетие с 1880 по 1885 год из 2133 человек, принятых на военную службу из Весьегонского уезда, 44 процента оказались

грамотными, причем в 1880 году процент грамотности составлял — 38 процентов, а в 1884 году и 1885 году уже соответственно 52 процента и 48 процентов, то есть поднялся более, чем на 10 процентов. Об увеличении числа грамотных свидетельствовало также повышение спроса на книги. Особенно много книг расходилось в Красном Холме. По наблюдениям Д. И. Шаховского, крестьяне ценили школу, охотно посылали своих детей учиться.

И вместе с тем на земских собраниях все чаще высказывалось неудовлетворение от проделанной работы. Отмечалось, что только пятая часть всех детей школьного возраста регулярно посещает школу; практически ничего не делается для просвещения взрослого неграмотного населения; помещение и обстановка училищ и школ в большинстве случаев весьма плохи. Главную причину подобного положения земцы видели в отсутствии компетентного лица, на которого можно было бы возложить дело народного образования в уезде^{159}.

Именно таким человеком и стал князь Д. И. Шаховской. По постановлению земского собрания специально для него была учреждена особая должность заведующего хозяйственной частью училищ, с жалованьем в 1200 рублей в год. «Шаховской находил, что это слишком много, — вспоминал Ф. И. Родичев, — и брал только 600 р. Его работа недолго продолжалась, но оставила в деле народного образования черту, с которой начинается новая эра. Ему мы в значительной степени обязаны постановкой нового идеала в деле народного образования — всеобщего обучения»^{160}.

Д. И. Шаховской полностью посвящает себя выполнению своих новых обязанностей. Он тщательным образом изучает постановку школьного дела в Весьегонском уезде, знакомится с работой педагогов, посещает земские школы и училища, разбросанные по всему уезду, лично участвует в проведении экзаменов в 32 училищах из 43, действующих в это время. Уже первый год земской службы Д. И. Шаховского был весьма плодотворным. В 1885 году число учебных заведений увеличилось на 34, а число учащихся на 5638 человек или на 10 процентов по сравнению с предыдущим 1884 годом^{161}. Не последнюю роль в этом сыграл Д. И. Шаховской.

Выступая с отчетом о своей работе за первый год пребывания в должности на ежегодном земском собрании 19 сентября 1886 года, Дмитрий Иванович особо подчеркивает значение школы для воспитания и развития крестьянских детей, говорит о нравственной стороне обучения, об отношении к Богу, к семье и обществу. Школа, по его мнению, должна

давать не только одну грамотность. Она призвана пробудить любовь к образованию, интерес к книге, искание истинно-нравственного и прекрасного. Именно школа «должна доставить народу практические знания и развить готовность вводить улучшения в свои хозяйства и прибегать к приемам труда, более производительным; должна доставить также и такие сведения, которые необходимы для определения своих прав и обязанностей; а затем — должна поддерживать в нем проявления духовной жизни, стремления к прекрасному и нравственному».

Большое внимание Д. И. Шаховской уделял организационно-финансовым вопросам, благоустройству учебных заведений, поддержке преподавателей и учеников. Сделанный им доклад сам по себе стал ярким событием для местного земства, поскольку касался не только его повседневных забот, но затрагивал проблемы, стоящие в целом перед земским самоуправлением в стране.

Можно с полным основанием утверждать, что Шаховской был одним из первых работников народного образования, практически осуществлявших переход к введению всеобщего начального обучения задолго до того, как в 1908 году Государственная дума приняла закон о постепенном, в течение 10 лет, введении всеобщего обязательного начального образования в Российской империи. В качестве одной из задач земства, сформулированных Д. И. Шаховским в докладе на очередном земском собрании, была следующая — «земство должно употребить все зависящие от него усилия для удовлетворения потребности народа в поголовной грамотности».

Дмитрием Ивановичем фактически в одиночку была проведена значительная по своему объему и трудоемкости работа по обследованию всей сети учебных заведений, расположенных в Весьегонском уезде, включая не только земские, но и те, что находились в ведении православного духовенства (церковно-приходские школы и школы грамотности) и других ведомств. Он многое сделал для упорядочения системы домашнего обучения, для тех детей, кто обучался с учителями у себя на дому. В ежегодных отчетах, представляемых им уездным земским собраниям, Шаховской подробно, по волостям, с указанием каждого отдельного учебного заведения, давал анализ состояния дел с развитием народного образования в крае. По его подсчетам, в земских училищах обучалось лишь около 11 процентов всех детей школьного возраста (от 7 до 12 лет). Даже с учетом деятельности учебных заведений Министерства народного просвещения и церкви, а также домашнего обучения, значительная часть детей, прежде всего крестьянского населения, вообще

никогда не посещала школы.

В связи с таким положением Дмитрий Иванович на одной из сессий земского собрания поставил вопрос об устройстве передвижных школ, где обучение продолжалось бы не столь продолжительный период, как в стационарных земских или церковно-приходских школах (с ноября до Пасхи), а ученики получали бы минимум необходимых знаний.

Правда, дело это представлялось осуществимым далеко не везде в силу материальных обстоятельств, особенностей местности и психологии населения. Например, только в двух волостях Тверской губернии Д. И. Шаховской считал бы передвижную школу возможной и желательной. Вместе с тем при соответствующей постановке дела проблема обучения грамотности могла быть решена в положительном смысле в обозримой перспективе.

Другой вопрос, который в эти годы постоянно занимал Д. И. Шаховского, был связан с созданием предпосылок для просвещения всего населения в самом широком смысле. Обучение детей и взрослых грамотности, по мнению князя, являлось первой, но далеко не последней задачей земской интеллигенции. Не менее важной, на его взгляд, являлась задача использования полученных знаний в повседневной жизни народа. Поэтому Шаховской всемерно поддерживал библиотечное дело, рассматривая библиотеку как центр внешкольного образования и культурно-просветительской деятельности в провинции.

И многого в этом направлении ему удалось добиться. В начале 1886 года при земской управе с разрешения тверского губернатора была открыта библиотека, пользование которой за плату было доступно всем жителям уезда. В основу библиотеки были положены имевшиеся при складе книги для чтения, руководства и журналы. Деятельность Д. И. Шаховского и в этом направлении была особо отмечена земством как полезная и плодотворная. Заведуя по совместительству Весьегонской земской библиотекой, Д. И. Шаховской за непродолжительное время упорядочил одну из серьезных отраслей земского хозяйства. По его предложению земством было увеличено ассигнование на содержание библиотечек для народа до 200 рублей ежегодно.

Д. И. Шаховской постоянно проявлял заботу о пополнении ее фондов новыми поступлениями, тратя на покупку книг и журналов значительную часть своих личных средств. Примеру Дмитрия Ивановича следовали и другие земцы, представители местной интеллигенции. «Весьегонская публичная библиотека, разрешенная в январе губернатором, хотя довольно медленно, но все же хорошо развивается. — писал Д. И. Шаховской своим

друзьям. — Книг немного, не больно много и подписчиков, но главное значение то, чтобы местные деятели имели возможность не чувствовать себя в совершенной глуши, оторванной от остального мира, где и книги-то достать нельзя, — и эта цель даже и теперь во многом достигнута библиотекой. Получаются почти все большие журналы, довольно много пожертвовано книг петербургскими и московскими знакомыми. (Не пришлют ли чего и варшавяне? Нам очень полезны и разрозненные томы сочинений лучших русских писателей, важна своя и переводная беллетристика, совсем у нас почти нет переводов и лучших иностранных писателей — вроде гербелевских изданий.) Главное, мне бы хотелось доставить учителям возможность читать хорошие книги. А чрез них будут читать и те мужики, которым книга доступна»^{162}.

В результате благотворительной деятельности к концу 1888 года библиотека имела более двух тысяч книг и журналов, причем четверть из них (566 изданий) была приобретена в течение 1888 года^{163}, ставшего последним годом пребывания Шаховского в Весьегонске. Благодарные отклики и выражение сердечной признательности за сочувствие в развитии дела просвещения и народного образования Д. И. Шаховской получал с различных мест. Оказываемая помощь в приобретении книг, подборка книг в соответствии с интересами населения вызывали симпатию к этому удивительному человеку^{164}.

В начале 1889 года в связи с кончиной управляющего имениями отца и необходимостью взять на себя заботы о хозяйстве Шаховских-Щербатовых в Ярославском и Серпуховском уездах Дмитрий Иванович вынужден был покинуть службу в Весьегонске. Признанием заслуг на земском поприще стало его избрание в январе 1889 года почетным мировым судьей большинством голосов—13 против 6^{165}. Должность эта давала право ее обладателю самостоятельно принимать решения по спорам между крестьянами и сохранять влияние на школьные дела. Также уже после отъезда Д. И. Шаховской был избран уездным земским гласным и гласным училищного совета Весьегонского уезда.

Авторитет князя и среди населения, и в кругах земско-либеральной общественности был весьма высок. Ф. И. Родичев вспоминал позднее, что пребывание Шаховского в Весьегонске произвело «необыкновенную сенсацию». «Молодой князь, сын военного генерала, мужиком в полушубке и в валенках, норовит идти пешком и ездит на одиночке. В Весьегонске своими руками возделывает огород, не допуская никакой помощи. И при этом незлобив и скромн, как девица. В нем нет ни тени самохвальства —

совершеннейшая искренность и простота обезоруживают насмешку и осуждение. Все, в ком была способность духовного подъема и одушевления, были приподняты влиянием Шаховского: учителя, служащие в земской управе, священники и дьячки, врачи и гласные, кроме немногих, имевших личные цели»^{166}.

В 1886 году Дмитрий Иванович Шаховской женился на Анне Николаевне Сиротининой, с которой он проживет всю свою жизнь. В Весьегонске молодожены сняли крошечную квартирку без всякой обстановки и без прислуги и все домашнее хозяйство вели сами. Дмитрий Иванович носил воду из колодца, колот дрова, ставил самовар, Анна Николаевна стряпала, следила за порядком в доме, который всегда был открыт и для друзей, и для гостей. Местные жители очень любили князя. Объезжая школы в уезде, Шаховской часто оставался на ночлег у учителей или крестьян, с радостью деливших с ним кров и свою скудную трапезу.

В весьегонский период открылась одна из сторон удивительной личности Д. И. Шаховского, его способность привлекать и сплачивать вокруг себя людей, порою очень разных и по своим характерам, и по их положению в обществе, заражать их своей энергией, верой в правоту и необходимость их общего дела. Стойкость, умение переносить трудности, отстаивать свои убеждения и принципы, смело выступать в защиту достоинства и прав коллег или простого народа, — все эти качества в той или иной мере были проявлены Шаховским уже на своей первой земской службе.

Настоящую борьбу в течение всех трех с половиной лет пришлось выдержать князю с представителями губернской и уездной администрации, чиновниками всякого ранга, инспекторами и разного рода проверяющими, которыми во все времена была богата наша российская действительность, особенно в провинции. Деятельность Д. И. Шаховского не раз обращала на себя внимание властей, в том числе и на самом верху. По долгу службы Шаховской встречался и с министром народного просвещения И. Д. Деляновым, и с обер-прокурором Синода всесильным К. П. Победоносцевым. И, как признавал сам Шаховской, после этих встреч положение его в уезде «стало прочным».

Провинциальная жизнь в, казалось, забытом Богом глухом уголке наполнялась для Шаховского высоким смыслом. В ежедневных хлопотах, в выполнении больших и малых дел и поручений, постоянных разъездах и в общении он открывал свое подлинное призвание — служить людям, их заботам и чаяниям.

Но помимо «дорогих воспоминаний и горячей любви к русской

школе» весьегонский период подарил Шаховскому близкое знакомство с тверскими земцами: с братьями Бакуниными, Петрункевичами, Корсаковыми и, конечно, с Ф. И. Родичевым^{167}. Все они были, как сейчас принято говорить, знаковыми фигурами русского либерализма. Их тесное сотрудничество и дружба, начавшаяся в эти годы и продолженная затем впоследствии, сыграли важную роль в общественном движении России на рубеже XIX–XX веков.

Но все же главным событием в жизни Шаховского и всех приютинцев в эти годы стало учреждение ими Братства. История его создания подробно описана Г. В. Вернадским, И. М. Гревсом и А. А. Корниловым^{168}. Вслед за ними отметим, что, как только Шаховской получил первые известия об изменениях, происшедших внутри приютинского кружка, он стал одним из самых горячих сторонников нового объединения и одним из его духовных и идейных лидеров.

Что же такое Братство? Каков его смысл и какие цели оно преследовало? На эти и многие другие вопросы можно получить ответы, обратившись к значительному пласту архивных и опубликованных источников. Как правило, когда речь заходит о Братстве, исследователи всегда в первую очередь ссылаются на опубликованное письмо Дмитрия Ивановича Шаховского к Федору Ольденбургу и другим товарищам. Это вполне оправдано, так как оно является первой попыткой формулирования новых идей, основных принципов построения Братства.

В этом письме «Что нам делать и как нам жить» Шаховской подробно излагает свои взгляды. В основание своих воззрений он ставит следующие три положения, «которые кажутся несомненными и хороши тем, что могут быть приняты большим числом лиц»:

Аксиома I. ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ.

Аксиома II. ВСЕ МЫ УЖАСНО ПЛОХИ.

Аксиома III. БЕЗ БРАТСТВА МЫ ПОГИБНЕМ.

Под формулой «так жить нельзя» Дмитрий Иванович понимал принцип — «МНЕ необходимо зажечь как-то иначе», «мы плохи и, чтобы что-нибудь делать, должны прежде всего сами стать лучше». А поскольку одному человеку эта задача не по силам, то нужно братство. «Так жить нельзя. Надо зажечь иначе и другим сказать. Прежде всего народу; он и живет иначе и почти хорошо^{169} (но все-таки не совсем). Надо, чтобы он понял, что живет хорошо почти, и сознательно зажил бы хорошо совсем; а то теперь он изо всех сил стремится жить, как мы, т. е. так, как жить нельзя». «Так люди соединяются в братства, чтобы помогать друг другу

жить и работать лучше».

Этим принципом и должны были определяться все устремления друзей — приютинцев. Для того чтобы лучше жить, необходимо было выполнение следующих условий:

«Правило 1. Работай *как можно больше*.

Правило 2. Потребляй на себя *как можно меньше*.

Правило 3. На чужие нужды смотри, как на свои. Просящему у тебя дай (если ему нужно или может быть нужно) и не стыдись *попросить* у всякого: не бойся просить милостыню».

Эти принципы были, как видно, сформулированы в по-желательной форме, на что указывал и сам Дмитрий Иванович, «эти правила сами по себе еще ничего равно не значат, так как в них внесен термин *как можно*, а кроме того ведь надо же согласиться в том, что значит работать и какая работа нужнее — а между тем дальше принятия этих чисто формальных положений — мы не идем». Поскольку Дмитрий Иванович первым высказал то, что каждый фактически «не раз перечувствовал и в большей или меньшей степени чувствует постоянно», то эти предложения должны были послужить началом предметного, детального обсуждения.

Новая идея, несомненно, воодушевляла, эмоционально вдохновляла, расширяла горизонты деятельности. «Мне ужасно страшно подумать, — говорил Шаховской, — как вообще мы станем жить, когда кончится восторг мечтаний, споров, дум, где так много нового, интересного, увлекательного, и начнется время осуществления мечтаний на деле — настоящая работа, тихая, трудная, кропотливая, однообразная, без которой, однако, все наши мечтания — пустые звуки и глупый обман. Все препятствия можно преодолеть, раз мы способны к какому-нибудь ровному делу; я только не знаю, способны ли мы»^{170}.

Вместе с тем идея Братства была далеко не ясна, не говоря уже о его смысле, целях или формах функционирования. Сам Дмитрий Иванович в одном из писем своим варшавским друзьям — А. А. Корнилову и Н. В. Харламову — признавался: «Жизнь *братства для меня* тоже не довольно ясна. Мне не ясно, чего оно будет делать в ближайшем будущем, чего от него требуют братья. И чувствуя себя поэтому вполне братом по духу, чувствам и стремлениям, любя и все братство (по-моему, это самое наиважнейшее дело) и всех братьев в отдельности, зная, что оно, во всяком случае, будет ужасно полезно для всех нас, — я все-таки не могу определить, что именно оно мне дает (и каждому брату может дать) при устройстве своей жизни по-настоящему». «Я думаю, нам всем надо *постараться летом побольше обменяться взглядами и даже, пожалуй,*

выработать нечто вроде общих взглядов и способов действий»^{171}.

Летом 1886 года компания близких друзей, «варшавян» — «ольденбургцев», съехалась. Состоялось важное событие — свадьба Сергея Федоровича Ольденбурга и Александры Павловны Тимофеевой. Свадьба проходила в квартире Гревсов^{172}. Вскоре началась жизнь двух супружеских пар — Гревсов и Ольденбургов — под одной крышей, в одной квартире. В действительности это была первая попытка осуществления братских начал, выражаемая в обустройстве семейного быта. Квартира Гревсов превратилась в центральный пункт братского единения. К ней тесно примкнули Федор Ольденбург, Вернадские и Зарудные (Екатерина Сергеевна Зарудная и Александр Сергеевич Зарудный, двоюродные сестра и брат Н. Е. Старицкой) в Петербурге, Шаховские в Весьегонске.

К этому времени все они начинали свою практическую деятельность. В. И. Вернадский после окончания университета в 1885 году был оставлен в нем хранителем Минералогического кабинета; Мария Сергеевна Гревс, окончив Бестужевские курсы, работала в начальной школе; Иван Михайлович Гревс начал свою педагогическую деятельность в средней школе и одновременно готовился к профессорскому званию; Федор Ольденбург мечтал сделаться образцовым школьным учителем и вскоре, в 1886 году, стал преподавателем педагогики в женской гимназии Стеблин-Каменской в Петербурге; Д. И. Шаховской заведовал хозяйственной частью земских училищ Весьегонского уезда Тверской губернии.

Идея Братства многое дала для развития внутреннего мира ее первых сторонников. Затем появилось стремление к ее пропаганде — и прежде всего между людьми, которые ранее были особенно близкими товарищами. Среди таких оказались — С. Е. Крыжановский, или Сережка, который со временем отошел от «ольденбургцев»; Л. А. Обольянинов, или Лелька, о котором сведений было чрезвычайно мало; А. А. Корнилов, или Адька, уехавший в Польшу, и другие.

Дмитрий Иванович Шаховской настолько сильно был воодушевлен идеей Братства и захвачен стремлением его скорейшего воплощения в жизнь, что в одном из писем А. А. Корнилову и Н. В. Харламову, в частности, писал: «Так страшно приятно, отрадно и успокоительно знать, что вот и в Варшаве есть люди, которые верят в ту же истину, в которую верим мы — и петербуржцы с их братством, и весьегонцы». В письме выражались надежда и полная уверенность, что возможна совместная работа для точного уяснения себе «туманной пока истины» и для осуществления ее, истины, в жизни. Выразалось убеждение, что «ничего

не в силах сделать расстояние и разлука и что мы все живем одной жизнью и составляем одно»^{173}.

Появилось стремление большего общения с интеллигенцией и учащейся молодежью. Возник даже термин «двоюродного братства»^{174}. «Сильно расширилась тогда деятельность членов Братства, которые участвовали как желательные члены во многих обществах и кружках...» Члены Братства пытались найти сочувствие своим идеям и отчасти произвести им проверку. Наиболее яркими пропагандистами были братья Ольденбурги. Но и около Вернадских группировался кружок близких людей, сходящихся на тех же началах, — «двое Гизетги, двое Келлеров, Постникова, Агафонов, Свешников и другие»^{175}.

Так, в Вельегонский период, несмотря на значительную удаленность Д. И. Шаховского от большинства его друзей, оставшихся в Петербурге, происходит дальнейшая консолидация кружка и начинают выработываться идейные основы объединения, получившего названия Братство «Приютино» или «Приютинское братство».

Глава 9

ПРИЮТИНО

Важным моментом в жизни Братства стало Рождество 1886 года, когда в Петербург приехал Д. И. Шаховской. Вместе с его приездом оживились теоретические беседы, выяснялись назревшие вопросы, «в это время произошло соединение между Приютиным и Братством. Приютино приняло более серьезный характер и обратилось в одно из тех материальных для братства предприятий, долженствующих осветить братство как бытовую форму».

Проблема соотношения Приютина и Братства, судя по письмам Д. И. Шаховского его друзьям, обсуждалась в течение длительного времени. Приютино своей организацией должно было дать возможность «жить побольше вместе, чтобы то время, к[ото]рое идет на списание с людьми, у нас проходило в общении друг с другом...». Оно представлялось как община людей «отвлеченной мысли», объединенных совместным трудом с целью «завоевать себе возможность... жизни с человечеством и вместе с тем общей с народом трудовой жизни».

Надо сказать, что Д. И. Шаховской был одним из тех людей, которые свои мысли и идеи стремятся выразить на бумаге, вызвать диалог и обмен мнениями, чего и требуют делать от других. Так, он утверждал: «Формулировка идеи братства была предпринята мною. И кажется есть мнение, что формулировка эта стала основой деятельности братства... Я вижу только, что в общий обиход вошли слова: так жить нельзя, без братства мы погибли. Но я убежден, что сущность письма большинство совсем и не знает... Моя формулировка в письме 26 февраля 1886 года теперь никуда не годится — в практической части». Федору Ольденбургу он предлагал: «Я бы хотел еще, чтобы всякий изложил, как он смотрит на Приютино. У тебя есть на этот счет много записочек. Их надо бы вытащить на свет Божий и заставить других написать в том же духе»^{176}.

К 30 декабря 1887 года, как было постановлено друзьями после окончания университета, должен был состояться письменный обмен мнениями. Свои письма прислали далеко не все. Но по отдельным письмам все-таки можно создать представление о положении вещей. Судя по переписке, основные вопросы для обсуждения сформулировал Сергей Ольденбург. Касались они целого ряда положений.

Во-первых: что означало Приютино для каждого?

Первоначально Приютино ассоциировалось с небольшим имением, служащим поддержанию связей между несколькими университетскими товарищами и являющимся временным приютом для некоторых членов. В дальнейшем обнаружили более глубокие цели его организации, например, сближение с народом, воспитание детей при более благоприятных условиях, воздействие на местную жизнь. Для Федора Ольденбурга к этому времени идея поддержания связей с товарищами ради простой радости общения перестала быть существенной. Требовалась выработка идеала жизни, который приютинцы могли бы указывать другим. Идея Приютина должна была встать в ряд с основными убеждениями его членов и осуществляться как можно скорее, хотя бы и в несовершенном, неоконченном виде. Для А. А. Корнилова, например, отношение к Приютину соединилось с предположительным устройством всей его жизни — служению крестьянскому делу в России.

Понятия Братство и Приютино к этому времени четко были разделены и не отождествлялись, вместе с тем между ними сохранялась тесная взаимосвязь. Приютино осмысливалось как организационный шаг к осуществлению братских начал, для чего необходимо было использовать все силы и энергию. В. И. Вернадский утверждал, что «если б не было братства, не было бы Приютина». Эту точку зрения разделял и Иван Гревс. Братство, по его убеждению, живет внутри каждого члена как нравственное начало, которое позволяет выделить его из окружающей среды. Это прежде всего нравственная поддержка, которая изменяет понятия и привычки. Приютино же — это «только способ осуществления братских бытовых форм жизни». Оно является духовной родиной всех членов Братства.

Абсолютно идентичной была точка зрения А. А. Корнилова. «Наша компания, если на нее смотреть с этической стороны, является братством, соединенным любовью членов друг с другом и некоторыми этическими правилами, если же на нее посмотреть с социальной точки зрения, то мы являемся Приютинцами, соединенными общею идеею служения народу, так что, пожалуй, в некотором смысле Приютино почти все равно, что народники». Только Д. И. Шаховской был склонен сетовать и утверждать, что Братства фактически нет, поскольку все еще отсутствовала долгожданная совместная работа по осуществлению «лучших форм жизни», а также непосредственное общение и обмен мнениями с целью выработки общественных и нравственных идеалов. «Ведь для меня не существует братства не только фактически, теперь, айв возможности», — утверждал Д. И. Шаховской.

Смысл идеи Приютина сводился фактически к принципу — стремиться жить для других, живя открыто между собой и показывая другим пример, организовать свою и окружающих жизнь в конкретных социально-бытовых формах, в которых могла бы реально быть воплощена идея Братства. И тем самым иметь перед собой величественный образ общечеловеческого братства — идеал приютинцев^{177}.

Следующим для обсуждения был поставлен вопрос: кого можно считать приютинцами? Единогласно все признавали, что приютинцами являются члены Братства. Таковых было насчитано 25 человек. Полный перечень имен можно обнаружить в письме Ивана Гревса. Что касается новых членов, то ими могли быть те, кто разделял принципы Братства и был проникнут духом его идей. Нельзя сказать, что вхождение новых членов было делом легким и для всех доступным. Необходимо было согласие всех членов Братства по поводу принятия кого-либо. «Искать новых членов следует, но принимать осторожно» — гласило мнение^{178}.

Подробно рассматривались вопросы устройства Приютинской жизни — местность, хозяйство, ценз, наличие прислуги, денежные вопросы. Необходимо заметить, что это были отдельные мнения участников Братства и при этом взгляды каждого из них оставались в полной мере неизвестными остальным, поскольку переписка ограничивала возможности общения. Ситуацию хорошо иллюстрирует письмо Д. И. Шаховского Гревсам от 6–8 апреля 1888 года. Обращаясь к Ивану Михайловичу и Марии Сергеевне Гревсам, Дмитрий Иванович пишет: «Ведь письма, которые вы читаете, пишутся Федору, и вы понимаете, что многое в тоне этим обуславливается, многое, что ему известно или что вытекает из его писем, вам непонятно, а с другой стороны, от вас совсем, совсем ничего... Ведь вы не забудьте, что я до сих пор ни от кого ни слова не слыхал о 30 дек[абря], и в совершенном неведении, что кто думает о моем письме и о моих письмах»^{179}.

Поэтому в действительности и выходило, что общих принципов построения братской жизни выработано не было, известны были лишь отдельные частности, да и то далеко не всем. Кроме того, с наступлением 1887 года произошли значительные перемены в жизни семейств членов Братства. В мае 1887 года супруги Ольденбурги выехали в заграничную командировку, пребывая сначала в Париже, затем в Лондоне. Ожидались перемены в личной жизни Федора Ольденбурга. На лето 1888 года была намечена его женитьба. В семьях Шаховских, Вернадских и Гревсов произошло пополнение: родились Илья Шаховской, Георгий Вернадский и

Екатерина Гревс.

Семейные хлопоты, домашние обязанности, профессиональная деятельность отодвинули идейные мечтания. «Предприятие несколько сузилось, общение поослабело, петербургский центр уменьшился». Отношения и взаимодействие, происходившие благодаря главным образом переписке, развивались вяло и слабо, что провоцировало взаимные нападки, обвинения, резкость тона, пессимизм, грубое непонимание и даже «метание камня» в огород товарища. Если и бывали встречи друзей, то они, как правило, были кратковременны и «ужасной стороной» их являлись споры, «бессмысленные и ненужные столкновения», затрудняющие настоящее выяснение вопроса. Все это давало основания некоторым членам Братства, например, Д. И. Шаховскому, выражать сомнения по поводу какой-либо реальной возможности совместной деятельности, опасения, что когда «семьи разрастутся, молодой пыл уляжется, больше станет благоразумия, мы еще отдалимся друг от друга — и у нас совсем не станет энергии на новое еще постороннее текущим делам дело»^{180}.

Могло создаться впечатление, что университетские товарищеские связи превратились в нечто безжизненное, отвлеченное и бездушное, что Братство «не что иное, как гнилая подпорка», на которую нельзя опереться; однако нельзя сказать, что в действительности была совсем уж такая черная картина строительства братских взаимоотношений. Понятно, что в процессе развития идеи и внутренних связей друг с другом неизбежно должны были возникать разногласия, споры, неудовлетворенность, разочарования. К тому же жизнь вносила свои коррективы. Вместе с тем выработка идеи продолжалась, взаимные отношения закалялись и укреплялись, ведь недаром дружба и искреннее общение товарищей, поддержка и взаимовыручка сохранились на многие, многие годы.

В этот период особенно подробно проблемы Братства обсуждали Д. И. Шаховской и Федор Ольденбург. Дмитрий Иванович вообще называл Ф. Ф. Ольденбурга «*pater familia* Приютина». Братство понималось ими как «свободное и любовное соединение людей, преследующих одни цели и работающих вместе», а Приютино — местом, «куда теперь же можно приехать и трудясь на которое делаешь общественное дело»^{181}.

Основная ошибка Ф. Ф. Ольденбурга, по мнению Д. И. Шаховского, состояла в том, что он рассматривал деятельность по созданию Братства отдельно от индивидуальной или общественной деятельности членов Братства. Такой подход, считал Дмитрий Иванович, лишал Братство всякого смысла. Сам же Шаховской под словом «деятельность»

подразумевал достаточно широкие понятия согласно своим философско-религиозным взглядам — например, воспитание детей, добывание средств к существованию, самовоспитание, здоровую жизнь, близость к народу, привычку к настоящему труду, формирование своего чувства.

Без Братства, по утверждению Д. И. Шаховского, невозможна была никакая плодотворная деятельность — ни специальная (или индивидуальная в формулировке Ф. Ф. Ольденбурга), ни общественная. Д. И. Шаховской считал, «что 1) нельзя признать постановку специальной деятельности членов братства Приютина удовлетворительной и 2) что совершенно необходимо совместное участие в деятельности общественной».

Своей индивидуальной деятельностью Д. И. Шаховской был весьма не доволен, как, впрочем, и остальных: «Конечно я кое-что делаю. Но совсем я не могу сказать, чтобы я был доволен своей специальной деятельностью и чтобы исполнял ее вполне добросовестно...

Специальная деятельность *Генерала*, по-моему, непременно должна перемениться, и я ее не считаю хорошей.

Спец[иальная] деятельность *Адъки*, по его собственному сознанию, есть лишь подготовка и должна измениться.

Спец[иальной] деятельности *Сергея* я, по совести, совсем не понимаю (кроме кафедры в университете).

Владимир сознает, что не умеет располагать временем и относиться к делу как надо.

...Это показывает, что вопрос о братстве следует ставить в ближайшей связи и с нашими специальными деятельностями — а не откладывать эти последние в сторону».

Что касается какой-либо совместной деятельности, то она понималась как «единственное средство что-либо сделать». Самым главным признанием было то, что «братство в смысле совместно действующей и внутренне объединенной и действующей не по специальному вопросу, а по основным вопросам жизни группы людей — братство это не имеет смысла и невозможно без *общей идеи*. Вот это-то отсутствие общей идеи и есть основной грех нашего братства и поэтому-то фактически по-моему его и нет. <...>».

Насущная необходимость подытоживания имеющихся мнений для выяснения существа проблем строительства Приютина выразилась в решении подготовить общий свод писем. Во-первых, было принято решение сообщить содержание приютинских писем тем членам Братства, с которыми связи были очень слабыми и которые фактически оторвались от

Братства; это были прежде всего Л. А. Оболянинов и А. Г. Орлов. Вторых, решено было поручить Дмитрию Ивановичу Шаховскому из всех приютинских писем сделать выборку и определить, по каким пунктам наметилось согласие членов Братства, а по каким — разногласие, и далее ознакомить членов Братства со сделанными выводами. Затем должен был произойти снова обмен мнениями по существу обстоятельств дела и выяснение вопросов, вызвавших разногласия. Те, кто не присылал своих ответов, признавались отказавшимися от участия в Приютиве. После обобщения всех мнений и конечного подведения итогов надлежало выработать решительные меры. Высказываемые мнения ожидалось не только от мужей, но и от жен и детей старше десяти лет.

Правила, сформулированные Дмитрием Ивановичем, особых разногласий не вызвали. Первое правило было понятным, все согласились с формулировкой: «Производи как можно больше». Во втором пункте («Потребляй на себя как можно меньше») слова «на себя лично» А. А. Корнилов, например, склонен был опустить. А В. И. Вернадский предложил изложить этот пункт так: «Потребляй на себя как можно больше — для пользы других». Возражения против такого изложения не было, и в результате второй принцип получил более расширенную формулировку. А вот с формулировкой третьего правила («На чужие нужды смотри как на свои» и т. д.) «почти никто не соглашался», за исключением В. И. Вернадского, в чем, правда, твердой уверенности также нельзя было иметь. Сам Дмитрий Иванович Шаховской отводил третьему пункту определяющую роль и считал именно его критерием подбора приютинцев — «принимается ли действительно человеком новое учение, надежный ли он его последователь»^{182}.

Итак, мнения по устройству Приютива были обобщены и сводились к следующему:

I. Приютино — общая дача, как средство

- 1) отдыха от зимы;
- 2) поддержания здоровья;
- 3) сближения друг с другом. (Приютино является тут побочным вспомогательным орудием других наших деятельностей.)

II. Сплочение в идейную сильную группу и более нормальная жизнь как пример другим.

- 4) При братских чувствах друг другу (совместная жизнь семейств).
- 5) При социальных (внутренних) хороших условиях:
Отсутствие собственности частной. Прислуга. Рабочие.
- 6) При здоровой жизни.

Местность. Физический труд.

7) С нормальным во всех отношениях воспитанием детей.

III. Средства дальнейшего развития:

8) наблюдение и изучение народа;

9) изучение провинциальной жизни;

10) самовоспитание (Приютино — храм наук со специалистами разных родов, с кабинетами, музеями и лабораториями).

IV. Практическое значение:

11) доставление приюта;

12) извлечение дохода.

V. Влияние на окружающих:

13) материальная помощь населению

(там есть школа, больница, ссудосберегательная касса);

14) образец для подражания в хозяйственном отношении (приемы полеводства, сада, навыки ремесла);

15) влияние на научное распространение знаний и света просвещения;

16) участие в общественной жизни (земства);

17) политическая деятельность;

18) религиозное влияние.

Это был общий свод мнений, но для каждого из друзей тот или иной пункт был особенно важным. Ф. Ф. Ольденбург на первый план выдвинул бытовую сторону жизни Братства, то есть 2-ю группу целей. Затем он ставил вопросы земской и политической деятельности Приютина и потом уже рассматривал Приютино как приют, дающий смелость и уверенность, чтобы не потерять почву под ногами при политической деятельности. Большое внимание он также уделял теоретическому обоснованию позиций, ходу и логике аргументации.

Д. И. Шаховской считал, что внимание прежде всего надо уделить вопросу, где в данную минуту можно было бы устроить Приютино, чтобы оно стало орудием широкой общественной и политической деятельности. Решающее значение имела 5-я группа целей, потом 1, 3, 4-я.

И. М. Гревс смотрел на Приютино как на орудие местной деятельности и изучения местной жизни и служения интересам этой местности. Участие в земской и политической деятельности, то есть 5-я группа целей, сформулированных Д. И. Шаховским, по его мнению, являлось приоритетным направлением Приютина. Он настаивал на участии в самоуправлении, на самой тесной связи с окружающим населением — всяческим влиянием на него посредством культурной и широкой политической деятельности, устройства школ, больниц,

ссудосберегательных касс, борьбы с кулачеством. Хозяева Приютина, по его мнению, должны были упрочить свою репутацию в местном земстве и не являться крайними людьми. Последнее вызвало непонимание Д. И. Шаховского, он поставил знак вопроса около этих слов. По мнению Дмитрия Ивановича, для И. М. Гревса гораздо более важными были положения 1, 2 и 6-е — необходимость отдыха от работы, поправки здоровья, отдыха детей, что на самом деле определяло его взгляды.

В. И. Вернадский считал более значимой 2-ю группу целей, рассматривая Приютино прежде всего как домашний очаг, совместную жизнь семейств и как боевую единицу Братства, оказывающего материальное и культурно-просветительное влияние и помощь населению. Его точку зрения Шаховской назвал односторонней вследствие неверного взгляда на политическую, то есть гражданскую, деятельность и чрезмерного увлечения наукой.

Для А. А. Корнилова Приютино представлялось средством служения идеалам Братства — тем нравственным принципам, на которых построено Братство, связанное еще и доверием и любовью друг к другу, а также средством служения народу — высшей и конечной цели жизни. Поэтому 3-я группа целей — изучение крестьянской жизни и служение русскому народу — было для него первостепенно важным делом. Достижению этой цели должно было служить все, что понадобится, — земская и политическая деятельность, например, отдых и формирование единства основных воззрений и т. д.

Что касается мнения Сергея Ольденбурга и его жены Александры, то они, как и А. А. Корнилов, считали, что Приютино прежде всего должно служить народу. Однако предлагаемые средства существенно отличались. Равноправные отношения народа и интеллигенции на почве Приютина сводились к просветлению деревенского люда городским светом. Явное предпочтение они отдавали 2-й группе целей, как и В. И. Вернадский.

Приютино планировалось далеко «не на один десяток лет и, в идее, не на одно поколение». Но по конкретным вопросам взгляды расходились. Основными противниками в споре стали В. И. Вернадский и Д. И. Шаховской. Владимир Иванович выступал за такую форму организации, которая была бы «если не вечной, то все же несомненно *вполне пригодною* на очень долгое время». Дмитрий Иванович убеждал в необходимости хоть какого-нибудь, но главное — немедленного решения вопроса. Попытка примирения спорящих сторон была сделана Федором Ольденбургом. Он предложил смотреть на временное Приютино, «которое потом можно было бы передать кому-нибудь, т. е. и не покинуть его совсем, и не связываться с

ним окончательно». С этой позиции сторонникам идеального Приютина в будущем было бы легче смотреть на недостатки Приютина временного.

Только там, где можно было дать «выход народу к *человеческой жизни*», должна была состояться первая попытка Приютина. Временным Приютином Дмитрий Иванович Шаховской предлагал признать Малашкино — усадьбу, приобретенную им в Весьегонском уезде Тверской губернии. Среди всех членов Братства особенно настойчиво ратовал за идею прочно обосноваться в уезде и завоевать его именно Дмитрий Иванович, поскольку именно там все задачи, возлагаемые на Приютино, могли быть полностью разрешены. Приютино должно быть связано с жизненным делом как можно большего числа его членов, а «для этого оно совершенно необходимо должно основаться теперь — потому что потом уже трудно будет переделывать всю свою жизнь». В качестве такого рода уезда Шаховской предлагал Весьегонск. Малашкино являлось своеобразной школой приобщения к крестьянскому труду и хозяйству, создания «сравнительно прочных связей с мужиками», более цельного суждения о личности мужика, весьма отличающегося от отвлеченного народнического столичного представления, что в конечном итоге и делало интеллигенцию народной.

Были и другие варианты имений для Приютина. В. И. Вернадский предложил использовать для организации Приютина свое имение Вернадовку, находящееся в Моршанском уезде Тамбовской губернии. Это была довольно крупная земельная собственность размером в 800 десятин земли. Владимир Иванович предлагал либо использовать ее непосредственно для устройства Приютина, либо, продав часть Вернадовки, на вырученные средства купить имение в какой-либо другой местности. Сам В. И. Вернадский стоял за последний вариант и считал, что лучше всего продать часть Вернадовки и на имеющийся капитал купить 160–200 десятин на юге, лучше всего на Черноморском побережье Кавказа. Эту идею поддерживал и Иван Михайлович Гревс.

Весьма однозначную, резкую и категорическую оценку подобное предложение вызвало у Дмитрия Ивановича Шаховского. «Мне действительно смешно Пр[иютино] на берегу Черного моря — но ведь Вам же оно не смешно, Вы же о нем думаете. Ведь так?.. Если хотите Пр[иютина], то надо больше соображаться с условиями настоящего, а заботы о таком Пр[иютине], ни с чем не связанном, сводятся, в сущности, лишь к мечтаниям в настоящем». Немного позже Д. И. Шаховской сменил тон. В письме В. И. Вернадскому от 13 февраля 1889 года он писал: «...я согласен с тобой о значении юга. Я совсем не считаю невозможным, что

центр всей русской деятельности ' перенесется туда — и, может быть, не спорил бы, если бы кто-либо указал на практически осуществимый план переселения на юг и заведения там чего-нибудь. Но раз вся наша [практика?] на севере, то, по-моему, не надо мечтать о юге, потому что и для севера нас не хватает».

А. А. Корнилов с приютинцами, находящимися в Варшаве, вообще не понимали суть разногласий по поводу двух Приютино — северного или южного. Они заявляли, что считают безусловным и единственно правильным Приютино «великорусское». Были и другие предложения, правда, сведения о них очень скудные. Л. А. Оболянинов рассматривал Приютино в качестве земледельческой колонии, но что конкретно он имел в виду, сказать было сложно, так как какое-либо подробное описание он не давал. Другое предложение поступило от Сергея Ольденбурга в период пребывания его в Мюнхене и касалось покупки дома в Петербурге. Предложение было хорошим, но оно лишало возможности иметь общение с деревенским людом, и, следовательно, те задачи, которые были связаны именно с деревенским Приютином, не решались.

Единого решения, где же устраивать Приютино, выработано не было. Обсуждались и другие вопросы построения приютинской жизни. Например, споры вызвал вопрос об общности имущества, по которому однозначный ответ дать было непросто. В письме к Федору Ольденбургу Дмитрий Иванович не мог сдержать своих эмоций и восклицал: «Меня очень раздражает охота поколотить Влад[имира] Ив[ановича]. Общность имущества! Братство! Ведь это все чепуха при теперешнем положении наших дел. Кто будет распоряжаться общим имуществом — когда всякий ничего не знает про других. Пока нет признанно[го] центра и объекта приложения сил — до тех пор как же может быть общность? Ведь общность имущества предполагает непременно или распорядителя, или принцип распределения, или определенную общую цель».

В другом письме, адресованном Гревсам, Д. И. Шаховской высказывался в том же тоне: «...толки об общности имуществ без определенной цели, без организации или совместной деятельности — вздор — и это так просто и ясно, что спорить с этим, кажется, нельзя. Должен быть или какой-нибудь принцип распоряжения общим имуществом, или распорядитель, или общая мысль, *определяющая всю жизнь*, или совместная деятельность. Что же тут ужасного? А так как я именно стремлюсь к общности имуществ (хотя, по-моему, это не есть необходимое условие — т. е. именно такая общность, где я прямо распоряжаюсь деньгами другого — *сознание того, что все общее* —

мировое — для меня совсем другое дело), — то и хочу большего согласия мыслей и совместной деятельности».

В итоге своих рассуждений Д. И. Шаховской сделал вывод: «Я уверен, что в ваших с Владимиром проектах есть много практически совершенно бессмысленного — и не вижу, почему мне этого не замечать и что тут нехорошего?» В письме Сергею Ольденбургу звучит та же мысль: «*Очень мы с Тобой согласны и во взгляде на Приютино. Совсем так. Помогай нам. А то Владимир и отчасти Иван совсем, совсем другое пишут. Согласен совершенно и насчет того, что нельзя теперь принимать новых приютинцев*».

Можно только удивляться тому эмоциональному напору и той энергии, с которыми Дмитрий Иванович добивался ответов от друзей. Так, например, Гревсам он писал: «И если Приютино не дача (я изо всех сил бьюсь и никак не могу добиться ответа, Вы-то смотрите ли на Пр[иютино] прежде всего как на дачу или нет?), то оно и должно непременно служить этой задаче». В. И. Вернадскому: «Если между нами обмен мыслей не станет оживленнее, то для меня несомненный факт, что братство как попытка *совместной деятельности* будет приносить нам гораздо больше вреда, чем пользы».

Вопросы, требующие выяснения, оставались. «Сообщения письменные с компанией у нас теперь очень плохие». Вместе с тем Д. И. Шаховской не переставал в своих письмах друзьям указывать: «С *моей стороны* немислимо большее напряжение братской деятельности, какая есть теперь»; «...я, может быть, гублю всю жизнь Анюты из-за братства, а Вы всех моих усилий не замечаете *и ничего с ними не связываете*, как будто их и нет вовсе. Так что на деле все усилия эти и пропадают даром. Сижу я в Малашкине один. Перестраивают дом. Я руковожу этим делом, которого не понимаю и которым не интересуюсь»^{183}.

Семейные дела Д. И. Шаховского шли далеко не гладко, в отличие, например, от Ольденбургов. «Смотря на Вашу Вишерскую жизнь, — писал Д. И. Шаховской, — я как-то все удивлялся, как это Вы беззаботно и спокойно живете. Я говорил это Сергею. У нас ведь совсем, совсем не то... А сладить-то с этой жизнью мы не умеем, но и прожить так спокойно и беззаботно хоть один день, как Вы живете все дни, мы не можем. Имейте это в виду по отношению к Анюте. Собственно, трудно выдумать для нее условия хуже нашей жизни... Не говоря уже о большой дружной семье (ведь это всегдашняя мечта Анюты, такая мечта, что видеть этого она у чужих не может без чувства боли по своему одиночеству)». Анна Николаевна постоянно болела. Половину зимы супруги жили врозь, другая

половина проходила в различных заботах. В общем, счастливой семейную жизнь Шаховских не назовешь...

А между тем Дмитрий Иванович продолжал работать в Весьегонском уезде. Дела в земстве требовали все большей отдачи сил и времени, так что спокойно заниматься чем-либо еще было чрезвычайно трудно. Укрепиться на земле, как того требовали задачи Приютина и хотелось бы самому Д. И. Шаховскому, было непросто: «Я спешу разрушить иллюзии, которые могут создаться у людей, мало знающих нашу жизнь и судящих о ней по словам бывших наблюдателей. Мы, т. е., собственно, Анюта, несем тяжесть деревенской жизни, но нисколько или очень мало приобретаем силу деревенских людей. В сущности, я менее тружусь физически, чем трудился в Петербурге, шагая из конца в конец по улицам его; настоящих знаний приобретается тоже мало. Больше приходится возиться с очень противными денежными делами, настоящим образом входить в хозяйство почти не приходится. — Так что: 1) может быть, нам будет не под силу и мы сбежим; 2) я не являюсь уместным деревенским жителем и надежным корнем служить не могу»^{184}.

К тому времени появилось еще одно место для Приютина — это было имение Лопатино в Тверской губернии около Родичевых. В письме Ф. Ф. Ольденбургу от 13 февраля 1889 года Д. И. Шаховской пишет: «Обсудите еще вопрос о Лопатине. Сережка очень стоит за него. По-видимому, и Владимир не будет спорить»^{185}. Решать, где же должно быть Приютино, надо было скорее. Ввиду необходимости участвовать в общественной деятельности уезда — одной из задач, возложенных на Приютино, Д. И. Шаховской выставлял сроки — до лета 1889 года, когда должны были происходить новые выборы в земства.

Итак, по результатам обмена мнениями были сформулированы итоговые вопросы, на которые предстояло ответить:

— Осуществлять ли Приютино только при полной уверенности в том, что можно удовлетворить в данном случае всем условиям или же возможно немедленное осуществление сносного Приютина при условии с течением времени его изменения на другое?

— Согласны ли Вы, что Приютино должно быть окончательно осуществлено к 30 декабря 1888 года?

— Желаете ли Вы, чтобы Приютино давало нам надежное орудие общественной деятельности — земской?

— Находите ли нужным выступать нам на поприще земской деятельности на выборах 1889 года?

- Согласны ли признать Приютиным Малашкино?
- Желаете ли основания Приютина в Вернадовке?
- Желаете ли покупки имения где-либо на юге?^{186}

Последним сроком ответов на эти вопросы названо было 1 октября 1888 года. Как сложилась ситуация в дальнейшем, можно представить по содержанию письма Д. И. Шаховского: «Сегодня 14 октября, 9 месяцев прошло от написания письма, а большинство прочитало его только в последний месяц. Нет лучше иллюстрации на тему, как почти невозможна для нас при настоящих условиях общая деятельность и как существование наших отношений губительно должно действовать на всякие порывы, на то, что способно возбуждать самый благородный «трепет». Никакой энтузиазм не может выдержать столь продолжительного испытания. Конечно, он возбудится снова, но этот первоначальный порыв не поддержится, а будет прямо убит компанией».

«Я сравниваю компанию с каким-то растением, которое чувствует надобность вращаться в землю, но не имеет корня и волочится по земле отчасти по веяниям ветра, отчасти по внешним замыслам. Мы, нижняя часть компании, примыкающая к земле и стремящаяся за что-нибудь уцепиться и во что-нибудь вращаться. Но ни за что не укрепляемся и ни во что не вращаемся, не даем компании устойчивости и платимся своими боками за близость к земле, о которую бьемся и с которой не можем укрепиться».

Как же тогда возможно было работать? Ведь надо же что-нибудь делать. План предложил опять-таки Дмитрий Иванович, который был уверен в одобрении его со стороны Федора и Сергея Ольденбургов и полном неодобрении и отказе «подчиниться компанейскому решению со стороны Владимира». Суть плана состояла в том, что «мы должны готовить из себя писателей, а из русского общества аудиторию — до лучших дней, время наступления и характер которых, разумеется, много будет зависеть от усилий если не нас, то единомышленников наших». «Педагогическое дело — великое дело, ужасно трудное, но жизненное, как всякий переход от мечтаний к делу». Шаховской предложил перечитать до 30 декабря некоторые статьи и книги, например, Кеннана, Вл. Соловьева, «Вестник Европы» за 1889 год, В. Мати «В 2000 году», В. Гюго «Отверженные», и затем по возможности обмениваться впечатлениями о прочитанном. Затем предстояло «вступать в литературу, кто как сможет», чтобы способствовать изо всех сил просвещению русского общества.

Кризис с организацией Приютина нарастал. В письме от 17 июня 1888 года Шаховской писал: «Замечательно хорошо Федор предложил сказать каждому, что он думает делать компании. Кажется, только я и сказал: Да! А

что я сказал: [цепочка такова]:

Приютино — Малашкино — Весьегонский уезд — Тверская губ[ерния].

Я или в своей должности, или мир[ским] судьей.

Книжный магазин.

Журнал в Твери педагогический.

Журнал Комитета грамотности после приезда Сергея.

Попечение о здоровье.

Последний пункт и отвел нас, кажется, от дальнейшего развития Федоровского предложения, — сетует Д. И. Шаховской, имея в виду возникшие разногласия с Сергеем. — *Я совсем не считаю этого пункта о здоровье незначительным. И со стороны Сергея я вижу большую нелогичность в том, что он отверг его обсуждение».*

В письме А. А. Корнилову от 17 июня 1888 года: «Я вспомнил Шурино письмо о службе интеллигенции презираемому правительству. Но надо же поставить и вопрос о средствах к жизни. И вопрос этот не разрешается, конечно, земской службой. Конечно, не безнравственно получать деньги за общественную службу, но уметь жить только этим очень плохо — а в нашем положении и совсем почти невозможно. Литературный труд ближе к делу. Но и он не разрешение вопроса. Земледелие — как этот вопрос ставится у нас теперь — тоже далеко нет. Учительство? Да, отчасти. Но и это не то. Потому что учить мы обязаны тому, чего от нас требуют несогласные с нами люди. А между тем вопрос: как Ты добываешь хлеб: от кого и за что его получаешь — действительно огромной важности вопрос».

Далее эту мысль Д. И. Шаховской развивает: «Мне казалось, что Сергей считает, что мои нравственные теории столкнулись с болезнью Анюты и бессознательно для самого меня пошли на сделки и уступки. *Что в этом один из элементов поворота моего на политику».* Это мнение, по-видимому, расходилось со взглядом Дмитрия Ивановича на проблему. Для него политика никогда не являлась самоцелью. Не политическая деятельность и политический идеал выступали на первый план, а идеалы нравственные. В то время как часть молодежи увлекалась радикальными идеями, идеями народовольцев или марксистов, другая часть — приютинцы разрабатывали духовно-нравственные приоритеты жизни. Не переделывать внешний мир, признавая его негодным, а переделывать себя, помогать в этом другим и тем самым приближать осуществление на земле справедливого строя. По своим политическим симпатиям они были весьма различны, разношерстны и неопределенны, что сами и не скрывали. Но

душевный настрой у всех был одинаковый. Они были воодушевлены единым порывом выработать принципы, которые должны были руководить их ближайшей и дальнейшей деятельностью, личной и семейной жизнью. Идеал политический отступал на задний план, вместо него выступал идеал нравственный — переделывать себя, помогать другим работать над собой, и тогда постепенно приблизится осуществление на земле справедливого строя. Вот такое общее воззрение овладевало всеми тогда^{187}.

Приютинское братство не представляло собой политической партии, потому что политический идеал и даже отношение к политике у его членов были довольно несхожими. Ф. Ольденбург отмечал: «Конечно, мы не сходимся, вероятно, во взглядах на общегосударственную политику. Но есть политическая область, в которой мы совсем не можем не сходиться и на которой можем действовать вместе: это местное самоуправление и свобода мысли, слова и личности. И потому-то мое предложение о политической деятельности совсем реально, а осуществимо и будет служить средством соединения, а не разногласия».

«Мысли наши не готовы для общегосударственной политической деятельности, и деятельность эта нам недоступна теперь — исключая создание убеждений. Но деятельность местная уездная нам очень доступна и мысль к ней готова — и она для нас собственно необходима», — считал Д. И. Шаховской.

В письме к Гревсам от 6 июля 1888 года он рассуждал: «Я прежде говорил: я не признаю для нас *теперь* возможной политической деятельность. Поэтому наши поступки *теперь* (я именно прямо и сознательно на это напирал) должны определяться другими мотивами. А Вы нападали на мою узость, но и сами никакой политической деятельности не указывали. Теперь я говорю: политическая деятельность для нас теперь доступна и, если мы честные люди, мы не можем не присоединить мотивов политических к прежним мотивам». В письме к Ф. Ф. Ольденбургу от 14 марта 1888 года: «Для меня так все яснее становится *необходимость принять либеральную программу*. И как странно это — я перескочил через [Владимира] Ивановича] и Гревса, и они тянут теперь в другую сторону, как тогда, так и теперь понимая меня односторонне».

Дмитрий Иванович не понимал, почему высказанные им взгляды смущали и приводили в недоумение его друзей. Как раньше их поражали нравственные убеждения князя, так теперь, казалось Д. И. Шаховскому, поражала его политическая точка зрения. «Надо всегда служить тем потребностям, которые видишь сегодня. И если я завтра увижу новые потребности, то это совсем не значит, что я вчера поступал плохо», —

утверждал князь. Этот постулат он воплощал в своей жизни безукоризненно. Особенно яркой иллюстрацией этого является его деятельность в первые годы советской власти.

Д. И. Шаховской выступал против сословности, произвола, бесправия личности, гнета мысли, «тайного и скверного законодательства», «ребяческой правительственной опеки». Ему близки были идеи, проводимые «Вестником Европы», Ф. И. Родичевым, П. А. Корсаковым. И он готов был не только примкнуть к их рядам, в которых видел «современное выражение либерализма», но пойти дальше — «быть даже строже и последовательнее их». Либерализм был привлекателен для князя тем, что он касался области правовых отношений. По его мнению, либерализм способен был развить в народе правосознание, «представление о каждом совершеннолетнем жителе как о равноправном и способном понять свои интересы гражданине». А это являлось важной предпосылкой для проведения регулярных социальных реформ. Поскольку в либерализме не было либеральной религии, философии или нравственности, то Дмитрий Иванович мог считать себя не связанным какими-либо социальными, нравственными и религиозными взглядами, а свобода от такого рода чуждых ему нравственных стеснений имела решающее значение для Д. И. Шаховского.

И, наконец, принципиальное разрешение соотношения либерализма и социализма дается Д. И. Шаховским в письме к А. А. Корнилову от 23 октября 1890 года. Отношение к социализму князя можно увидеть из следующих его слов: «Я даже не могу себе представить, как мыслящий искренний человек из нас не был бы социалистом»; «Я не согласен именно с тем социализмом, к[ото]рый ставит перед собой известный идеал экономического строя и готов посвятить все для достижения идеала, — и поэтому я готов даже спорить против национализации земли, или, лучше, с тем отрицательным отношением ко всякой земельной собственности, к[ото]рое было у тебя, — национализации земли ведь еще нет. Для меня ясно, что «Декларация прав...» должна расширяться и исправляться, и я люблю Французскую революцию не за ту именно декларацию, она провозгласила, а за то, что она вообще провозгласила права человека, т. е. осмелилась построить человеческое общество на началах разума и справедливости... Я понимаю социалистические принципы именно как расширение прав человека...»

«Конечно, истинный либерализм и истинный социализм не противоречат, а дополняют друг друга, — продолжал князь. — Но, понимаемые односторонне, они постоянно сталкиваются. Поэтому я ровно

ничего не могу возразить против твоей общей точки зрения, и потому, что совершенно с ней согласен, но постоянно буду спорить против тех твоих частных положений, где будет, пусть излишнее, увлечение какой-либо частностью или недостаточно внимательное отношение к особенностям русского строя, которые придают иногда первостепенную важность развитию чего-либо самого по себе и не особенно желательного. Так, развитие личности в русском человеке ужасно важно и желательно. Я не хочу, чтобы из него развивался узкий индивидуалист, но я не могу не стараться изо всех сил, чтобы в нем сильнее выразилась определенная личность с сильными желаниями, ясным сознанием своих целей и твердостью и постоянством в их достижении. Я готов поклоняться культуре не потому, чтобы я ее ценил высоко, а потому, что я всякий день вижу, как погибает русский человек от некультурности. Поэтому либерализм должен занимать особенно видное место в нашей программе... пока не разовьется личность, никакая вообще деятельность невозможна, возможны только стихийные движения, а я хочу настоящей человеческой жизни. Я убежден, что тут нет ровно ничего нового».

Политическая программа Д. И. Шаховского включала следующие пункты: 1) вопрос о разделении власти в государстве между главой и народом; 2) провозглашение личности гражданина и его прав: права на труд и пользование продуктами труда, право общественного призрения, право на школу. Как видно, важное место занимают не только политические права личности и даже не столько, сколько ее социальные права^{188}.

Неутолимая жажда деятельности, причем деятельности совместной, солидарной, освещенной общей целью, ни на минуту не покидала Д. И. Шаховского. Трудности с организацией Приютинского проекта подвигли князя более активно заняться другими конкретными делами, в которых он с невероятной силой сумел проявить свою творческую энергию.

*

Бологое, 28 апреля 1889 года.

Добравшись до Бологоро, князь, сойдя на станции, прошел на почту, где решил написать письмо отцу:

«Пишу Тебе из Бологоро, по дороге в Весьегонск, куда я заеду на два дня, на выборы уполномоченных от мелких землевладельцев для участия на съезде крупных землевладельцев для выбора земских гласных.

Оттуда поеду в Ярославль, заеду в Романовское и Углицкое имение, а

главное — подготовлю по возможности почву для залога Ярославского имения в Дворянском банке...»[f189f](#)

Закончив письмо, Дмитрий Иванович опустил его здесь же на вокзале в почтовый ящик и вышел на перрон. Ему предстояло пересечь на другой поезд и постараться добраться до Весьегонска еще до наступления сумерек.

Солнце оранжевым шаром зависло над горизонтом, освещая своими лучами золотистые стволы сосен, придавая особую торжественность ясному весеннему дню.

Впереди князя ждала дорога и впереди была целая жизнь длиною в полвека...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«ЗЕМСКИЙ КНЯЗЬ», ИЛИ «ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ» СВОБОДЫ

... Твердыню самодержавия мы свергать не собирались. Можно было бы без особенного труда выправить наши мозги, объяснить нам всю сложность политического и социальных противоречий, сказать, что их нельзя преодолеть революцией и насилием. Если бы только учителя нам больше говорили о России, если бы они сумели внушить нам, что Россию надо беречь, И любить. Но они сами этого не понимали.

А. В. Тыркова-Вильямс.

То, чего больше не будет

Безбожие было самой опасной болезнью не только моего поколения, но и тех, кто пришел после меня, так же было и с патриотизмом. Это слово произносилось не иначе как с улыбочкой. Прослыть патриотом было просто смешно и очень невыгодно.

А. В. Тыркова-Вильямс.

На путях к свободе

...Нам грезились сдвиги, а не катастрофы, ледоход, а не

землетрясение.

А. В. Тыркова-Вильямс.

Там же

Глава 10

ДЕЛА ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ. ЗЕМСКИЕ ХЛОПОТЫ

В течение целого года, с марта 1889-го по март 1890-го, Д. И. Шаховской после смерти управляющего отца всецело был поглощен устройством хозяйственных дел, а в марте 1890 года переехал в принадлежащее ему ярославское имение и с тех пор проводил в нем значительную часть своего времени.

Оба имения князей Щербатовых-Шаховских, Рождествено-Васькино и Михайловское, сохранились до наших дней. Правда, за последние сто лет облик их претерпел существенные изменения. Васькино (ныне Чеховский район Московской области, не доезжая 5 километров до Мелихова) представляет собой пансионат, расположенный в перестроенной княжеской усадьбе и в современном кирпичном здании. От былых времен остался роскошный липовый парк, в тенистых аллеях которого можно легко затеряться в жаркий летний полдень. За последние семь лет почти полностью восстановлена и отреставрирована церковь Рождества Пресвятой Богородицы, где постоянно проходит служба.

И облака плывут над Васькином и отражаются в водной глади старого пруда так же, как и много лет назад. Мало кто из местных жителей или отдыхающих сегодня знают об удивительной судьбе этого живописного уголка Подмосковья, о тех людях, которые здесь жили или бывали. Слава Богу, чтят А. П. Чехова, чей памятник установлен недалеко от усадьбы, куда не раз наведывался писатель к своим соседям, князьям Шаховским.

У Михайловского — более грустная история. От Ярославля по шоссе сюда можно доехать за каких-нибудь полчаса. Но дорога эта — словно возвращение в далекую старину, образы которой едва проступают через проросшую траву забвения. На пути то там, то здесь встречаются разрушенные храмы. Удивительный собор в Курбе — некогда вотчине князя Андрея Курбского — все еще сохраняет черты былого величия, но его пустые мертвые глазницы окон — немой укор нам, потомкам, не сумевшим сохранить память и традиции предков.

С еще большей силой чувство вины одолевает в самом Михайловском у могилы князя М. М. Щербатова, знаменитого историка и писателя. В храме Архангела Михаила, где покоились его останки, после революции

размещался клуб, и шумные митинги и танцы сельской молодежи устраивались в буквальном смысле «на костях». Мог ли представить автор сочинения «О повреждении нравов в России», написанного во второй половине XVIII века, насколько его труд будет актуален в нашем благословенном Отечестве и через двести с лишним лет?

Но вернемся в конец XIX века. Судя по письмам Дмитрия Ивановича, оба имения отца — и Рождествено, и Михайловское — находились на грани банкротства. Он обнаружил, что финансовое положение и делопроизводство были особенно запущенными. Фактически полностью отсутствовала отчетность. Величина расходов оказалась такой высокой, что по займам зачастую приходилось платить более 20 процентов в год. Все это требовало коренных изменений в общем ведении хозяйства.

Свою задачу Шаховской видел в скорейшем наведении порядка. Князь намеревался потолковать с кредиторами и до осени съездить в оба имения, разобраться во всем на месте. Поначалу возникало много вопросов: кому и сколько платить, к кому обратиться за разъяснениями по поводу бумаг, в каком положении находятся дела с остальными наследниками бабушки, кому и за сколько заложены имения, получены ли выкупные и пр.

За ведение хозяйства Дмитрий Иванович не хотел браться, считая, что для этого он слишком мало знает и вообще мало к этому делу способен. Необходим был помощник, доверенный человек. Выбор Дмитрия Ивановича пал на младшего брата Сергея. Дмитрий считал, что Сережа будет очень полезен в делах сельского хозяйствования, особенно если несколько умерить его фантазии. Так и оказалось.

Младший брат Шаховского приступил к управлению усердно, с воодушевлением и большим желанием: «...он не боится физической деятельности, очень бодр и живуч, смело берется за всякое дело (конечно, нередко и слишком смело) — а это все важные свойства хозяина», — характеризовал брата Дмитрий Иванович.

Дела в имениях обстояли следующим образом. В Михайловском вся пашня — 3400 десятин — обрабатывалась крестьянами ближних и дальних деревень за отрезки; денежный доход складывался из платы крестьян за полосы и выгоны. Покупателя на такую землю найти было весьма сложно. Шаховской предложил следующие варианты — либо продавать землю по частям постепенно, либо использовать другие ее возможности. Земля располагалась вдоль линии железной дороги, в 18–25 верстах от Ярославля и Волги или в 11 часах езды до Москвы. Недалеко от станции находилось село Великое — центр льняной промышленности, и посев льна мог обещать значительную прибыль. Благоприятными были условия для

развития молочного хозяйства, разведения ягодного фруктового сада и выращивания овощей. Сумма долгов составляла 18 200 рублей банку и 12 000 — по второй закладной.

Решено было продавать землю. Сергей Иванович помогал Дмитрию Ивановичу в хлопотах по обмеру земли для организации ее продажи крестьянам, планировалось продать порядка 400 десятин. Переписка Шаховского показывает, что дело с продажей земли пошло на лад.

Правда, как вспоминала позже А. Н. Шаховская, ее супруг не отличался коммерческой жилкой. Земли крестьянам он продавал по баснословно дешевой цене, что очень удивляло соседей. Так, за землю по берегу реки Которосли князь просил по 4 рубля за десятину, тогда как арендная плата составляла не меньше шести рублей. Крестьяне, купившие землю, говорили, что Шаховской «наградил нас землей»^{190}.

По Рождеству долгов и неизбежных расходов была пропасть. Всего до 1 января 1890 года требовалось заплатить 16 551 рубль 18 копеек. Дмитрий Иванович предлагал имение заложить, прежде устроив в нем лесное хозяйство. Лесное дело могло сразу дать довольно значительный доход. Большой дом в Рождествено Шаховской планировал сдавать под дачу, но покупателя из-за высокой цены не нашел. Поэтому сдавал его своим друзьям и родственникам. «Сиротининым сдана дача за 150 рублей, Сахаровым — за 50 рублей. Молока, овощей, хлеба и проч, они забирают в месяц рублей на 40–50 обе семьи вместе», — писал он.

Перезалог имений и всякое улучшение хозяйства, расплата с мелкими долгами, уплата процентов и налогов требовали наличных денег. Поэтому второй задачей своей деятельности Д. И. Шаховской считал добычу денег. Дела были «очень плохи, потому что денег совсем нет», а откуда достать их, «я совсем не могу себе представить, — писал он отцу. — Если бы Ты мог мне как-либо помочь в делах, заняв денег, это было бы ужасно важно».

Д. И. Шаховской предлагал занять в Дворянском банке 80 тысяч рублей под два имения; все лишнее продать, расплатиться с долгами. Однако эти надежды не оправдались. В Дворянском банке Ярославское имение оценили всего лишь в 13 500 рублей, в то время как Московский земельный банк выдал под него 18 тысяч рублей. Рождествено удалось перезаложить еще на один год в частные руки. «Досадно ужасно, — сетовал Д. И. Шаховской в письме от 18 февраля 1891 года, — уплатится только долг, что это уже, несомненно, последний год»^{191}.

Постоянно проживая в Михайловском, Д. И. Шаховской стал инициатором организации школьной колонии. Об этом повествовал в июне

1892 года Алексей Васильевич Пешехонов, известный народник, а в ту пору еще и «частный землемер».

Школьные колонии были важны не только тем, что укрепляли здоровье детей. Они имели громадное образовательное значение, расширяли кругозор детей, познакомили их с массой новых предметов и неизвестными им до того условиями жизни. Подобные колонии в конце 1880-х годов начал устраивать кружок москвичей, во главе которого находилась госпожа Орлова. Целью было доставить учащимся московских школ возможность проводить вакационное время не в пыльной столице, а в деревне, где чище воздух, больше простора, света, зелени. С тех пор доброе дело, хотя медленно, но все-таки развивалось, школьные колонии встречали общее сочувствие.

Михайловская колония была одной из самых малочисленных, ограниченной в своих размерах предоставленным ей помещением. В одно лето ее состав насчитывал 13 учениц московских городских училищ, прибывших вместе с учительницей и ее двумя детьми, в другое — 16 девиц. Д. И. Шаховской на протяжении нескольких лет бесплатно предоставлял в распоряжение колонии часть дома. «Девицы поют и играют, а иногда и помогают в работе: теперь много возьмется с сыном, сегодня обрезали усы у клубники, охотно поливают овощи, если привезут воду, и т. д.», — вспоминал Д. И. Шаховской^{192}.

Кое-как разобравшись с делами отца и передав Рождественно-Васькино полностью на попечение младшему брату, Дмитрий Иванович вместе с семьей переехал в Тверь, где в течение 1890–1892 годов занимался земской статистикой. Все это время он не прекращал сотрудничать с Весьегонским и Ярославским земствами, часто находясь в разъездах, бывая и в провинции, и в столицах, в постоянном общении с самыми разными людьми, не скрывая в разговорах с ними своего критического настроения. Весной 1891 года в ходе поездки по Весьегонскому уезду в городе Красный Холм с князем произошел неприятный инцидент. Когда он присутствовал на экзамене в местной школе в качестве гласного училищного совета, местный жандармский унтер-офицер посчитал его встречу с учителями подозрительной сходкой и сделал ему замечание. В августе и сентябре 1891 года Д. И. Шаховскому пришлось дважды встречаться с важными сановниками в Твери и Петербурге и объясняться с ними по поводу своего поведения. Тверской губернатор не нашел ничего предосудительного в действиях князя, а директор Департамента полиции категорически заявил, что дело не представляет какого-либо значения. Но вместе с тем к намерению Шаховского поступить на службу в Министерство народного

просвещения чиновник отнесся весьма сдержанно, отметив, что князь доставит министерству много хлопот^[193].

Вероятно, еще с августа 1890 года, как свидетельствуют донесения Ярославского губернского жандармского управления, за Д. И. Шаховским согласно предписанию ярославского губернатора был установлен негласный надзор. Одно из донесений сообщало, «что образ жизни князя Д. И. Шаховского крайне оригинален; носит он русский костюм, проводит время с крестьянами рабочими, с ними же нередко обедает и вообще держит себя с крестьянами как равный им по положению».

Согласно донесению Департамента полиции от 8 мая 1893 года, Д. И. Шаховской устроил народную читальню в одном из сел Ярославской губернии. Жена Дмитрия Ивановича, Анна Николаевна, до выхода замуж была учительницей в одной из народных земских школ в Тверской губернии, где в то время имел постоянное место жительства князь Шаховской, состоя гласным Тверского земства. Анна Николаевна принимала активное участие в просветительской работе. По донесению Департамента полиции от 10 марта 1894 года, она была в нескольких деревнях Курбской волости. Анна Николаевна «выдавала себя за уполномоченную в наблюдении за школами грамотности, просматривала книги учеников, азбуку, часовник, рукописные тетради, заставляла детей читать и писать». В июне 1894 года в усадьбу Нагорное Курбской волости Ярославской губернии, принадлежащую помещику Н. Н. Костылеву, прибыли из Москвы 13 девочек от 9 до 14 лет из московских городских начальных училищ под наблюдением домашней наставницы девицы Елены Егоровны Лопатиной. Из канцелярии попечителя Московского учебного округа пришла бумага ярославскому губернатору о том, чтобы известить Д. И. Шаховского, чтобы он со своей женой не посещал означенных учениц^[194].

Все эти препятствия не остановили Д. И. Шаховского. Наоборот, он думал о расширении сферы своей просветительской работы. В письме от 5 июня 1894 года Наталье Егоровне Вернадской из Михайловского он писал: «...очень важно составить по одному или двум уездам Полтавской губернии обстоятельные планы сети училищ для того, чтобы обучение могло быть всеобщим... Неужели нет возможности сдвинуть Полтавское губернское земство с этой слишком равнодушной по отношению к школьному делу позиции? Постарайся разузнать, какие теперь в губернии лучшие деятели по школьному делу, и в каких они уездах».

В 1905 году на заседании комиссии для разработки предположений о

преобразованиях Д. И. Шаховской, говоря о несовместимости принципа неограниченности верховной власти с просвещением народа, дал хорошую характеристику положения земского дела в Тверской губернии. «Что-нибудь одно — или неограниченность власти, или просвещение... Говорят, что у нас есть школа. Но сколько сил потратило земство, сколько выдержало оно борьбы, чтобы добиться хотя бы ничтожных результатов, тех жалких школ, которые мы имеем теперь. Как упорно боролось правительство с земством. Когда Тверское земство начало, по мнению правительства, тратить слишком много средств на школы, была введена предельность земского обложения, чтобы, искусственно фиксируя земские сметы, не давать земству слишком много тратить на школы. Чтобы не сосредоточить дело народного образования в одних верных руках земских, были учреждены церковно-приходские школы. Как ничтожны программы школ, и какими стеснениями еще недавно было обставлено самое обучение в школах». Как трудно было добиться разрешения на организацию общеобразовательных и педагогических курсов для поднятия образовательного уровня учителей. «Народные чтения признаются опасными. Еще недавно нужно было иметь разрешение от 4-х министров, чтобы устроить чтение в какой-нибудь глухой деревушке. Устройство народных библиотек также затруднено... надо, чтобы книга пошла через особую цензуру ученого комитета Минпроса. Существует особая цензура для книг толстых и тонких, для дешевых и дорогих. Для народа оказался негодным мировой суд. Создали особый волостной суд для одних крестьян. Для народа особые начальники, особые права. Как же не говорить, что правительство тормозит дело народного просвещения»^{195}, — утверждал Шаховской.

Придавая большое значение своим земским обязанностям, Дмитрий Иванович часто испытывал активное противодействие со стороны чиновников разного уровня. Постепенно в его сознании складывалось устойчивое мнение, что главные противники земскому делу в России — представители самой власти. Опыт, приобретаемый князем в разных сферах общественной жизни, только укреплял его в этом. Взаимное непонимание, а лучше сказать, нежелание понять друг друга, со временем только усугублялось. Преодолеть отчуждение и враждебность между властью и общественностью не помогла даже совместная работа в период всенародной трагедии — борьбы с голодом в начале 90-х годов XIX века.

Глава 11

В БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ.

КОНСОЛИДАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Начало последнего десятилетия XIX века в истории России ознаменовалось страшным бедствием — неурожаем и голодом. В 1891 и 1892 годах, в центральной и юго-восточной, приволжской России был полный неурожай. Следствием его оказался голод, охвативший 20 губерний.

Голод начался в октябре 1891 года, хотя нужда и не приобрела осенью таких масштабов, как впоследствии. Крестьяне проживали те последние ресурсы, которые получили от распродажи скота, а также от забора хлеба и денег под работу у окрестных помещиков. Скота продавалось очень много по чрезвычайно низким ценам. Так, например, лошади продавались по цене от 5 до 25 рублей, в то время как обычно хорошие лошади стоили 30–35 рублей. Коровы продавались по цене от 10 до 20 рублей. Скот был худой, изнуренный.

Земские собрания неурожайных губерний возбуждали ходатайства перед правительством о продовольственных ссудах, но ходатайства эти либо отклонялись, либо удовлетворялись в далеко не полной мере. Земство выдавало озимые семена. В ноябре была произведена первая раздача земского хлеба, однако значение первой земской помощи по количеству розданного в ссуду хлеба было ничтожным. Частная помощь уже существовала, но размеры ее были невелики.

К декабрю 1891 года картина голода начала приобретать угрожающие масштабы. В Петербурге получали письма из разных губерний с описанием крестьянской нищеты и голода, но сообщать о голоде в печати было запрещено цензурой. По слухам передавали, что Александр III на докладе одного из министров, в котором упоминалось о голодных крестьянах, сделал пометку: «У меня нет голодающих, есть только пострадавшие от неурожая». Эта формула была принята в руководство цензорами, которые вычеркивали из газетных столбцов слова «голод», «голодающие» и заменяли их словами — «неурожай» и «пострадавшие от неурожая».

Наглядную картину голода представляет, например, описание Нижегородского края, сделанное известным отечественным меценатом, книгоиздателем М. В. Сабашниковым: «По занесенным снегом дорогам

можно было встретить крестьян, шедших в город в надежде пропитаться на фабриках. Другие шли с котомками через плечо «по кусочки» — побираться. Некоторые тащили за собой детей в салазках. Создавалось впечатление, что население, покинув свою оседлость, перешло к бродячему состоянию. В деревнях многие избы были оставлены владельцами. Некоторые были заколочены».

Тяжелая ситуация бедствия наблюдалась и в Самарской губернии, где побывал известный юрист и публицист К. К. Арсеньев, описавший свои впечатления в февральской книжке журнала «Вестник Европы» за 1892 год: «Стоит мужик, бледный, с подведенными глазами, с отвислыми щеками; изредка всхлипывает баба; по стенкам жмутся худые, оборванные дети». Но более всего его потрясло отсутствие каких-либо жалоб. Население воспринимало свалившееся тяжелейшее горе безропотно и даже смиренно, что являлось характерной чертой русского человека, привыкшего терпеливо переносить все невзгоды и обрушившиеся несчастья.

А. А. Корнилов писал: «Нигде нет ни картофеля, ни овса, ни пшеница, ни проса; есть только, и то не везде, небольшие остатки капусты и свеклы, нередко дурного качества. Семьи бедных крестьян кормились преимущественно щами из негодных листьев серой капусты, сильно приправленных солью. Эта пища возбуждала ужасную жажду; дети, не умея воздерживаться, выпивали массу воды, начинали пухнуть и скоро умирали»^[196].

Положение усугублялось тем, что земской продовольственной ссуды хватало на две — две с половиной недели, редко у кого — на три недели. Средств, ассигнованных Министерством внутренних дел на борьбу с голодом, явно оказалось недостаточно. Осознавалась потребность в создании частных комитетов помощи. В этом движении приняли активное участие люди разных слоев и кругов русского общества. Внушительный вклад в дело организации помощи голодавшим внес Лев Николаевич Толстой, который развернул деятельность по устройству бесплатных столовых для голодающих крестьян. Его непосредственная работа послужила образцом и школой для множества людей по всей стране.

Приютинцы также приняли горячее участие в движении общественной инициативы и самодеятельности. Первыми отозвались те из них, кто оказался тогда в Москве, — В. И. и Н. Е. Вернадские, А. А. Корнилов и Д. И. Шаховской. Вернадские поселились в Москве в 1890 году, когда Владимир Иванович был принят в число приват-доцентов Московского университета для чтения лекций по минералогии и кристаллографии и заведования минералогическим кабинетом. Шаховской часто наезжал в

Москву из Ярославля. Переехав в Москву, Вернадские сдружились с известным земским деятелем старшего поколения Иваном Ильичом Петрункевичем и его второй женой Анастасией Сергеевной (урожденная Мальцева, по первому мужу графиня Панина). Они даже жили по соседству на Смоленском бульваре^{197}.

Когда к концу лета 1891 года выяснились угрожающие размеры неурожая и начавшегося голода, дружеский кружок Вернадских, Шаховского и Корнилова, к которому примкнули и Петрункевичи, решил устроить более широкое собрание из лиц, пользовавшихся влиянием в Москве, чтобы привлечь жертвователей, а также людей, готовых взять на себя организацию работы помощи на местах.

Это собрание состоялось в квартире Петрункевичей, вероятно, в конце сентября или начале октября 1891 года. Собралось человек тридцать. Кроме кружка инициаторов, на собрании присутствовали Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев, М. Я. Герценштейн, С. А. Дриль, Н. И. Миклашевский, Н. А. Каблуков, В. А. Гольцев, И. И. Иванюков и другие. Все сочувствовали целям собрания, но многие выражали сомнение в успехе предприятия. После вялой речи Гольцева, который говорил об утомлении и охлаждении общества к делу продовольственной помощи, Д. И. Шаховской вскочил и крикнул голосом, полным негодования: «Мы не должны и допускать мысли, что можно отказаться от такого дела, как помощь голодающим кто чем может: сбором пожертвований или личным трудом; что отказ от такого дела был бы позором для русского общества». Этот страстный порыв вызвал «ласковое выражение глаз Толстого, устремленных в ту минуту на Шаховского», и так повлиял на собравшихся, что все единогласно присоединились к нему^{198}.

Приютинцы решили образовать свою собственную группу и на пожертвования, свои и своих друзей, организовать дело помощи голодающим крестьянам хотя бы в небольшом районе. Для этой цели был избран Моршанский уезд Тамбовской губернии, где находилось имение В. И. Вернадского, около 800 десятин земли. В. И. Вернадский сельским хозяйством сам не занимался. Управляющий его имением Александр Иванович Попов большую часть земли сдавал в аренду соседним крестьянам. Имение было расположено около станции Вернадовка Сызрано-Вяземской железной дороги. Названа была станция так потому, что земля для нее была куплена железной дорогой у Ивана Васильевича Вернадского — отца Владимира Ивановича, и водоканал устроен был на его земле. Примечательно, что станция до сих пор существует под тем же

названием^[199].

В сентябре 1891 года В. И. Вернадский попросил управляющего доставить ему сведения о положении крестьян вокруг Вернадовки. А. И. Попов ответил несколькими обстоятельными письмами. Из октябрьских его писем видно, что в этом районе Моршанского уезда голод уже начинался: «Четвертая часть населения Вернадовки питается как следует, четвертая часть в ржаной хлеб подсыпает гороховую муку (чина) и просяную муку, а половина питаются просяными блинами, размалывая просо прямо с шелухой, а есть даже и такие жители, которые начинают уже побираться...», продавать по дешевке коров и лошадей.

В. И. Вернадский предпринял тогда же сбор денег среди своих знакомых и в ноябре отправил управляющему 500 рублей на покупку ржи и раздачу ее наиболее нуждающимся. На эти деньги было закуплено ржи и роздано 308 семьям (1983 человека, не считая детей до пяти лет). На одну семью пришлось от 20 фунтов до 2 пудов. Чтобы перейти к более рациональному способу, указанному Л. Н. Толстым, — устройству столовых, нужно было кому-нибудь ехать на место. В. И. Вернадский не мог взять этого на себя, будучи связанным чтением лекций в университете. Ехать вызвались Л. А. Оболянинов и друг приютинцев В. В. Келлер.

В. В. Келлер приехал в Вернадовку в середине декабря и был потрясен картиной бедствия. 17 декабря стал одним из самых критических дней. В. В. Келлер вспоминал: «За день, один только день видел столько страданий, что потерял голову и оступел... Я не мог пересилить себя — проглотить кусочек этого ужасного подобию — навоза, а не хлеба. И всюду на лицах голод, у всех глаза заплаканные: все худы, бледны, растеряны; большинство и говорит, с трудом соображая. Страшная картина! И какое терпение, какая покорность судьбе у этих несчастных! Рыдать хочется, глядя на них! За что их довели до этого? Кто выведет их из этого страшного положения?»

18 и 19 декабря была произведена вторая выдача продовольственной ссуды от земства немного в большем размере, положение временно слегка улучшилось. На всех едоков, кроме мужчин от восемнадцати до пятидесяти пяти лет и детей до пяти лет, было выдано по 30 фунтов муки. Что касается мужчин в рабочем возрасте, то считалось, что каждый из них может прокормить не только себя самого, но еще двух человек из своей семьи. Эта ежемесячная помощь была увеличена с января тем, что к числу едоков были причислены также и дети от двух до пяти лет. Однако она не могла покрыть во всей необходимой мере нужду.

Л. А. Оболянинов, пробыв в Вернадовке с 25 декабря до 11 января,

писал: «Все, с кем только приходилось разговаривать, — крестьяне, купцы, помещики и помогающие голодающим — говорят одно и то же: спасти хозяйство от разорения нечего и думать; оно и видно сразу, как выезжаешь в деревню: то здесь, то там виднеется раскрываемая крыша, полуразобранное гумно, место из-под снесенного амбара, изба без крыши и т. п. Невесело клубится дым над трубами, и иногда не сразу разберешь, идет ли он или нет; окна изб завалены соломой, снегом». Еще ярче картина разорения была видна в самих избах: «...иногда по двору ходят изморенные животные, большею частью лошадь, в лучшем случае корова и 2–3 овцы... очень редко скотина занята едой яровой соломы, обыкновенно же крыша служит ей кормом... Куда ни кинешь взгляд, сколько-нибудь привыкший наблюдать крестьянский обиход, всюду видишь доказательства полного разорения, доходящего до самых мелочей: какое-нибудь топорище, разрубленное корыто говорят больше, чем отсутствие двора, амбара, тощая лошадь и т. п. До чего дошел крестьянин, когда ему не надо топора или корыта? Как важна его нужда, если даже хорошее корыто рубится на дрова? Входишь в избу — тебя сразу обдает или запахом сушащегося в корзине, а то и просто на полу, конского навоза, или аммиачным запахом от топки этим навозом, или угаром, или ароматами гниющей капусты, или затхлым запахом сырости от недостаточной топки... В избе ужасно пусто; не видно ни посуды, вероятно убранный куда-нибудь подальше, так как употреблять ее мало приходится, ни куч одежды, обыкновенно бросающихся в глаза: за недостатком топлива все сидят в избах, одевшись во все, во что только можно. Почти ни разу мне не приходилось видеть семью за какой-нибудь работой, так как нет материала для нее... Мельницы не работают, просорушки тоже; торговля почти остановилась; кабаки частью закрылись, частью стоят без посетителей, и иногда снег перед кабаком подолгу лежит ровной, не-притоптанной поверхностью. За все время пребывания в голодных губерниях я не видал решительно ни одного не только пьяного, но даже подвыпившего... и курение совсем прекратилось... Табак, красный товар, даже соль не находят почти покупателей... Кузницы почти не работают, плотники, столяры, портные, сапожники, печники и все ремесленники сидят совершенно без дела. Причты бедствуют до такой степени, что одному многосемейному дьякону мы не могли не дать хлеба»^{200}.

В феврале 1892 года для Приютинского кружка неожиданно представилась возможность значительно расширить свою деятельность. 22 января В. И. Вернадский получил от великого князя Николая Михайловича предложение пожертвования 30 тысяч рублей под условием, чтобы имя

жертвователя осталось неизвестным. Обращение Николая Михайловича именно к кружку Вернадского, по всей вероятности, объясняется тем, что отец Николая Михайловича — великий князь Михаил Николаевич состоял в 1860-х и 1870-х годах кавказским наместником, а отец Натальи Егоровны Вернадской — Егор Павлович Старицкий — был в то время главным деятелем по введению земской реформы и новых судебных учреждений на Кавказе, а впоследствии членом Государственного совета. Николай Михайлович должен был много знать о Старицком от своего отца и, вероятно, лично с ним был знаком.

Великий князь пожертвовал в этой сумме долю своего наследства, полученного им от скончавшейся тогда его матери. Все остальные братья его также пожертвовали свои доли доставшегося им наследства на помощь голодающим, но они отдали свои деньги в особый комитет наследника-цесаревича, а Николай Михайлович не пожелал их отдать туда же по своему недоверию к официальным благотворительным учреждениям. Не пожелав вручить средства Красному Кресту, который был в руках различных высокопоставленных лиц и не пользовался общественным доверием, великий князь передал их в полное распоряжение В. И. Вернадскому как одному из представителей общественной инициативы^{201}.

Приютинцам предстояло решить, как именно использовать предложенное им пожертвование. В начале их работы поставлено было целью устроить столовые на тысячу человек. Теперь оказалось возможным кормить не менее пяти тысяч человек, а сверх того организовать продовольствие не менее двух тысяч лошадей у наиболее нуждающихся крестьян. В феврале 1892 года Д. И. Шаховской в письме подробно расспрашивал В. И. Вернадского о ходе дела:

«Войдет ли в твою задачу и заготовка яровых семян? Будешь ли поддерживать и другой скот кроме лошадей? Войдет ли в твою задачу обеспечение топливом?»

Второй вопрос — это какой район обнимет помощь: на сколько он определен и можно ли ограничивать помощь строго намеченным районом?

Третий вопрос — можно ли и надо ли организовывать какие-либо работы или ограничиваться только поддержанием населения?

Четвертый вопрос — насколько тебе обеспечена непрерывность помощи — ведь это ужасно важный и основной вопрос.

Пятый вопрос — это отношение к населению, выяснение ему, чего оно может и чего не должно ожидать, и привлечение его по возможности к участию в организации помощи».

Задача была обозначена: надо прокормить 2,5 тысячи людей в течение пяти месяцев и 2 тысячи лошадей в течение двух с половиной месяцев. Сколько это могло стоить? Если считать по 1/2 пуда в месяц на человека, то 5 месяцев на 2,5 тысячи означали 6250 пудов. Д. И. Шаховской считал, что половина людей может, так или иначе, перебиться сама. Остальная половина требует расхода 1 рубль на человека в месяц. На лошадь уходило сено, солома, овес, что обошлось бы 10 копеек в день или 3 рубля в месяц. Таким образом, в первые два месяца организации помощи, февраль и март, требовалась достаточно большая сумма — не менее 6 тысяч рублей в месяц. На пожертвования в Вернадовке предполагалось открыть и содержать в течение семи месяцев, до нового урожая, столовые на 250 взрослых и 155 школьников. Помимо Моршанского уезда, было открыто 22 столовых в Кирсановском уезде^{202}.

А. А. Корнилов решил взять на себя главное руководство всем предприятием и остаться на месте до конца кампании. Кстати говоря, его семья решила урезать себя лично во всевозможных расходах и продать различные ценности, считавшиеся ненужными, например, ордена отца А. А. Корнилова, которых оказалось на 300 рублей. Все собранные деньги отсылались Л. Н. Толстому, который в то время одним из первых стал собирать пожертвования и открывать столовые в голодающих местах.

Для расширения дела потребовалось больше сотрудников. В Вернадовку ранее отправился младший брат Д. И. Шаховского — Сергей Иванович, помещик Серпуховского уезда, который при этом впервые проявил свой недюжинный организаторский хозяйственный талант. Для помощи А. А. Корнилову поехали также еще несколько человек, в том числе Юлия Николаевна Сиротина, сестра жены Д. И. Шаховского, С. И. Яроцкий — вольнослушатель Петербургского университета, К. К. Бауэр — кандидат того же университета, С. К. Еленевский — студент Московского университета, Б. А. Юрковский — студент Петербургского университета. Большую помощь оказал местный земский начальник Н. О. Хржановский.

Все участники Приютинского кружка работали, не щадя сил, с утра до ночи. А. А. Корнилов вспоминает, как в самом начале В. В. Келлер, отправляясь в Вернадовку, захватил с собой большой чемодан книг и с ужасом думал о длинных скучных зимних вечерах. Чемодан так и остался до конца нераспакованным. Ю. Н. Сиротина серьезно заболела на почве переутомления. С. К. Еленевский заболел тифом. Обоим пришлось вернуться в Москву раньше конца кампании^{203}.

Д. И. Шаховской тоже попытался распродать залежавшиеся

прошлогодние издания в пользу голодающих, например Вологодский сборник Л. Ф. Пантелеева по удешевленной цене — по 1 рублю. Управляющий Д. И. Шаховского А. В. Пешехонов извещал его по поводу распространения книжек, что «жертвуют довольно охотно и, пожалуй, лучше, чем в прошлом году. Немного, но зато все сами предлагают месячные взносы, и человек на 10 (пока) в этом я могу рассчитывать. Имейте это непременно в виду. И на продажу сборников в Твери можно рассчитывать, между прочим, через земский склад».

В апреле Приютинский кружок получил еще довольно значительную финансовую помощь от своих друзей Гольштейнов из Франции, около 16 тысяч франков. В 1888 году Вернадские познакомились в Париже с Александрой Васильевной Гольштейн. Вслед затем с ней подружились еще несколько приютинцев: И. М. Гревс, Д. И. Шаховской, Сергей Ольденбург. Уютная квартира Гольштейнов сделалась как бы пристанищем для приютинцев во время их приездов в Париж. В лице А. В. Гольштейн Братство приобрело верного друга в Париже.

Пожертвования поступали также в натуральном виде — в виде муки, картофеля, ржи, ячменя, гороха, сухарей, лекарств, соли и др. ^[204]

Деятельность Приютинского кружка по прокорму крестьянских лошадей и раздаче лошадей безлошадным крестьянам оказалась настолько нужна, что приютинцы пришли к мысли создать постоянный комитет для этой цели, который продолжал бы работать и по окончании голода. Значительную поддержку этому делу оказал литератор и книгоиздатель Л. Ф. Пантелеев, собравший на это добавочные деньги и приехавший в Вернадовку в феврале 1892 года для их распределения совместно с приютинцами. Пантелеев принял ближайшее участие в обсуждении и проведении в жизнь устава «Попечительства для безлошадных крестьян Моршанского уезда». Л. Ф. Пантелеев, князь С. И. Шаховской, А. А. Корнилов и В. В. Келлер подписались в качестве учредителей. Тамбовский губернатор одобрил устав и представил его на утверждение в министерство внутренних дел.

Таким образом, общий объем средств достиг почти 60 тысяч рублей, на которые можно было охватить район в 8 волостей Моршанского и 2 волости Кирсановского уездов. Число открытых столовых превысило сотню. Кроме того, была возможность поддержать большое количество крестьянских хозяйств раздачей им на средства Пантелеева лошадей и организацией кормежки крестьянского скота в больших размерах.

К 22 июля основные работы были закончены. Остались неизрасходованными около трех тысяч рублей. В это время в районе

помощи началась эпидемия желудочных заболеваний — предвестник холеры, которая уже началась на Среднем Поволжье. Приютинцы решили израсходовать остаток денег на борьбу с эпидемией. На это было получено согласие главного жертвователя великого князя Николая Михайловича.

Решено было устроить в селе Липовке, Питимской волости, медицинско-санитарный пункт для содействия земской медицинской организации. Заведовать этим пунктом согласился Ф. В. Берви. В помощь ему был приглашен студент медико-хирургической академии А. Е. Кожин.

24 августа был отмечен первый случай заболевания и быстрой смерти в Липовке. В течение двух месяцев переболело 24 человека. В соседнем селе Вышенке за те же два месяца умерло около 150 человек, переболело 300–400. Были случаи заболеваний и смертей от холеры и в других селах той же волости^{205}.

Для своей помощи крестьянам Приютинским кружком за всю кампанию было получено от жертвователей — крупных и мелких — почти 46 тысяч рублей. Всего открыто было 113 столовых, включая школьные. Общее число столовавшихся, взрослых и детей, составляло около 7500 человек. Кроме того, прокормлено было более двух тысяч лошадей.

Для того чтобы оценить масштаб деятельности Приютинского братства в голодный год, можно сравнить ее по цифровым показателям с работой самой известной из частных организаций, созданной Л. Н. Толстым. За первые шесть месяцев деятельности Льва Николаевича и его сотрудников, считая с середины ноября 1891 года, поступило пожертвований 141 тысяча рублей. Из них истрачено 108 тысяч рублей. Открыто было 187 столовых, в которых кормилось около 10 тысяч человек (взрослых и детей).

После окончания кампании в кассе оставалось еще немногим более 14 тысяч рублей. Ввиду вторичного неурожая в 1893 году в Тульской губернии и отчаянного положения ее крестьян, особенно в южной части Богородицкого уезда по берегам Красивой Мечи, приютинцы решили перенести туда свою деятельность^{206}.

Благодаря значительному количеству полученных средств, Братство смогло организовать помощь, которая имела несомненное общественное значение и сохраняла частный, чуждый всякой официальности характер. Приютинцы прожили среди крестьян в постоянном и близком общении семь месяцев и, конечно, не могли не вынести многих поучительных впечатлений и заключений.

Кампания по борьбе с голодом, организованная приютинцами в

российской провинции, во всей остроте показала нерешенность аграрного вопроса: малоземелье крестьян, рутинность методов хозяйствования, путы общины, сословные ограничения и пристрастность местных властей, защищавших сословные интересы. Правительство сначала приветствовало общественную поддержку. На короткое время укрепилось сотрудничество между властью и общественностью. В скором времени, однако, два лагеря опять разошлись. Правительство снова стало опасаться развития самодеятельности.

Наступившая вскоре вторая волна голода уже не вызвала такого горячего подъема. В ряде писем Д. И. Шаховской сетовал: «...ужасно досадно, — недостаток людей», «люди и деньги страшно нужны»^{207}.

В январе 1893 года на квартире И. И. Петрункевича состоялось частное совещание общественных деятелей. В числе собравшихся были А. И. Чупров, В. С. Соловьев, А. С. Постников, В. Е. Якушкин, П. Н. Милюков, В. И. Вернадский, А. А. Корнилов, Д. И. Шаховской и др. Организовать во что бы то ни стало общественные силы — вот то требование, которое стало результатом встречи^{208}. Совещание также явилось отправной точкой серии земских съездов девяностых годов XIX века, сыгравших заметную роль в истории русского либерализма.

Глава 12

ЗЕМСКАЯ ФРОНДА

В январе 1894 года, находясь на отдыхе в Крыму, Александр III заболел «скучной инфлуэнцией», переросшей в пневмонию. Несколько дней его положение оставалось очень тяжелым, и у многих стали возникать мысли о трагическом исходе. В Петербурге знали, что Александр III занимает комнаты на третьем этаже в Аничковом дворце с видом на Невский проспект. Все время болезни, продолжавшейся почти две недели, за дворцовой оградой можно было видеть группы публики, ждавшей известий. Другие же, проходя по главной улице столицы, останавливались, снимали шапки и крестились, глядя на окна дворца. Они желали всей душой выздоровления императору^{209}.

Совсем иной взгляд на происходящее дает известный литературный деятель того времени журналист В. В. Водовозов. В своих воспоминаниях он пишет: «Меня поразило, что в тех либеральных кругах, в которых я вращался, ожидание близкой смерти Александра наполняло почти всех какой-то непонятной мне радостью. И я не любил Александра III, но я ровно ничего не ожидал от его смерти: наследник был совершенно неизвестен, и не было никаких оснований думать, что при нем произойдут какие-нибудь перемены к лучшему. Особенно радостно ожидали смерти в кружке профессора Н. И. Кареева, а в нем едва ли не всех более радовался И. В. Лучицкий (Киевский), в то время находившийся в Петербурге и, кажется, живший у Кареева (или, по крайней мере, постоянно у него бывавший).

— На что вы рассчитываете? — допрашивал я, но сколько-нибудь вразумительного ответа ни от кого не получал.

Вечером 20 октября пришла телеграмма о смерти и была расклеена по улицам. Весь вечер я бродил по городу, интересуясь тем, какое впечатление произведет известие о смерти на толпу, и видел одно: полнейшее равнодушие. Подойдет человек к телеграмме, прочтет ее и совершенно спокойно продолжает свой путь. Никакого горя на лице не заметно. Подойдут два человека, прочтут, произнесут какую-нибудь ничего не значащую фразу вроде: «Вот как!», «Этого следовало ожидать», и продолжают прерванную беседу. О горе населения не может быть и речи»^{210}.

Император Александр III скончался 20 октября 1894 года. Многие в империи и за ее пределами искренне оплакивали смерть русского монарха. Как пишет современный исследователь А. Н. Боханов, Александр III далеко не всегда знал, что и как надо наилучшим образом делать для блага государства. Значительно чаще он знал, что не надо делать. Здесь чувство его редко обманывало. В этом смысле он куда ближе был именно к крестьянству, чем к окружавшему его дворянско-чиновному миру. Более чем за 150 лет существования империи это был, пожалуй, наиболее русский, самый народный монарх^[211]. Личность сильного самодержавного монарха и его консервативные убеждения сыграли стабилизирующую роль для Российского государства.

С подобными оценками деятельности Александра III согласны далеко не все историки. Примечательно, что традиция негативного и даже отрицательного отношения к царю-миротворцу восходит к представителям нашей либеральной историографии, и одним из первых в ряду критиков политики Александра III был А. А. Корнилов. Именно ему мы обязаны распространением в литературе термина «контрреформы», использующегося чаще в идеологическом плане, чем в научном. Ясно, что русские либералы имели серьезные претензии к почившему в Бозе императору, сумевшему приостановить дальнейшую радикализацию всей общественной жизни в России после убийства Александра II. Не случайно, что очередной этап этой радикализации наступил с началом царствования Николая II.

Как уже отмечалось, на рубеже XIX–XX веков заметным явлением в российском обществе стал процесс консолидации либеральных сил. Департамент полиции отмечал значительную активизацию общественного движения в конце XIX века и явно выраженное в нем стремление к объединению либеральных кругов различных оттенков. Литературная деятельность, издание газет и журналов стали той почвой, на которой чаще всего объединялась интеллигенция. Журналы «Русская мысль» и «Юридический вестник», газета «Русские ведомости», издававшиеся в Москве, и петербургские «Вестник Европы», «Право» и «Русское богатство» выражали интересы и взгляды широкого круга демократической общественности, последовательно пытались проводить мысль о необходимости реформ. Впоследствии почти все активные деятели этих органов слились в «Союзе освобождения», в организации и деятельности которого ведущую роль играл Дмитрий Иванович Шаховской.

Объединяющими центрами либеральной оппозиционности стали также различные профессиональные организации интеллигенции:

Общество литературного фонда, основанное в 1859 году, Юридическое общество, возникшее в Московском университете в 1865 году, Русское техническое общество, созданное в 1866 году. По подсчетам А. Д. Степанского, в Департамент полиции в 1890 году было подано 182 просьбы о разрешении открыть различные легальные организации; в 1891 году таких просьб было уже 218, в 1892 году — 260, в 1893-м — 318, в 1894-м — 348, в 1895-м — 374, в 1896-м — 476. Не все ходатайства были удовлетворены, но общее число действовавших в стране легальных организаций росло из года в год. Например, количество научных обществ (без научно-медицинских) возросло с 73 в 1890 году до 130 в 1904 году, медицинских и научно-медицинских за то же время — со 100 до 170, учительских обществ взаимопомощи — с 4 до 71 в 1902 году^[212].

В середине 1890-х годов земское движение превратилось в организованную, оппозиционную правительству силу — съезды «третьего элемента» — земских учителей, врачей, статистиков, которые требовали решительных и последовательных реформ всего общественного переустройства страны. Земское движение сделало выбор в пользу правового, конституционного государства, всесословного, открытого, демократического общества с равными возможностями для всех его граждан на основе частной собственности и равенства всех перед законом. Об этом открыто заявлялось на различных форумах. Примечательно, что с 1871 года по 1905 год врачи собирались на съезды 301 раз, ветеринары — 158, агрономы — 87, страховые агенты — 110, техники и инженеры — 44 раза.

В оппозиционное движение включались даже такие организации, которые первоначально создавались для поддержки самодержавия и существовавших в стране порядков. Так, весьма характерна трансформация, произошедшая с Императорским Вольным экономическим обществом (ВЭО). Созданное еще при Екатерине II в 1765 году с целью оказывать содействие экономической и социальной политике правительства, оно в конце XIX века превратилось в один из центров сосредоточения либерально-оппозиционных сил. Президентом его был граф П. А. Гейден, вице-президентом — К. К. Арсеньев, секретарем — В. В. Хижняков. В 1890-е годы ВЭО пополнилось такими видными деятелями земского движения, как Ф. И. Родичев, П. Д. Долгоруков, И. И. Петрункевич, А. В. Винберг, Д. И. Шаховской, П. Н. Милюков, А. В. Пешехонов, П. В. Струве и др.

В подавляющем большинстве своем новые члены придерживались либеральных взглядов. К середине 1890-х годов ВЭО превратилось, по

мнению петербургской охранки, в зловерное гнездо крамолы и оппозиции, «в парламент, обсуждающий публично, всегда при громадном стечении публики решительно все вопросы нашей внутренней государственной жизни».

Еще в 1861 году при ВЭО был организован Комитет грамотности. Чиновники Департамента полиции утверждали, что члены Комитета грамотности, «занимая общественные должности, преимущественно земских деятелей и учителей, должны были оказывать противодействие мероприятиям правительства на легальной почве». Комитет развернул довольно широкую издательскую деятельность, выпустив в свет более 120 работ общим тиражом около двух миллионов экземпляров.

Активными деятелями этого объединения являлись Б. Э. Кетриц, А. М. Калмыкова, с которыми у Д. И. Шаховского и его друзей завязались дружеские отношения и переписка на долгие годы. После ноября 1895 года многие члены Комитета грамотности, в том числе и Б. Э. Кетриц и А. М. Калмыкова, вышли из его состава. Они перешли в III (экономическое) отделение ВЭО, где развернули оппозиционную борьбу, которая еще резче усилилась в связи с голодом 1897 года. В основном их требования сводились к отмене телесных наказаний, реформе денежного обращения, вопросу о мерах, препятствующих ухудшению сельскохозяйственного производства.

Властей беспокоила деятельность ВЭО. В апреле 1900 года был изменен устав Вольного экономического общества, согласно которому запрещались публичные заседания секций, программы заседаний и тексты докладов должны были присылаться на утверждение министра земледелия и государственных имуществ. ВЭО фактически свернуло свою работу, восстановив ее в полной мере лишь после царского Манифеста 1905 года^{213}.

Признаки оживления оппозиции были связаны и с развитием земского движения. Д. И. Шаховской в «Автобиографии» писал: «В 1892 году начинается организация общения между собой земцев различных губерний, и в 1894 году мне хорошо памятен разговор со Струве и его приятелем К. К. Бауэром, причем на их вопрос, как мысляю я себе выход из политического тупика, я с уверенностью ответил: «В виде самочинного собрания представителей земства, которое потребует конституции». Какой наивностью показалась тогда моим друзьям-марксистам такая мечта и как близко подошла потом к ней действительность! Тогда же при моем участии издано было несколько брошюр за границей, освещавших политический вопрос с точки зрения земского либерализма. Велись переговоры и о

постоянном печатном органе, но тогда дело не удалось поставить на ноги»^{214}.

Созданные на началах представительства, согласно реформе 1 января 1864 года, земства — органы местного самоуправления для заведования делами, относящимися к местным хозяйственным пользам и нуждам каждой губернии и каждого уезда, действительно рассматривались многими представителями передовой либеральной общественности как зародыш конституции. Так, К. Д. Кавелин в письме от 20 марта 1865 года писал: «После отмены крепостного права ни один внутренний русский вопрос не интересуется меня так живо, как этот. От успеха земских учреждений зависит вся наша ближайшая будущность, и от того, как они пойдут, будет зависеть, готовы ли мы к конституции. Пора бросить глупости и начать дело делать, а дело теперь в земских учреждениях и нигде больше».

«Все же это новое в русской жизни начало никогда уже не могло быть уничтожено в корне», — писал Д. И. Шаховской. Земства, по его мнению, способствовали воспитанию освободительных стремлений в русском обществе и создавали основу для их организованного роста. «Идея политического освобождения нераздельно связывалась с самой сущностью земства и составляла его характерную особенность».

Еще в 1860-х годах в первых земских собраниях возникли вопросы, касавшиеся не только местных «польз и нужд», а и благоустройства всего земского хозяйства России — развития народной школы, земской ветеринарии, земского страхования и т. д. Значительное внимание представители либеральных кругов уделяли подъему народного просвещения, так как оно должно было способствовать осознанному участию народа в государственных делах. В письме от 20 октября 1897 года из Коктебеля Д. И. Шаховской пишет А. А. Корнилову: «Мы затеем издать сборник по народному образованию, который заключал бы в себя, между прочим, фактические сведения о положении народной школы в различных частях России, а также сведения о всяких предприятиях по внешкольному образованию»^{215}.

Становление земского либерализма сопровождалось усилением внутренней идеологической борьбы. Известный земский деятель И. И. Петрункевич и его соратники выступали за необходимость введения в России настоящей конституции с буржуазно-демократическими свободами и законодательным собранием.

Большинство же земских либералов придерживалось взглядов,

выраженных одним из вождей земского либерализма Д. Н. Шиповым. Дмитрий Николаевич Шипов был значительной фигурой в московских земских кругах. С 1893 года он являлся председателем московской губернской земской управы. По своей мягкости и доброте Дмитрий Николаевич был типичным москвичом, вместе с тем обладал удивительной работоспособностью, практичностью и знанием земского дела, которому отдал жизнь.

Д. Н. Шипов утверждал: «Власть монарха должна быть сильной, но она может быть таковой только в том случае, когда она пользуется доверием народа». Призвание самодержавных государей, по его мнению, состояло в том, чтобы творить не свою волю, а быть лишь выразителями соборной совести народа. Борьба за политические права казалась Д. Н. Шипову совершенно чуждой духу русского народа. В основу взаимоотношений царя и народа надлежало положить нравственную идею взаимодействия и солидарности, для чего необходимо было добиться осведомленности монарха о нуждах народа и общества, осведомленности, являющейся результатом постоянного участия в законодательном учреждении выборных и потому независимых от бюрократии членов общества.

«Народу — мнение, царю — власть!» Такова была славянофильская формула, которую Д. Н. Шипов предлагал положить в основу политической организации России. Для выражения мнения, по его мысли, нужны были минимум политических свобод и независимость от чиновно-бюрократического аппарата самодержавия^{216}.

Вступление на престол нового императора — Николая II — рождало новые надежды в либеральных кругах. «Маленькая фигура императора, в то время совсем молодого человека, являлась для всех первое время совершенно загадочной и неопределенной. Шли рассказы о проявленной им будто бы большой простоте в обращении, о крайней нелюбви его к придворному этикету и даже о каких-то робких шагах в сторону ослабления бюрократической феерулы, в тисках которой изнывала в то время Россия». «Перемена царствования тотчас возбудила надежды на просветление политического горизонта», — вспоминал А. А. Кизеветгер. Характер этих надежд воспроизвел другой свидетель происходивших событий — В. А. Маклаков: «В России было традицией, что перемена политики совпадала со сменой ее самодержца; от Николая II ждали не конституции, ждали только прекращения реакции, возобновления линии шестидесятих годов, возвращения к либеральной программе».

Уже на третьем месяце царствования — 17 января 1895 года — новый

царь получил массу «всеподданнейших» адресов от дворянства, купечества, городских дум. Среди них были и адреса девяти земств, вновь заговоривших о «единении царя с народом» путем «доступа голоса земств к престолу», собранные и опубликованные в Женеве Д. И. Шаховским под псевдонимом Мирный С. После голода 1891 года Шаховской продолжал играть заметную роль в земском либеральном движении. Оказавшись на его самом левом фланге, он в середине 1890-х годов предпринял ряд решительных шагов. Находясь за границей, он издал брошюры «Земские адреса и их политические программы», «Ходынка», «Царские милости»^{217}. Радикализм Шаховского стал важным фактором воздействия и на других представителей земства.

В ответ на адрес Тверского земства и приготовленную, но не произнесенную речь Ф. И. Родичева, прозвучали известные слова Николая II о «бессмысленных мечтаниях об участии представителей земства в делах внутреннего управления», и о том, что он будет «охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его незабвенный покойный родитель».

Тактику земского либерализма на рубеже XIX–XX веков хорошо иллюстрирует фраза Д. Н. Шипова: «Заявление может быть сделано не в виде резкого протеста, а в какой-либо, так сказать, миролюбивой форме... Вообще, нужно, чтобы представители общества высказывали свое мнение государю, но чтобы это не имело вида не только требования, но даже ходатайства, выражающего необходимость того или другого ответа или немедленного разрешения»^{218}.

Более критически настроенные либералы ответили изданием двух документов. Один был представлен в виде брошюры и опубликован новой партией «Народного права», другой, своего рода манифест, исходил из радикальных земских кругов. Манифест начинался словами: «Вы сказали ваше слово, и оно разлетелось по всему миру...» и был подписан — С. Мирный. Д. И. Шаховской составил его и редактировал при помощи П. Б. Струве. Это был один из первых печатных протестов против слов императора Николая II о «бессмысленных мечтаниях»^{219}.

Судя по всему, Шаховской и Струве были знакомы еще с конца 1880-х годов. Вероятно, их сближению способствовала А. М. Калмыкова, с которой будущие лидеры российского либерализма поддерживали отношения. Дмитрий Иванович был тесно связан с Александрой Михайловной по издательству «Посредник» и совместной работе в Комитете грамотности. Отношения Струве с Калмыковой, как известно,

были более сложными и носили глубоко личный характер. С 1889 года Петр Бернгардович жил у Александры Михайловны в доме на правах приемного сына.

1895 год стал поворотным моментом в истории общественного движения в России, и во многом благодаря активной деятельности Д. И. Шаховского и П. Б. Струве, их усилиям, предпринятым, правда, в разных направлениях, но заложивших основы будущего нового либерализма. Уже с 1895 года Шаховской мечтал об издании журнала, рассматривая это дело как первый шаг к объединению либеральных сил^[220]. В политической биографии Струве 1895 год — также заметная веха, отмеченная поворотом к марксизму и контактами с В. И. Лениным, Г. В. Плехановым и другими социал-демократами. Установка на консолидацию либералов и социалистов сближала Шаховского и Струве. Но к необходимости координировать свои действия они придут лишь спустя несколько лет, уже в начале нового XX века.

В советской историографии позицию земцев, выраженную в вышеупомянутых адресах, было принято освещать сквозь призму крайней умеренности земского либерализма, который дальше «упования» на торжество законности, просьб об охране прав отдельных лиц и общественных учреждений не пошел. Но так ли это было на самом деле? Не являлись ли заявления земцев лишь первой пробой сил, за которой последовала настоящая открытая вражда официальной власти?

Хозяйственная деятельность на местах все больше становилась основной заботой населения, постепенно расширялся круг общественной самодеятельности. К концу XIX века земство превращается в важнейшую ячейку народной жизни и народного самоуправления. Хотя несомненный характер земских учреждений, а также отсутствие волостной земской единицы и всероссийского земского объединения серьезно тормозили процесс развития данного института гражданского общества, за полвека своего существования земская Россия проявила себя в различных сферах общества: от участковой медицины и агрономии до страхового дела и развития кооперации.

Переход земцев к так называемым «частным совещаниям», подчас проходившим в полуполигальной форме, вовлекал эту организацию в противоправительственную деятельность. И здесь переход от легальных к нелегальным методам борьбы был порой весьма условен, что не могло не отразиться на последующей эволюции всего земского строя.

В самом конце XIX века в Москве возник земский нелегальный кружок или клуб под названием «Беседа». Он просуществовал с 1899 года

до осени 1905 года, когда его члены «разбрелись» по различным политическим партиям. Одним из активных членов «Беседы» стал впоследствии Д. И. Шаховской.

Его письменные заметки хранят сведения о бесчисленных совещаниях в конце 1901-го — начале 1902 года, где фигурировали земцы И. И. Петрункевич, Ю. А. Новосильцов, Петр и Павел Долгоруковы, Н. Ф. Анненский, В. Я. Богучарский, А. А. Корнилов, Е. Д. Кускова, П. Н. Милюков, А. В. Пешехонов, С. Н. Прокопович, П. Б. Струве и др. Как правило, эти встречи или «летучие совещания» происходили во время съездов врачей, агрономов, статистиков, на выставках кустарных ремесел и т. п. Одно из первых совещаний состоялось 23–30 декабря 1901 года в Петербурге во время съезда статистиков.

Кружок «Беседа» собирался в Москве в течение семи лет раза 4 или 5 в год и насчитывал 54 человека. В кружке «шла предварительная разработка некоторых политических вопросов, обсуждалась тактика данного момента, происходило сближение и отчасти политическое воспитание лиц, ставших потом в центре разных партий». Здесь были и представители либералов, и люди, близкие к социалистам, и сторонники более умеренных консервативных сил. Но все они выступали за ограничение всевластия бюрократии, которая подрывала сам принцип самодержавия, то есть создавала непроходимый барьер между монархом и его народом, между властью и обществом. Не случайно в «Беседе» были представители всех будущих политических партий — от «крайне левых» кадетов (братья Долгоруковы, Д. И. Шаховской и др.) до крайне правых лидеров «Союза объединенного дворянства».

Главной целью инициаторов создания «Беседы», по словам Д. И. Шаховского, было пробуждение и объединение земского общественного мнения, «пробуждение общественной деятельности, общественного мнения» посредством земских и дворянских собраний, а также путем «печатного и живого слова».

Дмитрий Иванович принял участие в публикации двух сборников: один под заголовком «Издание князя П. Д. Долгорукова и князя Д. И. Шаховского при участии газеты «Право» был посвящен вопросам культурно-правовым; второй, называвшийся «Нужды деревни» и вышедший в двух томах, — экономическим. По словам Д. И. Шаховского, сборники послужили к сближению земской группы с интеллигенцией и подготовили почву для общей политической деятельности, причем «связующим звеном» была редакция «Права». Земцы относились к представителям интеллигенции «с преувеличенным почтением и жадно

впитывали ее взгляды и настроения»^{221}.

Важно подчеркнуть значение данного этапа земского движения. В прошлом многие видные советские историки — Н. М. Пирумова, К. Ф. Шацилло и другие обращали внимание только на слабые стороны этого серьезного и крупного общественного явления. Между тем уже на этом этапе были заложены основные предпосылки будущих политических партий в России, сыгравших заметную роль в становлении российской многопартийности и парламентаризма. Другое дело, что можно согласиться с замечаниями некоторых советских исследователей, обративших внимание на следующее. Так, по подсчетам А. П. Корелина, в уездных земствах подавляющее большинство гласных (93 процента) составляли владельцы имений от 200 до 3–4 тысяч десятин, то есть средние и отчасти крупные помещики. По данным Н. М. Пирумовой, 90 процентов земских либералов — дворяне (остальные — купцы, потомственные почетные граждане и 8 крестьян), причем не просто помещики, а обладатели крупных и крупнейших земельных латифундий. Последних было среди земцев-либералов почти 80 процентов. Каждый десятый из земских либералов был не просто дворянином, а обладал княжеским, графским или баронским титулом. Значительную часть составляли представители русской аристократии — князья Долгоруковы, Трубецкие, Шаховские и некоторые другие.

Таков был социальный состав земского либерального движения. Как видим, это были люди, принадлежавшие к социальным верхам российского общества и экономически господствовавшие в нем. По выражению одного из исследователей истории земского движения К. Ф. Шацилло, «не экономическая обездоленность, а, напротив, экономическая независимость от государственного аппарата, давала им возможность стать к нему в оппозицию и возражать против существовавших полицейских порядков. Самодержавие не желало ни в какой мере учитывать стремление к независимости от бюрократического аппарата даже таких подданных, которые по своему положению в обществе издревле были его опорой»^{222}.

В этом, и на наш взгляд, заключались истоки конфликта между земцами и властью — конфликта, заставившего земцев искать более радикальные методы борьбы с режимом. Хорошей иллюстрацией создавшегося положения может служить дневниковая запись, сделанная В. И. Вернадским. Он также принимал активное участие в земском движении, находясь в Тамбовской губернии. 22 апреля 1900 года В. И. Вернадский записал в своем дневнике: «Жизнь в России не дает ни малейшей

возможности развития легальной общественной деятельности, она вызывает или революционную боевую деятельность оппозиционных элементов, или уход их из общественной деятельности в другие сферы — в науку, искусство, капиталистическую практическую сферу»^{223}.

Акцент на социальном происхождении земских вождей и оценка «недостаточности революционности» проводимых ими мероприятий подводили советских историков к выводу об умеренности земского либерализма в целом. Между тем сам характер этих мероприятий был далек от умеренности. Именно здесь, на, казалось бы, невинных банкетах, в кулуарах съездов и совещаний земцев шло оформление идеологии, программы и тактики радикального оппозиционного движения, своеобразная апробация сил, враждебных царизму и ждавших своего часа.

Историки не раз будут возвращаться к объяснению столь странного на первый взгляд явления: демократическая политика, проводимая земцами, с одной стороны, и преобладание недемократических элементов в земской среде, с другой. Свое объяснение попытался представить и Д. И. Шаховской. Земство сознавало потребность коренного обновления жизни, по его мнению, и чувствовало неоплаченный долг перед вчерашним рабом. Поэтому оно стремилось добиться для народа лучшей и независимой школы, лучшей медицинской помощи, лучшей организации призрения, экономической части кредита, травосеяния, пахоты и др. «Да потому, что вся наша землевладельческая, за редкими исключениями, интеллигенция в конце концов демократична: все для народа и все через народ, совсем не так, как в Европе, где классы выработались и обособились... А ведь испытание было серьезное. Приходилось вести войну на два фронта. Приходилось облагать самих себя, чтобы эти деньги отдать не на дороги, которые могли бы увеличить стоимость имений, тоже переживающих кризис, и не на гимназии для своих детей, а на народные школы, больницы, ветеринарию, агрономию, продовольственное дело и призрение для деревни, для народных масс»^{224}. Эта особенность земской работы постоянно привлекала к ней лучшие элементы русской интеллигенции и налагала на нее особый отпечаток бескорыстного общественного служения, не лишённого определенного идеализма и романтизма. Но в этом заключалась и сила обаяния, авторитета, гражданской чести и мужества.

«Они делали огромное дело, стесняясь его малости, воображая, что там, в Европах, где и руки не связаны, и средств больше, что только вот там работают по-настоящему, — писал позднее М. А. Осоргин, — они не подозревали, что подобное бескорыстие, преданность такую и такую веру

ни в каких Европах не встретишь, разве что как исключение, что ни один народный учитель не будет там работать в подобных условиях, ни один врач не станет объезжать на худой крестьянской лошаденке стоверстные округи, что они — истинные подвижники и подлинные герои. Перед ними не было ни карьеры, ни чинов, ни материального благополучия, напротив — полная уверенность, что так и пройдет вся жизнь в медвежьем углу, и хорошо, если раз в десять лет доведется побывать если не в столицах, то хоть в губернском на каком-нибудь агрономическом, учительском, врачебном съезде. И они все-таки успевали читать «толстый» журнал, осведомляться, что делается в этих самых просвещенных Европах, толкать свою науку и огорчаться, что так мало знают и так ограничена область применения их сил: каких-нибудь десять-двадцать тысяч гектаров крестьянской земли, три сотни детских дифтеритов, пять-шесть школьных поколений, да помощь делу кустарному, да участие в кооперативном движении и, уж конечно, устройство в своем районе, общими средствами, нескольких хорошо подобранных народных библиотек»^{225}.

Но в то же время, хотя земство и имело несомненные заслуги в отстаивании интересов народа, оно, по признанию самого же Д. И. Шаховского, населению дало очень мало; и не потому, что не хотело, а потому, что не могло. «Мы не могли отстоять правовых интересов крестьян, — вспоминал Д. И. Шаховской, — не сделали их грамотными, не дали им дорог и т. д. Каждый шаг земства вперед нам приходилось отстаивать борьбой с администрацией, а население этого не знает. Мы сломлены под тяжестью борьбы за интересы народа, но народ не может чувствовать к нам доверия... Земство и земские начальники в глазах населения одно и то же»^{226}.

Вот какую характеристику деятельности земства за пятьдесят лет его существования дал в 1914 году Д. И. Шаховской:

1) «быстрый рост земского бюджета и участие в этом росте государственных субсидий;

2) стремительный рост числа земских служащих при малом контингенте подготовленных сил в стране, да еще при сохранении неблагоприятных условий для общественной самодеятельности, понижает идеалистические элементы работы среди исполнителей земских мероприятий и вносит более механический характер в ее постановку;

3) изменились и настроения главных руководителей дела. Оскудение поместной дворянской среды продолжается. Подбор умелых представителей и работников при сохранении прежней избирательной

системы становится все затруднительнее. Прежние демократические земские традиции, в свое время столь благоприятно сложившиеся, не утратили всей своей силы, но в той борьбе реальных интересов, которая не могла не обостриться, моменты идеалистические часто отодвигаются на задний план, уступая место побуждениям другого рода или простому безразличию;

4) исчезла и борьба за освобождение из земской жизни, с созданием Государственной думы земство уже не является передовым носителем представительного начала в стране;

5) при сложившихся в настоящее время обстоятельствах даже и вопрос о самостоятельности земства стоит на деле хуже, нежели в доконституционные времена. То чувство опасения за свое владычество, которое пережила бюрократия, оправдывает в ее глазах такие меры против земской самостоятельности и даже гражданских прав неугодных администрации отдельных земцев, которые и представлять себе, как общее явление, едва ли возможно было в былые времена».

Главной задачей дня признавалось изменение земского положения: самостоятельность земств и привлечение в его состав новых общественных сил. Последнее предлагалось достичь путем «изменения избирательных прав и создание мелкой земской единицы»^{227}.

Дмитрий Иванович Шаховской принадлежал к элите русского образованного общества. Его представители часто носили громкие титулы и имена. Шаховского отличала высокая образованность, исключительная способность к рефлексии и саморефлексии, сознание своей особой общественной роли и культурной задачи и личной ответственности за судьбу страны. Он полагал для себя невозможным дистанцироваться от насущных проблем России и считал, что его святая обязанность заключается в общественной деятельности, направленной на их разрешение. Весьма характерна оценка, выраженная в адресе, преподнесенном участниками земского съезда Ярославской губернии в декабре 1901 года Д. И. Шаховскому по случаю его 40-летия. В нем, в частности, отмечалась его неустанная бескорыстная работа. С его появлением в Ярославском земстве наступил новый этап, «пробудилась новая жизнь», пришли «новые веяния»: была организована разветвленная школьная сеть, педагогические курсы, густая сеть народных библиотек-читален. Дмитрий Иванович оценивался как энергичный земский работник, стойкий общественный деятель, который был не одинок в своих общественных начинаниях, хотя порой и чувствовал себя одиноким^{228}.

В рамках общей эволюции русского либерализма отчетливо прослеживалась тенденция его демократизации и расширения социальной базы. Заслуга Д. И. Шаховского состояла в том, что он стремился привлечь «третий» земский элемент, а также крестьянство и другие сословия, признавая право на труд, проявление личной инициативы и уважение к свободе личности человека.

Неслучайно к этому периоду относятся характеристики Шаховского как «земского князя» и «летучего голландца». А. В. Тыркова-Вильямс вспоминала позднее за границей: «Я тогда не догадывалась, что он (Шаховской. — И. К., А. Л.) также один из главных собирателей и организаторов оппозиционных сил не только в этой части Поволжья, но и по всей России, а правительство это знало, но не знало, как справиться и с движением, и с такими двигателями»^{229}.

В своей общественно-политической деятельности, ставшей профессиональной, Дмитрий Иванович руководствовался соображениями свободомыслия, патриотизма, укрепления основ земского строя, понимая его в гармонии с народной монархией. Таким образом шел мучительный поиск путей общественного развития страны накануне судьбоносного века.

Глава 13

«СОЮЗ ОСВОБОЖДЕНИЯ»

Год за годом политическая обстановка в стране все более накалялась, приближался революционный взрыв. Неурожай и голод 1901 года сменился серьезным экономическим кризисом. По данным советских историков, только за четыре года, с 1901 по 1904-й, в России ежегодно бастовало от 125 до 170 тысяч рабочих. Стачки охватили почти все губернии России, в некоторых районах они перерастали во всеобщие. Первоначальное преобладание экономических стачек в 1901–1902 годах (около 80 процентов), сменилось преобладанием стачек политических в 1903 году (53 процента). В течение 1900–1904 годов было отмечено 670 крестьянских выступлений. Для сравнения — за предыдущее пятилетие (1895–1899) их было всего 82. Такое сочетание пролетарской и крестьянской борьбы, произошедшее впервые в истории России, было подкреплено более чем сотней различных солдатских выступлений, а также обострением студенческого движения. В первые годы XX века резко увеличилось применение военной силы для наведения в стране порядка^{230}.

Одним из кульминационных моментов начала века явились события на Казанской площади в Петербурге, когда в марте 1901 года на демонстрации, устроенной представителями студентов и интеллигенции в поддержку студентов Киевского университета, власть применила силу, используя солдат для разгона митингующих. Вскоре был закрыт Союз русских писателей, направивший официальный письменный протест по поводу произошедшего. Эти события, по мнению Д. И. Шаховского, «положили перелом», после которого «создание в ближайшем будущем достаточно сильной общественной организации стало неизбежным»^{231}.

Первоначально земцы рассчитывали добиться у правительства официального разрешения на издание земско-либерального органа. Только за 1898–1900 годы они 12 раз обращались в министерство внутренних дел с такой просьбой, но каждый раз получали отказ. На многочисленных совещаниях в конце 1901-го — начале 1902 года неоднократно ставился вопрос об организации групп содействия будущему журналу, обсуждалась его программа, изыскивались источники финансирования издания. 20 марта 1900 года В. И. Вернадский записал в дневнике: «Есть деньги, есть средства — и нет возможности издания (XX век!)»^{232}.

Пока шли совещания в России, за границей П. Б. Струве тщательно искал город, в котором можно было бы организовать издание журнала. В России же вся организационная работа легла на плечи двух человек: среди демократической интеллигенции ее вел В. Я. Богучарский (Яковлев), а в среде земцев — князь Д. И. Шаховской, ставший ответственным секретарем издания, а также его первым историком.

В своих очерках-воспоминаниях о «Союзе освобождения», опубликованных в 1909 году, Шаховской много внимания уделяет истории возникновения этого объединения, подробно рассказывая о его литературно-политическом предтече, но при этом скромно умалчивает о своих заслугах. Между тем роль Д. И. Шаховского во всех событиях, приведших вначале к учреждению журнала «Освобождение», а затем и к образованию Союза, была без преувеличения выдающейся. Дмитрий Иванович не просто выполнял посредническую миссию между Струве, возглавившим зарубежную редакцию издания, и его сторонниками из различных социальных групп в России, но проявил себя как настоящий организатор и подлинный лидер нового общественно-политического движения — «освобожденчества», состоявшего из представителей самых широких слоев демократической и либеральной интеллигенции. Оставаясь в тени Струве, Милюкова, Петрункевича, Богучарского, «земский князь» делал все возможное и невозможное для объединения оппозиционных самодержавию сил на принципах политической свободы, конституционализма и прав личности. В течение 1902–1903 годов он несколько раз выезжал за границу, в Германию, Австрию и Швейцарию, где велись переговоры о политической направленности издаваемого журнала и в более широком плане о будущей либерально-демократической организации в России.

Журнал решено было публиковать в Штутгарте в издательстве Дитца, которое было известно тем, что ранее им была напечатана записка Витте «Самодержавие и земство» и издавалась газета «Искра». В Штутгарт были доставлены денежные средства в размере около 100 тысяч рублей, собранные в среде друзей, «проникнутых общей мыслью о необходимости борьбы за конституцию». С июля 1902 года началось издание журнала «Освобождение». Главным организатором тайного распространения заграничного журнала и пропагандирования его идей стал, как отмечалось, Д. И. Шаховской, живший в это время в Ярославле. Здесь он редактировал газету «Северный край», которая, несмотря на непрерывные цензурные стеснения, сделалась центром местной оппозиции. Подписчики ее быстро научились читать между строк, а иногда вычитывали даже то, чего в газете

не было. Значение зарубежного средства печати, по словам Д. И. Шаховского, состояло в том, что «без постоянного органа, действующего... вне пределов досягаемости русских властей, длительное организованное движение внутри страны было немислимо».

П. Б. Струве считал, что главная цель журнала «Освобождение» заключается в объединении русских людей, не принадлежащих ни к классовой, ни к революционной группе, которые ищут освобождения. «Мы желаем выражать исключительно бессловное общественное мнение и на него опираться», — заявлял П. Б. Струве, отдавая приоритет земству. Д. И. Шаховской же настаивал на том, что нельзя рассматривать «Освобождение» только как земский орган. Земство, по его мнению, не в состоянии стать застрельщиком переворота, хотя бы и самого мирного, поскольку это может сделать только иная политическая организация, над созданием которой и следует работать «Освобождению». Дмитрий Иванович считал, что авторский коллектив журнала слишком узок, надо в нем предоставить слово более широкому кругу лиц.

Кроме того, он полагал, что надо больше внимания уделять революционному движению, «могучему оружию», «свидетельству гнилости самодержавного режима». В своем письме к П. Б. Струве Шаховской писал: «Нельзя рассчитывать на какие-либо общеполитические демонстрации в ближайших земских собраниях... Земские собрания могут явиться ареной для политических демонстраций только при совсем другой степени напряженности политической атмосферы в стране». По утверждению Д. И. Шаховского, земская среда слишком зависима и слишком консервативна, чтобы сыграть какую-либо роль, на нее надо сильно давить извне, надо раскачивать ее. От общих рассуждений о необходимости изменения политического строя России журналу надо перейти к резкой критике его. «Одна из первых задач такого органа как «Освобождение», — отмечал Шаховской, — дискредитировать правительство. И это не какая-нибудь второстепенная задача, нет, это дело огромной важности, первостепенного политического значения»^[233].

Таким образом, «Освобождение» явилось зачатком будущей организации, объединившей самые разные политические силы, враждебные царизму. По сути дела, это был прообраз будущей межпартийной коалиции и неслучайно, что ключевые роли в этом предприятии играл левый земец Д. И. Шаховской и бывший марксист П. Б. Струве. Нельзя не обратить внимание и на выбор издательства для печатания «Освобождения», которое использовалось в своих целях также революционными социал-демократами.

Показательно, что во втором письме к П. Б. Струве Д. И. Шаховской признал правильность критики В. И. Лениным первых номеров «Освобождения». В «Искре» подверглась резкой критике линия на объединение всех земских элементов, в том числе и шиповцев, проводимая П. Б. Струве. Для Д. И. Шаховского «Освобождение» было прежде всего средством создания широкой либерально-демократической партии. Следует отметить характеристику, данную Департаментом полиции. Цель организации журнала, по их определению, состояла в том, чтобы «путем правильно организованной пропаганды во всех слоях русского общества проводить идею о необходимости добиться политических реформ, в которых правительство так долго и с таким упорством отказывает стране».

Лишь спустя почти год в № 17 от 16 февраля 1903 года Струве указал, что партия «Освобождения», во-первых, должна быть решительно конституционной, во-вторых, решительно и открыто демократической, опирающейся на всеобщую подачу голосов, и, в-третьих, «помимо положительного решения вопроса о всеобщей подаче голосов, демократический характер партии требует программного выяснения ее отношения к социальным вопросам». 20–22 июля 1903 года для этого назначен был за границей съезд различных сторонников «Освобождения». Таким образом, почти вся деятельность «Союза освобождения» проходила в развитии и расширении демократической программы, на что с самого начала указывал Дмитрий Иванович.

В «Освобождении» были помещены четыре программные статьи. Это являлось закономерным результатом наличия различных течений в среде российских либералов и, в частности, наличия весьма существенных оттенков в самом земском либерализме. Все программные статьи не противоречили друг другу по основным положениям. Во-первых, все они исходили из признания того, что единственно допустимым политическим строем в России может быть *монархия*. Второй отличительной особенностью было усиленное подчеркивание необходимости только политических реформ. Третье, что было присуще всем статьям, — это откровенное признание руководящей роли земства в выработке программы русского либерализма. И, наконец, четвертое — это стремление представить новый журнал и предлагавшуюся им программу общенациональными, долженствующими сцементировать и примирить всех и вся, то есть стать надпартийным общедемократическим и всероссийским объединением^{234}.

Партийные разделения, весьма характерные для стран Западной Европы, на этом этапе не признавались русскими оппозиционерами в

качестве ближайшей перспективы. Идеи солидарности, соборного единства ставились выше отдельных политических оттенков. Единственный верный путь общественного развития, за который выступали «освобождения», — это постепенная эволюция. Безусловно, в этом можно видеть и утопизм русских оппозиционных сил, но если бы данная утопия со временем могла быть реализована, каких бед, потрясений и трагедий могла бы избежать бедная, истерзанная Россия!

По воспоминаниям А. А. Корнилова, возникшее «Освобождение» сразу же завоевало себе прочное положение среди оппозиционных слоев российского общества и стало довольно широко распространяться в России, дополняясь со временем как изданием «академических» сборников, разоблачающих политику царского правительства с помощью его же секретных документов, так и оперативным «Листком «Освобождения», откликавшимся на текущие события дня^{235}.

Сотрудничество членов «Беседы» с представителями интеллигенции, совместная публикация книг, общее ведение журнала «Освобождение», постоянные контакты на различных съездах и собраниях подготовили почву для общей политической деятельности. Необходимо отметить тот факт, что профессура и приват-доценты высших учебных заведений стали инициаторами многих либеральных начинаний. Еще до возникновения «Союза освобождения» они выполняли роль своеобразных посредников между земцами и либеральной интеллигенцией. Многие из них как земцы участвовали в земских сессиях, включаясь в их либеральное крыло, а как преподаватели вузов входили в различные научные общества и советы, где пытались отстаивать и проводить либеральные идеи^{236}. Неслучайно для многих из них — В. И. Вернадского, С. Ф. Ольденбурга, И. М. Гревса, Н. И. Кареева и других столь естественным стало сотрудничество в журнале «Освобождение», а затем и в «Союзе освобождения». «Таким образом перекидывался мост между земскими и литературными кругами», — писал Д. И. Шаховской^{237}. А на деле происходило слияние демократической и земской либеральной интеллигенции.

Нелегальная встреча за границей земцев и представителей демократической интеллигенции с целью обсуждения вопроса образования тайной либеральной организации произошла в Швейцарии 20–22 июля 1903 года в районе Шафгацзена, на берегу озера Констанц. Через 25 лет после этого съезда И. И. Петрункевич на память назвал 20 его участников — 10 земцев и 10 представителей творческой интеллигенции. Из земцев, по его сведениям, в съезде приняли участие Петр Долгоруков, С. А.

Котляревский, Н. Н. Ковалевский, Н. Н. Львов, Д. И. Шаховской, Д. Е. Жуковский, В. И. Вернадский, Ф. И. Родичев, И. И. Петрункевич, А. С. Петрункевич (последние трое из Твери). Первые пятеро были членами «Беседы», все они активно участвовали в создании журнала «Освобождение». Среди лиц свободных профессий И. И. Петрункевич назвал П. Б. Струве, П. И. Новгородцева, С. Н. Булгакова, И. М. Гревса, В. В. Водовозова, Б. А. Кистяковского, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, С. Н. Прокоповича и Е. Д. Кускову. Общим для всех была твердая уверенность в необходимости изменения политического строя самодержавной России.

Этот съезд стал знаменательным событием в истории организации «Союза освобождения». Восстановить последовательный ход его работы можно благодаря опубликованным впоследствии воспоминаниям Д. И. Шаховского. Важность съезда, как отмечал Дмитрий Иванович, состояла в том, что на нем происходило становление *нового либерализма*, заметно ушедшего вперед по сравнению со старым традиционным земским либерализмом, для которого понятия «социализм», «демократизм», «интересы трудящихся» были совершенно чужды и инородны. Именно здесь, по словам Д. И. Шаховского, «намечены были общие директивы дальнейшей деятельности, разработаны сильные и слабые стороны положения, между прочим, рассмотрены и вопросы внешней политики и вероятные последствия вооруженного столкновения на Дальнем Востоке, поставлен впервые на общее обсуждение аграрный вопрос... Впервые выставлено и название предположенного ядра — «Союз Освобождения», и после продолжительных прений именно форма *союза*, а не *партии* признана более отвечающей условиям данного момента».

Говоря об итогах съезда, известный публицист В. В. Водовозов отмечал: «Программа союза детально и текстуально выработана еще не была, но основные ее мысли были намечены: требование конституции, всеобщего голосования, свободы слова, свободы развития национальностей, широкого местного самоуправления на основе всеобщего голосования».

Итак, решение о создании нелегальной либеральной организации было принято. Для того чтобы обеспечить максимальную «широту захвата», согласились создать не партию, а союз, то есть конгломерат «отдельных групп, сохраняющих свою программу, но связанных основной задачей и основным методом борьбы, которые устанавливаются собранием всех групп, входящих в союз через своих делегатов». Новая организация тогда же получила и свое название — «Союз освобождения». Участники съезда, представлявшие крупнейшие города России, поставили своей целью

образовать группы «Союза освобождения» в возможно большем количестве, чтобы к учредительному съезду покрыть ими всю Россию. Хотя непосредственной, организационной связи между «Союзом освобождения» и журналом «Освобождение» не устанавливалось, и даже название «Союз освобождения» не сразу получило одобрение. Одна из целей создаваемых групп заключалась в снабжении журнала материалами и его распространении.

Журнал стал объединительным центром еще до выхода его первого номера. Подобное явление было давней традицией в общественном движении России, где именно вокруг печатного органа (легального, а чаще нелегального) складывались самые различные кружки, объединялись более или менее широкие группы единомышленников. «Формальному учреждению «Союза Освобождения» предшествовала, — как вспоминает Д. И. Шаховской, — двухлетняя подготовительная деятельность в стране и восемнадцать месяцев работы заграничного журнала, объединявшего самим фактом своего существования те силы, которыми Союз создан». Одной из главных целей организации «Освобождения» была выработка программы, вокруг которой должны были сложиться кадры будущей организации.

Для политической консолидации либерализма организация и издание «Освобождения», как подтверждал историк К. Ф. Шаццло, имели совершенно исключительное значение. Правительство решительно препятствовало любому объединению земцев. Традиционный земский либерализм имел только одну форму общения — ежегодные земские собрания в уездах и губерниях, куда земцы съезжались на несколько дней. Даже вопросы, затрагивающие по самому своему характеру несколько губерний (голод или эпидемические заболевания), должны были земцами каждой губернии решаться вне связи друг с другом.

Следует согласиться с советскими исследователями, что за весь период существования отечественного либерализма, вплоть до начала XX века, отличительной чертой его было отсутствие сформулированной программы. От остальной «общественности» либералы отличались до поры до времени не отстаиванием общей позитивной программы, а неприятием и критикой существовавших в России порядков. Причем острота и глубина этой критики были совершенно различны у разных групп либералов, а главное, почти каждая из них имела свой рецепт, необходимый для излечения недугов России. Даже существовавший 40 лет земский либерализм ни на шаг не продвинулся, по мнению Д. И. Шаховского, от своих первоначальных требований, сводившихся к «увенчанию здания»,

ограничению произвола бюрократии и пожеланию конституции, о существовании которой не говорили ни слова и суть которой едва ли не каждый землец понимал на свой манер.

Характерно, что как только создалась первая постоянная организация — кружок «Беседа», так сразу же возник вопрос о более или менее определенной программе (а вернее сказать, о тактике действия), которую затем выработали «освобожденцы», дополнив тактические методы борьбы идейной программой. В этом и заключалось историческое значение перехода от кружковской тактики «Беседы» к идейной программе «Освобождения».

В Шафгаузене впервые в истории русского либерализма были выдвинуты в качестве программных социально-экономические мероприятия, которые намечалось осуществить в «интересах трудящихся масс», но только после выполнения ближайшей цели — ликвидации самодержавия и установления правового государства. Именно эта последовательность в проведении реформ: сначала политические, затем — экономические — позволяла рассчитывать на объединение пусть в весьма эфемерном союзе очень различных по своим взглядам людей^[238].

После возвращения из Шафгаузена будущие руководители «Союза освобождения» развернули активные действия. Большая работа была проведена в Ярославле 15–25 августа 1903 года на сельскохозяйственном съезде и второй выставке по народному образованию, инициатором которой выступил председатель Ярославской земской комиссии по народному образованию Д. И. Шаховской. В Ярославль съехались земцы ряда губерний. Они провели несколько нелегальных совещаний, на которых обсуждались вопросы о «необходимости тесной организации оппозиционных элементов и противодействия всеудушающей деятельности правительства». Д. И. Шаховской, по сведениям Департамента полиции, был «главный руководитель и агитатор всякого революционного движения в г. Ярославле и губернии»^[239].

Учредительный съезд «Союза освобождения» состоялся в Петербурге 3–5 января 1904 года. В работе съезда приняли участие 48 человек, представлявшие 22 города. О нем можно сказать вкратце словами его заключительного определения: «Союз освобождения ставит своей первой главной целью политическое освобождение России. Считая политическую свободу, даже в самых минимальных ее пределах, совершенно несовместимой с абсолютным характером русской монархии, Союз будет добиваться, прежде всего, уничтожения самодержавия и установления в

России конституционного режима. Союз Освобождения употребит все усилия, чтобы политическая проблема была решена в духе широкого демократизма, и, прежде всего, признает существенно необходимым положить в основание политической реформы принцип всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосов. Ставя на первый план политические требования, Союз Освобождения признает необходимым определить свое принципиальное отношение к социально-экономическим проблемам, выдвигаемым самой жизнью: в области социально-экономической политики Союз будет руководиться тем же основным началом демократизма, ставя прямой целью своей деятельности защиту интересов трудящихся масс. В сфере национальных вопросов Союз признает право на самоопределение за различными народностями, входящими в состав Российского государства»^{240}.

Однако как ни обтекаемы были программные положения, они сразу же вызвали критику с двух сторон. Справа земцы, возглавляемые Н. Н. Львовым, возражали против включения в цели Союза социально-экономических требований. Слева нападки возглавил Г. А. Ландау, объявивший, что он выступает от «группы демократов», и призвавший «оставить в покое рабочих и крестьян и говорить только о мелком городском населении».

Итак, уже первый день работы съезда, заседания которого проходили под председательством Петра Дм. Долгорукова, обнаружил разнородность соединявшихся сил. По всей вероятности, в первый же день заседания был сделан доклад и о проекте конституции. Это был первый проект конституции, из которого впоследствии выросли все освобожденческие и кадетские варианты. Важно отметить также и другие обстоятельства. Во-первых, проект исходил из последовательного осуществления политических свобод — тех свобод, которые народы России так и не получили вплоть до февраля 1917 года. Во-вторых, политические права гарантировались формально провозглашенной судебной ответственностью министров и других чиновников в случае их нарушения последними. В-третьих, еще за год до начала революции «освобожденцы» шли в своих требованиях кое в чем гораздо дальше того, что было обещано самодержавием в октябре 1905 года. Между тем в ходе революции либералы значительно радикализировали свои требования и к осени 1905 года разрыв между этими требованиями и тем, что сочло возможным дать правительство, стал еще большим, как справедливо отмечали советские историки^{241}.

Д. И. Шаховской выступил на съезде с докладом о тактике «Союза освобождения». Доклад начинался с указания на необходимость поторопиться с тем, чтобы «занять самостоятельную и твердую позицию, которая дала бы нам возможность в развертывающемся ходе событий сказать свое обдуманное и определенное слово и сомкнутой колонной стать на защиту... либерализма». Не жалея слов для резкой критики самодержавия, а заодно — и для критики «мечтательного славянофильского либерализма», докладчик решительно разграничивал понятия «самодержавие» и «монархия», заявив, что, будучи непримиримым врагом первого, он в то же время считает практически полезным удержать монархическое начало в том строе, который в ближайшем будущем призван сменить русское самодержавие. На вопрос о том, как добиться этой смены, доклад не давал почти никаких ответов. Дело сводилось к порицанию и отказу от старой земско-либеральной тактики — никаких адресов, петиций, увещеваний и всеподданнейших записок, но с характерной оговоркой: если за ними не будет стоять реальной и принудительной силы организованного общественного мнения. В докладе выделялась задача широкого и обдуманного воздействия на общественное мнение «в целях подготовки его к мысли о необходимости ликвидации существующего строя». Этим и должны были заняться образуемые кружки. В докладе твердо заявлялось, что в России неизбежно последовательное проведение демократического либерализма^[242].

Следует отдать должное творческой мысли Д. И. Шаховского. Оставаясь в принципе монархистом, он остро критиковал наиболее одиозные формы самодержавного строя в России, делая принципиальное отличие между самими этими двумя понятиями: монархия и самодержавие. Использованный Д. И. Шаховским термин «демократический либерализм» мог быть наполнен разнообразным содержанием. Для самого Дмитрия Ивановича демократическими либералами могли быть и социалисты, и славянофилы-консерваторы, и земские либералы. Все это характеризует его как одного из ярких самобытных общественных деятелей России рубежа веков, способного не просто предложить, но и выработать и осуществить позитивную программу модернизации страны.

После обсуждения докладов, принятия программы, устава и выбора Совета «Союза освобождения», в который вошел и Д. И. Шаховской, съезд закончил свою работу. Образование новой нелегальной либеральной организации стало крупным событием в истории русского либерализма.

Программа, устав, социальный состав, тактика и организация «Союза освобождения» были настолько отличны от традиционного земского

либерализма, что давали все основания говорить о новом либеральном направлении или «новом либерализме». Новый либерализм был генетически связан со «старым» земским либерализмом, он включил в себя не только наиболее левых его представителей, но и вынужден был в ряде случаев идти ему на уступки. Однако генеральная линия «Союза освобождения», всецело оставаясь в пределах либерализма, уклонилась резко влево от либерализма земского. Это проявилось во всем: в программе — в безоговорочном отрицании самодержавия и в признании необходимости выдвижения социально-экономических требований «в интересах трудящихся масс»; в тактике — в принятии нелегальных методов борьбы; в социальном составе — в заметном преобладании (до трех четвертей) «лиц свободных профессий». Все это придало «Союзу освобождения» отличный характер и от «Беседы» и от «Союза земцев-конституционалистов». Союз отличался от земского либерализма еще одним свойством: более стройной организацией. Он не стал политической партией, сохранив черты организации переходного типа. Но все же это была организация, в то время как земский либерализм никогда не выходил из стадии неорганизованного конгломерата лиц и не поднимался выше иррегулярных нелегальных общеземских съездов, съездов земцев-конституционалистов и малочисленной замкнутой «Беседы»^{243}.

Заметное влияние на общественное движение в России в начале XX века оказала Русско-японская война. Сначала она резко затормозила рост оппозиционности либералов, а затем усилила его. На царский манифест о начале войны с Японией земские собрания ответили «единодушным, патриотическим порывом». Земства, соревнуясь одно с другим, жертвовали на войну миллионные средства. При всем этом война с самого начала была непопулярна и рассматривалась как результат безответственной, авантюристической правительственной политики на Дальнем Востоке. Недовольство правительством переросло в критику всего государственного строя. В обществе укоренялось мнение, что Русско-японская война была преступлением, «попыткой шайки придворных авантюристов и членов династии, ценою русской крови, добыть богатство в чужом крае», как писал И. И. Петрункевич. Цусима явилась ярким доказательством полной неспособности власти успешно вести войну в интересах России. Революция, которую, по выражению П. Н. Милюкова, министр внутренних дел Плеве хотел потушить при помощи «маленькой победоносной войны», приобретала новую силу^{244}.

В этих условиях земские лидеры использовали любую возможность

критики действий властей. Характерным эпизодом в этой связи явилась история, произошедшая с Д. И. Шаховским. Министр внутренних дел Плеве вызвал Дмитрия Ивановича к себе и сделал ему выговор по поводу развернутой им деятельности, пригрозив административными карами. Об этом визите сохранились различные воспоминания. Так, И. В. Гессен пишет: «После этого визита Дмитрий Иванович прибежал ко мне в необычном виде: растрепанная борода была подстрижена, волосы приглажены и небрежность костюма уступила принаряженности, но — главное — он весь сиял, был счастлив, что ему удалось поговорить непосредственно с вершителем судеб родины и объяснить гибельность его политики. «Плеве не хотел понять меня и все-таки грозил ссылкой, ну, до свиданья, прощайте!» И с этой неизменной формулой вдруг сорвался с места. За долгие годы нашего знакомства, временами ежедневных встреч, я, кажется, ни разу не слышал от него чего-либо, что не имело отношения к его ненависти к неправде».

Не менее удивленной осталась и А. В. Тыркова после визита Д. И. Шаховского. «Я никогда не видела Шаховского, охваченного таким негодованием. Он запер за собой дверь, точно за ним кто-то гнался, и, в упор глядя на меня ясными сияющими глазами, отрывисто сказал: «Плеве надо убить». Что произошло между ним и министром, чтобы до-веста мягкого, тонкого, благовоспитанного Дмитрия Ивановича до такого исступленного выкрика? Плеве вызвал Шаховского, чтобы сказать ему, что власти внимательно следят за его деятельностью, находят ее злонамеренной, преступной. Если Шаховской не угомонится, с ним будет крутая расправа, и никакие связи его не защитят. Все это было высказано грубо, резко, угрожающе, голосом, переходящим в крик». «Что и говорить о Шаховском, когда даже такой человек как Шипов — безукоризненный земский деятель, лояльнейший в отношении к власти, пользовавшийся всероссийской известностью, в апреле 1904 года не был утвержден председателем московской губернской земской управы», — вспоминал другой очевидец событий^[245].

В январе 1904 года накануне войны с Японией правительство приняло меры по борьбе с земством Тверской губернии и Новоторжским уездным земством. Из пределов Тверской губернии были высланы лидеры земцев во главе с И. И. Петрункевичем. И. И. Петрункевич позже вспоминал: «Я в третий раз вынужден был по распоряжению центральной власти покинуть свой дом, свою семью и свои дела и обрекался на кочевую жизнь без срока». Ф. И. Родичев в течение десяти лет лишен был права участвовать в земской деятельности. Около ста человек земских служащих было удалено.

Ревизии земств с целью «подтянуть и выкурить вредный дух», высылки земских деятелей, закрытие съездов — все это чрезвычайно раздражало и возмущало, и «на внешнем, и на внутреннем фронте в то время было одинаково скверно»^{246}. Между тем проблема коренилась глубже. Оппозиционно-радикальные силы из числа земских руководителей использовали войну как повод воздействия на правительство. Патриотизм становился разменной монетой в их политических играх. Ответственность и последствия подобных действий русское земство не вполне осознавало. В таких условиях понимание гражданского долга радикальными земскими руководителями вызывало неоднозначную реакцию.

Серьезные поражения на фронте русско-японской войны, отступления Куропаткина, капитуляция Порт-Артура больно ударили по национальному чувству. Известие же о разгроме флота Рожественского при Цусиме (май 1905 года) заставило земское бюро телеграммами созвать обычных участников земских съездов. Съезд получил название коалиционного. Главная цель его выразилась в адресе Николаю II, который было поручено лично доставить 14 выбранным лицам, в числе которых были Д. И. Шаховской, Ф. И. Родичев, И. И. Петрункевич, князь Г. Е. Львов, Н. Н. Львов, граф Гейден и др. Князь С. Н. Трубецкой произнес убедительную речь, безусловно требовавшую конституцию. Государь ответил на нее, что напрасно ему не доверяют, что он исполнит до конца свое слово, и поручил представителям земств и городов передать это всему населению.

Еще за год до этого, 15 июля 1904 года, социалистом-революционером Сазоновым был убит министр внутренних дел Плеве и на его место назначен князь Святополк-Мирский, готовый смягчить суровый полицейский режим своего предшественника. В конце октября 1904 года совет «Союза освобождения» наметил следующий план действий:

- созвать общеземский съезд, на котором была бы принята резолюция о необходимости народного представительства;

- организовать повсеместно политические банкеты в связи с сорокалетием судебной реформы;

- создать союзы различных профессиональных групп и объединить их в Союзе Союзов.

Все это постепенно было выполнено. Среди образовавшихся тогда союзов был и Академический, в состав которого вошло большинство русских профессоров. Одним из инициаторов его был В. И. Вернадский.

Святополк-Мирский склонен был официально разрешить общеземский съезд, но государь этому воспротивился. Тем не менее министр внутренних дел уведомил устроителей, что хотя он не может

разрешить публичный съезд, он не будет принимать мер против совещаний делегатов в частных домах. В такой форме общеземский съезд и состоялся в Петербурге 6–9 ноября 1904 года.

Ему предшествовал второй съезд «Союза освобождения», собравшийся также в Петербурге 20 октября. На нем присутствовало около 100 земских гласных различных губерний. В конце съезда была принята декларация о необходимости утвердить государственный строй на началах гражданских свобод и самостоятельности населения. Единодушно был одобрен принцип народного представительства, но произошло разногласие по вопросу о его компетенции. Большинство — конституционалисты — стояло за предоставление народному представительству участия в осуществлении законодательной власти. Меньшинство — во главе с Д. Н. Шиповым — соглашалось только на совещательную роль народного представительства. Пункт о народном представительстве был изложен в двух редакциях — большинства и меньшинства, — и текст обеих вручен Святополк-Мирскому для передачи Николаю II. Были поставлены вопросы: во-первых, о так называемой «банкетной кампании», которая состояла в том, чтобы конституционные резолюции выносились на банкетах, которые должны были быть устраиваемы к 20 ноября, дню 40-летия судебных уставов. Второй вопрос был связан с намечавшимся земским съездом. Третий касался заявления о существовании «Союза освобождения» открыто, и вопрос этот был решен положительно. В конце съезда Милюков привез из Парижа и программу партии, но так как времени для ее обсуждения уже не хватало, то программа эта не была оглашена. Съезд постановил лишь разослать ее по группам для обсуждения и решения ее к следующему съезду, который был созван в Москве 25–28 марта 1905 года.

Несмотря на то что съезд был нелегальным и проходил на частных квартирах, он послужил сильным толчком к дальнейшей радикализации либерального движения. Многие земские собрания и городские думы присоединялись к постановлениям съезда. В начале декабря у государя состоялось совещание высших сановников и великих князей по вопросу о реформах. Доклад о предполагаемых реформах был составлен по поручению Святополк-Мирского бывшим приютинцем С. Е. Крыжановским. Самым существенным пунктом доклада было указание на необходимость привлечения «местных людей к разработке законов». Далее следовало предложение о проведении ряда других реформ, не столь общего значения. Пункт о «местных людях» был отвергнут Николаем II. На основании остальных пунктов был составлен указ Сенату «о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»,

опубликованный 12 декабря. В таком урезанном виде указ не мог удовлетворить даже умеренных земцев. Все же это был первый сдвиг к уступкам со стороны правительственных кругов^{247}.

«Союз освобождения» просуществовал менее двух лет — с 4 января 1904 года до конца октября 1905 года, когда ему на смену пришла вновь созданная партия народной свободы (конституционно-демократическая).

Над разработкой политической программы зарождающейся партии усиленно работали «освобожденцы», будущие кадеты. Программа была принята «после весьма тщательного рассмотрения довольно единодушно». Она «не считалась чем-либо законченным и неподвижным».

Первый отдел программы затрагивал права личности и принцип равноправия народностей и вероисповеданий. Все граждане, без различия пола, вероисповедания и национальности, признавались равными перед законом. Возражал П. Н. Милюков, поскольку полагал, что добиться осуществления выбора женщин в Думу не удастся, и потому он признавал на первый случай возможным допустить неравноправие полов. Позднее этим пунктом многие пользовались для нападений на программу. Помимо того объявлялась полная свобода печати и слова, каждому обеспечивалась свобода совести и вероисповедания, признавалась полная свобода собраний и принесения петиций. Личность и жилище каждого объявлялись неприкосновенными. Никто не мог быть подвергнут наказанию иначе как по суду в обыкновенном порядке. Каждый пользовался свободой передвижения и выезда за границу. Все эти права должны были быть введены в Основной закон и обеспечивались судебной защитой. Основной закон гарантировал всем населяющим государство народностям право свободного культурного самоопределения. Русский язык рассматривался как общегосударственный.

Второй отдел был посвящен принципам свободного конституционного и демократического государственного устройства, обеспечивающего господство народной воли. Признавалось, что монархия, конституционная и парламентарная, основанная на всеобщем избирательном праве, удовлетворяет этому требованию. В то же время среди членов довольно сильны были республиканские настроения и надежда, что революция еще не завершилась и что, может быть, она еще завершится победой республики над самодержавием. Поэтому была принята следующая примирительная формула: «конституционное устройство Российского государства определяется основными законами». Главными авторами этого отдела являлись Ф. Ф. Кокошкин, П. И. Новгородцев и Д. И. Шаховской. В таком виде (было сказано «государство», а не «империя») формула эта всех

удовлетворила. Поскольку в стране разразилась всеобщая забастовка, представители многих губерний не могли доехать до Москвы. Поэтому решено было созвать съезд в Петербурге в январе 1906 года и предоставить ему также учредительный характер. Этот съезд и должен был окончательно принять программу. Каждому тогда было ясно, что, в сущности говоря, практического значения вопрос о республике иметь не может, по крайней мере в ближайшем обозримом будущем. Поэтому в окончательной редакции пункт был сформулирован следующим образом: «Россия должна быть конституционной монархией; государственное устройство России определяется основным законом». Таким образом, на этом, уже втором съезде окончательно была принята монархическая форма правления.

Третий отдел программы указывал принципы местного самоуправления и автономии. Он устанавливал широкое местное самоуправление. Вместе с тем оставался открытым вопрос о том, какую избрать систему народного представительства: однопалатную или двухпалатную. Признавалось, что вопрос этот не важен с точки зрения принципов партии. При известных условиях могла быть допущена как однопалатная, так и двухпалатная система, лишь бы вторая палата не являлась органом консервативным. Также признавалось, что если в России будет осуществлена широкая децентрализация, то необходимо будет учредить и вторую палату в целях охраны областнических интересов. Эта палата являлась, таким образом, не тем консервативным сдерживающим аппаратом, какой она представляла собой, когда составлялась по системе цензового представительства или с повышенным возрастным составом, а должна была являться лишь защитницей местных нужд и интересов. Поэтому она и избираться должна была из представителей не непосредственно выбранных от населения, как первая палата, а из делегатов местного самоуправления, в которое выборы, в свою очередь, должны быть основаны на всеобщем избирательном праве. П. Н. Милюков был приверженцем более централизованного устройства, выступал против двухпалатной системы и с трудом шел на соглашение по этим пунктам.

Отдел четвертый программы был посвящен организации суда. Пятый отдел — финансовая и экономическая политика — вводил пересмотр государственного бюджета в целях уничтожения непроизводительных по своему назначению и по своим размерам расходов. Устанавливалось также государственное и общественное содействие кооперации.

Шестой отдел являлся весьма существенным. Он посвящен был аграрному законодательству. Основными пунктами программы по этому вопросу являлись положения, уже до некоторой степени выработанные на

предыдущих земских съездах. Они лишь расширили и сделали общим правилом принцип принудительного отчуждения частновладельческих земель. Аграрная программа предусматривала широкую демократизацию землевладения. С другой стороны, предполагалось принудительное, но возмездное изъятие земель у лиц или учреждений, которые сами эти земли не обрабатывали. Эта аграрная программа, отредактированная по виду наспех, на самом деле явилась плодом длительного обсуждения, но было выдвинуто предположение, что на втором съезде она будет пересмотрена и значительно улучшена. Программа эта была разработана Н. Н. Черненковым и А. А. Корниловым на основании программ «Союза освобождения» и земцев-конституционалистов, выработанных на предыдущих съездах. Но многие ею не удовлетворялись.

Седьмой отдел — отдел рабочего законодательства. Тут программа соответствовала программам-минимум социалистических партий. Все пункты этого отдела программы сводятся к практическому улучшению положения рабочих в рамках существующего капиталистического строя. В этот отдел была внесена, между прочим, из программы «Союза освобождения» целиком статья о восьмичасовом рабочем дне.

Последний, восьмой отдел программы относился к вопросам просвещения и имел своей целью возможно широкое распространение просвещения и полную его демократизацию. Отдел этот до настоящего времени представлял собой недостаточно конкретизированную разработку вопросов просвещения^{248}.

В таком виде программа была утверждена. 14 октября 1905 года было объявлено об образовании конституционно-демократической партии. На съезде был также принят устав партии, разработанный князем Д. И. Шаховским. Секретариат образовался с самого начала из Д. И. Шаховского, А. А. Корнилова и А. Н. Максимова, который позже работал секретарем в Московском комитете, а еще через некоторое время его на этом посту заменила Н. Е. Вернадская. Все ведение дел партии с самого начала фактически сосредоточилось в руках Д. И. Шаховского и А. А. Корнилова.

А. А. Корнилов вспоминал, что все это лихорадочно-горячее время приятинцы проводили у Вернадских. Их квартира была похожа на странноприимный дом, и Наталья Егоровна не знала ни минуты покоя. «Каждый из нас, и я, и Шаховской, и Ольденбурги, когда они приезжали, могли обедать и вообще поесть что-нибудь, когда кому-нибудь из нас было угодно». «Дом Вернадских в Москве сделался в это время всем известным пунктом. В сущности, у них в доме сосредоточивались и секретариат конституционно-демократической партии, и секретариат городского

комитета, и своего рода центр по части всяких университетских дел и вопросов. Сын Наташи, Георгий, тогда студент университета, и его товарищи М. В. Шик и др., служили для Наташи помощниками и своего рода секретарями».

Таким образом, между «Союзом освобождения» и новой политической партией народной свободы существовали серьезные отличия как организационного, так и идейно-политического характера. Организационно-идейный принцип, положенный в основу «Союза освобождения» как принцип федеративный, был отброшен. Вместо него была принята идея централистской партии западного типа. Ряд существенных положений, характеризующих «Союз освобождения» как умеренное политическое объединение, был заменен радикальными требованиями, сформулированными в условиях разгоравшейся революции. Отметим еще одну важную деталь: Д. И. Шаховской, А. А. Корнилов, В. И. Вернадский, Н. Е. Вернадская и другие самым решительным и активным образом включились в партийное строительство, пересмотрев свои прежние взгляды и оценки на роль и место политики в жизни Братства «Приютино». Отныне политическая борьба становилась для них не сопутствующим элементом их деятельности, а очень важной принципиальной сферой жизни, существующей по своим писаным и неписаным законам.

Глава 14

В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ

Начавшаяся революция внесла серьезные коррективы в отношения между земством и самодержавием. 18 февраля 1905 года были изданы два важных документа: 1) рескрипт на имя министра внутренних дел Булыгина о привлечении представителей населения к предварительной разработке и обсуждению законодательных проектов и 2) указ, предоставляющий всем русским людям и общественным организациям право сообщать государю свои предположения о желательных реформах государственного устройства.

Весной 1905 года земская Россия, как уже отмечалось, решила создать общеземский коалиционный съезд с участием различных представителей общеземской организации численностью в 250 человек. На съезде было принято решение избрать депутацию, которая должна была добиться аудиенции у царя, узнать о его намерениях относительно ближайшего будущего и заявить о необходимости единения власти и общественности в грозный момент военных неудач. В состав депутации было избрано 12 человек, в число которых вошел и князь Д. И. Шаховской. Депутация была принята государем 6 июня в Петродворце. Николай II заявил: «Отбросьте сомнения: моя воля, воля царская — созвать выборных от народа — непреклонна». «Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам»^[249]. Казалось, земским планам суждено было осуществиться.

Для разработки предположений о преобразованиях, возвещенных указом 18 февраля, была организована работа соответствующей комиссии. В мае на ее заседаниях обсуждался вопрос об избирательной системе в Российском государстве. Д. И. Шаховской высказал по этому вопросу особое мнение. В отличие от комиссии, предлагавшей организовать выборы при помощи земских учреждений, когда избирателями могут быть лишь земские налогоплательщики, Шаховской настаивал на прямых и всенародных выборах, чтобы все население прониклось идеей самоуправления, «чтобы оно чувствовало, что законы — наши законы и если они плохие, то виновны в этом мы». Таким образом, Дмитрий Иванович предлагал, «чтобы у царя было учреждение, с которым бы

каждый гражданин был тесно связан». Представительное учреждение должно было принять форму двухпалатного парламента, одна из палат которого — народная, а другая — земская, и иметь законодательные, а не совещательные функции.

В какой-то степени Д. И. Шаховской выступил как один из творцов будущего русского парламентаризма. Причем его проект и отличался демократизмом, и учитывал существующие реалии самоуправления в России. На основании указа от 18 февраля повсеместно последовали различные сходы, съезды и собрания лиц, которые подавали свои прошения с указанием необходимости государственного устройства на конституционном и демократическом основании, с избранием народных представителей на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Земцы производили сильное впечатление на население. Потрясали их демократизм, готовность пожертвовать личным благосостоянием для общего блага, несмотря на свой социальный статус, ведь многие из них были помещиками, а некоторые даже очень крупными. «В их среде чувствовалось, что путь, по которому они идут, путь верный, выводящий из позора унижений и смуты, в которой оказалась Россия, путь, приводящий к цели — к славе России, к развитию ее духовных и материальных сил. Конституция — вот путь к цели и средство достижения этой цели», — писал очевидец событий Н. И. Астров.

Д. И. Шаховской входил в самый центр земского движения — организационное бюро по созыву съездов, где вращалось много авторитетных общественных деятелей, обсуждался политический курс, рассылались сообщения в земские управы всей России. В работах этого бюро Дмитрий Иванович принимал постоянное живое участие. «Худой, с резко вырезанным профилем, упорный в работе, непоколебимый в убеждении, всегда настроенный радикальнее других, временами вспыхивающий как порох, безапелляционный в своих суждениях», Шаховской, по словам современников, двигал работу бюро вперед. «В карманах его неизменного старенького серенького пиджака был всегда набросанный проект положений или резолюций, что помогало и обсуждению вопросов, и принятию решений».

Дмитрий Иванович занимался и созданием профессионально-политических организаций демократической интеллигенции и служащих, объединившихся в мае 1905 года во Всероссийский союз союзов, который в тот период разделял программные и тактические установки «Союза освобождения». На июльском земско-городском съезде 1905 года Шаховской был избран в состав депутации, передавшей Николаю II

земский адрес с требованиями скорейшего созыва законодательного народного представительства. Тогда же в июле в квартире князя Д. И. Шаховского, по имеющимся агентурным сведениям Департамента полиции, собралось свыше ста лиц различных профессий, членов местных нелегальных организаций и учащейся молодежи. Известно, что Д. И. Шаховской также входил в организационное бюро частных совещаний земских и городских деятелей в Москве. От Ярославского губернского земства Д. И. Шаховской был избран в члены всероссийского совещания земских деятелей. В ноябре 1905 года губернское земское собрание по предложению гласного князя Д. И. Шаховского «признало необходимым в настоящее время возможно широкое распространение среди крестьянского населения сведений по вопросам политическим и экономическим»^{250}.

Весьма широкими были связи Д. И. Шаховского с демократической общественностью. Здесь можно говорить о деловых отношениях с демократами, в том числе с представителями рабочих, о согласии с их взглядами по отдельным вопросам, об отстаивании Дмитрием Ивановичем позиции за широкую коалицию либералов и демократов. Существует немало интересных эпизодов, проливающих свет на характер взаимоотношений Д. И. Шаховского с общественными кругами и представляющих его как яркую неординарную личность, смело отстаивающую свои принципы. Так, осенью 1905 года Московская городская дума поддержала мнение Д. И. Шаховского о введении в состав Думы представителей демократических элементов и организации городской милиции для охраны порядка.

В дни октябрьской забастовки 1905 года, когда представители стачечного комитета, руководившего забастовкой, требовали от городской думы немедленно сдать комитету всё управление и капиталы, деятели «Освобождения», и в первую очередь Д. И. Шаховской, заняли следующую позицию. Они в полемику с этими требованиями не вступили, но и своей солидарности с таким рабочим движением не отклонили. Д. И. Шаховской заявлял, что в этот момент надо только еще громче кричать «долой самодержавие!». А кадетский учредительный съезд называл выступление рабочих «могучим и политически зрелым». В помощь рабочим было ассигновано пособие в 3 тысячи рублей.

Другой эпизод, не менее яркий, произошел в декабре, когда в Москву приехал новый генерал-губернатор Дубасов. «Кажется, 7-го числа в нашу квартиру, — вспоминает А. А. Корнилов, — явилась какая-то барышня, которая с Шаховским была знакома, а со мною нет. Барышня эта таинственно спросила, не пожелаем ли мы сделать нашу квартиру главным

центром на предстоящие дни.

— Центром чего? — спросил я.

— Центром всех революционных партий, которые готовят восстание.

Не зная, верно ли, что предполагается восстание, я, однако же, категорически отказался. Барышня очень удивилась и сказала, что все партии участвуют в этом восстании и удивительно, что я ничего не знаю».

Брат Д. И. Шаховского, Сергей Иванович, устроил у себя склад револьверов для повстанцев и прятал их в огромной пустой голове алебастрового Аполлона, украшавшего большую, нарядную московскую квартиру князя; «что-то гусарское оставалось в нем даже тогда», — вспоминала А. Тыркова-Вильямс.

Интересный случай описывает А. А. Корнилов. Они с Дмитрием Ивановичем жили в описываемые события в Москве в Кисловском переулке в доме Азанчевского, «и редкая ночь проходила без помехи». А. А. Корнилов вспоминает, как в день похорон Баумана поздно ночью раздался стук в дверь и явился посланный от Сталя за Дмитрием Ивановичем. Оказалось, что его позвали в московский манеж для выяснения обстоятельств стрельбы казаков, находившихся в манеже, по возвращавшимся с похорон Баумана, в результате которой было убито несколько человек. Дмитрий Иванович, произведя расследование, в третьем часу ночи отправился к генерал-губернатору и вопреки всем протестам все-таки добился его аудиенции. Изложив обстоятельства дела, Д. И. Шаховской потребовал немедленного вывода полка из манежа за пределы города. Под давлением энергичного натиска Шаховского, Дурново уступил, и казаки были из Москвы выведены^{251}.

Безусловно, Д. И. Шаховской в это время являлся одним из наиболее авторитетных и энергичных деятелей радикальной оппозиции, с мнением которого считались и представители власти, и сами либералы, и рабочие. Пожалуй, конец 1905-го — первая половина 1906 года стали звездным часом «земского князя». Его имя приобрело широкую известность и популярность в различных уголках России.

К октябрю 1905 года произошло существенное «полевение» политических настроений. Как выразился лидер кадетов П. Н. Милюков, «жизнь ушла вперед. Надо догонять, чтобы не отстать»^{252}. Всеобщая забастовка в октябре 1905 года, прокатившаяся по стране, погромы в разных городах, поджоги правительственных зданий, волнения среди матросов и солдат в Кронштадте и Севастополе, Декабрьское вооруженное восстание явились драматической кульминацией революции 1905 года.

Манифест 17 октября 1905 года был воспринят как первая и значительная победа общественных сил над самодержавием. День 17 октября воспринимался как начало новой жизни. Во многом это действительно было так. Старая самодержавная Россия уходила в прошлое, и наступали новые времена. Но что они несли с собой, не мог предугадать никто.

Манифест был встречен, по воспоминаниям современников, чрезвычайно радушно и бурно. Много было выпито тостов на дружеских вечерах, посвященных столь памятному и значительному событию. Привлекает внимание одна интересная деталь. Один из тостов был произнесен рабочим Сталем в адрес Д. И. Шаховского. Он предложил тост «за того из борющихся, который больше других заслужил георгиевский крест»^[253]. Но если вдуматься, боевую награду Шаховскому предлагали за борьбу с собственным правительством, с государством, с монархией, приверженцем которой он все еще оставался. Революционный угар не давал возможности ясно осознать последствия происходящих в стране событий. Невольно возникают параллели с эйфорией февраля — марта 1917 года, когда в результате безответственных действий и власти, и оппозиции в условиях крайней экзальтации народа была уничтожена традиционная российская государственность.

*

К середине лета 1905 года вопрос о создании будущей либеральной партии в России был предрешен. Июльский земско-городской съезд признал образование ее делом неотложным. Августовский съезд «Союза освобождения», на котором присутствовало около трети земцев, заявил о необходимости перехода «от тактики тайного общества к тактике открытой политической партии в европейском смысле слова». И хотя кадетская партия органически выросла из земского движения, существенные отличия между ними не были преодолены.

На последнем земском съезде была избрана комиссия, на которую было возложено составление программы и устава новой партии. В спектре возникавших партий конституционно-демократическая партия призвана была занять лидирующее место в борьбе парламентскими средствами за установление в России конституционного режима, но с учетом сохранения монархии.

В комиссию вошли по 20 представителей от «Союза освобождения» и

«Союза земцев-конституционалистов». Будучи секретарем этой 40-членной комиссии, Д. И. Шаховской сыграл принципиально важную роль в подготовке учредительного съезда конституционно-демократической партии и разработке ее основополагающих программных, уставных и тактических документов. Дмитрий Иванович был одним из горячих защитников тактики, усвоенной конституционно-демократической партией, и непримиримым противником мнения меньшинства прежних земских съездов. О себе Шаховской заявлял: «К созданию партии конституционно-демократической я всегда шел твердо и не раскаиваюсь в этой деятельности, совершенно несогласный с тем, будто мы слишком рано разгородились по партиям. Без партий ответственная политическая деятельность невозможна, а деятельность политическая у нас идет полным ходом, хотя на пути и нагромождаются большие камни и еще больше — разного хламу». Чуть позже Шаховской в беседе со своими друзьями признал определенную торопливость в этом вопросе, высказывая сомнения в перспективности узкопартийной деятельности, в особенности в провинции. Но сомнения эти пришли гораздо позже (1912 год).

Выработанный комиссией проект программы партии был обсужден на первом съезде конституционно-демократической партии, собравшемся 12–18 октября 1905 года в Москве. Съезд состоялся в доме князя Павла Дмитриевича Долгорукова, на нем была обсуждена программа партии и одобрено ее название — конституционно-демократическая. Д. И. Шаховской был избран в состав Центрального комитета. На протяжении всей деятельности кадетской партии в России Д. И. Шаховской занимал в ЦК ключевые посты: товарища председателя и секретаря ЦК, председателя и члена многих комиссий. Важно также подчеркнуть, что он был одним из самых дисциплинированных членов кадетского ЦК и регулярно посещал его заседания.

Программа была изложена в общих выражениях, «вполне достаточных для партии, занимавшей исключительно положение оппозиционное», по выражению И. И. Петрункевича. Кадеты выступали за радикальное реформирование общественно-политической системы во всех ее ключевых звеньях исходя из принципа разделения властей, требования гражданского и политического равноправия, введения демократических свобод. Ориентируясь на западные образцы парламентского строя, кадеты стремились к укоренению в России норм демократического правового государства.

Из мартовской программы «Союза освобождения» были в основном заимствованы отделы по аграрному и рабочему вопросам. Наделение

безземельных и малоземельных крестьян государственными, удельными и кабинетскими землями, а где их нет — частновладельческими, с вознаграждением нынешних владельцев этих земель, составляло суть отдела об аграрной реформе. Разработка рабочего вопроса являлась совершенно новой и самостоятельной в программе. Помимо обычных требований охраны труда, создания условий для развития коллективной самодеятельности и обеспечения вышедших на пенсию, а также утративших здоровье и трудоспособность работников программа содержала особый пункт о нормировке продолжительности рабочего времени, введении восьмичасового рабочего дня. Программа по национальному вопросу, предлагавшая автономию Польши и Финляндии, децентрализацию России, культурно-национальное самоопределение народов, была специально подготовлена Ф. Ф. Кокошкиным.

На втором съезде 5 января 1906 года была принята поправка по поводу избирательного права женщин, допускавшая свободу голосования. Второй съезд конституционно-демократической партии состоялся в Петербурге в январе 1906 года. Это был первый съезд, не возбраненный администрацией. Он собрал более трехсот человек в зале Тенишевского училища. К этому времени ряды партии значительно разрослись.

Организация партии была поддержана значительной частью интеллигенции и самых разнообразных кругов русского общества, что выражалось массовым вступлением в ряды партии. По признанию одного из лидеров партии И. И. Петрункевича, «стремясь демократизировать власть, кадеты порой забывали, что они сами, как господствующий класс, составляют часть власти, которая издавна принадлежала их предкам. В течение десятилетий в передовом дворянстве отмирало классовое сознание. Это вносило благородный, рыцарский оттенок бескорыстия в их жизнь и деятельность. Но для России, может быть, было бы выгоднее, безопаснее, если бы дворянство крепче держалось за свою руководящую роль, яснее сознавало свое значение для культуры».

Дмитрий Иванович Шаховской был общепризнанным главным наставником партии и организатором ее планомерной работы и внутренней жизни. «Его живое, горячее знание людей, умение к ним подходить, с ними сблизиться, его благожелательность делали его незаменимым старшим дядькой партии. Милюков так обращаться с людьми не умел, — свидетельствовала А. Тыркова-Вильямс. — Да от него этого и не ждали. От него ждали политических чертежей. Он определял отношение к правительству и к возникавшим политическим задачам, он намечал, в каком направлении должна развиваться думская энергия, он добросовестно

вбивал в мозги русских людей те либеральные начала, на которых кадеты хотели строить здание русской государственности».

«Вспоминая этот трехдневный съезд, — писала Тыркова, — я прежде всего вижу легконогого, летающего Шаховского. Он повсюду попевал и многое подготовил. Он всех знал, и все его знали. Он сближал людей, намечал их будущее место в партии. Он смеялся, сыпал шутками, быстрыми, неожиданными, меткими. Было в нем такое горение, такая подлинность гражданского пафоса, такая вера, что, даже вспоминая эти дни, моя душа светлеет». В частности, Д. И. Шаховскому удалось убедить прислать делегацию на съезд казанских татар.

В последний день съезда Д. И. Шаховской, «пролетая» мимо Тырковой, с торжествующей улыбкой объявил: «Ну, слава богу! Донесли драгоценный сосуд». Такую же радость можно было увидеть на многих лицах. «Драгоценная ли чаша наша конституционно-демократическая партия, — писала в своих воспоминаниях А. Тыркова, — я до сих пор не знаю, но что на съезде чувствовалась ее хрупкость, это несомненно. Это была одна из основных причин, почему Д. И. Шаховской на съезде больше молчал и слушал, боясь «разбить ее неосторожным словом».

Главной задачей второго съезда было окончательное утверждение программы партии и выбор ее Центрального комитета. Программа вызвала мало споров, так как в основе она была уже утверждена первым съездом. Тактический доклад сделал П. Н. Милюков, попытавшийся несколько примирить противоречия между «правыми» и «левыми» либералами в партии. Партия «конституционная» не могла быть «республиканской». Партия «демократическая» не могла быть «социалистической». За эти грани предстояло сражаться, считал Павел Николаевич.

Было признано, что Россия должна стать конституционной и парламентарной монархией. Этим постановлением партия отмежевывалась от революционеров. Основные споры сосредоточились на вопросе об участии в выборах в Государственную думу и расширении избирательного закона^{254}.

Программа партии сразу же была опубликована в Москве. Стремительно во всех уголках Российской империи стали организовываться конституционно-демократические группы, принимавшие программу партии, так что очень быстро образовалась широкая сеть партии, что и позволило ей сыграть в первой русской революции и в Первой Государственной думе активную роль.

Значительной по своим масштабам работой с провинцией в партии руководил Д. И. Шаховской. Он возглавлял отдел партии в Ярославле, где

конституционные демократы считались третьей политической силой. Учитывая огромные организаторские способности Д. И. Шаховского, его широкие связи в земской среде, а также многочисленные контакты с представителями профессионально-политических организаций и профессиональных союзов интеллигенции и служащих (адвокатов, врачей, почтово-телеграфных и железнодорожных служащих, приказчиков), ЦК партии поручал Шаховскому выполнение самых сложных и ответственных заданий.

Дмитрий Иванович совершал «челночные» поездки по различным губернским и уездным городам России, участвовал в формировании губернских, городских, уездных и сельских комитетов кадетской партии. На него возлагалась обязанность разрешать возникающие конфликтные ситуации. Кроме того, Д. И. Шаховской занимался налаживанием партийной печати, являлся инициатором создания Бюро печати и постоянным сотрудником книгоиздательства «Народное право». По инициативе Д. И. Шаховского и при его содействии в 1906–1907 годах издавались партийные газеты — «Народная свобода», «Думский листок», «Сельская газета» и др. Он занимался также вопросами финансового обеспечения партии и организацией ее общественной деятельности, поддерживал постоянные связи с широкими внепартийными кругами демократической интеллигенции, служащими, студентами, представителями Красного Креста^{255}.

Провинциальные отделы партии, организованные еще в 1904 году по решению харьковского съезда, работали энергично, пропагандируя идеи кадетов. Сочувствие к ним сказалось в быстром росте их сторонников. Перед выборами, в январе 1906 года, партия насчитывала 70 тысяч зарегистрированных членов. К апрелю 1906 года в стране функционировало более 360 местных организаций. Таким образом, конституционно-демократическая партия могла считаться тогда одной из наиболее организованных и политически подготовленной, совмещавшей принципиальность демократического направления с деловитостью подхода к политической борьбе. Ее шансы на победу в парламентской борьбе, по мнению лидера партии П. Н. Милюкова, были очень велики^{256}.

На третьем съезде партии, в апреле 1906 года, перед открытием Государственной думы, было принято решение, сохраняя за партией наименование «конституционно-демократической», присвоить ей и другое — «партия народной свободы», как более понятное и близкое массам. Но это было первым дополнением не программы, а устава партии, принятого

при утверждении его на третьем съезде. На нем была также предпринята попытка легализации партии, которая состояла из губернских групп и групп больших городов, таких как Петербург, Москва, Киев и Одесса. Они в свою очередь подразделялись на уездные группы, а те — опять на мелкие отделы. Но план легализации партии не был утвержден городским Петербургским присутствием. Правительство отказалось регистрировать партию народной свободы. Фактически партия работала свободно и без регистрации, но порой возникали мелкие неудобства и неприятности. В целом ряде мест партия удержалась, и правительству не удалось загнать ее в подполье^{257}.

В течение первых одиннадцати лет программа партии оставалась почти без изменений. Все поправки и дополнения были приняты на трех последних съездах в 1917 году, уже после Февральской революции, когда партия народной свободы из оппозиционной превратилась в партию правящую, принявшую деятельное участие в образовании Временного правительства, когда она могла проводить свои политические и социальные реформы, большинство из которых так и не были осуществлены.

Многие политические партии, активно выступающие против правительства, находящиеся в оппозиции к нему, в течение долгого времени предлагающие самые решительные, казалось бы конструктивные, меры, с приходом к власти теряют свою позитивную энергию, растрачивают созидательный потенциал и в конце концов сходят с политической арены. В этом есть некий парадокс, а может быть, закономерность, над которой будущим исследователям предстоит серьезно задуматься.

По воспоминаниям современников, весна 1906 года была необыкновенно ранняя. «Уже в последних числах апреля север России, от Петербурга начиная, был окутан зеленой дымкой берез, раки и тополей, сквозящих теплом и светом на изумрудной зелени торжествующей весны. Стояли дивные солнечные теплые дни; даже вечера и ночи теплы были как в конце мая. Природа как-то по-особенному красовалась и благоухала, не то было с природой человеческой; взбаламученное недоброй памяти революцией, народное море все не могло успокоиться, искусственно волнуемое всеми новшествами, которых не знала раньше смиренная и святая Русь», — делился своими переживаниями С. А. Нилус^{258}, предчувствуя грозные раскаты грома в, казалось, безоблачном небе.

27 апреля 1906 года начала работу Государственная дума. Ее создание было составной частью осуществлявшихся в 1905–1906 годах, в ходе

бурных событий первой российской революции, реформ государственного строя империи. Провозглашенные Манифестом 17 октября 1905 года законодательные права Государственной думы в дальнейшем власть попыталась обставить разнообразными ограничениями. Самодержавие монарха — стержень российской государственности на протяжении столетий — формально сохранялось изданными 23 апреля 1906 года новыми Основными государственными законами. В то же время законодательная власть должна была осуществляться императором «в единении с Государственным советом и Государственной думой».

Госсовет и Дума фактически представляли собой двухпалатный парламент. При этом сфера законодательной инициативы обеих палат была существенно ограничена. Пересмотр Основных законов от 23 апреля 1906 года мог происходить лишь по почину императора. В роли верхней палаты выступал преобразованный Государственный совет, одна половина состава которого назначалась императором, а другая — избиралась. Нижней палатой была Государственная дума. Первоначально в ее состав должны были входить 524 депутата. Они избирались по сложной схеме, предусматривавшей многостепенные выборы по четырем куриям — землевладельческой, городской, крестьянской и рабочей. Избирательные права имели традиционные в российском законодательстве ограничения по вероисповеданию и не касались прежде всего еврейского населения империи. Избирательные права также не получили женщины, военнотружущие, молодежь в возрасте до 25 лет.

К ведению Думы при ее учреждении были отнесены все «предметы, требующие издания законов и штатов». Государственная дума получила также право рассмотрения росписи доходов и расходов, включая сметы министерств и ведомств, отчетов об исполнении этой росписи. Из рассмотрения нижней палаты были изъяты вопросы внешней и военной политики. Права Думы в области бюджета были сужены специально изданными правилами, действовал также ряд других существенных ограничений ее полномочий. Государственная дума обладала правом запроса министрам и главам ведомств по поводу тех их действий, которые представлялись членам Думы незакономерными.

Все принимаемые Думой законопроекты подлежали дальнейшему рассмотрению верхней палатой и лишь после этого поступали на утверждение императору, за которым оставалось, таким образом, последнее и решающее слово. Кроме того, император имел право в любой момент до окончания пятилетнего срока деятельности Думы своим указом распустить ее, одновременно назначив время проведения очередных выборов и срок

созыва Думы нового состава. Во время же «прекращения занятий» Думы Совет министров, согласно статье 87 Основных законов, мог в случае необходимости представлять на утверждение императору законодательные акты, не рассматривавшиеся палатами или не принятые ими^{259}. Предусмотрительно включенным в Основные законы правом роспуска Думы до истечения ее полномочий власть воспользовалась дважды, распустив первые две Думы.

Оставляя в стороне споры о том, можно ли считать Думу парламентом, скажем, что она сыграла важную роль в законодательном процессе. Проявилось это прежде всего в том, что существование Думы изменило условия деятельности российской власти, ранее совершенно закрытой для общества. Высшие сановники империи, до председателя Совета министров включительно, теперь должны были учитывать мнение Думы, постоянно выступать в Таврическом дворце, отвечать на запросы депутатов, защищать законопроекты своих ведомств на пленарных заседаниях и в думских комиссиях, а также участвовать в обсуждении подготовленных в недрах самой Думы законодательных предположений. Правительственные законопроекты в подавляющем большинстве своем теперь становятся известными российскому обществу уже на стадии обсуждения в Думе, чаще всего еще в думских комиссиях, и не только политические партии, но и общественные организации, в том числе научные общества, профессиональные союзы и т. д., получили возможность включиться в их обсуждение.

Заседания в Думе, как это было общепринято в парламентах, были доступны для широкой публики. Мощным средством оповещения общества о работе народного представительства стала пресса. Во время работы Первой и Второй дум были аккредитованы около 200 журналистов, в число которых, например, вошла А. В. Тыркова-Вильямс. Депутаты Думы становятся излюбленными героями газетной хроники^{260}. Кроме того, Дума вела активную издательскую деятельность. Думские издания бесплатно рассылались во все концы империи. Публиковались стенографические отчеты думских заседаний, а также различные материалы думских комиссий. Огромную роль по налаживанию работы аппарата Государственной думы, в частности, подготовки стенографических отчетов к печати, сыграл ее первый секретарь Д. И. Шаховской. Таким образом, Государственная дума внесла свой вклад в процесс развития гражданского общества в России начала XX века.

Выборы в Государственную думу проходили по куриальной

многоступенчатой системе, как было сказано выше. Ее разработчиком, кстати говоря, был С. Е. Крыжановский — товарищ Д. И. Шаховского по Варшавской гимназии и его друг в студенческие годы, отдалившийся в период формирования Братства «Приютино». Нелестную характеристику С. Е. Крыжановскому дал П. Н. Милюков, иронизирующий по поводу его деятельности на правительственном поприще в качестве мага и волшебника конституционного права^{261}.

Поскольку революционные социалистические партии отказались участвовать в выборах в Думу, кадеты оказались самой левой партией на политической арене. Избирательную кампанию в Первую думу в марте 1906 года кадеты провели энергично и успешно. Д. И. Шаховской являлся одним из главных организаторов избирательной кампании. Он был избран депутатом Первой Государственной думы от Ярославской губернии. Его друзья В. И. Вернадский и С. Ф. Ольденбург были выбраны членами Государственного совета от академии и университетов^{262}.

Число членов конституционно-демократической партии не достигло абсолютного большинства в Думе, они получили 179 мест. Но все-таки это позволило кадетам иметь в Думе господствующее влияние, благодаря также их дисциплине, образовательному и моральному авторитету. Расчет правительства получить в Думе «сереньких» и составить из них «министерскую партию» явно не оправдался.

Учитывая тот факт, что партия выросла из земского движения, легко представить, что в общих собраниях Думы встретились старые знакомые по земским съездам. Многие депутаты очень хорошо знали друг друга, успели к этому времени многое сообща обдумать, о многом договориться.

Лидер партии П. Н. Милюков не попал в члены Думы. Правительство кассировало его квартирный ценз. «Патриархом» направления и живой совестью партии в Думе стал И. И. Петрункевич — интересная, своеобразная, по-настоящему еще не изученная и по достоинству не оцененная фигура в либерально-демократическом движении второй половины XIX — начала XX века. Он был действительно центром политической мысли в конституционном движении, непререкаемым авторитетом; каждое слово его выслушивалось с особым вниманием. Все, что он говорил, было проникнуто знанием русской жизни, любовью к родине и тревогой за судьбу страны и государства.

Председателем Государственной думы был избран С. А. Муромцев, до этого он был председателем Московской городской думы. «Величественная поза председателя, надо признать, была принята всеми как олицетворение

величия самого учреждения, и создала Муромцеву огромную популярность».

Либеральные круги ликовали. «Только и разговоров в Москве, что о Государственной думе, о первом слове, произнесенном в Думе И. И. Петрункевичем, о вступительном слове С. А. Муромцева, о том благородном, полном достоинства тоне, который он сразу сообщил первому собранию впервые созванного народного представительства». Казалось, сбывалась мечта либералов, о которой Д. И. Шаховской сказал так: «отказаться от неограниченной власти, но сохранить монархический принцип», чтобы неограниченная власть принадлежала не чиновникам, а они были заменены властью народа. В своих воспоминаниях А. Тыркова писала: «Мы всегда были, прежде всего, монархистами. Никогда не были республиканцами. В I Думе мы хотели найти связь между монархом и народом. Не наша вина, если она не создалась»^[263].

Д. И. Шаховской был избран секретарем Первой Государственной думы 380 голосами из 406. «Учреждение Думы» в общих чертах наметило структуру и основные принципы работы аппарата Думы. Устанавливалось, что «для производства дел по Государственной Думе состоит при ней канцелярия». Управление последней возлагалось на избравшегося палатой из числа ее членов на полный пятилетний срок ее деятельности секретаря Думы, на полный срок избирались из числа членов Думы помощники секретаря. Стоит отметить, что, в отличие от них, председатель и товарищи председателя Думы должны были переизбираться ежегодно, в начале каждой сессии. Это обстоятельство, по замыслу авторов «Учреждения Думы», должно было, по-видимому, способствовать определенной независимости секретаря и его помощников от руководства палаты.

Служащие думской канцелярии должны были назначаться и увольняться возглавлявшим ее секретарем палаты. Сформулированные Правилами основные положения организации службы в думском аппарате являли собой оригинальное сочетание основных элементов, присущих службе по вольному найму, с некоторыми нормами государственной гражданской службы. Этот принцип прекрасно использовал Д. И. Шаховской, проявив себя на этом ответственном посту талантливым организатором. Он приглашал служащих по вольному найму в значительной степени из числа членов своей партии или ей сочувствовавших из лиц так называемого «третьего элемента», которые постепенно начали вытеснять присланных в Таврический дворец чиновников Государственной канцелярии. Служащие по вольному найму считали работу в Государственной думе своим правом и привилегией.

Чиновники Государственной канцелярии принесли с собой в думскую канцелярию отчетливость, систему, давние навыки первоклассно поставленного государственного учреждения. Однако антагонизм между теми и другими чувствовался во всем. М. Я. Глинка, яркий и способный государственный деятель, прослуживший в Думе на протяжении всех 11 лет ее существования, заметил о Шаховском: «Он всячески оберегает от посторонних глаз все, что касается внутреннего делопроизводства, и уже до выработки штатов замещает должности своими людьми — кадетами».

Д. И. Шаховской сумел в короткий срок наладить работу думской канцелярии, создав тем самым «для следующих Дум деловую рамку». Для организации канцелярии Государственной думы он в помощь себе вызвал секретаря Московской городской думы Н. И. Астрова. В этом деле сначала царил полная неразбериха. Будучи всецело поглощен организационными совещаниями в Государственной думе, Д. И. Шаховской в первые дни буквально выбивался из сил.

Н. И. Астров так вспоминал первую встречу с князем Шаховским: «Дмитрий Иванович выходит из своего кабинета. Он в своем неизменном сереньком однобортном потертом пиджачке. Он еще более похудел. Глаза красные, но оживленные...

— Дмитрий Иванович, что с вами? Вы нездоровы, устали. Вы похудели за эти дни. Каково общее положение дела?

Он встрепенулся. Громко захохотал своим характерным смехом:

— Да нет же! Все очень хорошо! Уверю вас, все очень хорошо. Где вы остановились?»

«Он вообще смеялся много и громко. Это сбивало с толку. Могло казаться, что он потешается над людьми, — отмечала А. Тыркова. — На самом деле он смеялся каким-то своим мыслям, даже не всегда мыслям, а облакам, проходившим где-то в душевной глубине». «Шаховской был человек глубинный, как позже стали говорить, интуитивный. Иные видели в нем фантазера, мечтателя. Были и такие, что считали его безумцем, одержимым демоном демократии. Меньше всего думали о нем как о практическом работнике. Между тем за семьдесят дней своего секретарства в первом русском парламенте Шаховской доказал свой талант организатора. Он поставил думскую канцелярию, определил сложные подробности спешного печатания стенограмм, сношения с печатью, раздачу билетов для прессы и для публики. Очень хорошо работал крайне важный в парламентской жизни стенографический отдел».

Так полетели дни за днями, почти не прерываемые ночами, по словам Н. И. Астрова. «С Дмитрием Ивановичем почти ежедневно мы

возвращались в нашу-гостиницу против дома Фредерикса около пяти часов утра, с тем чтобы в девять часов утра быть снова в Таврическом дворце». Работа «все усложнялась и не допускала замедления. Только особое одушевление тех дней и особый нервный подъем помогали выдержать это напряжение. Неподвижно склоненный над грудой бумаг, с резко очерченным профилем, большим лбом, характерным носом с горбинкой, рыжеватой бородой, он всей своей изможденной фигурой напоминал иконописного угодника, силою духа превосмогающего и усталость, и, может быть, сомнения. Иногда среди ночи заходил к нам С. А. Муромцев, тоже до утра засиживающийся в своем председательском кабинете. Он садился у моего стола и начинал рассказывать о впечатлениях дня, об отношениях к Думе, о слагающихся думских нравах. Он выражал уверенность, что крикливые трудовики скоро выдохнутся, втянутся в работу и умерят свой пыл. Выражал надежду, что Дума удержится и отношения с правительством станут со временем более нормальными».

Несмотря на свои обширные секретарские обязанности, Д. И. Шаховской лично участвовал и в думских дебатах. В стенографических отчетах Первой думы зафиксировано 25 выступлений Д. И. Шаховского, разъяснений, реплик. Так, в ходе обсуждения программного думского документа, ответного адреса государю 3–4 мая 1906 года, Дмитрий Иванович пять раз поднимался на думскую трибуну. Он защищал всеобщее избирательное право, но считал, что обсуждение этого вопроса надо отложить, чтобы позже иметь возможность «более солидного и основательного» его освещения. Д. И. Шаховской выступал по поводу и других поправок в ходе обсуждения ответного адреса, защищая редакцию, выработанную думской комиссией. При этом заметил: «Мне представляется вообще совершенно неправильной та тактика, которая здесь замечается, чтобы вопросы, безусловно спорные, непременно решить при выработке ответного адреса, как бы до обсуждения, то есть без достаточного и всестороннего их обсуждения».

3 мая Д. И. Шаховской выступил по центральному вопросу ответного адреса царя — поправки об ответственности министров. Его не устраивало красивое сравнение Думы с «вешней водой, которая льется поверх всяких плотин». Поэтому он заявил: «Мы можем написать какие угодно законы, но если министров Думе не подчиним, то мы ничего не сделаем, а страна нам этого не простит. Подчиним министров Думе — только в этом наша задача, в этом главная потребность страны». Его речь была встречена аплодисментами. Таким образом, уже в Первой думе был поставлен вопрос об ответственности министров, который в дальнейшей истории думской

борьбы станет краеугольным камнем. Д. И. Шаховской высказался в поддержку этой поправки еще задолго до того, как лозунг ответственного министерства стал знаменем прогрессивных либеральных кругов в годы Первой мировой войны.

Д. И. Шаховской не только выступал за ответственное думское министерство, но и подписал аграрный проект «42-х» с требованием принудительного отчуждения помещичьих земель за справедливый выкуп, высказался за принятие пакета законопроектов кадетской фракции о гражданских правах и политических свободах, всеобщей амнистии и отмене смертной казни. Он давал справки организационного характера, оглашал результаты избраний и баллотировок, озвучивал ряд заявлений депутатов, в том числе по аграрному вопросу.

Дмитрий Иванович «никого не стремился удивить, поразить, — вспоминала А. В. Тыркова, — он не оглядывался на других, не искал популярности, не искал власти над людьми, но заражал их своим политическим горением и умел каждого повернуть к жизни лучшей его стороной. Он находил единомышленников, спланивал их, пробуждал в них политическое сознание, направлял распыленную энергию к одной цели. У него был огромный, заслуженный моральный авторитет. Он не способен был покривить душой. Это понимали даже его противники».

Некоторые характеризовали его радикалом, «освобождением». Дмитрий Иванович был прямым потомком декабристов. «Та же была в нем рыцарская прямота, непоколебимое чувство долга, наивная влюбленность в свободу, равенство и братство... Но Шаховской был менее отвлеченным идеалистом, чем декабристы, он лучше понимал насущные потребности России. Он ощущал действительность, старался найти в ней опорный пункт для борьбы за конституцию. Но он искал поддержки не в офицерстве, как делали это декабристы, а в новой, земской среде. Земцы на работе изучили нужды и желания населения. Они выработали в себе общественные навыки, научились обращаться с народным хозяйством, с общественными делами и деньгами. Это были не чиновники, присланные из далекого центра, а местные, выборные люди, честно преданные интересам своего края и ответственные перед избирателями. Позже, присмотревшись к европейским порядкам, которые издали казались нам образцовыми, завидными, я поняла, на какой высокой степени стояло наше земство, каких деятелей оно воспитывало, какие возможности в себе носило», — писала А. В. Тыркова.

По результатам работы Первой думы был принят один законопроект — об уничтожении смертной казни. Однако Государственный совет,

рассмотрев законопроект, отверг его. Первая дума просуществовала сравнительно недолго. В момент, когда никто не ожидал роспуска, Дума была распущена на каникулы. Н. И. Астров так вспоминает те дни: «Однажды моей жене ее старый знакомый П., сообщавший ей периодически о настроениях высших сфер, сказал:

— Ну, вот, наступает конец вашего пребывания в Петербурге: Дума будет распущена на этих днях.

Это было сказано в то самое время, когда в полном разгаре были переговоры о новом министерстве.

Я поторопился сообщить полученные мною сведения кн. Шаховскому. Он откинулся на спинку кресла, раскрыл рот и стал громко хохотать:

— Что это за новости! Именно теперь-то всякая опасность роспуска устранена.

Сергей Андреевич (Муромцев. — И. К., А. Л.) тоже с полным недоверием отнесся к сообщенному мной. Рассказал о том положении, в котором оказываются переговоры о новом кабинете»[{264}](#).

*

9 июля 1906 года стало известно о закрытии Государственной думы. Дума была оцеплена войсками и полицией; «у передней решетки садика стоял густой наряд полиции, учтиво указывавший дорогу единичным появлявшимся депутатам». П. Н. Милюков около семи часов утра на велосипеде объехал квартиры членов Центрального комитета, пригласив их собраться немедленно у И. И. Петрункевича. Главным вопросом дня стала выработка решения, что делать, как бороться. И. И. Петрункевич и Ф. Ф. Кокошкин предложили идею не вполне новую, но «она носилась в воздухе уже с момента тревожных известий о роспуске на каникулы», — обратиться к населению с призывом к пассивному сопротивлению. Было решено ехать в Выборг. Д. И. Шаховской отправился туда в составе кадетской фракции.

Попробуем восстановить канву событий в Выборге по имеющимся воспоминаниям современников тех дней. Провинциальная гостиница «Бельведер» была переполнена наехавшей из Петербурга публикой: депутатами, университетской молодежью, корреспондентами газет, неизвестными подозрительными личностями «в гороховых пальто». Позже стало известно, что в числе последних был известный Азеф. «Все это наступало на ноги, шумело, не давало проходу, осаждало вопросами».

Председательствовал С. А. Муромцев. В первый вечер собралось около 180 человек, на следующий — свыше 200. Кадетов было около 120 человек, кроме них присутствовали трудовики и социал-демократы. Октябристы и правые в Выборг не приехали. Из крупных думских групп, на участие которых кадетам можно было рассчитывать, присутствовали представители польского коло, небольшой партии демократических реформ, слившейся с кадетами, участвовавшей в совещании кадетской фракции и подчинявшейся ее решениям. Все разместились в зале в порядке обратном, нежели в Думе. Социал-демократы заняли правую сторону зала, кадеты — левую, трудовики — середину. «Зал — большая комната в 5 или 6 окон, составленная из двух меньших, соединенных аркою. В меньшей стоял все время весьма дисгармонизировавший с общим настроением рояль, уготованный, видимо, для более радостных событий. Остальная часть зала была вся уставлена, параллельно окнам, венскими стульями, а у противоположной окнам стены, почти у самой арки, стоял простой столик — трибуна нашего председателя».

Заседание открылось в 10.30 вечера, но поздний час никого не смущал. Атмосфера сразу преобразилась. «Исчезла и убогая, холодная обстановка, и мелкая суетливость, нас обступавшая, и жуткое ощущение подневольной отторженности от родного угла — все исчезло. В собравшихся людях разом проявилось нечто, что задвинуло куда-то вдаль все внешние впечатления. Весь зал был объят единым настроением, необычайно серьезным, приподнятым, не нарочито сдерживаемым, — настроением, при котором нет места ни аффектированной фразе, ни излишнему жесту, ни заносчивой угрозе. Над залом носилась боль сердечная и скорбная решимость».

Заседание проходило очень бурно. Прозвучало предложение поднять вооруженное восстание, но большинство эту идею не поддержало. Основное внимание было посвящено выработке проекта обращения к населению. Составленный П. Н. Милюковым проект оказался очень длинным, примерно в три раза больше того, который был впоследствии принят: первая часть содержала протест против роспуска, вторая — призыв к пассивному сопротивлению. Во фракции кадетов многим казалось, что проект составлен слабо, что в манифесте должен был бы резче прозвучать крик возмущения, осветив как блеск молнии перед населением истинный смысл того, что совершилось. Вторая часть — не давать рекрут, не платить податей, не признавать займов — все эти три тезиса совместно встретили такой живой отпор, что в итоге были приняты весьма незначительным большинством. Четвертое предложение о политической забастовке было отвергнуто очень быстро и чуть ли не единогласно. Прения в кадетской

фракции затянулись, так что трудовикам и социал-демократам несколько раз пришлось присылать спрашивать, скоро ли они закончат.

«Минимум» кадетского манифеста, конечно, далеко не отвечал левому «максимализму». Но все сознавали, что важно иметь общее решение всей Думы. «Если первая половина кадетского проекта — и после ночных переделок Винавера и Кокошкина — продолжала все-таки казаться недостаточно яркой, то вторая, заключающая призыв к пассивному сопротивлению, уже вызвала ряд возражений отнюдь не принципиального, а практического свойства — и тем более серьезных».

Общая редакция воззвания была завершена к 4.30 утра. Работа имела весьма сырой, незаконченный вид. К 7.30 утра окончательная редакция была готова. «Плод мук и тяжкого раздумья созрел». «Восторженные, радостные лица, радостные возгласы, рукопожатия; нигде недовольства, нигде сомнения. Просветлело на душе. Первая Дума не рассеялась бесследно, — она еще раз спаялась воедино, она оставит народу посмертный завет борьбы за поправленные права».

Подписи на воззвании собирал Д. И. Шаховской. Сколько всех подписей имелось на подлинном экземпляре воззвания, сказать трудно; с самого момента его подписания подлинный экземпляр был спрятан. По слухам, он хранился все время вне пределов России. Ни факсимиле, ни фотографии с него не было снято. Но подписавших и присоединившихся было в первый же день около 200, если не больше. Позже Д. И. Шаховской стал автором обработанных протоколов, наспех перебеленных секретарских записей заседаний депутатов в Выборге. Около четырех часов дня депутаты по одиночке высыпали на улицу. У всех на душе было легко.

Далее решено было скорее вернуться в Россию. Задержка в Финляндии не должна была быть расценена как бегство, что умалило бы значение Думы. Что же касается реакции населения, то в народе Выборгский призыв не имел какого-либо серьезного отклика. Это был «холостой выстрел». Но этот выстрел нанес тяжелый удар по партии народной свободы.

12—18 декабря 1907 года подписавшие Выборгское воззвание депутаты Первой Государственной думы, в их числе и Д. И. Шаховской, были приговорены петербургской судебной палатой к трехмесячному одиночному заключению с последующим лишением права быть избранными не только в Государственную думу, но и в органы местного самоуправления. Дмитрий Иванович отбывал наказание в одиночной камере Ярославской губернской тюрьмы^{265}.

В ожидании суда Шаховской продолжал осуществлять значительный груз партийной работы, выполняя обязанности товарища председателя ЦК,

председателя Исполнительной комиссии, неоднократно выезжая с различными поручениями на места. Кроме того, он участвовал в разработке законопроектов о местном земском самоуправлении и по аграрному вопросу, которые затем были переданы в кадетскую фракцию Второй Государственной думы. Д. И. Шаховской возглавил также специальную комиссию фракции, избранную для окончательной разработки проекта реформы местного самоуправления.

Дмитрий Иванович тяжело переживал лишение политических прав, которое распространялось и на земские собрания. Позже он переселился из Ярославля в Москву, откуда изредка наезжал в Петербург, продолжал бывать на заседаниях Центрального комитета партии народной свободы, где последовательно отстаивал линию на ее демократизацию, расширение и углубление внепарламентской деятельности, сохраняя веру в неизбежность «конституционного развития страны», обновления «всего правительственного механизма». В это время на Дмитрия Ивановича порой стали находить приступы сильной депрессии и апатии. Человеку, который привык находиться в гуще общественно-политических событий и принимать в них активное непосредственное участие, трудно было пережить отстранение от дел. Интересный ассоциативный образ дал Д. И. Шаховскому И. И. Гессен. Он сравнивал Дмитрия Ивановича с собачкой, которая бегаёт вокруг стада и лает, чтобы предостеречь от опасности. «Такой же собачкой был и Дмитрий Иванович, он также всюду старался поспеть, чтобы напомнить о долге совести, не только хотел, но и подлинно горел ненавистью к неправде, насилию над человеком и не скрывал чувств своих».

Свободное время, которого теперь было предостаточно, Д. И. Шаховской проводил в Публичной библиотеке в Петербурге и в Румянцевском музее в Москве, где занимался историческими исследованиями. Дмитрий Иванович собирал материал о своих выдающихся предках — историке М. М. Щербатове и философе П. Я. Чаадаеве, но «книги так и не написал»^[266].

Роспуск Первой Государственной думы провел резкую черту между течением политической жизни России. Важным симптомом этого перелома был все ускоряющийся процесс затухания революции и осмысления ее уроков.

После Выборга, как отмечалось выше, князь Д. И. Шаховской поселился в Ярославле. Здесь в течение трех летних месяцев 1908 года он отбывал заключение в губернской тюрьме, в Коровниках, за подписанное воззвание. Департаментом полиции за ним велось постоянное наблюдение, материалы которого для историков являются ценным источником. В ноябре 1908 года ярославский полицмейстер с грифом «секретно» сообщал, что Дмитрий Иванович жил в городе Ярославле без определенных занятий очень короткое время, принадлежал он к крайней левой партии. Д. И. Шаховской попал в список лиц, проходивших по наблюдению за деятельностью партии социалистов-революционеров по городу Ярославлю. В апреле 1912 года князь окончательно переехал в Москву. Переезду предшествовало большое личное горе — гибель младшей дочери Александры, покончившей с собой в 17-летнем возрасте. Смена обстановки хоть как-то могла смягчить тяжелую утрату, тем более что в Москве проживали многие друзья и близкие семьи. Но и общественная обстановка была далеко не благоприятной.

Значительная часть либеральной интеллигенции в эти годы пребывала в глубоком пессимизме. Свою роль в нагнетании настроения упадка и апатии сыграл выход сборника «Вехи» (1909 год). Князь Шаховской резко отрицательно отнесся к его изданию, назвав авторов «Вех», среди которых было много его знакомых и товарищей и, в частности, П. Б. Струве, «нашими несчастными плакальщиками». В апреле 1909 года в ярославской газете «Голос» он опубликовал статью с характерным названием, взятым из евангельской притчи, «Слепые вожди слепых». Сам факт появления сборника «Вехи» он определял в этой статье как показатель «общественной реакции». «Они считают всю идеологию русской интеллигенции, основанную на признании безусловного первенства общественных форм над духовными основами жизни личности, — писал Шаховской, — «внутренне ошибочной» и «практически бесплодной», так как такое мировоззрение не может привести к освобождению народа».

Выражая свое несогласие с подобной позицией, Дмитрий Иванович пытался обратить внимание на то положительное, что, по его мнению, произошло за последнее время и с самой интеллигенцией, и со страной. Завершая полемику на оптимистической ноте, он призывал своих оппонентов «упорно искать новых путей развития и работы, и исходя не от тяжелого отчаяния и мрачного раздумья, а от спокойного сознания сдержанной победы и в корне изменившихся обстоятельств».

П. Б. Струве в свою очередь решительно возражал против высказанных претензий и оценок, в особенности когда с «такой полемикой

против «Вех» выступают такие люди, как князь Д. И. Шаховской». Струве с сожалением отмечал в отношении своих критиков, «какие важные уроки недавнего прошлого остались ими не усвоены и как беззаботны они насчет политического воспитания русского общества»^{267}.

В этом открытом столкновении прежних соратников, на наш взгляд, принципиальным было их различное понимание соотношения внешних и внутренних обстоятельств и предпосылок свободного развития личности и народа. Для Петра Бернгардовича свобода внутренняя (духовная) была не менее важна, чем свобода внешняя (политическая).

Шаховской же никогда и не отрицал этого, но делал акцент на ценности внешних условий достойного и благополучного человеческого существования, на том, что свобода личности не может быть полной без свободы общественной, без свободы народа. По сути, весь спор шел о двух сторонах свободы, о диалектике внутреннего и внешнего проявления свободы. И конечно же о том, что всякое общественное движение или всякие изменения происходят во времени и в силу этого исторически ограничены.

Струве, как ни парадоксально, выступал в этой дискуссии скорее не как философ (хотя и писал о сугубо философских проблемах), а как политик, оценивающий переживаемый страной этап с позиций современника. Шаховской же, утверждая значимость происшедших за пятилетие (1904–1909) общественно-политических изменений, был в большей степени философом и историком. Его точка зрения не упиралась в стену сиюминутного, а уходила к исторической линии горизонта и даже стремилась за нее.

Разумеется, в реальной жизни и в конкретной обстановке Шаховскому, как и всем другим людям, были свойственны и разочарования, и чувство одиночества, с которыми он пытался бороться, уходя в активную деятельность, но не всегда ему это удавалось.

Как член Первой думы, подписавший Выборгское воззвание, Шаховской был отстранен от всякой выборной публичной и земской работы. «Удар был для него тяжелый, удручающий. Шаховской совсем сник. По-прежнему направлял он многое в партии, но ему этого было мало». «Шаховской был человек перебойных настроений: то парил высоко, то крылья у него опускались. Друзья, смеясь, говорили, что он живой политический барометр... Он никогда не ныл, но бывали полосы, когда он сжимался, редко приезжал из Москвы, куда он переселился из Ярославля, не привозил нам новых планов, не так нас тормозил, не требовал от нас — все большего напряжения. Затихал».

Когда наступали полосы политического затишья, Д. И. Шаховской искал отдыха и удовлетворения в архивных изысканиях. Князь работал над изданием каталога библиотеки М. М. Щербатова. Но как только открывалась возможность живой работы среди живых людей, Шаховской опять отрывался от прошлого ради настоящего и будущего. Работая в таком богатом книгохранилище, как Публичная библиотека, и имея свободный доступ к карточному каталогу, Дмитрий Иванович находил много очень поучительного и интересного.

Другим предметом изучения была история земства. В письме другу Аде (А. А. Корнилову) от 26 ноября 1912 года Шаховской сообщал: «Я все еще тяну с вопросом об истории земства. Надо с ним поскорее, так или иначе покончить, но до сих пор этого не сделал. Боюсь, что не удастся подготовить дело, как следует, главным образом вследствие здоровья работников, которые бы справились со своей задачей, а и отказываться от такого предприятия не хочется».

Несмотря на то что Д. И. Шаховской был лишен права быть избранным в Думу, он не был оторван от политической деятельности, поскольку входил в ядро ЦК кадетской партии, занимался вопросами организации работы местных комитетов и другими важнейшими проблемами партии. По свидетельству А. В. Тырковой, в ЦК и во фракции прения часто бывали интереснее, чем когда они потом выносились в Государственную думу. «Как в поэзии бывает, что первый набросок поэмы сверкает блесками, которые тускнеют от позднейшей полировки, так и в речах первая, непосредственная, порой отрывисто высказанная мысль может звучать убедительнее, находиться в самом сердце большой политической партии или большой политической работы, слушать импровизацию даровитых людей, ловить первое зарождение идей и эмоций».

После роспуска Второй Государственной думы положение кадетов было довольно курьезное. Партия не была запрещена, как были запрещены, например, социалистические партии. Кадетские юристы упорно старались провести устав партии через Министерство внутренних дел, узаконить партию, но всегда получали отказ. После Выборгского воззвания, подписанного депутатами Первой Думы, партии народной свободы не разрешали ни съезда, ни легализации. Однако жизнь партии не останавливалась. Члены ее съезжались со всей России на многолюдные ежегодные конференции и съезды. Партийная литература открыто издавалась и продавалась. Устраивались публичные собрания с политическими речами. Действовали местные комитеты.

Д. И. Шаховской продолжал в эти годы находиться в гуще событий партийной жизни. Одной из важнейших функций, которую он выполнял, был подбор кандидатур для ЦК, поиск новых лиц, выдвинувшихся на общественной работе. В этом помогала Дмитрию Ивановичу его работа в местных отделах партии. Д. И. Шаховской настолько умело справлялся со своими обязанностями, что, по свидетельству однопартийцев, не было «ни одного случая, чтобы нам пришлось отводить неудачно выбранного члена ЦК».

Кадетская партия занимала важное место в жизни думающей и читающей России, имела большой политический и моральный авторитет. Главным хранителем кадетских политических скрижалей был ЦК. Основной трибуной, откуда их возвещали, оставалась Государственная дума. Предстоящим выборам в Третью Государственную думу Д. И. Шаховской давал свой прогноз. По его мнению, Дума, вероятно, должна была состоять из 30 процентов правых, 30 — левых и до 40 процентов — умеренных прогрессистов. Он приглашал Д. Н. Шипова, известного в земских кругах лидера, принять все возможные меры и приложить все старания, чтобы быть избранным в члены Третьей Государственной думы, попытаться сплотить в ней прогрессивное большинство и установить компромисс между Государственной думой и правительством. Таким образом, еще задолго до образования в Думе Прогрессивного блока Д. И. Шаховской, не участвуя непосредственно в думской жизни, предпринимал активные шаги по образованию думской коалиции консервативно-либеральных сил, что должно было, по его мнению, кардинально повлиять на весь ход общественно-политической жизни страны.

Также Д. И. Шаховской являлся членом бюро по организации работ законодательной комиссии в Третьей Государственной думе, большое внимание уделял разработке пакета законопроектов, направленных на преобразование России. При этом Д. И. Шаховской настаивал на необходимости дальнейшей проработки таких социально значимых вопросов, как аграрный, рабочий, финансовый и др. На заседаниях ЦК он неизменно выступал за расширение «социального базиса» партии народной свободы. Он даже входил в состав комиссии для разработки мероприятий по пропаганде партийных идей в рабочей среде, в комиссию для установления связей со служащими^{268}.

Вопрос о социальном базисе был одним из сложных вопросов для партии. На конференции, проходившей в начале третьей сессии Думы, 14 и 15 ноября 1909 года, П. Н. Милюков заявлял, что «дезорганизованность общественных сил и затяжной характер политического кризиса побуждают

русские политические партии к усиленным поискам социального базиса. Правые пытаются создать его искусственно. Центр готовит его в будущем. Оппозиция имеет его в настоящем, но организованной связи с населением установить не может. Оторванность партии от населения имеет последствием полную неустойчивость политического положения в правительстве и в Государственной думе и делает положение зависимым от случайных и внешних толчков. Правые партии при этом равняются по правительству. Левые — по настроению страны. Центр колеблется между той и другой тенденцией».

Д. И. Шаховской мечтал о том, что «кадеты будут вести демократическую просветительную работу в низах». Привлечение на сторону кадетской партии рабочих, крестьян, ремесленников, торгово-промышленных служащих позволило бы кадетам демократизироваться и расширить свои контакты с другими демократическими партиями и организациями, включая меньшевиков, народных социалистов, трудовиков. С этой целью Шаховской считал необходимым подготовить издание партийного справочника по типу словарей, издаваемых крупнейшими западноевропейскими партиями, что позволило бы, по его мнению, дать всестороннее представление о социально-политическом облике и разносторонней деятельности кадетов; создать при ЦК специальное справочное бюро для получения оперативной информации о всех сторонах общественно-политической и партийной жизни страны; активизировать деятельность партии в профессиональном движении и т. п. Но хотя это издание, довольно широко задуманное, и было одобрено Центральным комитетом, даже материал для него был в значительной части собран, однако осуществить его своевременно не удалось, так как не оказалось возможным найти в короткое время авторов для всех необходимых статей.

Одним из возможных путей расширения социального базиса партии могло стать ее участие в кооперативном движении. Подводя итоги работы кооперативного съезда в Киеве, Шаховской на заседании Московского отделения ЦК кадетской партии 20 сентября 1913 года заявлял: «Это движение чисто кадетское, так как выполняет программу конституционно-демократическую. Через кооперативы мы можем бли-же подойти к рабочим, так как мнение, что там могут работать только социал-демократы, есть предубеждение».

Шаховской воспрянул духом, войдя в быстро развивавшееся кооперативное движение с той же пламенной энергией, которую он раньше вкладывал в земское движение и в «Союз освобождения». Он являлся инициатором и самым активным участником всероссийских кооперативных

съездов в 1912 году в Петербурге и в 1913 году в Киеве и Москве. На Всероссийском съезде кооперации, состоявшемся 1–7 августа 1913 года в Киеве, Шаховской был избран товарищем председателя съезда, участвовал в работе его секций. Неотложной его задачей стало привлечение мелких хозяев к обсуждению вопросов об экспорте и улучшению его условий. Д. И. Шаховской предполагал выяснить первоначально нужды и интересы различных местностей и отраслей хозяйства, чтобы заранее подготовиться к будущим переговорам с Германией, поскольку русско-германский торговый договор прекращал свое действие в 1917 году.

Кадеты приняли участие в издании двух крупнейших всероссийских кооперативных журналов — «Вестника кооперации» (редактор М. И. Туган-Барановский) и «Кооперация» (редактор Д. И. Шаховской). В декабре 1913 года Д. И. Шаховской заручился поддержкой отдельных лиц, сочувствующих предпринятому делу, с целью привлечения к изданию добровольных пожертвований в размере 15–16 тысяч рублей. В Москве был создан книжный склад «Кооперация». «Он несся вперед на гребне вздымающейся волны. В эти бурные годы Дмитрий Иванович не изучал историю, он, скорее, делал историю, поскольку это можно сказать об усилиях отдельного человека»^{269}.

Политическое положение к осени 1912 года осложнилось. Началась Балканская война, вызвавшая в среде Центрального комитета оживленный обмен мнениями и решение собираться возможно чаще для обсуждения вопросов мировой и внутренней политики. Пять осенних заседаний Центрального комитета были посвящены обсуждению этих вопросов, причем в комитете обнаружилось значительное расхождение во мнениях.

В тактическом докладе Центрального комитета, представленном на конференции 2 февраля 1913 года, подчеркивались затруднения в налаживании законодательной работы в Четвертой думе из-за невозможности образовать в ней сколько-нибудь устойчивое большинство. В общем, однако, доклад был конференцией одобрен и тезисы его приняты с поправками, предложенными Д. И. Шаховским^{270}.

Всю осень 1913 года Д. И. Шаховской находился в приподнятом настроении. Князь уверял, что «мы опять в полосе единений и сближений, как во времена «Освобождения». Он принял активное участие в трехдневном пленарном заседании Центрального комитета, состоявшемся в Москве 5–7 октября 1913 года и имевшем довольно важное значение по ряду крупных вопросов, на нем обсуждавшихся. Здесь были доложены несколькими членами Центрального комитета впечатления от летних

объездов провинции, причем общее впечатление сводилось к росту политического сознания и более или менее активного настроения. Князь Д. И. Шаховской, в частности, докладывал о своих впечатлениях от участия в кооперативном съезде, собиравшемся в августе 1913 года в Киеве. Он был убежден в необходимости для партии тесно примкнуть к кооперативному движению и этим путем приблизиться к демократическим слоям населения. Единодушно была признана необходимость обсудить подробно вопросы о правах национальностей и о децентрализации, а Д. И. Шаховской заявил о необходимости пересмотра общих идеологических оснований кадетской программы, формально связывая это с тем политическим справочником, издание которого было первоначально задумано для нужд избирательной кампании и не потеряло своего значения и для будущего времени.

В 1912 году в Петербург из Москвы приехали Вернадские. Старинные друзья: Шаховской, Федор и Сергей Ольденбурги, Гревсы, Вернадские и А. А. Корнилов — постоянно собирались у Вернадских к обеду по субботам. Эти собрания, как вспоминал Корнилов, не имели в себе ничего заранее предназначенного, но всегда были очень одушевленны, и «мы все крайне охотно их посещали»^{271}.

К несчастью, собрания товарищей по Братству становились все более редкими. Различные заботы захватывали их с головой. А вскоре товарищеские встречи и вовсе стали исключением. Внезапно наступившая война на долгие годы изменила привычный ход жизни страны, ее народа и наших героев.

Глава 15

ПОРА ИСПЫТАНИЙ

Начавшуюся Первую мировую войну 1914–1918 годов многие современники называли справедливой, освободительной и, по аналогии с войной 1812 года, Отечественной. Казалось, вся страна была едина в своем искреннем порыве солидарности с воюющей армией, патриотический подъем охватил все сословия и слои русского общества от крестьян до царствующей династии. В условиях серьезной внешней угрозы могло произойти реальное единение общества и власти. Об отношении народа к войне говорила успешная мобилизация.

Вопрос о военном потенциале России накануне войны трактуется довольно неоднозначно. Россия активно готовилась к предстоящей войне, хотя крайне не желала ее. Затраты на оборону превышали пятую часть всех расходов империи. Однако момент развязывания мировой бойни застал страну на сложном этапе перевооружения и реорганизации армии и флота, дожидаться окончания которого враги России отнюдь не собирались.

К ведению затяжной изнурительной кампании страна оказалась неподготовленной. С самого начала войны обнаружился катастрофический недостаток и необходимых технических изделий, и нужного для производства сырья. На помощь пришли русские ученые и технологи. «Русская экономическая наука давно перестала быть сборищем теоретических доктрин и настроений, — писал в первые дни войны Д. И. Шаховской. — Она вплотную подошла к живой русской действительности и никогда не отказывалась давать свои указания в важных вопросах народной жизни, раз только находились уши, готовые этим указаниям внимать. И ответ на поставленный вопрос для меня ясен. Наука мобилизует уверенно и быстро все свои силы, чтобы внести свою лепту в общенародное дело»^[272].

10 августа 1914 года Шаховской выступил в «Русских ведомостях» со статьей «Грозное испытание», в которой обратил внимание общества на необходимость организованной совместной работы в новых для России условиях. Немного раньше, в конце июля 1914 года, в кадетской «Речи» была опубликована его статья под характерным названием «Мобилизация хозяйства». В ней ставилась задача приспособления хозяйственного механизма страны к нуждам обороны путем создания всенародной

организации взаимопомощи с участием правительственных органов, земских, кооперативных, частных учреждений. Эта идея получила довольно широкую поддержку в общественных и деловых кругах. Особенно популярной она стала весной 1915 года, когда вскрылось катастрофическое положение со снабжением оружием. Организовать правительственную власть, самоуправление, союзы и общественную самопомощь — основные пункты в выступлениях Д. И. Шаховского на страницах газет и заседаниях ЦК конституционно-демократической партии в этот период.

Д. И. Шаховской предлагал следующий план организации помощи фронту. Главенствующую роль он отводил земствам. Земства должны были стать «той направляющей сил[ой], которая бы обняла положение и спокойно бы его оценила и имела бы средства и власть привести в действие свой план разумных изменений». Земства призваны были прийти на помощь российскому народу в час испытаний. Только под земским флагом Д. И. Шаховской предлагал пуститься в плавание, благополучный исход которого зависел от того, «насколько под этим флагом объединятся».

Программа действий земского объединения, выдвинутая Д. И. Шаховским, включала:

«1. Посредничество в деле снабжения армии жизненными припасами и предметами снаряжения и оказание населению технической помощи (при содействии научных сил страны и правительственных специалистов) и посреднического кредита при выполнении заказов.

2. Изыскания нужных способов питания армии. Известно, какая масса продуктов животного и растительного царства у нас погибает зря из-за отсутствия хозяйственной предприимчивости и подходящего капитала. Рыба, мясо, дешевые яйца, овощи, грибы, плоды, ягоды и т. п. — сколько здесь могло бы быть сохранено нужных продуктов для нужд армии при общих объединенных усилиях страны...

3. Организация дела призрения семей запасных. Задача эта с 1912 года снята с земства и передана государственной власти. Но устранившись от участия в этом деле земство не сможет, и делаются уже самим правительством первые недостаточные шаги к привлечению земских сил вновь к этому делу.

4. Выработка оснований изменения земского бюджета в связи с войной. Конечно, решение этого вопроса только и может быть делом каждой отдельной земской единицы. Но общий совет земской мысли по этому злободневному вопросу неотложно необходим, и решения должны быть тесно связаны со всей народно-хозяйственной политикой земства.

5. Изыскание мер к поддержанию земских финансов. Потребность в освещении этого вопроса и в выработке мероприятий общими силами чувствуется всегда. Теперь же эта потребность обострена до чрезвычайности.

6. Выяснение общих условий хозяйственной жизни страны. Определенное представление об изменениях, внесенных в жизнь крушением прежних видов импорта, экспорта, кредита и транспорта, должно стать достоянием земской мысли, так как на земство возложены законом попечение о сельском хозяйстве, промышленности и торговле и ряд ответственных обязанностей в этой области.

7. Сводка «О действительном положении хозяйства». Без конкретного представления о районах производства и потребления продуктов не могут быть выполнены земством не только его задачи общего характера, но и срочные частные работы, фактически возложенные уже на него жизнью.

8. Изыскание общих мер поддержания хозяйства. Проведение в действие многих неотложных мероприятий должно быть, несомненно, уделом правительства или отдельных земств. Но выработка общего плана борьбы, разумеется, с самым живым участием в этом деле всех научных и практических умственных сил страны, должна быть приурочена к общеземскому объединению.

9. Представление ходатайств об осуществлении выработанных мер. Право ходатайства принадлежит земствам, и никто, конечно, не может посягнуть на это право каждой отдельной земской единицы. Но в настоящий момент является чрезвычайно важным рассмотрение нужд и интересов отдельных местностей с одной общей, но вместе с тем земской точки зрения.

10. Поддержание кооперации. В этой повышенной температуре, в какой живет страна, легко совершаются всякого рода спайки, в которых она так нуждается, чтобы предстать перед врагом одним связанным целым. Но для планомерности роста кооперативного движения необходима деятельная помощь молодой еще пока в России силе — кооперации — со стороны старшего по возрасту брата — земства.

11. Сообщение населению практических указаний по очередным хозяйственным нуждам. Каждый день рождает новые условия и новые вопросы для хозяина. И своевременное приспособление его к ним немислимо без своевременного компетентного разъяснения со стороны авторитетов науки и техники. Посредником между ними и населением могло бы стать земское объединение.

12. И, наконец, в случае если бы оказались назначенные на это

правительством или собранные обществом и народом средства, земская объединенная организация могла бы распределять их при посредстве специальных уполномоченных среди населения местностей, непосредственно разоренных войной.

Такова программа, указываемая самой жизнью. Осуществление ее вовсе не так трудно, как это может показаться на первый взгляд, если только смело призвать на помощь земству общественные и народные силы», — подводил итог князь [{273}](#).

Главный комитет Всероссийского земского союза принял на себя инициативу по разработке вопросов, поднятых Д. И. Шаховским.

Особая миссия по выведению народного хозяйства из угрожающей ему катастрофы возлагалась на кооперацию, младшего брата земства, по выражению Шаховского. Дмитрий Иванович утверждал, что, согласовав действия трех армий — земского союза, кооперации и интеллигенции, можно успешно воздействовать на направление курса политики правительства. На заседании комитета о сельских ссудносберегательных и промышленных товариществах Общества сельского хозяйства Д. И. Шаховской сделал доклад «Текущий момент и задачи кооперации». Он предлагал возложить на кооперацию задачу создания системы таких мероприятий, чтобы приспособиться к изменившимся в связи с войной условиям народного хозяйства, например, развить союзное строительство; созвать повсеместно погубернские совещания представителей кооперативов для обсуждения стоящих на очереди вопросов; создать центральный орган кооперации, который определил бы перспективы ее работы. Для получения средств на эту организационную работу Шаховской предлагал обратиться в Главное управление земледелия и землеустройства.

Серьезное внимание кооперативные учреждения обращали на организацию поставок в армию. Московское общество сельского хозяйства, например, проектировало всероссийский сбор пожертвований для обсеменения полей разоренного войной края. Проект заключал в себе сбор пожертвований по всей России, как в сельских местностях, так и в городских. С целью общего руководства было решено выбрать комитет, который должен был организовать сбор, хранение, транспорт и распределение пожертвований. В числе избранных оказался и Д. И. Шаховской.

По инициативе Д. И. Шаховского и на его средства в Москве в 1914 году некоторое время издавалась газета «Защита», имевшая около тысячи подписчиков. Левые кадеты, одним из лидеров которых был Шаховской, предлагали превратить ее в народное издание. В газете и на заседаниях ЦК

Дмитрий Иванович последовательно выступал за доведение войны до победного конца, за мобилизацию сил для обеспечения фронта всем необходимым, за консолидацию либеральных и демократических сил^{274}.

Активно продолжал трудиться Д. И. Шаховской и в рядах партии. Конституционно-демократическая партия в числе других политических партий еще в начале войны заявила о том, что считает своим непосредственным долгом «объединить русское общество» на «общем понимании смысла войны, ее значения для России, ее связи с русскими интересами». В прессе и в двух программных сборниках «Вопросы мировой войны» и «Чего ждет Россия от войны» партией народной свободы велась усиленная пропаганда политики внутреннего мира в стране. Кадеты объявили себя «государственно мыслящей» партией и обратились к другим партиям и группам с призывом отказаться на время войны от оппозиции режиму. Но на деле всё оказалось по-другому.

С 4 августа 1914 года заседания Центрального комитета проходили регулярно, еженедельно по понедельникам, а иногда и чаще, так что в августе состоялось шесть заседаний, из них два пленарных, 18 и 19 августа. Главным предметом обсуждения стал вопрос об организации дела победы над врагом и обслуживания тыла армии, поднятый и детально разрабатывавшийся тогда князем Д. И. Шаховским, А. И. Шингаревым и др.

Центральный комитет партии являлся инициатором в организации совещаний в Петрограде с гласными городской думы, членами городского Петроградского комитета конституционно-демократической партии и районных его организаций, членами фракции. На этих совещаниях широко освещались вопросы о происхождении и характере существовавшей дороговизны и о мерах борьбы с нею, об организации городского населения и о роли городских учреждений в деле устройства снабжения населения припасами в Петрограде, обсуждались и задачи власти в этой связи.

Д. И. Шаховской как член Центрального комитета партии неоднократно выступал на заседаниях экономического совета при Союзе городов с докладами о необходимых, по его мнению, правительственных мероприятиях по борьбе с дороговизной. Хотя очевидных мер в этом направлении властью и не предпринималось, Д. И. Шаховской продолжал настойчиво пропагандировать свои идеи. Сущность их состояла в планомерном регулировании правительством как внутренней, так и внешней хлебной торговли. Для регулирования первой должны были быть выработаны для разных районов известные «указные» цены, которые служили бы основанием как для закупки хлебов организациями,

обслуживающими армию, так и для кредитной политики Государственного банка. Что же касается внешней торговли, то Д. И. Шаховской рекомендовал образование при участии государства специального общества для вывоза хлебов, которое бы получило монополию на вывоз хлеба; в своей закупочной деятельности проектируемая монополия должна была руководствоваться теми ценами, которые были бы выработаны для внутренних рынков, а вырученная прибыль за покрытием известной доли в пользу общества должна была пойти в распоряжение государства. Прения по этому докладу сосредоточились преимущественно на регулировании внутренней торговли.

Выступая 16 июня 1915 года на заседании ЦК, Шаховской еще раз огласил обширную программу деятельности кадетской партии в условиях военного времени. Она включала в себя создание ответственного перед Думой правительства с шестью новыми министерствами: снабжения армии, продовольствия, местного самоуправления, труда, землеустройства и полиции; смену губернаторов; распространение системы органов местного самоуправления на Сибирь и Кавказ; подготовку законов о кооперативах и о труде; преобразование Государственного контроля и создание комиссии для расследования должностных преступлений лиц, повинных в нехватке снарядов. Это был прямой вызов власти.

На конференции конституционно-демократической партии, состоявшейся также в июне 1915 года, Д. И. Шаховской указывал на необходимость принятия двух мер борьбы с инфляцией: общегосударственную реквизицию предметов, количество которых было заведомо меньше существующей в них потребности, и самую широкую организацию потребителей в кооперативы.

Еще одной важной темой, обсуждавшейся на конференции, стал доклад ЦК о политическом положении в стране, сделанный П. Н. Милюковым. Главной мыслью доклада являлась необходимость смены кабинета и созыва Государственной думы. Д. И. Шаховской совершенно согласился с этим, однако для него оставалось неясным, каким образом можно реализовать данные задачи на деле. Дмитрий Иванович напомнил, что общество не обладает достаточными возможностями «для гласного контроля над правительством». За время войны оно смогло организовать лишь земский и городской союзы, которые не обладали, однако, действительно серьезной силой. Политические партии после «разгрома» оказались неспособны к серьезным выступлениям. Однако, по мнению Дмитрия Ивановича, партия должна была воспользоваться новой ситуацией: возникновением Верховного военного комитета, комитета

заказов, переломом в настроении промышленников — и, умело используя условия, «активно заняться процессом воссоздания собственных рядов на местах».

Дмитрий Иванович акцентировал внимание на том, что в условиях насущного момента в России нет другой партии, кроме кадетской, которая могла бы создать организационный центр в качестве моста между правительством и обществом, способный воздействовать на правительство «не только разрушительно». Кадеты также должны были быть готовы к участию в кабинете министров при обновлении власти. По мнению Дмитрия Ивановича, следовало поставить вопрос об образовании нескольких новых министерств. Князь видел необходимость в организации четырех новых министерств: министерства по снабжению армии, министерства труда, министерства местного самоуправления и министерства народного продовольствия. Все эти предложения выходили далеко за рамки партийных дел.

Наконец, Дмитрий Иванович считал настоятельной необходимостью проведение некоторых законопроектов: отмены ценза для избрания в земские учреждения, что позволило бы пополнить и обновить их состав, кооперативного закона. Последнему вопросу Д. И. Шаховской уделял особое внимание, поскольку кооперативное дело находилось в ведении по меньшей мере трех министерств — финансов, внутренних дел (потребительская кооперация) и земледелия, каждое из которых придерживалось своих взглядов на дело кооперации, и в общем, и в частности коренным образом отличных от взглядов смежных министерств. Проект кооперативного закона давно уже стоял на повестке дня и требовал решения, заявлял князь. Неотложными являлись и улучшения в области рабочего законодательства.

После конференции кадетской партии в Москве была образована подготовительная организационная комиссия под председательством Д. И. Шаховского с целью подготовки скорейшего созыва партийного съезда. Всё развитие партийной политики сосредоточилось главным образом во фракции, съехавшейся в ожидании близкого открытия Думы. Здесь выступали со своими докладами и члены Центрального комитета, причем особенно важное значение для дальнейшей деятельности фракции имели доклады Д. И. Шаховского, давшего основу тех законодательных предположений, которые были внесены фракцией в Думу^{275}.

Вопрос о том, каким образом надо преобразовать Российскую империю в ходе мировой войны, князь Д. И. Шаховской развил и в цикле статей «Путь к победе», напечатанных в газете «Речь» с 18 июня по 9 июля

1915 года. «Мы победим!» — так начиналась серия статей, посвященных организации победы. «Путь к победе один — объединение всех живых сил народа в одно организованное целое». Дмитрий Иванович говорил о том, что правительство должно «действовать не в тиши небесной», а опираться на народные силы, и для этого ему необходимо провести широкие реформы. Ввиду военного времени они должны обладать двумя свойствами: «быстрым проведением и немедленным воздействием на жизнь».

В первую очередь Д. И. Шаховской предлагал взяться за преобразование кабинета министров, оставляя пока в стороне вопрос об «ответственности министерства». Дмитрий Иванович предлагал немедленно образовать новые министерства: военных заготовок, народного продовольствия, труда, землеустройства и полиции. «Не слишком ли велик состав Совета министров в 20 лиц, — задавался вопросом Шаховской, — можно ли добиться согласования их взглядов и не уйдет ли все время их на коллегиальное обсуждение дел? Ведь у нас и меньшие коллегии иногда погибают от обилия слов». Где необходимо искать людей на вновь создаваемые министерские должности? Ответ для Д. И. Шаховского звучал невнятно, однако он твердо указывал на недопустимость этих поисков среди высшей бюрократии империи.

Не оставляла князя равнодушным также проблема обеспечения войск необходимыми припасами. Дмитрий Иванович писал: «Надо поставить снабжение так, чтобы в нем участвовали все способные на это силы родной промышленности, чтобы руководитель снабжения точно диктовал реальные возможности в этой области и чтобы были привлечены к делу снабжения в возможно большей степени союзные и нейтральные страны. Ясно, что по самому существу задачи она совершенно непосильна военной власти». Поэтому Д. И. Шаховской говорил о необходимости работы в данной области военно-промышленного комитета, а также Городского и Земского союзов. По его словам, эти организации могли «разбудить самостоятельные усилия... всех способных принять участие в работе по снабжению армии общественных и народных сил», что объясняется следующим: Городской и Земский союзы составили мощную структуру, имеющую «все условия для быстрого и почти беспредельного развертывания» собственной мощи, ибо они везде располагают «органами своего местного самоуправления». В силу названных обстоятельств Городскому и Земскому союзам суждено стать центром «национального воодушевления... и объединенной общественной работы по снабжению армии».

Д. И. Шаховского также не могла не волновать ситуация, которая

складывалась вокруг предметов первой необходимости. Безудержный рост цен на продукты питания и острый недостаток последних оказывали деморализующее влияние на народные массы. Для обуздания этого процесса Дмитрий Иванович полагал необходимым «самодеятельность общества в виде проявления индивидуальной энергии и работы организованных клеточек кооперативов», которым должны оказывать помощь мероприятия управ городов и земств после передачи последним государственной властью своих функций по борьбе с экономической разрухой.

Вообще взаимоотношения представителей центральных органов в провинции и деятелей местного самоуправления, по словам Д. И. Шаховского, требовали коренной перестройки. Ее ход Дмитрий Иванович в самых общих чертах осветил следующим образом: «Начнем с земства. Прежде всего, ведь в большей части губерний его совсем нет. Первой задачей и является поэтому быстрое введение земства на окраинах, хотя бы с упрощенным на первых порах порядком выборов». Затем предлагалось обновить состав земского и городского управления, обеспечив возможность пополнения его нецензовыми элементами, так как одним цензовым элементом явно не по силам справиться с выпавшей на долю земств и городов задачей. Для этого наиболее стеснительные формы подчинения городских и земских учреждений административной власти должны были быть отменены. И, наконец, — необходимо немедленно снабдить города и земства достаточными финансовыми средствами, хотя бы в виде оборотного капитала, необходимыми для разрешения экономического кризиса. Необходим также был кооперативный закон, отвечавший требованиям жизни, и разумная широкая государственная политика по отношению к Земскому и Городскому союзам. Такова была программа земских реформ военного времени, по оценке Д. И. Шаховского.

Дмитрий Иванович абсолютно не сомневался в том, что если его советам последуют, то победа в войне неизбежна. Однако его тревожило то, что предложенные реформы не будут проведены немедленно. Поэтому, завершая свой цикл статей, Д. И. Шаховской писал: «Надлежащей организации победы нельзя откладывать ни на час», лишь смелый переход «к новым приемам борьбы, а где надо и управления позволит значительно усилить русскую мощь и ускорить разгром Германии». Отношение Д. И. Шаховского к народному характеру войны проявлялось через необходимость развития общественной самодеятельности^[276]. Этим как будто исчерпываются все его предложения. Но они имели другую сторону.

Усилия либералов по организации армии и тыла в борьбе за победу

нужно оценивать неоднозначно. Продолжавшаяся война увеличивала напряжение в обществе и способствовала углублению противостояния оппозиции и власти. Существенное влияние на курс правительства кадеты оказать не могли. Из критического в конце 1914 года отношение к власти переросло в откровенно враждебное в 1915 году. Д. И. Шаховской регулярно выступал в прениях ЦК и предлагал на обсуждение свои конкретные предложения. Важной стратегической задачей он считал критику кабинета министров с думской трибуны за несостоятельность финансовых и экономических мероприятий.

Так, на пленарном заседании ЦК 19 апреля 1915 года Д. И. Шаховской открыто заявил, что «самый коренной вопрос — сплочение общества для противодействия правительству в его дезорганизующей политике». Для реализации этой задачи Дмитрий Иванович предложил следующую систему мер:

1. Организация ответственной власти и создание новых министерств.
2. Массовая смена губернаторов, расстраивающих жизнь, преследующих частный почин и останавливающих просветительскую деятельность.
3. Проведение закона, отменяющего имущественный ценз для занятия выборных должностей в земствах.
4. Немедленное распространение земств на окраины.
5. Улучшение финансового климата в земствах.
6. Создание министерства местного самоуправления.
7. Проведение закона о кооперативах.
8. Изменение законодательства о труде.
9. Борьба с экономической дезорганизацией с помощью работы в союзе городов.
10. Преобразование контроля.
11. Широкое развитие народного просвещения в связи с трезвостью.
12. Создание комиссии для расследования действий преступных лиц, ответственных за недостаток снарядов.

План вызвал бурную дискуссию в ЦК. Результаты ее в своем выступлении подытожил П. Н. Милюков, сказав, что «это программа-минимум настоящего момента», поскольку на нее могут согласиться даже те представители общества, которые не входят в конституционно-демократическую партию. Подчеркивая значимость названных действий, Д. И. Шаховской писал А. А. Корнилову: «Вести с войны очень плохие, однако же дух пока еще бодр, но нельзя терять ни одного дня по части мобилизации общественных сил и мер систематической и длительной

пропаганды укрепления духа и организованного содействия делу победы». Победа в войне отождествлялась с победой над правительством.

На заседаниях ЦК в июле — августе 1915 года Д. И. Шаховской настаивал на усилении борьбы с правительством, подчеркивая, что власть у правительства вываливается из рук, а «национальной задачей является вырвать власть из рук того, кто союзник Вильгельма, — у нашего правительства». Далее он указывал на то, что ответственная работа ускользает из рук кабинета министров и переходит к обществу. В такой ситуации Дмитрий Иванович указывал на необходимость «напрячь все силы» для содействия этому процессу: «...тогда и мы возвысимся», — подытоживал он свое выступление. Итак, единственный выход из сложившейся ситуации — немедленная смена правительства. Накапливавшееся неудовлетворение постепенно усиливало антагонизм к власти, что проявлялось в резкой критике ее мероприятий, а в дальнейшем в подготовке переворота и захвату власти в свои руки.

Когда в июле 1915 года обсуждалось, какую позицию партия должна занять на предстоящей сессии Государственной думы, Дмитрий Иванович заявил, что Россия — организм, который правительство оглушает «спаиванием и дезорганизовыванием». Д. И. Шаховской говорил о необходимости указать даже вновь назначенным министрам, будто они уже доказали свою неспособность управлять, и потребовать от них подчинения народу и исполнения его воли. Все это, по мнению Дмитрия Ивановича, вполне укладывалось в желание партии «по-прежнему помогать правительству».

Развивая свои построения на заседании ЦК от 11 августа, Шаховской проводил мысли о том, что «партия должна иметь свою военную программу и свою военную организацию», желательно в Петрограде. На пленарном заседании ЦК 12–13 августа 1915 года он заявил: «Сейчас мы стоим у поворотного пункта русской истории, перед вопросом о дальнейшем бытии государства. В такой момент не методическая, медленная и спокойная работа требуется, а быстрая и страстная. Не спокойные слова нужны, а негодующие». Продолжая настаивать на демократизации кадетской партии, князь утверждал: «Почва, на которой могла бы осуществиться демократизация, — вопросы о дороговизне жизни, мелкая земская единица, кооперация. Элементы нашего, так сказать, устремления также ясны: мелкие ремесленники, городские приказчики, кооперативные деятели, представители больничных касс и профессиональных рабочих союзов».

Важными представлялись отношения с другими политическими

структурами либерального толка. Еще в июле 1915 года Д. И. Шаховской рекомендовал товарищам по ЦК комбинировать свою работу в Государственной думе с решениями предстоящего в Москве съезда Союзов земств и городов. В сентябре после закрытия правительством Государственной думы Дмитрий Иванович предлагал партии использовать намечающиеся съезды названных организаций в качестве политической трибуны, «настаивая на смене министерства и выдвигая кандидатуру кн. Львова». Дмитрий Иванович уже призывал своих товарищей по партии не ждать больше смены министерства, а «выводить народные массы» на дорогу партии народной свободы. «Захват власти необходим, чтобы дать направление внутренней жизни, противодействовать провокации. Для власти один выход — взрыв народной массы. Нам надо выставлять определенные требования нового министерства». Таков был лозунг дня.

Крайне важной задачей в предреволюционный период члены ЦК считали подготовку и проведение съезда партии для выработки тактики и восстановления собственных органов на местах. Еще 22 февраля 1915 года по инициативе Московского отделения Центрального комитета была устроена конференция в Москве в присутствии девяти членов Центрального комитета при участии представителей провинциальных групп, прибывших из 18 местностей как ближайших, так и отдаленных губерний. Был принят ряд резолюций, предложенных Д. И. Шаховским и некоторыми из местных делегатов и направленных к оживлению связи центра с периферией и развитию местных партийных организаций. В числе их был тезис, устанавливавший необходимость «подвергнуть разработке как в центре, так и на местах те новые политические вопросы, которые возникли в связи с войной; пересмотреть вопросы внешней политики и будущей правовой строй Польши и Галиции; рассмотреть вопросы партийной деятельности и программы в связи с особенностями настоящего момента и тщательно изучать те вероятные изменения, которые вносятся в жизнь страны». Тезис был принят единогласно.

14 июля 1915 года для реализации этих целей Центральный комитет организовал специальную комиссию под председательством Д. И. Шаховского. В нее вошли многие кадеты, которые на протяжении следующих месяцев предполагали вести активную работу по реанимации партии на периферии. Для этого они пытались ездить по стране, встречаться с провинциальными членами партии, выступать на местных кооперативных съездах и организовывать партийные съезды в масштабах губерний и областей^{277}.

5 декабря 1915 года состоялись выборы ЦК кадетской партии, по

результатам которых состав ЦК значительно изменился, в него вошли новые лица. Некоторые старые члены, в том числе Шаховской, были переизбраны. Однако в руководстве не водворились спокойствие и единомыслие. Была оппозиция и справа, и слева. Одним из главных представителей левого течения являлся князь Д. И. Шаховской, который тем не менее, по крайней мере в важнейших делах, поддерживал П. Н. Милюкова^{278}.

Многообразие сфер деятельности, которыми занимался Д. И. Шаховской в годы войны, имело под собой весьма серьезную подоплеку. Оно говорило о богатстве его натуры, о различных способностях, прежде всего организаторских; умении ладить с людьми, найти к ним подход. Всё это было хорошо известно и в прошлом, но с началом войны открылись новые грани таланта Шаховского. Он очень тонко чувствовал потребности сегодняшнего дня и перспективы, живо откликался на них, используя возможности различных общественных организаций: кооперации, земств, политических партий и др. Будет правильным отметить и определенную неудовлетворенность возможностями партийных структур, которые в эти тяжелые времена больше заботились о реализации собственных программных требований, а не об объединении народа в борьбе с внешним врагом. Партийные амбиции не давали многим политическим деятелям стать общенациональными лидерами в годы лихолетья. Шаховского к их ряду отнести нельзя. Он стал действительно признанным лидером, умевшим обращать и сплачивать усилия многих людей и различных организаций.

Так, в декабре 1915 года имя Дмитрия Ивановича всплыло в прессе благодаря Всероссийскому съезду деятелей народных театров, поскольку в организационном бюро этого съезда, помимо чисто театрального, существовало еще и общественное течение, представители которого выдвигали Дмитрия Ивановича на пост председателя данного съезда^{279} наряду с князем В. М. Голицыным, В. И. Немировичем-Данченко и членом Государственной думы А. Я. Ключевым. В конечном счете кандидатура Д. И. Шаховского была отвергнута, но сам факт ее выдвижения показывает, насколько популярной и известной была фигура Шаховского в российском обществе, нуждавшемся в положительных примерах.

Годы Первой мировой войны оказались сложными не только в плане внутривнутриполитическом, поскольку в стране обострились самые насущные, злободневные вопросы жизнедеятельности. Для Шаховского этот период был сопряжен с тяжелыми утратами близких людей. В 1914 году умерли

два члена-основателя Братства — один из ближайших друзей Шаховского Ф. Ф. Ольденбург, незадолго до начала Первой мировой войны, и близкий друг В. И. Вернадского — А. Н. Краснов, уже после ее начала^{280}.

Следующее трагическое событие постигло Дмитрия Ивановича в 1916 году — гибель сына. 13 июля 1915 года Шаховской писал А. А. Корнилову, что Илья «работает плохо, но вместо того, чтобы приехать отдохнуть — поступил добровольцем в 219 [Казельнический] полк. Боюсь, что ему будет трудно не в смысле опасности конечно, а уйти уже будет нельзя».

Как свидетельствовал Георгий Вернадский, Илья Дмитриевич Шаховской «был человек замкнутого характера. Он не любил делиться своими мыслями и переживаниями, но чувствовалось, что переживает он все очень глубоко. Он любил математику — и стихи. Он и сам писал стихи, которые он мне изредка читал. Напечатаны они никогда не были. Общественными «вопросами» и политикой Илюша совершенно не интересовался»^{281}.

О том, что с Ильей не все ладно, мы узнаем из его письма семье, написанного 25 февраля 1913 года: «Дорогие родители и сестры. Я ухожу от вас, я решил уехать, исчезнуть для всех, с кем жил до сих пор, прекратить все сношения, быть может, навсегда. Не относитесь к этому трагично. Поверьте, что так мне надо и, может быть, лучше для всех.

И ты, мама, прости мой обман, когда я уверял, что ничего не задумал, это было решено, но откровенность причинила бы тебе лишнее терзание, а я уверен в правильности своего решения и не изменил бы его.

Вы хотите полнее знать мотивы этого поступка. Но самое существенное не легко, пожалуй, невозможно объяснить и я не много скажу... мне не подходит, но не это, конечно, причина, это был лишь последний маленький повод. Я убедился, что она, как и другие мыслимые занятия в моем теперешнем положении — не по мне и не для меня, нечто внешнее, искусственное, тягостное, а я сознаю возможность (и для себя) другого взаимоотношения с жизнью.

Я не строю утопий, не думаю, что все для меня изменится сразу, знаю о возможных невзгодах и опасностях, но я выбираю свой путь, по которому мне идти легко и свободно, и к чему бы он ни привел меня, я должен идти этим собственным путем. Не подумайте, что я ухожу из боязни быть неспособным зарабатывать свой хлеб, сидеть на шее родных, и хочу во что бы то ни стало ни от кого не зависеть. Эта зависимость не тяжела, и я не слишком горд для нее, когда есть содержание в жизни. Но когда в окружающей обстановке и в предлагаемой деятельности для тебя все

пусто, а связанность с близкими лишь мешает (в силу моей же слабости) отыскивать и укреплять это содержание — бессмысленно и губительно бояться сделать те ближайшие шаги, в которых ощущаешь потребность.

Что я буду делать и как жить — не знаю в точности и не хочу об этом говорить. Я люблю жизнь и сумею прожить — уж наверное не хуже, чем до сих пор. И с внешней стороны — слабость здоровья и нервозность не слишком большое имеют значение. У меня есть силы и умение, чтобы идти своей дорогой: ведь вся моя неврастения, упадок духа — я хорошо это чувствую и знаю на опыте — от отсутствия жизненного интереса, который то же для духа, что и воздух для легких.

В этом вопросе не права мама, все сводящая к тому, что надо «подлечиться». Месяц тому назад я ехал в Петербург с тяжелым чувством и говорил себе, что если б я был искреннее, смелее и увереннее в себе, я не поехал бы, а теперь я делаю шаг более важный, казалось бы. более трудный и ответственный, но делаю легко и спокойно, есть энергия, так как это то, что мне надо.

Не ждите от меня писем, известий или возвращения, это только в вашу жизнь внесет тревогу ожидания. Может быть, еще придется увидеться, но на это нельзя рассчитывать.

Благодарю вас за все хорошее, что получил от вас в жизни. Я знаю, что вы любите меня, но мы не можем помочь друг другу. Я одинок и должен уйти. Я виноват перед вами, так как мой уход, вероятно, прибавит тяжести вашей жизни. Простите за это. Все дело в том, что я внутренне не с вами, и вот вместо того, чтобы в общении черпать силы и сообща распутывать и устраивать жизнь, — я покидаю вас, иду своей замкнутой дорогой.

Я слишком свободен, потому что у меня мало любви. Но я знаю теперь, что иначе все равно толку не будет, что надо быть самим собой.

Пассивное подчинение тем формам, которые имеют смысл лишь при соответствующем внутреннем содержании, — большое зло.

Прощайте же, не печальтесь обо мне и простите меня.

Ваш сын и брат Илья»^{282}.

По окончании Московского университета И. Д. Шаховской поступил в один из санитарных отрядов Всероссийского земского союза, но вскоре вышел из союза и поступил в армию добровольцем, окончил курс Алексеевского училища и произведен был в прапорщики. На фронте он работал в качестве санитаря, в середине июля 1915 года был ранен осколком в голову. Эвакуированный в Москву, И. Д. Шаховской долго находился здесь на излечении. Профессор А. В. Мартынов сделал ему операцию. Ему была произведена трепанация черепа, причем был вынут

кусочек черепной крышки, и врачи запретили ему возвращаться на фронт, опасаясь кровоизлияния. Так и не поправившись, И. Д. Шаховской все же опять уехал на фронт. А затем случилась трагедия. В мае 1916 года газеты сообщили, что 20-го числа на фронте скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг прапорщик князь И. Д. Шаховской, сын бывшего секретаря Первой Государственной думы князя Д. И. Шаховского^{283}.

Процитированное выше письмо Ильи позволяет предположить и другую версию его гибели. Уход И. Д. Шаховского из семьи был проявлением серьезной внутренней драмы, которая и могла подтолкнуть его затем к самоубийству. По словам М. М. Шик-Старостенковой (внучки Д. И. Шаховского), среди Шаховских бывали времена, когда некоторые близкие родственники были подвержены частой смене настроения, депрессиям и «уходили в Зазеркалье». Д. М. Шаховской, касаясь этого трагического эпизода, поясняет, что о самоубийстве Ильи в семье не принято было распространяться, тем более что такой уход из жизни в роду Шаховских был не единственным.

На похоронах, кроме родителей и родственников, присутствовали бывший председатель Второй Государственной думы Ф. А. Головин, Н. В. Тесленко, профессор Б. И. Угримов, М. В. Сабашников, член московской губернской земской управы С. Н. Родионов, князь П. Д. Долгоруков, графиня В. И. Бобринская, Е. В. Юрьева, М. Ф. Кокошкина, А. А. Губарев и др.^{284}

Смерть сына глубоко повлияла на характер отца, сделала его замкнутым, порой весьма закрытым, усугубила его сосредоточение на собственном внутреннем мире. Трагедии, переживаемые страной, и трагедии в личной жизни причудливо переплетались в судьбе Шаховского, членов его семьи и близких друзей.

Глава 16

НАКАНУНЕ ПОТряСЕНИЙ

Занимаясь активно партийной, публицистической, а также кооперативной деятельностью, Д. И. Шаховской практически всегда преследовал одни и те же цели. Система преобразований, назревших в стране, изложенная им в ЦК партии народной свободы, выступления на партийных конференциях, статьи в газете «Речь» все более и более принимали радикальный характер. И вскоре смысл этого радикализма стал вполне очевиден: скорейшая смена правительственного кабинета и перехват власти из дряхлеющих рук царской бюрократии.

Выступления князя были созвучными тем мыслям, которые высказывали представители так называемого Прогрессивного блока — межпартийного объединения, сформировавшегося в августе 1915 года и объединившего большинство депутатов Четвертой Государственной думы. И хотя Дмитрий Иванович не принимал участия в деятельности Государственной думы, он был не просто хорошо информированным человеком о происходивших политических событиях в стране, но и самым непосредственным активным их участником, «делателем истории», по выражению А. В. Тырковой-Вильямс^[285].

Основным лозунгом блока стало преобразование правительственной власти путем создания министерства общественного доверия — идея, которую, как мы видели, развивал в том или ином ракурсе Дмитрий Иванович еще со времен Первой думы.

По мере обострения политического кризиса в стране Шаховской призывал к активизации деятельности Прогрессивного блока и организации ответственного перед Думой кабинета министров. «Надо заставить министров рыть себе самим яму, — настаивал он. — Сейчас совершенно немыслимо стоять за министерство Поливанова, Кривошеина или других, которые покорились этой старой туфле — Горемыкину. Если сейчас все зависит от того, кто из министров кого обойдет... — надо все министерство выкинуть вон».

К 1916 году в широких кругах демократической общественности изменилось отношение к Прогрессивному блоку. Постепенно усиливалась критика умеренной позиции думского объединения. Если в 1915 году политика Прогрессивного блока вполне удовлетворяла даже таких левых

членов партии народной свободы, как Д. И. Шаховской, то в начале 1916 года, по мере радикализации настроений в обществе, блок перестал устраивать их и Дмитрий Иванович уже говорил о несоответствии его программы создавшимся условиям и считал действия этой политической силы весьма трусливыми. Уже в феврале 1916 года Шаховской все чаще и чаще стал говорить о том, что «программа блока теперь уже анахронизм», что кадетам «нужна полнота власти»^{286}.

18—21 февраля 1916 года состоялся очередной VI съезд партии народной свободы, серьезная подготовка к которому велась еще с конца 1915 года. Значимое место на нем занял доклад П. Н. Милюкова о тактике партии во время войны. Тезисы Павла Николаевича вызвали длительную дискуссию, одним из активных участников которой стал Д. И. Шаховской. В результате оживленной полемики П. Н. Милюков согласился поставить на голосование съезда тезисы своего доклада в той редакции, которую им придал Дмитрий Иванович. Первая часть резолюции Д. И. Шаховского гласила, что «задачи ближайшего будущего деятельности партии и парламентской фракции определяются всей совокупностью требований Прогрессивного блока, которые сохраняют полную силу и в настоящее время — как в части, касающейся порядка управления, так и в законодательных его предложениях». Она была принята съездом единогласно.

Затем со стороны Н. К. Волкова и А. М. Мандельштама последовали предложения внести изменения в дальнейший текст резолюции Д. И. Шаховского. Но большинством голосов эти поправки были отклонены, и съезд полностью принял вариант Дмитрия Ивановича. В нем говорилось: «Необходимо продолжать борьбу с дезорганизующей деятельностью настоящего правительства и его теперешним составом до достижения поставленной в программе блока цели — создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы».

Следующий пункт резолюции Д. И. Шаховского за отсутствием возражений съезд принял единогласно в таком виде: «Необходимо проводить дальнейшие меры и организации обороны, и хозяйственной жизни страны. Использовать активное сотрудничество всех граждан в этом неотложном для надлежащего успеха войны деле путем усовершенствования форм участия общественных сил в обслуживании армии и тыла и использования наличных организаций для удовлетворения общегосударственных нужд, а также и путем создания для этой цели новых

организаций, объединяющих те элементы, которые недостаточно использованы в существующих союзах, и прежде всего кооперативные силы и рабочих».

Также были приняты резолюции Д. И. Шаховского, направленные на оживление связи центра и периферии и развитие местных партийных организаций. После съезда, на котором не удалось даже с учетом ЦК собрать и ста человек, Д. И. Шаховской весьма пессимистически оценивал перспективы партийного строительства на периферии. Он сказал, что перед съездом ему было поручено объехать страну и восстановить местные организации, но воссоздать оказалось попросту нечего. Впрочем, по этому поводу Дмитрий Иванович особенно не расстраивался, полагая, что, невзирая на отсутствие организации, идеи кадетов широко распространяются в стране. Таким образом, работа Дмитрия Ивановича на VI съезде кадетской партии способствовала внутреннему сближению правого и левого течений^{287}.

В марте 1916 года охранка зафиксировала попытку левых кадетов во главе с Шаховским воссоздать Всероссийский крестьянский союз. На московской квартире Шаховского состоялись частные совещания, в которых приняли участие социалисты Н. В. Чайковский и С. Н. Прокопович^{288}.

10—11 мая 1916 года в Москве состоялось пленарное заседание ЦК, на котором было принято несколько важных организационных и политических решений. Стоит отметить, что одна из резолюций была также предложена Д. И. Шаховским. Она призывала вести борьбу с правительством «всеми парламентскими способами»^{289}.

Вся вторая половина 1916 года была отмечена дальнейшей активизацией внедумских общественных кругов, включая и кооперацию, причем заметную роль в ней стали играть революционные элементы из числа представителей крайне левых социалистических партий и групп^{290}.

1916 год клонился к концу, когда П. Н. Милюков, выступая 1 ноября в Думе, разразился своей скандально знаменитой речью. В ней на всю страну прозвучали слова о глупости и измене правящей верхушки, что повлекло за собой столь ожидаемую отставку Б. В. Штюрмера. В тот же день 1 ноября в газете «Речь» появилась статья князя Шаховского, озаглавленная «Перелом». Эта публикация не может не привлечь внимание исследователя, ибо начинается она весьма многозначительно: «Завязанные войной узлы начинают развязываться, а иные из них столь запутываются, что ждут удара, который бы их разрубил. Поэтому можно судить, что мы перевалили

через какую-то роковую грань и решительно идем к развязке. До конца, может быть, еще и не близко, но он начинает уже вырисовываться в тумане. Все факторы национальных возможностей определяются, и откровенный смысл событий выступает наружу и становится явственным, по крайней мере, для более дальновидных».

«Перелом» — последняя статья Д. И. Шаховского, опубликованная в дореволюционной России. Проанализировав и сопоставив ее с событиями тех дней, следует отметить, что в это время кадеты решились на открытый разрыв с правительством, который, по их мнению, должен завершиться падением старой власти. Обращаясь в своей публикации к самому насущному, больному вопросу дня — судьбе продовольственного дела, Шаховской вновь сетовал — вместо того, чтобы поручить дело закупок для армии земскому союзу, оно было передано министерству земледелия. Тогда как в каждой книжке журнала «Известия главного комитета земского союза» можно увидеть следы огромной работы земского союза по продовольственному делу. «Остается надеяться, что земство в целом явится в переживаемый нами ответственный час верной составной частью всего русского общества, объединяющегося на служении общенациональному началу»^{291}.

Как отмечалось, Дмитрий Иванович в 1916 году развивал огромную деятельность на самом широком фланге общественных организаций и объединений. А. А. Корнилов вспоминал: «Вследствие усиленной деятельности и в особенности вследствие непосильной мозговой работы, часто продолжавшейся до 3, до 4 часов ночи, я и во сне продолжал обдумывать те же вопросы, которые обсуждал среди дня... В записных книжках моих сохранились записанные обрывки этих ночных сновидений, но теперь я по ним еще меньше могу восстановить виденное: и внешняя политика, и история, и религия, и анархизм, и социал-демократия. В центре чаще всего был Дмитрий Иванович и мысли из старых его писем в связи с кооперацией; иногда тут же вплетался Гегель с саморазвитием абсолюта и Бакунин с его отношением к германской государственности».

Огромное внимание Шаховской уделял участию кадетской партии в организации кооперативного движения, с которым он связывал свою давнюю мечту о «всеобщем единении», солидарности и социальной справедливости. «Я, — подчеркивал Шаховской в автобиографии, — всегда ставил развитие кооперации одной из основных целей и своей лично, и той партии, к которой принадлежу». Д. И. Шаховской стал одним из вдохновителей русской кооперации. Он был в самом сердце движения, он был одним из ее пророков. Но он нес и ответственность за тот характер

деятельности, который приобретала русская кооперация, от года к году все более вовлекаясь в политическую борьбу с режимом.

В кооперации Шаховского привлекали также большие демократические возможности, широкая самодеятельность населения, что, на его взгляд, было близко характеру русского человека. «Кооперация пока представляется мне в другом свете, — писал Дмитрий Иванович. — Здесь все, что делаешь — свое, кровное, бесхитростное, родное, и никого не надо уговаривать и убеждать, а надо дружно делать одно с дорогими товарищами дело, равно для всех нас близкое... Потому что русский интеллигент-демократ прежде всего член великого сложного кооператива, имя коему — человечество». В этих словах живо ощущается возврат Д. И. Шаховского от политики к этическим идеям времени основания Братства «Приютино», отчасти сходным с «религией человечества» Фрея.

«Аристократ по рождению, он по духовному складу своему был демократ. В каждом обществе он чувствовал себя равным среди равных и передавал это чувство другим». Кооперация могла охватить миллионы людей, она была проще, доступнее, понятнее массам, она была связана с ежедневными нуждами. Шаховской всеми силами старался вывести кооперацию на более широкий путь. Он «мечтал втянуть кадетов в кооперацию, связать их, наконец, с толщей населения», — отмечала А. В. Тыркова. Широкое участие в кооперативном движении могло бы создать для политической деятельности конституционно-демократической партии реальную мощную опору, а также способствовать пополнению ее кадров свежими демократическими элементами. Будучи партией общенациональной и всесословной, она должна была искать себе опору в демократических слоях населения.

Но Дмитрий Иванович не находил должного сочувствия. «На этот раз его проповедь среди нас не имела успеха», — писала А. В. Тыркова-Вильямс. Это было отличительной особенностью кадетов от других партий, например, трудовиков, о которых Шаховской говорил еще в январе 1906 года: «Трудовики делают громадное дело в массах. Они делают то, чего мы не можем и не умеем делать».

Ну а кооператоры Шаховского сразу оценили. В Москве, где был их центр, он пользовался исключительным авторитетом, стал их идеологом, их гордостью и украшением. В Обществе сельского хозяйства, например, князь Д. И. Шаховской был избран членом временного комитета наряду с известными деятелями кооперации. «Духовная тонкость, простота, общительность, глубокая честность и правдивость, неподкупная преданность идеям, готовность продолжать заветы целого ряда поколений

служилых людей, «добрых страдальцев за землю Русскую»... все это воплощалось в либеральном князе Дмитрие Шаховском. В кооперативную среду, неотесанную, грубоватую, очень земную, он вносил мягкий свет старой русской культуры»^{292}.

В октябре 1915 года Д. И. Шаховской вместе с известными деятелями кооперации Н. В. Чайковским и С. И. Прокоповичем был избран представителем в военно-промышленный комитет от Центрального кооперативного комитета. Также Д. И. Шаховской был избран вице-президентом Общества сельского хозяйства, председателем комиссии, образованной Центральным кооперативным комитетом, по снабжению и снаряжению армии. К Дмитрию Ивановичу кооператоры обращались за содействием во взаимоотношениях с книгоиздателями, в частности М. В. Сабашниковым, по поводу издания их книг, а также за помощью в редактировании текстов^{293}.

На Руси издавна смотрели на войну как на общую беду, народную трагедию, с которой можно справиться только всем миром. В этой связи кооператоры следовали историческим традициям русского народа, но в их призывах в эти дни звучал и другой мотив — неприятие существовавшего принципа сословности земства и государства и противопоставление ему идеи общественной солидарности. Показательно, что именно кооператоры первыми предложили программу мобилизации хозяйства, задолго до того, как этот лозунг стал популярным среди оппозиционных торгово-промышленных кругов буржуазии весной 1915 года.

Уже в первый год войны кооперация проявила себя как мощный фактор общественного переустройства, как организация, стремившаяся «изменить всю жизнь на новых началах». И если тогда речь шла о провинциальной глубинке или даже уездном и губернском центрах, то со временем произошло расширение самого понятия «кооперативной работы», которую кооператоры связывали с «обобществлением возможно большого количества проявлений хозяйственной и умственной жизни народа».

Небывалый численный рост кооперации и ее усилившееся за годы войны влияние на хозяйственную жизнь страны тем не менее не привели к желаемому укреплению ее правового и общественно-политического положения. Ее юридический статус все еще не был определен. Попытка создания всероссийского кооперативного объединения в 1915 году закончилась неудачей. Бюрократические препоны и полицейский надзор со стороны властей за деятельностью многочисленных кооперативных

учреждений не только не ослабевали, а, наоборот, резко возросли в условиях напряженной общественно-политической атмосферы, царившей в России в последний год существования империи. Все это заставило кооператоров наряду с другими представителями «общественности» принять активное участие в противостоянии режиму, использовать самые разнообразные методы борьбы с самодержавием. Поэтому основная работа оппозиции была перенесена в кулуары официальных заседаний, в частные собрания, за кулисы проводимых мероприятий.

Русская кооперация чрезвычайно быстро росла вширь и вглубь. Но были существенные недостатки — разрозненность отдельных видов кооперации и отдельных местных кооперативных организаций, недостаточное внимание к общим задачам кооперации со стороны всего русского общества, а главное — зависимое от посторонних сил положение русской кооперации, придающее подчас многим ее проявлениям характер подчиненности, формализма и даже казенщины. «Между тем к вопросам кооперации необходимо привлечь внимание всего русского общества, — постоянно настаивал Д. И. Шаховской, — которое должно понять, что кооперация не есть только дело известного разряда людей, а есть общая великая задача современности».

Дмитрий Иванович всеми силами стремился объединить отдельных обывателей в организованные потребительские общества и таким образом создать систему, обеспечивающую своих рядовых членов необходимыми для жизни продуктами. В статье газеты «Речь» от 19 сентября 1915 года он убеждал жителей Петрограда в том, что бороться с расстройством хозяйственной жизни нужно «не в одиночку и не враспынную, а объединенными усилиями». Поэтому он призывал, нисколько не медля, приняться за работу по созданию новых потребительских организаций и их сплочению вокруг центра кооперативного движения столицы «Общества оптовых закупок», пользующегося материальной поддержкой городского самоуправления. Все это, по мнению Д. И. Шаховского, должно способствовать разрешению проблемы нехватки товаров и улучшить положение населения.

3 ноября 1915 года произошло событие, до крайности огорчившее и обозлившее Дмитрия Ивановича. Суть его заключалась в том, что созданная в Москве явочным порядком без всякого согласования с властями центральная кооперативная организация была закрыта распоряжением министра внутренних дел. С этого момента важнейшими задачами для Д. И. Шаховского становятся восстановление единого кооперативного центра и принятие закона о кооперации, который обеспечил бы юридическое поле

для роста и развития этого дела.

Рост кооперативного движения в России сталкивался с рядом проблем, не последнее место в числе которых занимала нехватка квалифицированных кадров. Борьба с этим злом был призван Университет имени Шанявского. Больше всего курсов в 1916 году, как и в предыдущие годы, было объявлено по кооперации. Различаясь по своим задачам, продолжительности, составу слушателей и лекторов, курсы эти все более складывались в особое самостоятельное учреждение, составляя как бы временную замену того «кооперативного института», о котором было столько толков и определенное постановление на последнем кооперативном съезде 1913 года в Киеве.

Деятельность университета широко освещалась в печати. Одним из популяризаторов работы кооперативного отдела данного вуза выступил Д. И. Шаховской. Он описал его структуру, рассказал о блестящей плеяде ораторов и ученых, читающих здесь лекции и ведущих серьезную научную работу, а также призвал «всех работников кооперации и сочувствующих ей» способствовать незаменимой деятельности кооперативного отдела Университета имени Шанявского, «принимать меры к облегчению притока слушателей на его курсы и к сосредоточению в его «библиотеке-музее» всех необходимых материалов».

В ноябре 1915 года в Москве появилось большое потребительское общество «Кооперация». Секретарем его исполнительного бюро был избран Д. И. Шаховской. Также он стал постоянным председателем Совета потребительского общества. Будучи единогласно избранным на первом заседании общества, он впоследствии неизменно переизбирался на этот пост, а с осени 1916 года стал и председателем правления общества.

Интересным представляется вопрос о связи Д. И. Шаховского с масонством в свете происходивших событий накануне революции. Сам Д. И. Шаховской, постоянный инициатор разного рода межпартийных демократических объединений, ставил знак равенства между масонством и кооперацией. В этом он видел своеобразие масонства в России, его отличие от франкмасонства. В письме своему близкому другу А. А. Корнилову, незадолго до его кончины в 1925 году, Шаховской признавался, что им написана «сокровенная философия кооперации, то есть русского масонства». В своем воображении он рисовал совершенно утопическую картину расцвета кооперации в России. А. В. Тыркова записала в дневнике, как он «вдруг загорелся, заговорив о кооперации, и внезапно из-за земца-конституционалиста встал анархист-мечтатель». Она приводит слова Шаховского: «Кооперация есть путь к свободной самодеятельности... Без

принуждения, повинувшись свободному желанию, люди собираются для совместной защиты своих интересов». Именно кооперация, мечтал Шаховской, призвана сыграть в России ту объединительную роль, на которую претендовала масонская организация, «как коренное русское искусство — плотничество — заменяет собою западное масонство — каменщичество».

Д. И. Шаховской входил в число левых кадетов, ратовавших за более радикальный тактический курс, за объединение демократических сил и искавших в масонстве возможность осуществления своих планов. Вспомним в этой связи наблюдение американского историка Н. Смита по поводу мемуаров Е. Д. Кусковой. Описание в них масонской организации, замечает он, удивительно совпадает с информацией, которая могла относиться только к «Союзу освобождения», изображаемому мемуаристкой в качестве модели для деятельности масонов.

Не претендуя на исчерпывающее раскрытие до сих пор остающейся одной из самых запутанных и «острых» тем современной историографии — темы влияния политического масонства на развитие событий в предреволюционной России, отметим ряд фактов, на которые до сих пор исследователи практически не обращали внимания. Так, в несколько ином свете выглядит упоминание в литературе имени Д. И. Шаховского в качестве главного организатора известной встречи в апреле 1916 года на квартире Кусковой и Прокоповича, где обсуждался состав будущего правительства. Именно он под литерой «х» фигурирует в известной книге С. П. Мельгунова «На путях к дворцовому перевороту» как организатор этого собрания. Примечательно, что в этом совещании, определившем список буржуазного кабинета министров для его последующего рассмотрения кадетским съездом, активное участие принимали представители левых социалистических партий.

С достаточной долей вероятности можно утверждать, что первые контакты российских масонов и кооператоров относятся к началу XX века — периоду организационного оформления либерально-земского оппозиционного движения. И. В. Гессен в своих мемуарах, написанных в 1937 году, вспоминал о событиях 1904 года: «Во время одного из пребываний в Москве ко мне, в гостиницу «Националь» явился Д. И. Шаховской и предложил подняться к только что вернувшемуся из долговременного пребывания за границей профессору М. М. Ковалевскому — «это очень интересный человек и вам нужно с ним познакомиться, пойдемте сейчас, он ждет вас». Мы поднялись этажом выше, и добродушно разжиревший, с таким же жирным голосом, Ковалевский, едва успев

поздороваться, сразу же стал доказывать, смотря мимо меня, что только масонство может победить самодержавие. Он положительно напоминал комиссионера, который является, чтобы сбыть продаваемый товар, и ничем не интересуется, ничего кругом не видит и занят только тем, чтобы товар свой показать лицом. Это мне не понравилось, и я порвал всякий интерес к сближению с ним, несмотря на большую авторитетность и популярность его имени... В общественных организациях он был вроде генерала на купеческих свадьбах. Насколько мне известно, Ковалевский и был родоначальником русского масонства конца прошлого века».

Действительно, роль М. М. Ковалевского в возрождении политического масонства в России была велика. По мнению одного из ведущих специалистов в этой области В. И. Старцева, именно он стал основателем масонства в XX веке и при его непосредственном участии около 40 видных русских буржуазных либералов, интеллигентов и народников в 1906–1909 годах были приняты в масонские ложи, открытые в Москве, Петербурге и других городах страны, причем более 30 человек были впервые приняты в это движение именно в России.

Как вспоминала А. В. Тыркова-Вильямс, «в Париже я смутно слышала, что, как только началось освободительное движение, профессор М. М. Ковалевский открыл в Париже русскую ложу. В нее вошли многие мои знакомые, включая моего товарища по судебному процессу Е. В. Аничкова. Кто еще был масоном, я не знала и не стремилась узнать, не придавала масонству серьезного значения, хотя их романтическая таинственность и дразнила мое любопытство. На масонство было принято смотреть как на детскую забаву, и я без дальних размышлений принимала этот взгляд».

О себе А. В. Тыркова говорила: «Я никогда не принадлежала ни к какой тайной организации, масонкой не была. О существовании женских масонских лож узнала только за границей. Что есть масоны среди кадетов, я знала. Возможно, что масонство с его директивами, исходящими от центра, имело косвенное влияние на политику партии, но влияния решающего, абсолютного иметь на нас оно не могло. Слишком большая царила среди нас свобода суждений». По утверждению некоторых зарубежных историков, кадетская партия составляла основу российского масонства, имея к концу 1913 года наибольшее представительство в масонских ложах.

Изучением международных связей русского масонства интересовался сын друга Д. И. Шаховского — Г. В. Вернадский. На эту сторону вопроса обратил его внимание и В. И. Вернадский, посоветовав взять эту тему в качестве диссертационного исследования. Он изучил большое количество

материалов по истории масонства в Публичной библиотеке; в Государственном архиве; в библиотеке, рукописном ее отделе и архиве Конференции Академии наук и в Морском архиве в Петербурге; в Историческом музее и Румянцевской библиотеке в Москве и в Тверской ученой архивной комиссии. Параллельно с работой над диссертацией Г. В. Вернадский составил карточный каталог имен всех известных русских масонов XVIII века и первой четверти XIX века, однако издать этот каталог он не успел и оставил картотеку в рукописном отделении библиотеки Академии наук.

Вопрос о личном участии того или иного политического деятеля в масонской организации весьма сложен, учитывая закрытый характер организации, а отрывочные сведения не всегда достоверны. Однако не вызывает сомнений, что в период между революциями масонство становится влиятельной политической силой. Общая численность лож, по свидетельству Н. В. Некрасова и Е. Д. Кусковой, составляла 350–400 человек. Помимо Петербурга и Москвы ложи имелись в Киеве, Самаре, Тифлисе и Кутаиси. Организационно ложи, созданные М. М. Ковалевским, подчинялись непосредственно «Великому Востоку Франции», другая их часть была связана с «Великим Востоком народов России» во главе с известной «пятеркой»: Н. В. Некрасов, А. И. Коновалов, М. И. Терещенко, А. Ф. Керенский, И. Н. Ефремов. Однако, как считал В. И. Старцев, резкой грани между этими двумя направлениями масонства не существовало. Вместе с тем вопрос о том, в каких отношениях друг к другу находились члены всех этих лож, нуждается в дальнейшем исследовании.

По признанию Е. Д. Кусковой, «движение это было огромно. Такие общества, как Вольно-экономическое, Техническое, были захвачены целиком. Это — рецепт Союза Освобождения... В земствах то же самое. Масонство тайное лишь продолжало эту тактику». В одном из своих писем, адресованных Л. О. Дан, Кускова позднее вспоминала: «Без всех этих подсобных учреждений мы не смогли бы так широко провести «Освобождение», банкеты, заявления земцев и т. д...Проведение съездов, местных и всероссийских. Кооперация». Таким образом, в сферу масонского влияния были вовлечены и кооператоры^{294}.

Тесное взаимодействие масонства и кооперации — явление далеко не случайное. Идея коалиции, объединения различных политических сил и партий, противостоящих режиму, была особенно близка обоим организациям и весьма искусно использовалась лидерами радикальной оппозиции. Работа в кооперативных, земских и других общественных учреждениях стала важной составной частью деятельности оппозиции,

всякий раз возраставшей в период думского межсезонья. Весна — лето 1916 года пришлись именно на такой период парламентского затишья. Но для этого времени отнюдь не характерно было резкое снижение политической активности оппозиции вообще, как это отмечала, например, Н. Г. Думова.

Весной — летом 1916 года внутри оппозиционных кругов продолжалось согласование дальнейшего плана действий. Первым серьезным мероприятием радикальной оппозиции в 1916 году, направленным на объединение враждебных власти сил, стал прошедший в Москве в мае Всероссийский городской съезд. Выступавшие на нем ораторы выдвинули идею создания Центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу, в состав которого должны были войти представители как существовавших, так и вновь образованных объединений: Земского и Городского союзов, военно-промышленных и кооперативных комитетов, рабочего, крестьянского и торгово-промышленного союзов.

Одним из инициаторов выдвинутой идеи и основным докладчиком на совещании стал Д. И. Шаховской, предложивший организовать продовольственный центральный орган, который обеспечил бы единство в организации продовольственного дела, в частности: «1) объединение сведений всякого рода, создание общими усилиями осведомительного центра, облегчающего взаимное согласование самостоятельных действий, а также определяющего их дальнейшие шаги; 2) согласование взглядов отдельных организаций на тот или иной очередной вопрос в целях достижения единства обсуждения положения всех элементов продовольственного дела и согласование взглядов на него как в целом, так и по отдельным мероприятиям в этой области (такса, реквизиция, установление твердых цен, нормировка перевозок и т. д.); 3) объединение действий входящих в состав центрального органа организаций на почве отдельных предприятий». В состав комитета должны были войти 24 представителя от восьми организаций, а также их заместители, в том числе Д. И. Шаховской.

Значительный интерес для рассмотрения вопроса о радикализации действий оппозиции представляет доклад начальника московской охранки, полковника А. П. Мартынова московскому градоначальнику от 30 апреля 1916 года. В нем на основе агентурных донесений дается подробная информация о собрании за «чашкой чая» группы наиболее видных московских кадетов, состоявшемся на квартире князя П. Д. Долгорукова 27 апреля, после панихиды на могиле Муромцева. В девятую годовщину

открытия Первой Государственной думы в Донской монастырь на могилу покойного председателя Думы С. А. Муромцева почтить его память пришли многие общественные деятели. На панихиду собралось свыше тысячи человек. Среди переводумцев был князь Д. И. Шаховской. За панихидой поминались также похороненные вблизи могилы С. Муромцева депутаты Первой думы Г. Ф. Шершеневич, В. Е. Якушкин, М. Я. Герценштейн. Многочисленными были и похороны депутата Третьей Государственной думы А. М. Колюбакина. Затем последовали торжественные похороны Виктора Петровича Обнинского, на которых не только храм Святого Антипы, что у Колымажного двора, где совершено было отпевание тела покойного, но и прилегающий переулок были заполнены общественными деятелями, собравшимися отдать последний долг почившему; в их числе был Д. И. Шаховской. Большое количество известных деятелей собралось на похоронах графа А. А. Бобринского. Среди них были главноуполномоченный Всероссийского земского союза князь Г. Е. Львов, главноуполномоченный Всероссийского союза городов М. В. Челноков, член городской управы князь М. В. Голицын, член уездной земской управы князь В. П. Трубецкой, А. Д. Алферов, С. В. Бахрушин, профессор С. А. Котляревский. Был здесь и князь Д. И. Шаховской.

Возвратимся к собранию за «чашкой чая» на квартире князя П. Д. Долгорукова. «Беседа у кн. Долгорукова, — отмечалось в докладе, — обращала на себя внимание также пессимистическими ожиданиями того, что в ближайшем времени должно произойти на фронте и, в связи с этим, тревожными опасениями осложнений во внутренней жизни. Лица, имеющие связи с глухой провинцией, указывали на неизбежность остро назревающих беспорядков на почве дороговизны. То же подтверждалось и в отношении Москвы».

Особенно горячо на эту тему говорил Д. И. Шаховской. Указывая на запрещение ряда совещаний, кооперативного съезда и на проектируемое подчинение бюрократическому надзору Городского и Земского союзов и военно-промышленных комитетов, он приравнивал эти действия к государственной измене. «Народ, — заявил Шаховской, — буквально стонет в когтях хищников, и когда мы хотим прийти ему на помощь, нас связывают по рукам и ногам. Разве это не помощь врагу, разве это не драгоценнейшая услуга Вильгельму? Начиная войну, Вильгельм мечтал о революции в России. Вильгельм жестоко обманулся, но ему поспешили на помощь господа Горемыкины, Хвостовы, Штюрмеры. Патриотический порыв они подменяют чувствами острого озлобления, сеют бурю, вносят хаос, дезорганизуют тыл. Это величайшее преступление правительства

нельзя назвать иначе как государственной изменой».

Д. И. Шаховского поддержали другие участники встречи: А. А. Кизеветгер, Н. Н. Баженов и хозяин дома князь П. Д. Долгоруков. Далее полковник А. П. Мартынов в своем докладе сообщал, что «толки на чашке чая» у князя Долгорукова немедленно же стали достоянием и предметом обсуждения в более широкой общественной среде, «получив поддержку со стороны Н. И. Астрова, М. В. Челнокова и князя Г. Е. Львова^{295}».

В конце сентября 1916 года на квартире М. М. Федорова, одного из известных деятелей в организации общественной мобилизации, в частности продовольственного дела, состоялось совещание, на котором была подана идея о перевороте и об отречении Николая II в пользу его малолетнего сына Алексея. На совещании присутствовало все руководство оппозиции: М. В. Родзянко, П. Н. Милюков, А. И. Гучков, С. И. Шиддовский, А. И. Шингарев, И. В. Годнее, Н. В. Некрасов, М. И. Терещенко и сам М. М. Федоров. Все сошлись на том, что недовольство режимом стало всеобщим и уже в ближайшем будущем следует ожидать неминуемого взрыва. Помешать этому может смена власти, которая имеет шанс на успех только в случае отречения Николая II и передачи престола его несовершеннолетнему сыну при регентстве Михаила Александровича. П. Н. Милюков вспоминал позднее: «Мы ушли, во всяком случае, без полной уверенности, что переворот состоится, но с твердым решением в случае, если он состоится, взять на себя устройство перехода власти... Мы, как бы то ни было, были уверены после совещания... что наше решение встретит поддержку общественных внедумских кругов»^{296}.

Итак, перед нами готовый сценарий будущих действий оппозиции, удивительным образом предвосхитивший фактическое развитие ситуации в стране в конце 1916-го — начале 1917 года. Сама внешняя канва февральских событий, начавшихся, как и предполагалось, из-за трудностей с продовольственным снабжением населения, во многом совпала с тем, о чем говорили кадетские лидеры на квартире у князя Долгорукова. Замысел радикальной оппозиции не предусматривал революционного уничтожения монархии, а был рассчитан на перехват реальной власти из рук дряхлеющей царской бюрократии. Если учесть, что к этому времени уже был составлен и согласован с представителями различных политических партий состав нового кабинета министров, то можно с уверенностью утверждать, что не только идея, но и ряд деталей готовящегося переворота были определены задолго до рокового Февраля 1917 года, в подготовке которого свою роль сыграл и Д. И. Шаховской.

Глава 17

1917 ГОД

Февральско-мартовский революционный взрыв, потрясший до основания Российскую империю и ликвидировавший практически в одночасье монархический строй в стране, оказался неожиданным даже для тех, кто долгие годы непосредственно готовил и приближал это страшное социальное потрясение. В стремительно меняющемся вихре событий большинство прежних лидеров оппозиции, в недавнем прошлом весьма самоуверенных людей, пребывало в полной растерянности. Одними из первых в этих условиях способность к самоорганизации проявили кооператоры. Ни до, ни после Февральского переворота в своей политической деятельности они не переживали подобного взлета. Особенность положения кооперации накануне свержения самодержавия выгодно отличала ее от других общественных организаций или политических партий. Прежде всего — легальное существование, непосредственная связь с массами, относительная экономическая и финансовая самостоятельность, собственная печать, опытный кадровый состав, определенную часть которого составляли профессиональные революционеры и политические деятели. Особую роль играли участие кооперации в хозяйственной и общественной жизни регионов, их работа по выполнению государственных заданий, взаимодействие с правительственными и земскими органами. И, наконец, кооперация представляла собой широкий размах народной самодеятельности, основными принципами которой были отрицание сословных и иных привилегий, самоуправление и демократизм.

Как уже отмечалось, Дмитрий Иванович активно действовал в сфере кооперации. Он «пользовался исключительным авторитетом» среди своих единомышленников, что нашло отражение в избрании его на пост товарища председателя общего собрания акционеров московского Народного банка в апреле 1917 года. Данное учреждение являлось финансовым центром кооперативной деятельности в России, однако, помимо кредитования кооперативных организаций, банк занимался и политической деятельностью.

Кооператоры сыграли видную роль в осуществлении Февральского переворота и создании новых органов власти как в центре, так и на местах. Известно, что идея учреждения Петроградского Совета рабочих депутатов

была обнародована 25–26 февраля именно в Союзе потребительских обществ Петрограда. И если в Петрограде кооператоры, выступив инициаторами создания новых органов власти, уступили затем свое место представителям политических партий, то в Москве и ряде других городов Центральной России кооперативные работники возглавили властные структуры или составили в них значительную часть вновь избранных делегатов. Именно кооператорам удалось возглавить Моссовет^{297}.

Сразу после Февральского переворота Д. И. Шаховской активно включился в процесс формирования новой власти. Февральская революция застала его в Москве. Будучи известным в кооперативных кругах деятелем, Д. И. Шаховской оказался избранным в официальный орган власти — Комитет московских общественных организаций. Заметим, что все избранные на ответственные посты в Моссовет или комитет лица были хорошо известны населению города прежде всего как кооператоры, хотя многие из них занимались и другой общественной или партийной работой.

От имени общественных организаций Д. И. Шаховской приветствовал прибывшего в Москву А. Ф. Керенского. Газеты на своих страницах ярко описывали эту трогательную встречу: «Министр подошел к кн. Д. И. Шаховскому, обнял его, они поцеловались. Оба от радости сильно взволнованы, у обоих слезы на глазах. Кн. Д. И. Шаховской обратился к А. Ф. Керенскому со следующей речью: «Александр Федорович! Мы приветствуем в лице вашем новое правительство от Москвы. Вы в эти знаменательные дни, которые русский народ не забудет никогда, доказали, что пылкий дух можно вложить в живое дело. Россия вас никогда не забудет. Москва, сердце России, также вас не забудет. Великое дело вами исполнено. И мы исполним его до конца. Благодаря вам Москва была избавлена от кровавых событий, и мы сейчас представим вам ее в полном порядке, в котором она есть».

При исполнении Комитета московских общественных организаций началось формирование различных учреждений, на которые возлагалось управление городом. При комитете также создавался Военный совет. Одним из его членов стал князь Д. И. Шаховской. «Исполнительный Комитет общественных организаций образовал при себе временную межрайонную комиссию из представителей санитарных попечительств, общества «Кооперация» и районных организаций». В ее деятельности Дмитрий Иванович принимал непосредственное участие. Описываемая комиссия «признала необходимым содействовать организации районов по принципу образования на местах мелкой городской единицы. Во главе каждого района должен стать комитет, обслуживающий все нужды данного

района. При комитете состоит районный комиссар с милицией, районные комитеты через своих представителей связываются с центральной организацией, стоящей во главе Москвы».

В дальнейшем, учитывая опыт работы Шаховского во временной межрайонной комиссии, ЦК партии народной свободы привлек его в качестве одного из членов комиссии для рассмотрения предложений, на основе которых предполагалось выработать муниципальную программу кадетов. Она требовалась для привлечения голосов электората на грядущих выборах в местные думы и земства^{298}.

В марте — апреле Дмитрий Иванович был занят работой в Комитете московских общественных организаций, занимаясь, в частности, вопросами образования — темой, которой Шаховской посвящал все свои силы, еще будучи земским деятелем. В комитете развернулись дебаты вокруг доклада Н. Н. Иорданского об учительских съездах, имевших место в столицах. Д. И. Шаховской предложил высказаться за учреждение «на государственные средства большого политического института с привлечением в него слушателей, избранных местными организациями, с тем чтобы эти лица руководили политическим воспитанием народа на местах путем учреждения местных курсов». Решение вопроса было передано исполнительному комитету общественных организаций^{299}.

Первая половина 1917 года ознаменовалась для Д. И. Шаховского особой активностью в делах. Он принимал самое деятельное участие в общественно-политической жизни Москвы, в ЦК партии народной свободы и во Временном правительстве.

Выступая на VII съезде партии народной свободы, Дмитрий Иванович сделал доклад о тактике. Суть его позиции сводилась к следующему: необходимо установить сотрудничество кадетов с умеренными элементами социалистических партий, которые, как он полагал, должны оказать поддержку Временному правительству; одновременно следует вести решительную и последовательную борьбу против экстремистски настроенных элементов, провоцирующих всякого рода эксцессы, а также усилить организационную и агитационно-пропагандистскую деятельность среди широких масс и радикализировать партийную программу, особенно ее социальные разделы.

Д. И. Шаховской призывал к соглашению кадетов с меньшевиками и эсерами, развитию сотрудничества с Петроградским Советом. Выступая на митингах и собраниях за сотрудничество с меньшевиками и эсерами, Шаховской одновременно считал необходимым развернуть борьбу «со

всякого рода максимализмом и большевизмом». Князь предлагал еще более укрепить взаимодействие с помощью издания совместной газеты. По его инициативе в Москве в начале апреля было налажено издание партийной газеты «Власть народа». В редакционный комитет, кроме самого Д. И. Шаховского, вошли А. А. Кизеветгер и В. М. Сабашников. О том, какое значение партия народной свободы придавала этому делу, говорит тот факт, что для субсидирования данного печатного органа ЦК выделил 50 тысяч рублей.

Позиция князя Д. И. Шаховского по вопросу о соглашении с меньшевиками и эсерами получила поддержку таких видных членов ЦК, как Мандельштам, Френкель и Некрасов. В результате обсуждения съезд, хотя и осторожно, но все же поддержал основные положения доклада Д. И. Шаховского. Он принял резолюции о необходимости использования других демократических партий для закрепления политических завоеваний Февраля, о привлечении к защите общедемократических требований аморфных в партийном отношении слоев народа и об агитации среди широких масс населения для привлечения их в партию.

Наибольшее время в работе съезда заняло обсуждение аграрного вопроса. Для Д. И. Шаховского работа, нацеленная на организацию и привлечение под кадетские знамена крестьянства, представлялась одним из важнейших направлений в деятельности партии. Необходимо «смело идти в эти массы для того, чтобы приобретать там сторонников» — таков был девиз дня. Реализовать поставленную цель предполагалось с помощью участия в создании Крестьянского союза, который, по мысли Дмитрия Ивановича, организовав крестьянскую мысль, выявит «то общее, что в ней заключается». Как видим, это были те же идеи, которые Д. И. Шаховской настойчиво проводил в предреволюционный период, активно участвуя в кооперативной деятельности^{300}.

Д. И. Шаховской также выступил по вопросу организации партии и указал, что в целях агитационных и организационных необходимо использовать свободу слова и собраний. Особое внимание Дмитрий Иванович рекомендовал уделять вопросу о создании партийной прессы, в особенности народных газет. Была избрана литературная комиссия, в чью обязанность входило издание научно-популярной и агитационной продукции. Возглавил ее М. М. Винавер, а членами стали такие известные кадеты, как А. В. Тыркова, А. С. Изгоев, В. И. Вернадский и некоторые другие. Такая же комиссия была учреждена при Московском городском комитете. В марте — апреле она выпустила более 12 наименований брошюр и примерно 800 тысяч агитационных листовок. Всего за это время

ЦК издал более двух миллионов экземпляров плакатов и листовок. Для распространения выпущенной литературы и успешной пропаганды своих идей была образована агитационная комиссия в составе: князь Д. И. Шаховской, А. А. Корнилов, Е. И. Кедрин, З. Г. Френкель, князь В. А. Оболенский, Н. Н. Глебов, М. А. Красносельская^{301}.

В феврале 1917 года история дала кадетам шанс реализовать свой план преобразования страны. За двенадцать лет своего существования кадетская партия допустила немало ошибок, промахов. Но кадеты приучали население, включая представителей власти, к политическому мышлению и гражданской ответственности. Они будили общественную инициативу, находили выражение для новых политических и социальных потребностей, жизненность которых власть была вынуждена постепенно признать. Они мечтали мирным эволюционным путем, через парламент, осчастливить Россию, дать ей свободу мысли. Создать для каждого обитателя великой империи, без различия сословий и национальностей, просторную достойную жизнь — так понимала задачи партии член ее ЦК А. В. Тыркова-Вильямс^{302}.

В ходе Февральской революции кадеты приняли самое деятельное участие в формировании новых органов власти. Они заняли ведущее место в управлении страной, фактически возглавили Временное правительство. В состав первого кабинета министров вошли пять представителей партии (П. Н. Милюков, А. И. Шингарев, Н. В. Некрасов, А. А. Мануйлов, Ф. И. Родичев). Кадетами являлась почти половина комиссаров, назначенных для заведования отдельными подразделениями государственного управления.

Правда, особым профессионализмом новые кадетские министры не отличались, поэтому, по признанию видного члена ЦК М. М. Винавера, «общие идеи в каждой отрасли управления приходилось черпать не из собственного углубленного опыта, а брать на веру из окружающего или из программных тезисов, проявляя собственные умственные силы лишь в соблюдении известной последовательности в их применении». Впрочем, главная беда новых властителей России была не в этом. По мнению В. Д. Набокова, зародыш разрушения заключался в отсутствии «хорошо организованной полицейской силы и безусловно преданной правительству силы военной». Кроме того, каждый из министров был настолько поглощен своим ведомством, что ни у кого из них не было времени предлагать какие-нибудь конкретные меры в деле «борьбы с растущей анархией»^{303}.

Иными словами, к власти пришли люди, не обладавшие опытом сознательного государственного строительства, пониманием масштабности

предстоящих преобразований.

Основу правительственной программы составили традиционные требования партии. Главную задачу правительства кадеты видели в том, чтобы довести Россию до законного избрания Учредительного собрания. Хотя на состоявшемся съезде партии народной свободы предложения левых кадетов и были приняты, фактических шагов по сближению с социалистами, за которое так ратовал Д. И. Шаховской, не предвиделось. Правительство уверенно продолжало проводить линию П. Н. Милюкова, исключавшую соглашения с левыми. Поэтому для осуществления названного решения съезда Дмитрий Иванович вносит в ЦК предложения о более тесных контактах партии народной свободы с социалистическими партиями, которые «возможно осуществлять трояким способом:

— путем публичного обсуждения и вотирования тех или иных резолюций на партийных съездах, конференциях или пленарных совещаниях ЦК;

— путем установления известного порядка составления тех комиссий, которые разрабатывают важные вопросы в составе правительства, при котором в комиссии приглашались бы представители партий и по их рекомендации;

— путем устройства совещаний, по определенным дням, членов Временного правительства с представителями партий по важнейшим текущим вопросам, что явилось бы некоторым подобием парламентского представительства. И было бы желательным, если бы от каждой партии или группы входил только один представитель, но достаточно авторитетный и компетентный».

Естественно, что столь радикальные предложения левых кадетов не могли быть приняты ЦК, где большинство составляли сторонники Милюкова. В итоге «мысль о желательности более тесного контакта правительства с партиями страны» сочли нужным «довести до сведения Временного правительства», а лучшей формой упрочнения связей партии народной свободы с кабинетом было признано представительство в нем в определенных случаях члена ЦК. Причем роль партийного делегата во Временное правительство решили возложить на М. М. Винавера, в тот момент по своим политическим убеждениям занимавшего среднюю позицию между П. Н. Милюковым и Д. И. Шаховским^{304}.

Оказавшись у власти, кадеты повели борьбу на двух направлениях: со старой администрацией и с Советом рабочих и солдатских депутатов. В борьбе на первом фронте у кадетов хватило смелости принять административные решения, обезглавившие власть на местах. Более всего

кадеты преуспели в разрушении системы местных органов власти посредством отстранения от дел кадров старых администраторов, в лице которых им рисовался ужасный призрак контрреволюции. Свою работу в этом направлении ЦК партии начал с того, что потребовал от депутатов Государственной думы, принадлежащих к конституционно-демократической фракции, «наметить тех представителей местной администрации, которые подлежат устранению». За этими словами скрывалось желание скорейшего проведения земской реформы, имеющей целью распространение сети земств на всю Россию, демократизацию их избирательных городских дум. Таким образом достигалась дальнейшая децентрализация системы управления, что в условиях общего ослабления власти наносило новый серьезный удар российской государственности.

В противостоянии с Петроградским Советом кадеты, напротив, не нашли в себе мужества пойти на адекватные меры. Овладеть ситуацией в условиях революции партия народной свободы хотела с помощью печатного слова. Она вела активную пропагандистскую работу и, чтобы быть ближе к массам, даже радикализировала собственную программу, отказавшись на VII съезде от идеи конституционной монархии. В марте — апреле 1917 года ряды партии стремительно росли. Ее общая численность увеличилась до 100 тысяч человек, в стране действовало более 380 местных комитетов. Это привело к углублению социальной разнородности, что впоследствии сказалось на трудности выработки единого партийного курса. Весной 1917 года кадеты развернули широкую пропагандистскую и агитационную кампанию.

Все же надо отметить, что кадеты предпринимали некоторые попытки удержать страну от катастрофы, но они практически никогда не выходили за пределы устных или письменных деклараций и воззваний, являя очевидную неспособность решительно действовать, отстаивая свои убеждения. Между тем все сильнее продолжала разыгрываться революционная стихия и все больше требовалось воли для ее усмирения. Однако мужество в деле принятия государственных решений никогда не было отличительной чертой кадетов. Когда же они осознали, что прежде великая страна стоит на грани распада, то самая радикальная мера, на которую они смогли пойти, заключалась в выходе из Временного правительства. К сожалению, приходится констатировать, что «инстинкт государственности», понимание интересов государства были совершенно утрачены либерально-демократической общественностью. Ею владели два чувства: безотчетная ненависть к «старому режиму» и страх прослыть «реакционерами» в глазах Совета рабочих депутатов.

Вследствие знаменитой ноты П. Н. Милюкова разразился первый кризис Временного правительства. 23 апреля состоялось заседание ЦК с присутствием как петроградских, так и московских его членов. В результате разгоревшихся дискуссий на голосование был поставлен вопрос, следует ли кабинету министров обратиться с предложением составления коалиционного правительства? Большинством всего лишь в один голос победу одержали противники компромиссов. Д. И. Шаховской на этом заседании не присутствовал. Однако уже на следующий день, находясь в Комитете московских общественных организаций при обсуждении создавшегося в стране положения, Дмитрий Иванович решительно выступил за создание коалиционного правительства^{305}.

В мае 1917 года в партии народной свободы весь центр внимания сосредоточился на вопросе о четвертом представителе партии, который должен был занять пост министра социального обеспечения (государственного призрения). ЦК партии все же решил принять резолюцию о современном политическом положении, в которой соглашался с привлечением в правительство меньшевиков, энесов и эсеров. Начался трудный процесс формирования нового кабинета, породивший министерство государственного призрения. На этот пост была выдвинута кандидатура В. Д. Набокова. Эта же кандидатура поддерживалась в среде Временного правительства, но встретила категорический отказ со стороны самого Набокова. Он считал, что поскольку задачи проектируемого ведомства весьма неопределенные и широкие, план его деятельности отсутствует, это требует от его главы исключительных организаторских способностей и практического опыта. Поэтому В. Д. Набоков решительно отказался взять на себя ответственность за его организацию. В связи с этим была выдвинута кандидатура князя Д. И. Шаховского.

5 мая Д. И. Шаховской получил телеграмму о необходимости срочного выезда в Петроград. Формального предложения принять портфель ему еще не поступило, однако Дмитрий Иванович заявил, что если «такое предложение будет сделано, то он сочтет себя обязательным его принять». 6 мая Д. И. Шаховской дал краткое интервью, в котором изложил свою позицию по поводу создавшейся ситуации. Дмитрий Иванович заявил: «О своем назначении я узнал из газет. Так как моя кандидатура была выставлена партией, то для меня не было вопроса принять ее или не принять. О коалиционном министерстве я могу сказать следующее: я с самого начала переворота считал крайне важным, чтобы социалистические группы приняли деятельное участие в деле управления страной. Только при участии всех слоев населения осуществима предстоящая нам грандиозная

задача государственного строительства, которая должна быть проведена под ответственностью всех партий. Я понимаю, что социалистическим группам было нелегко осуществить свое вступление в состав правительства. Это решение, само по себе, показывает, как серьезно положение в стране и как серьезно относятся к этому все силы общества. По вопросу вверенном мне, но еще не существующем ведомстве могу сказать только одно: ведомство должно напрягать все усилия к повышению производительности труда. Это его основная задача».

Нуждаясь в помощи единомышленников в организации выпавшего на его долю дела, Дмитрий Иванович предложил пост товарища министра другому члену ЦК партии народной свободы графине Паниной, супруге И. И. Петрункевича. Она согласилась занять эту должность и участвовать в столь благородном деле, как оказание помощи нуждающемуся населению.

Д. И. Шаховского демократическая общественность всегда воспринимала как испытанного и надежного профессионала, долго и славно трудившегося на ниве народной самодеятельности. В его лице приветствовали и новое государственное учреждение, поставившее своей целью борьбу с различными видами социальной нужды. Д. И. Шаховской отмечал, что министерство возьмет на себя инициативу установления принципов политики призрения во всей России, будет содействовать работе общегосударственных учреждений подобного рода. Но задача повсеместного распространения сети первичных ячеек, социальной благотворительности ложилась на плечи местной общественности, а также городских самоуправлений и возникающих новых муниципальных органов и кооперативных товариществ^{306}.

Проблема заключалась и в том, что законодательство о государственном призрении еще не было разработано. Впервые такая попытка была предпринята после голода 1891–1892 годов, когда помощь населению «много проиграла от отсутствия благотворительных органов на местах». Однако проект тогда был сочтен слишком радикальным.

После учреждения Временным правительством министерства государственного призрения на первый план, однако, вышла проблема практической повседневной деятельности, а не разработки соответствующего законодательства в этой области.

В течение мая — июня 1917 года на князе Д. И. Шаховском лежали непростые заботы по организации нового министерства, в состав которого передавались различные предприятия и организации, ранее принадлежавшие другим ведомствам. Так, 14 мая под управление Дмитрия Ивановича из военного министерства перешел «Верховный совет по

призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов и подведомственные сему совету Московский, Петроградский и Кавказский комитеты и местные отделения этих комитетов», а 15-го числа из министерства внутренних дел в компетенцию ведомства князя Д. И. Шаховского было передано попечительство о трудовой помощи со всеми подчиненными ему учреждениями; тогда же из Главного управления по делам местного хозяйства министерства внутренних дел перешел отдел народного здоровья и общественного просвещения.

Число людей, требующих заботы и лечения да и просто поддержки, все время возрастало. Из министерства просвещения под надзор государственного призрения Временным правительством был передан Скобелевский комитет для выдачи пособий людям, потерявшим на войне способность к труду, а также Алексеевский главный комитет. В компетенцию министерства Д. И. Шаховского перешла также часть учреждений императрицы Марии Федоровны.

Таким образом, основой нового министерства послужили учреждения, «на особых началах управляемые», — именные комитеты, организации и благотворительные общества, находившиеся под покровительством членов императорской фамилии. Объединение их деятельности затруднялось особенностями их управления, поскольку эти функции нередко пересекались и дублировались. Наряду с Человеколюбивым императорским обществом ведомство императрицы Марии Федоровны и его учреждения имели наиболее богатый опыт работы в сфере призрения и стали одним из главных структурных подразделений нового министерства. Вместе с тем его структура была весьма сложная, сочетала в себе как функции призрения, так и женского и внешкольного образования.

В компетенцию министерства входило и призрение самых разных категорий населения — неимущих, нетрудоспособных (включая слепых и глухонемых). За короткое время был разработан проект системы социальной адаптации взрослых и детей, перенесших тяжелые потрясения, получило распространение детское профессиональное обучение, проводилась помощь в организации последующего трудоустройства^{307}.

Создание министерства означало принципиально новый этап в истории российской благотворительности. В 1917 году призрение становится одной из обязательных задач государства, при этом частная благотворительность трансформировалась в особую сферу общественной самодеятельности. Социальная направленность политики нового коалиционного кабинета отчетливо проявлялась в работе ведомства,

руководимого Шаховским.

В беседе с корреспондентом Петроградского телеграфного агентства, посвященной вопросам устройства государственного призрения и состоявшейся в конце июня, Д. И. Шаховской указал, что в первую очередь надлежит выполнить долг государства перед жертвами войны — инвалидами, обеспечить их лечением, протезами и сделать вновь трудоспособными гражданами. Второй задачей ведомства должна стать борьба с детской беспризорностью. Третьей — организация общественного призрения. В полном объеме осуществление всех этих задач возможно лишь при непосредственном участии органов местного самоуправления, земств и городов. Вопросы организации государственного призрения должны были находиться в ведении органов местного самоуправления постоянно.

25 июня 1917 года состоялось заседание временного главного комитета помощи военно-увечным при министерстве государственного призрения. На нем были разработаны планы помощи увечным воинам и принято решение о создании Верховного совета — центрального органа власти, в ведении которого находилась забота об инвалидах^[308].

Министру Временного правительства князю Д. И. Шаховскому предстояло решать вопросы самого разного характера — от вопросов чрезвычайной государственной важности до рассмотрения прошений отдельных лиц. Частные ходатайства, направленные в министерство государственного призрения, позволяют представить диапазон реально оказываемой социальной помощи. Чаще всего в прошениях затрагивались вопросы помощи военно-увечным или их семьям. Как правило, прошения перенаправлялись в соответствующие профильные комитеты, а их копии — в местные отделения комитетов или местные органы призрения. Прощения о пенсии, просьбы о съеме квартиры, пришедшие от родителей, потерявших на войне детей, направлялись в бывший московский комитет. Просьбы о пособии на воспитание детей адресовались в Алексеевский комитет — это относилось как к прошениям вдов, потерявших на войне мужей, так и к нетрудоспособным мобилизованным с военной службы гражданам.

Важным направлением деятельности Д. И. Шаховского на посту министра следует признать решение текущих финансовых и имущественных вопросов, особенно обострившихся в годы войны.

В начале июня возникли планы покупки дворцов бывшего великого князя Николая Николаевича и принца А. И. Ольденбургского для предоставления одного из них в распоряжение Совета рабочих и

солдатских депутатов. Покупка обоих дворцов была поручена Шаховскому и Скобелеву. При осмотре оба дворца были признаны неподходящими для Совета. Пользуясь случаем, Шаховской решает приобрести дворец принца А. И. Ольденбургского для министерства государственного призрения, так как помещение бывшего ведомства императрицы Марии Федоровны не удовлетворяло потребностям министерства^{309}.

Другой основной задачей министерства государственного призрения являлась борьба с детской беспризорностью. В связи с войной многие дети остались без родителей. «При старом режиме, — отмечал Д. И. Шаховской, — система детских приютов была построена на неправильных основаниях и благотворительность базировалась на чинах и наградах, выдававшихся жертвователям. Благотворительность расплылась в ведомстве учреждений императрицы Марии и в Человеколюбивом обществе. Эта система потерпела крушение. Благотворители отошли от дела, так как у них уже нет побуждений жертвовать. Между тем расходы сильно возросли. Приютское дело переживает чрезвычайно острый кризис».

По инициативе нового министра в городской думе Петрограда было созвано совещание из делегатов от различных организаций, занимающихся вопросами детского призрения. Лучшим способом защиты интересов детей, заявлял князь, могли бы явиться ныне создаваемые районные думы Петрограда, кооперативные товарищества, благотворительные общества и просветительские союзы. Всю работу по реальной помощи детям следовало поставить под контроль городской думы.

Как мы видим, министерство предполагало предоставить практическое ведение призрения местным органам самоуправления. Шаховской исходил из того, что центральный орган министерства должен выполнять ту же роль, которую играли министерства народного просвещения и труда в Англии. Центральный аппарат призван выполнять лишь технические и финансовые функции. Министр предлагал обойтись без своих специальных органов на местах, ограничиваясь учреждениями института уполномоченных, и немедленно признать таковыми земские и городские самоуправления^{310}. Так, в социальной сфере должны были сочетаться государственные и общественные начала, местная инициатива подкреплялась и поддерживалась центральной властью. Вместе с тем старания отдельных министерств и ведомств сводились на нет отсутствием общей стратегии социально-экономического развития страны. На временный характер общероссийской власти указывало не только название правительства, но и содержание проводимых им мероприятий.

Пребывание Д. И. Шаховского на посту министра государственного призрения в течение почти двух месяцев, с 5 мая по 2 июля 1917 года, свидетельствовало о его разносторонней и масштабной деятельности, направленной на всемерное использование имеющихся в его распоряжении ресурсов для решения стоящих перед страной серьезных задач. Дмитрий Иванович сумел зарекомендовать себя хорошим администратором, способным отдавать все силы на благо народа в столь непростое время.

Однако его министерская карьера прервалась так же внезапно, как и началась. В начале июля 1917 года в стране разразился правительственный кризис, вызванный тем, что министры-социалисты и представители ВЦИК Советов заявили о признании автономии Украины, вступив в переговоры с Центральной Радой. Кадетский ЦК посчитал подобную позицию своих партнеров по коалиции противоречащей их совместной программе, основанной на непредрешении главных политических вопросов, включая вопрос о национально-государственном устройстве бывшей Российской империи, до созыва Учредительного собрания.

Четыре министра-кадета, в том числе и Шаховской, подали в отставку. Последующая затем демонстрация большевиков и их попытка взять власть резко изменила политическую ситуацию в стране, привела к образованию нового состава Временного правительства во главе с А. Ф. Керенским.

Дмитрий Иванович в эти дни испытывал и серьезные личные переживания, связанные с постигшим его друга и соратника по партии, секретаря ее ЦК А. А. Корнилова апоплексическим ударом. Беда случилась в ночь со 2 на 3 июля 1917 года на заседании кадетского ЦК, где обсуждался вопрос о выходе из правительства.

Вернадские и Шаховской во время болезни Корнилова и его пребывания в клинике постоянно ухаживали за ним и опекали его вплоть до его отъезда на лечение в Кисловодск в начале сентября 1917 года.

После своего ухода из правительства Д. И. Шаховской всецело сконцентрировался на партийных делах, взяв на себя также выполнение обязанностей заболевшего друга^[311].

10 августа 1917 года Шаховской вошел в состав постоянного бюро Совета общественных деятелей и участвовал в подготовке и проведении различных политических акций. В период с марта по октябрь 1917 года он являлся участником четырех съездов кадетской партии, выступая там с программными докладами. Именно Дмитрию Ивановичу, убежденному стороннику аграрной программы партии образца 1906 года, ЦК партии поручил подготовить самый злободневный аграрный вопрос на VIII съезде партии (май 1917 года). В своей краткой, но убедительной речи Дмитрий

Иванович заявил о необходимости передачи земли крестьянству, поскольку данная мера сможет воодушевить народ идеей, что в продолжающейся войне он защищает именно собственную землю. Ее переход в руки мелких производителей, по мнению Д. И. Шаховского, также должен привести к общему повышению производительности сельского хозяйства. Завершая свое выступление, Дмитрий Иванович заявил, что аграрная программа конституционных демократов в настоящий момент является «элементом самым важным и неустрашимым». Д. И. Шаховской покидал трибуну под возгласы «правильно!» и аплодисменты. Предложения правого крыла партии народной свободы, пытавшегося пересмотреть аграрную программу и убрать из нее пункты о необходимости отчуждения земель у крупных собственников, были отвергнуты^{312}.

По мере обострения политической ситуации в стране и разочарования в возможности согласования позиций либералов и социалистов Дмитрий Иванович вынужден был корректировать свои взгляды на перспективы развития страны. Не случайно уже на майском VIII съезде кадетской партии он внес предложение добиваться от Временного правительства создания альтернативного Учредительному собранию «авторитетного органа власти», который должен состоять из членов Первой — Четвертой Государственных дум^{313}. Несмотря на то что это предложение не было поддержано съездом, Шаховской в середине июня вместе с министрами А. И. Шингаревым и А. А. Мануйловым выступил за отсрочку проведения выборов в Учредительное собрание. По его мнению, «не фальсифицированное, а подлинное» Учредительное собрание не удастся избрать в сентябре, как это вначале предполагалось.

Шаховской прекрасно понимал, что в складывающейся обстановке торопиться с созывом Учредительного собрания, от решения которого будет зависеть дальнейшая судьба России, не следует. Его прогнозы относительно Учредительного собрания подтвердились в полной мере: кадетская партия набрала на выборах, состоявшихся уже после захвата власти большевиками, лишь 4,5 процента голосов избирателей, утратив тем самым реальную возможность влиять на население. Не оправдались и надежды на сотрудничество с умеренными социалистическими партиями, оказавшимися несостоятельными в противостоянии с леворадикальными силами. Радикализм в решении насущных проблем жизни все больше определял политические настроения масс, уставших от войны и туманных прожектов отечественных либералов и демократов-социалистов, не сумевших остановить развал государства и резко утративших свою былую

популярность.

1917 год стал судьбоносным в истории России. Изучение разыгравшейся тогда борьбы относится к числу наиболее значимых проблем нашей истории. В последнее время неоднократно звучат слова о трагедии несовместимости либералов и их идей с российской действительностью. Вряд ли можно согласиться с подобной категоричностью. Если бы это было так, то Февраль никогда бы не состоялся. Другое дело, что в условиях бушевавшей революционной стихии «герои Февраля» (а к ним безусловно следует отнести и Шаховского) в целом оказались неспособны обуздать или использовать эту стихию. Для этого потребовались другие герои и вожди. А свобода народа, о которой так мечтали наши либералы до рокового 1917 года и для которой, прямо надо сказать, сумели много сделать, обернулась миражом.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«ИТОЖНОЕ ВРЕМЯ»

*Меры все я перемерил
И пути все исходил.
Что же? В Русь одну поверил.
Дале рыскать нету сил.*

Д. И. Шаховской

Всю жизнь Дмитрий Иванович отличался «верующей смелостью в осуществлении добра» (слова Гревса), и было у него в жизни, как он признался Е. Г. Ольденбург в 1937-м, три главных девиза.

Первый — латинский, с гимназических еще лет:

Res viktris diis placuit, victa — Catoni

(Победившее — было угодно богам, побежденное — осталось убеждением Катона).

Второй — немецкий, сложившийся после университета:

Nicht konnen und doch wollen

(Не мочь — и все же хотеть).

И третий — русский: Претерпевший до конца спасется.

Глава 18

«В БОРЬБЕ ОБРЕТЕШЬ ТЫ...»

Октябрьскую революцию Шаховской и его друзья встретили враждебно. Но от первоначального негативного восприятия к осознанию ее подлинного глубинного смысла и значения в истории — сложный и долгий путь. Каждый из членов Братства прошел свою дорогу постижения революции. Во многом, наверное, в главном, эти дороги были похожи, но в чем-то и индивидуальны и неповторимы. Постараемся проследить их судьбу в переломное время.

Следует отметить при этом и трудность, с которой сталкивается историк: в его распоряжении явно недостаточно достоверных материалов, ряд документов тенденциозен, и опираться на них в исследовании и в выводах следует осторожно, но и они весьма красноречивы и несут на себе печать эпохи.

Известие о захвате власти в Петрограде большевиками и об аресте Временного правительства застало Дмитрия Ивановича в Москве, где 27 октября он сделал ряд резких заявлений на заседании Московской городской думы и попытался организовать сопротивление большевикам. 6 ноября по его инициативе московские кооператоры приняли резолюцию, осуждавшую большевиков. 10 ноября 1917 года Д. И. Шаховской писал В. И. Вернадскому: «...развал ужасный, и большевики при самом решительном несочувствии всех сколько-нибудь осмысленных элементов все-таки господа положения — по крайней мере на поверхности. Взять в свои руки власть по-настоящему им пока не удастся, но их ни в чем не стесняющиеся действия нарушают всякую нормальную жизнь, и с ужасом думаешь: до чего это докатится?»^{314} Ответа на вопрос тогда не знал никто.

Уже 15 ноября Д. И. Шаховской выступил с информацией о положении в Москве и провинции на заседании подпольного Временного правительства, в состав которого он вошел, а 24 и 28 января 1918 года на совещании Московского отделения ЦК кадетской партии он призывал к конкретным действиям. Его план сводился к следующему:

— необходимо немедленно начать «действенную борьбу с большевизмом»;

— необходимо выяснить те социальные слои, опираясь на которые

может действовать партия народной свободы;

— должна быть «создана достаточно мощная, связанная с партией физическая сила»;

— кооперация «должна стать для членов партии безусловно обязательным местом приложения своих сил»;

— необходимо «войти в постоянные и систематические сношения с державами-союзницами»;

— необходимо «войти в постоянные и систематические сношения с органами всероссийской Православной церкви».

Дмитрий Иванович призывал к борьбе с большевиками самым широким фронтом демократической общественности. Действенными методами в этой борьбе должны были, на его взгляд, являться — привлечение сил кооперации самых различных слоев населения, создание некой мощной силы, под которой можно подразумевать военную, а также опора на помощь союзников и традиционную поддержку со стороны Русской православной церкви. В обобщенной форме эти идеи нашли отражение в официальном документе-резолуции ЦК, призывавшем опираться на все возможные силы страны и союзников, сильную и единоличную власть ^{315}.

Примечательно, что главный тезис резолюции кадетского ЦК заключался в установлении именно «сильной единоличной власти, способной восстановить национальное единство и обеспечить независимость государства». Сам же Д. И. Шаховской являлся инициатором и настойчивым проповедником идеи организации республиканского демократического союза. Под таким знаменем «возможно возвратиться в Россию и бороться с большевиками» ^{316}. Новая организация представляла бы собой возрожденный «Союз освобождения». Она должна была, по мысли Д. И. Шаховского, базироваться на двух принципах: бескомпромиссной борьбе против большевиков и признании республиканской формы правления. Однако соглашения на этой платформе достичь не удалось.

По мнению советских историков, князь Д. И. Шаховской являлся одним из инициаторов и организаторов создания «Союза возрождения России» в мае 1918 года и «Тактического центра» в апреле 1919 года. Основными лозунгами этих объединений были восстановление государственного единства России, русской государственности, установление директориального характера власти в переходный период. По сути, эти позиции отражали главную идею резолюции кадетского ЦК.

Контрреволюционная деятельность тщательно маскировалась. «Была полная конспирация, — вспоминал впоследствии Астров. — Собирались тайно, в маленьких квартирах, максимально человек 10–12»^{317}.

В феврале 1920 года Шаховской был арестован ВЧК по делу «Тактического центра». По одной из версий ВЧК, Д. И. Шаховской являлся организатором неудавшегося покушения на В. И. Ленина в январе 1918 года. О существовании версии, согласно которой «Тактический центр» задумал совершение террористических актов против руководителей «рабоче-крестьянской революции», говорили и сами его участники. Д. М. Щепкин, С. Е. Трубецкой и С. М. Леонтьев, находясь в заключении в Таганской тюрьме, обратились 2 декабря 1920 года во ВЦИК с заявлением, в котором объясняли неприемлемость идеи совершения террористических актов в качестве метода политической борьбы для российских либералов. Что касается Д. И. Шаховского, то его убеждения и принципы деятельности всегда шли вразрез с тактикой террора.

В распоряжении чекистов не оказалось каких-либо улик, и Шаховской был вскоре освобожден под подписку о невыезде. По амнистии 1 мая 1921 года дело было вообще прекращено.

Упоминание Шаховского в связи с покушением на Ленина в январе 1918 года в Петрограде примечательно тем, что, согласно официальной версии, вождя от пуль своим телом закрыл ехавший с ним в автомобиле швейцарский коммунист Фридрих Платген, которого серьезно ранило. Свою реабилитацию после лечения, по некоторым данным, он проходил в бывшей усадьбе князей Шаховских в Васькино, переоборудованной после революции в санаторий. Сам же Платген, оставшийся в СССР, позднее не избежал репрессий и был расстрелян в 1942 году. Так причудливо порой переплетаются человеческие судьбы.

После ареста Дмитрий Иванович фактически отошел от активной политической деятельности, хотя, судя по его показаниям 1938 года, до 1922 года он продолжал изредка посещать заседания членов ЦК кадетской партии, проживавших в Москве^{318}.

Как мы отметили выше, русская революция 1917 года внесла серьезные коррективы в оценку самими либералами своей роли в жизни дореволюционной России и приближении эпохи «великих потрясений». В. И. Вернадский, пожалуй, оказался единственным из членов Приютинского братства, кто определенно и ясно охарактеризовал ответственность либералов за крушение российской государственности. В 1923 году, находясь во Франции, В. И. Вернадский в письме своему старшему

товарищу и другу И. И. Петрункевичу утверждал, что поколениями русская интеллигенция с присущими ей энергией и страстностью подготовляла этот большевистский строй: «Как химическая реакция: полученный результат освещает весь процесс. Должна в нашем самосознании произойти коренная перестройка ценностей: Радищев, Пестель, Желябов, Перовская и все прочие ближе к Магницкому, Бенкендорфу, Победоносцеву, чем к нам». Деятельность «Отечественных записок» или «Русского богатства» он оценивал как глубоко реакционную.

Интеллигенция погибла в обломках революции, «и это хорошо, — констатировал Владимир Иванович, — ибо вина за многое, что совершилось и совершается, лежит на ней». И прежде всего вина российской интеллигенции состояла в том, что она не ценила государственности как таковой. Это был беспрецедентный случай в истории, когда «мозг страны — интеллигенция — не понимала... всего блага, всей огромной важности государственности». Интеллигенция не ценила чувства свободы личности, совершенно не была связана с производительными силами страны и не обращала должного внимания на их развитие. Наконец, она была «даже не атеистична, она была арелигиозна, она пыталась прожить, не замечая религиозных вопросов, замалчивая их».

В. И. Вернадский сравнивал события октября 1917-го с кануном гражданской войны, небывалой в истории катастрофой, новым мировым явлением. Смутные и тревожные ожидания будущего, наряду с твердой верой в силу русской нации и жизнеспособность великого русского народа, желание уяснить, как изменится русская интеллигенция, наполняли душу выдающегося ученого и глубокого российского мыслителя^[319].

Решительно отвергнув Октябрьский переворот, В. И. Вернадский вместе с избежавшими ареста министрами и товарищами министров Временного правительства перешел на нелегальное положение. Сам академик, как известно, с августа 1917 года занимал пост товарища (заместителя) министра народного просвещения С. Ф. Ольденбурга. 16 ноября 1917 года вместе с другими членами подпольного правительства В. И. Вернадский подписал воззвание «Ко всем гражданам Российской республики». В период с 22 ноября 1917 года он находился в командировке от Российской академии наук для лечения и научных исследований по живому веществу на Украине. Благодаря этой командировке ученому удалось избежать трагической развязки, так как 28 ноября 1917 года в декрете и воззвании Совнаркома РСФСР кадетская партия была объявлена партией врагов народа, а члены руководящих учреждений кадетской партии

подлежали преданию суду военных трибуналов.

В самый разгар гражданской войны В. И. Вернадский постоянно жил в Киеве, где плодотворно трудился и основал Академию наук Украины, а также Национальную библиотеку, носящую сегодня его имя. С крахом Добровольческой армии в течение двух месяцев В. И. Вернадский скитался по белым тылам, а в январе 1920 года ему удалось переехать в Крым. При занятии Красной армией Крыма В. И. Вернадский и некоторые другие профессора Таврического университета, решившие остаться на родине, по телеграфному распоряжению Ленина были арестованы и с семьями отправлены в Москву. В Москве позднее все они были освобождены. Вернадский вернулся в Петроград, в Академию наук ^{320}.

В 1918–1919 годах аресты и физическая расправа угрожали крупнейшим русским ученым. С начала сентября 1919 года Академия наук и Петроградский университет оказались перед лицом серьезной угрозы. Научному сообществу пришлось столкнуться с невиданными до того формами репрессий: арестами по классовому признаку, концентрационными лагерями, институтом заложничества, расстрелами без суда. Такие методы борьбы с учеными производили на всех сильнейшее эмоциональное воздействие.

Среди арестованных в сентябре 1919 года оказался и С. Ф. Ольденбург. Сергей Федорович, являвшийся в период с июля по сентябрь 1917 года министром народного просвещения Временного правительства, также резко выступил против большевистского переворота. При его активном участии Российская академия наук, непререкаемым секретарем которой он продолжал оставаться в эти тяжелые годы, приняла резолюцию, направленную против советской власти. В отчете академии за 1917 год, прочитанном Ольденбургом в публичном заседании 29 декабря 1917 года, говорилось: «Темные, невежественные массы поддались обманчивому соблазну легкомысленных и преступных обещаний, и Россия стала на край гибели». С. Ф. Ольденбург становится постоянным защитником гонимых деятелей отечественной науки и культуры, подвергшихся репрессиям большевиков, но и самому ему не удалось избежать печальной участи.

За него хлопотал А. М. Горький. О том, как отреагировал на случившееся пролетарский писатель, записал 4 сентября в свой дневник К. И. Чуковский: «Сейчас видел плачущего Горького. «Арестован Сергей Федорович Ольденбург, — вскричал он, вбегая в комнату издательства Гржебина. — Я им сделаю скандал, я уйду совсем из коммунистов. Ну их к черту!» Пребывание в тюрьме, сопряженное с проводами сокамерников на расстрел, не могло не влиять на людей, это перенесших. Возможно, именно

здесь кроется психологическое объяснение более чем лояльного в будущем отношения Ольденбурга к советской власти и тем преобразованиям, которые она навязывала Академии наук. У многих коллег ученого это вызывало не просто раздражение, но и откровенную неприязнь^{321}.

В значительной степени благодаря знакомству с В. И. Лениным (их личная встреча состоялась в конце 1917 года), старший брат которого Александр, как мы помним, сотрудничал с Сергеем Федоровичем в научно-литературном обществе Петербургского университета, и заступничеству других видных советских деятелей, в частности В. Д. Бонч-Бруевича, Ольденбург сумел избежать печальной участи многих своих товарищей по кадетской партии и продолжил научно-исследовательскую и организаторскую работу в Академии наук на благо России.

Другой приютинец — Иван Михайлович Гревс и после Октябрьского переворота не прекращал свою профессорско-преподавательскую деятельность в Петроградском университете. Он являлся одним из основателей школы медиевистов. Ученый оставил после себя фундаментальную монографию по аграрной истории поздней Римской империи, ряд сочинений по духовной и экономической истории западного Средневековья. Однако только незначительная часть из написанного им была опубликована.

Огромный пласт неопубликованного наследия И. М. Гревса — лекционный материал. Ученый был талантливым лектором. Свидетельства этому находятся в многочисленных мемуарах студентов университета и курсисток. В разные годы И. М. Гревс читал лекции в Политехническом и Педагогическом институтах. Ближайшее окружение ученого настаивало на публикации нескольких курсов лекций. В частности, его друг В. И. Вернадский писал: «Я думаю, что издать такой курс, как твои лекции на курсах и в университете, безусловно необходимо и очень желательно, и, мне кажется, обязанностью каждого профессора, работавшего над курсами, является такое издание...» И. М. Гревсу, однако, удалось издать лишь незначительную часть своих лекционных материалов.

Главную заботу И. М. Гревса составляла организация предметной системы в университете. С этим было связано введение в программу ряда специальных курсов и различных семинаров. Отсюда вытекала необходимость устройства специальных научно-исследовательских кабинетов и библиотек. И. М. Гревс считал, что «профессорство — это прекрасная общественная роль». Сам профессор И. М. Гревс имел многочисленных учеников, которых называл своими духовными детьми. Он старался внушить студентам, что, несмотря на все трудности жизни и

политические перемены, надо прежде всего ценить культуру и работать для ее развития. Он глубоко верил в будущий расцвет русской культуры. Его проповедь была оценена молодежью, которая окружала его даже в тяжелые годы гражданской войны^{322}. Он был активным защитником прав и свобод учащейся молодежи.

К их числу также принадлежало и молодое поколение приютинцев, которые стали активными участниками студенческих сходок и собраний Московского университета, где решались вопросы организации академической и политической жизни. Дети многих приютинцев после эпохальных событий 1917 года вынуждены были эмигрировать из России. Так, сын Вернадского Георгий, молодой профессор организованного В. И. Вернадским Пермского университета, служил в Добровольческой армии А. И. Деникина. Затем по совету П. Б. Струве, министра иностранных дел, и А. В. Кривошеина, выдающегося государственного деятеля, опытного администратора, который при Столыпине был начальником Главного управления земледелия и землеустройства, а при Врангеле — помощником по гражданской части, Г. В. Вернадскому предложили в правительстве Врангеля должность начальника отдела печати. Георгий Владимирович советовался с отцом, тот предложил ему согласиться. Близкие друзья отнеслись к этому назначению неоднозначно. Так, в 1921 году, находясь на чужбине, в Афинах, Георгий Вернадский получил письмо из Петрограда от Льва Александровича Оболянинова, члена Братства «Приютино». Тот порицал молодого товарища за то, что он, «сын Владимира Ивановича Вернадского, согласился быть «цензором» у Врангеля и тем опозорил свое имя»^{323}.

В душе же самого В. И. Вернадского постоянно нарастали сомнения в отношении целей и методов антибольшевистской борьбы. В конце 1918 года он решительно заявил о выходе из конституционно-демократической партии и ее ЦК, поскольку разошелся с антикрестьянской и великодержавной политикой руководства партии в аграрном и национальном вопросах и не принимал его поддержку Белого движения. «Мне представляется сейчас огромной опасностью то, что Добровольческая армия стремится неуклонно к реставрации. Стоит ли тогда их поддерживать? Не легче ли и не проще идти через большевизм, добившись от него мира...» В январе 1920 года в дневнике появляется запись, свидетельствующая о разочаровании В. И. Вернадского в идее «великого» Русского государства: «Восстановление России должно идти теперь из Союза отдельных самоуправляющихся частей... Моральное

падение Добровольческой армии полное, и едва ли она поднимется»^{324}.

Однако старший Вернадский не собирался убеждать или менять что-то в принятом сыном решении, поскольку уважал его мнение и жизненную позицию. Надо отметить, что на протяжении всей жизни в семье Вернадских между старшим и младшим поколениями установились добрые, любящие отношения. Это была очень дружная семья. Н. В. Вернадская-Толль, вспоминая детство, писала: «В нашей семье всегда было так много любви и ласки. Двери в комнату матери и в кабинет отца всегда были открыты... Мать и отец жили дружно, и я не помню, чтобы они ссорились. Только о политике у них бывали бурные споры, хотя, по существу, они были в полном согласии»^{325}.

Георгий и Нина Вернадские после своего отъезда в эмиграцию первоначально поселились в Праге, где были обширная русская колония, несколько русских высших учебных заведений гуманитарного профиля, основанных эмигрантами. Дочь В. И. Вернадского Нина в это время завершала в Праге свое медицинское образование. Живя в России, она долго не могла остановиться на выборе профессии, пыталась заниматься в разных учебных заведениях. В начале 1918 года она намеревалась поступать в Московский сельскохозяйственный институт (впоследствии — Тимирязевская сельскохозяйственная академия), но передумала; мечтала стать художником, еще в Петрограде занималась в студии своей родственницы художницы Е. С. Зарудной-Кавос. Весной 1918 года она работала при полтавском земстве и заведовала местным педагогическим бюро. Затем готовилась к поступлению на историко-филологический факультет Киевского университета. В 1920 году в Симферополе училась на физико-математическом факультете Таврического университета, ректором которого был отец. В конечном итоге именно медицина стала ее профессией. Впоследствии она работала практикующим врачом-психиатром^{326}.

После эмиграции между родителями и детьми продолжалась тесная переписка. Встречи были нечастыми — до Второй мировой войны в семье Вернадских было принято встречаться на летних каникулах в пригородах Парижа или Карловых Варах для отдыха и лечения. Это были счастливые дни для духовного общения с близкими. В период Второй мировой войны дети переехали в США, причем жили неподалеку друг от друга. Переписка по-прежнему была проникнута такими взаимопониманием, нежностью и любовью, что можно было подумать, будто они никогда не расставались^{327}.

Совсем по-другому складывались отношения в семье другого приятинца С. Ф. Ольденбурга. Его сын Сергей Сергеевич давно отдалился от отца. «В 1915 году он женился на Аде Дмитриевне Старынкевич, — вспоминал Георгий Вернадский. — Нам Ада сразу очень понравилась. Мы бывали у них (они поселились в Царском Селе), а они у нас на Большом проспекте»^[328]. Позднее профессор С. С. Ольденбург стал широко известен благодаря написанной им книге о жизни и деятельности Николая II, содержащей наиболее аргументированную попытку его исторической реабилитации. В середине 1920-х годов Высший монархический совет — центр монархической эмиграции — заказал ему научный труд по истории правления последнего российского императора. Ольденбург имел уникальную возможность изучить копии исторических актов, хранившихся в посольстве России во Франции. Работа над книгой была закончена в 1940 году, и младший Ольденбург вместе с семьей обосновался в Париже.

С. С. Ольденбург являлся лидером и автором программы Русского народно-монархического союза конституционных монархистов, ярко правоцентристского по своей идеологии. Будущее России он видел в возрождении монархического строя и считал правильным посвятить ему главные свои усилия. В письме П. Б. Струве от 6 декабря 1921 года он писал: «Правые — во многом люди другого мира, других представлений. Их мало знают, и они мало знают других. Одну из самых важных своих задач я вижу в том, чтобы, поскольку это возможно, поддерживать связь взаимного понимания между правыми и группами, стоящими левее меня».

Приход к власти большевиков и мероприятия советской власти С. С. Ольденбург сравнивал с сыпным тифом: «Переболевший получает иммунитет, — но и последствия бывают тяжелые». «То, что захватили большевики, может быть так же легко у них отнято в порядке дальнейшей борьбы. Никакой советский успех не есть победа России», — неуклонно повторял С. С. Ольденбург год за годом. Размышляя над путями борьбы с большевизмом и происходившими в мире явлениями, он подчеркивал в 1927 году опыт победы фашизма в Италии. Основную заслугу фашизма он видел в том, что Италия вышла на историческую сцену. В этом как раз, по его мнению, нуждалась и Россия. Опасность фашизма он видел в возможности превращения в постоянное явление репрессивных полицейских мер, как это было, например, с печатью. Относительно России С. С. Ольденбург заявлял: «История России и русские условия совсем иные, чем итальянские. Нам нужно искать своих путей, беря из фашизма то существенное, что заключается в подчинении самого себя интересам

национального целого»^{329}.

Что касается детей Дмитрия Ивановича, то обе его дочери — Анна и Наталья — так же, как и их отец, в эти годы отсидели в тюрьме, правда в разное время. Анна Дмитриевна в период гражданской войны покинула Москву и вместе с матерью Анной Николаевной Шаховской уехала в Дмитров, где заведовала краеведческим музеем и активно работала в местном кооперативном объединении совместно с лидером русских анархистов князем Петром Алексеевичем Кропоткиным. В 1921 году А. Д. Шаховская была арестована и заключена в Бутырскую тюрьму. После освобождения она занялась литературным трудом и уже позднее, в 1937 году, стала личным секретарем и референтом В. И. Вернадского, постоянно находясь рядом с ученым, вплоть до его смерти в январе 1945 года.

Наталья Дмитриевна в 1918 году вышла замуж за Михаила Владимировича Шика. Молодожены переехали в Сергиев Посад и поселились в арендованном маленьком домике на городской окраине. В Сергиев Посад тогда переехало много дворянской и православной интеллигенции: тяжелое бремя невзгод переживалось сообща легче.

М. В. Шик смог устроиться на работу в педагогический техникум и включился в деятельность Комиссии по оценке и охране памятников Свято-Троицкой Сергиевой лавры под руководством отца Павла Флоренского. До закрытия комиссии ее сотрудникам удалось довольно многое сделать и даже опубликовать результаты своего труда. Но в целом атмосфера была тягостной, и помощь преодолеть лихолетье помогала вера. М. В. Шик был крещен летом 1918 года в Киеве. Находясь в Сергиевом Посаде, он сначала становится псаломщиком в Воскресенско-Петропавловской церкви, а затем и диаконом этой церкви. Уже будучи сосланным в Среднюю Азию, в 1927 году он принял сан священника.

Наталья Дмитриевна всегда черпала свои духовные силы в православии. В 1921 году она писала мужу: «В тот день (день свадьбы), знаешь ли, я два дала обета: тебе один, другой — Распятому Христу...» И дальше: «Ну, так пойдем вперед, пока Господь позволит, свершим обеты, как Господь подскажет, судьбы же нашей тайну и исход последняя весна покажет...»^{330}

Н. Д. Шаховской многое пришлось испытать, но святое и светлое чувство, поддерживавшее ее в период испытаний, она пронесла через всю жизнь.

Дмитрию Ивановичу в чем-то было сложнее, учитывая его терзающие душу религиозные сомнения и постоянные поиски смысла бытия и смысла

происходящего. Зимой 1920/21 года он переживал в Москве в одиночестве. Семья — жена и дочери — была далеко от столицы. Родственников и близких судьба разбросала по свету. Родные братья к этому времени уже ушли из жизни, последним умер Юрий в 1919 году. Сестра Наталья, рано овдовев, осталась в Житомире, племянники (сыновья Сергея Ивановича Шаховского, умершего в 1908 году) Лев и Михаил (?) погибли на фронте. С Вернадским, Корниловым, Гревсом и Ольденбургом поддерживать отношения можно было только с помощью писем, многие из которых приходили с большим опозданием или терялись вовсе. Несмотря ни на что Д. И. Шаховской сохранял присутствие духа и с иронией замечал: «Живут же волки в лесу зимой одни».

Какой-то юношеский оптимизм не покидал его даже в самые безрадостные минуты, правда, оптимизм мог также неожиданно обернуться уходом в себя или, как образно отметила А. В. Тыркова-Вильямс, уходом в «облака, проходившие где-то в душевной глубине»^[331]. И тем не менее надежда на лучшее всегда находила в нем живой отклик.

«В борьбе обрешь ты право свое!» — этот старый эсеровский лозунг в чем-то был очень близок князю. Нацеленность на борьбу, на активную деятельность, «деятельную добродетель» (по Л. Толстому), заметно выделяла его среди многих кадетских лидеров. И при этом Д. И. Шаховской обладал удивительными интеллектуальными способностями к сосредоточению, к внутреннему погружению, умением подняться над ситуацией и оценить ее в перспективе, вписать в исторический контекст.

Очевидно, что первоначальные попытки осмыслить революцию, осознать ее подлинное историческое значение не только для России, но и для всего мира давались непросто и не сразу и приходили в острое столкновение с партийными установками, сложившимися стереотипами, с необходимостью преодолевать страшную и грубую прозу трагической повседневности. «Революция, — писал Шаховской Гревсу в декабре 1928 года, — это баня пакибытия, купель кровавого крещения. Новые очи, новые уши, новые души у нас народились, но не дано нам пустить их в дело, пока мы не поймем, что они — новые и что их надо, поэтому, по-новому пустить в ход...»

Отношение Шаховского к происходящему в стране после 1917 года отличалось от позиции тех представителей русской интеллигенции, кто остался в России, уйдя во «внутреннюю эмиграцию», не приняв режима большевиков, или, кто, как «сменовеховцы», возвратившись из-за границы, пошли на сотрудничество с советской властью и оказались самообманутыми или обманутыми ею, жестоко поплатившись

впоследствии за свою близорукость и державный идеализм.

Как нам представляется, Д. И. Шаховской и его друзья по Приютинскому братству отдавали себе ясный отчет, с кем они имеют дело. Шаховской лично был знаком и тесно сотрудничал в дореволюционный период со многими видными большевиками (В. Р. Менжинским, И. И. Скворцовым-Степановым, А. М. Стопани и др.) и особых иллюзий на их счет не питал. Но повлиять на проводимую ими политику, на общественные процессы в стране, на содержание послереволюционной жизни приютинцы безусловно рассчитывали и активно действовали в этом направлении. И в определенной степени им это удавалось сделать.

В эти годы Дмитрий Иванович неоднократно подчеркивал одну мысль: в революции разрешаются *святые* и вместе с тем *проклятые* русские вопросы. «Ответы только сейчас разыгрываются в великой новой драме русской жизни, — писал он. — И разыгрываются надолго. Не скажу окончательно, потому что история вообще не имеет конца, и то, что нам представляется чем-то конечным, на самом деле всегда более или менее существенный переходный этап»^{332}.

Но когда ответы окончательно историей еще не даны, остается надежда...

Глава 19

МЕЖДУ СТАРЫМ И НОВЫМ

Переход советской власти к новой экономической политике открывал определенные перспективы перед отечественным кооперативным движением, низведенным в годы военного коммунизма до роли распределительного аппарата Наркомпрода. Тем не менее все это время Шаховской продолжал сотрудничество в кооперативных организациях, сохраняя надежду на то, что русская кооперация будет способна выполнить свою социально-преобразующую миссию и при большевиках и станет тем фактором обновления жизни общества и народа, каким она являлась в дореволюционный период, демонстрируя широкое творчество, самодеятельность и инициативу объединяемого населения.

Однако вскоре стало ясно, что советские кооперативы, подчиненные государству и полностью контролируемые коммунистической партией, лишь внешне напоминали прежние кооперативные товарищества, а по своей сути имели мало общего с ними. К тому же реальная экономическая обстановка 1920-х годов оставляла все меньше простора для использования рыночных механизмов и товарно-денежных отношений, что сводило на нет «кооперативную альтернативу» и в конце концов предопределила судьбу нэпа. Сотрудничество с «оранжерейной кооперацией» (выражение А. В. Чаянова) было лишено для Шаховского всякого смысла, поэтому Дмитрий Иванович стал работать в Госплане, усердно стараясь быть все-таки полезным для «блага народа и общества». В частности, его интересовала проблема Севера и роль Ленинграда «в разрешении задач нашего парадного фасада, обращенного к полюсу — и к незамерзающему Ледовитому морю». В продолжение этой темы любопытно замечание Д. И. Шаховского, сделанное в письме В. И. Вернадскому от 1 мая 1928 года: «Эти дни не вполне аккуратно, но все же довольно усердно посещал Госплановскую конференцию по изучению производительных сил. Как ты знаешь, Академия ярко блистала своим отсутствием... Поразительного было очень много. Фон очень печальный, элементарность суждений прямо жуткая... Вообще большую роль играли административные и тактические вопросы, чем научные»^{333}.

Дмитрий Иванович был поглощен массой дел: приходилось работать на службе, в библиотеке, на заседаниях, «приходя домой — нырять в

постель — по возможности с книжкой». Оставалось так много недочитанных книг, что они не давали «рукам взяться за перо». В вихрь своих мыслей Д. И. Шаховской увлекал всех, кто с ним общался. Не утратив жизненного оптимизма, Дмитрий Иванович постоянно подчеркивал в письмах, что «нельзя складывать руки», а следует по мере сил помогать «национальному строительству» и, несмотря ни на что, «продолжать творческую работу на пользу народа». Сознавая себя принадлежащим к огромной части русской интеллигенции, Шаховской, как писал позднее о нем Вернадский, «честно и сознательно работал в условиях советской власти», «сознательно пошел на работу по восстановлению нашей родины». «Он работал, как советский гражданин, и исполнял свой гражданский долг как пенсионер», «верил в огромное наше будущее и к нему сознательно стремился»^{334}.

В 1930 году Шаховской уходит со службы в Госплане на пенсию по болезни. Его осмотрела комиссия, после чего ему была установлена пенсия в размере прежнего жалованья. Но через некоторое время власти посчитали, что бывшему министру Временного правительства выплачивать пенсионное содержание необязательно. За Дмитрия Ивановича вступился видный большевик А. М. Стопани, который указал, что бывший князь всегда был «трудящимся демократом левого направления», и пенсия вновь была назначена, правда, в уменьшенном размере. С тех пор и до своего ареста Дмитрий Иванович получал 86 рублей в месяц, которых едва хватало, чтобы хоть как-то сводить концы с концами.

Примечательно, что Дмитрий Иванович с большой душевной искренностью радел о «благе народа», бескорыстно и самоотверженно стремился служить идее «всеобщего благоденствия», мира и гармонии в обществе как дореволюционной, так и послереволюционной России. В этом он видел свой человеческий и гражданский долг.

Особо следует отметить роль Д. И. Шаховского в возвращении В. И. Вернадского на родину. Разумеется, решение ученого было результатом его глубоких внутренних переживаний и размышлений, но позиция его друга, безусловно, повлияла на сделанный выбор. Дмитрий Иванович был не просто старинным товарищем Владимира Ивановича, он был для него бесконечно родным и любимым другом Митей, подлинным братом, более чем братом, чьим мнением он всегда дорожил, которого уважал и высоко ценил.

Вернадский дважды отверг предложение эмигрировать: и в 1920 году, и в 1924-м. В 1920 году он находился в Крыму, занимаясь научной и педагогической работой. Британская ассоциация наук, членом которой он

состоял, предложила ему переехать вместе с семьей в Англию. По этому поводу В. И. Вернадский записал в своем дневнике: «Как-то поднимается чувство уверенности в том, что я сделаю много. Вера в то, что мне суждено. Ясно сознаю, что, не поехав в Лондон и оставшись здесь, может быть, изменил форму достижения — но осталась неизменной основная идея. Создание Института для исследования живого вещества (или геохимического?). А может быть, в конце концов перееду в Америку?»^{335} Все-таки пересилило «чувство России».

В 1924 году В. И. Вернадский работал в Париже. Он колебался — возвращаться ли ему в СССР или нет; были мысли порвать с Академией наук, перейти на статус П. Б. Струве и Н. И. Ростовцева. Для завершения научных исследований ему необходимо было еще около года. Однако его просьба о продлении командировки до октября 1925 года без оплаты на этот срок его проживания за границей была Академией отклонена. Общее собрание (конференция) вынесло решение о желательности скорейшего возвращения Вернадского в Ленинград и установило 1 сентября 1924 года в качестве предельного срока. Узнав об этом решении, Вернадский направил в Академию наук обширное письмо, в котором объяснял, что не считает для себя возможным бросить начатую в Париже научную работу, которая находится в самом разгаре, и поэтому не может подчиниться решению академии и немедленно вернуться в Ленинград. После обмена мнениями по этому вопросу отделение вынесло следующее решение: «Признать, что В. И. Вернадский с 1 сентября сохраняет только звание академика, вместе с тем, имея в виду большое научное значение работ В. И. Вернадского... положено просить Наркомпрос сохранить за Академией право при возвращении В. И. Вернадского в Ленинград включить его вновь в число действительных членов Академии без новых выборов».

Друзья в России, и прежде всего Д. И. Шаховской, несмотря на вероятность исключения Вернадского из действительных членов академии полагали, что ему необходимо вернуться. «Я понимаю, как трудно перенестись с запада на восток и погрузиться в наше Средневековье с зачатками XXI века. И все-таки эту операцию надо проделать. Потому что это Средневековье родное и Вы из него вышли, и нельзя стоять вне его своеобразной эволюции в некоторые дни и часы исторической жизни», — писал Д. И. Шаховской 8 августа 1925 года В. И. Вернадскому.

Между собой приютинцы, а все они — и Корнилов, и С. Ольденбург, и Гревс — остались после революции в России, живо обсуждали возможность возвращения Вернадского. В одном из писем И. М. Гревсу Шаховской делился по этому поводу своими мыслями: «Я живу на этом

берегу и как-то не тянусь к тому берегу (имеется в виду эмиграция. — И. К., А. Л.) и плохо знаю, что на том берегу делается. Но у меня впечатление такое, что что бы на том берегу ни делалось, подлинная русская жизнь создается на этом берегу. Поэтому и так хочется его на этом берегу и вообще, и особенно в эти дни видеть»^{336}.

Вернадский, со своей стороны, опасался, что его возвращение может отрицательно сказаться на его научной деятельности.

Из Парижа 20 апреля 1924 года он писал И. И. Петрункевичу: «Если бы я был совсем моложе — я бы эмигрировал. Во мне чувство общечеловеческое много сильнее национального. Но сейчас это трудно и невозможно, так как всегда требует нескольких лет, потраченных на приобретение положения. Я не делаю никаких иллюзий — жить в России чрезвычайно трудно, и труд настоящим образом не оплачивается. Может быть, я оттуда скоро и уеду. Даже если бы мои попытки переезда в Америку устроились бы — все равно я считал бы себя обязанным вернуться и затем уехать».

В ноябре 1925 года Вернадские уезжают из Парижа в Прагу, где Владимир Иванович намеревался надолго задержаться. Но тут он получил телеграмму из Академии наук с предложением занять одну из новых кафедр. Вернадские решили вернуться в Ленинград, и 3 марта 1926 года Владимир Иванович снова стал действительным членом Академии наук СССР^{337}.

По поводу возвращения Вернадского в Россию существуют разные мнения, от положительных до резко негативных. Например, А. В. Гольштейн (1850–1937), которая на протяжении более чем пятидесяти лет была близким другом семьи Вернадских, весьма категорически отнеслась к выбору Владимира Ивановича. Справедливо полагая, что В. И. Вернадский принадлежал не только российской, но и мировой науке, она считала, что он бы более плодотворно мог продолжить свои научные занятия за границей. Так, в одном из писем Георгию она выражала свое несогласие по поводу возвращения ученого в Россию: «Я не могу вынести, чтобы близкий мне человек вернулся добровольно в Академию после юбилея и речей и всех мерзостей, и вернулся, когда мог не возвращаться». Дмитрия Ивановича Шаховского она называла «тупым колпаком, хотя, конечно, он безупречно честен в мыслях, не говоря о поступках»^{338}.

Так, с возвращением Вернадского члены Братства смогли воссоединиться на родине и разделить судьбу со своим народом, нераздельной частью которого все они были.

В 1925–1928 годах Д. И. Шаховской активно включился в краеведческую работу. Он занимался историей дворянских усадеб — «подмосковными культурными гнездами». Краеведческое движение 1920-х годов было широким и массовым, с двумя тысячами местных организаций, с пятьюдесятью тысячами членов и множеством музеев, державшихся на общественной инициативе. Движение отличалось высоким уровнем самоорганизации. Цели и направление работы краеведы определяли себе сами. Движение возглавлялось Центральным бюро краеведения (ЦБК), председателем которого был С. Ф. Ольденбург.

Виднейшим теоретиком движения был другой приютинец — историк И. М. Гревс. Он руководил методическим бюро ЦБК и разрабатывал концепцию «гуманитарного краеведения», которое, в противовес узкому «производственному краеведению», стремилось изучать «целокупную культуру». И. М. Гревс считал, что город — это не механическое скопление предметов и людей, а «целостный большой организм, обладающий специфическим единством ему присущей внутренней жизни... одушевленный своею особою коллективною психикой». Изучение местности как «собирательной личности», охрана природы, сбережение старины — вот что было важным для историка-краеведа. Подобный взгляд резко отличался от общепринятого. В условиях нэпа, требовавшего мобилизации всех видов ресурсов и обусловившего небывалый интерес к городскому краеведению, на передний план выходило изучение экономического потенциала тех или иных регионов.

Что касается отношения Д. И. Шаховского к этой проблеме, то он не просто проявлял живой интерес и любопытство к истории городов и экскурсионным занятиям И. М. Гревса. Как и И. М. Гревс, он считал не только важным, но и необходимым изучение «физиономии русского города». Понять мир, заложенный в русской душе, довести это понимание до всеобщего, «перекинуть мост между старой русской культурой и послереволюционной» — вот что являлось первейшим долгом краеведения, по мнению Д. И. Шаховского^[339]. Задача осмысления жизни, стремление придать ей жгучий, глубокий и действенный интерес завораживала, вдохновляла на работу и поиски. Ценности, которым были преданы когда-то в молодости приютинцы, оставались актуальными и значимыми и после перенесенных жизненных бурь и стихий.

Свое поле деятельности в краеведении Д. И. Шаховской определил как изучение жизни русской усадьбы и жизни крестьянства, его искусства, быта. В Москве существовало, по словам И. М. Гревса, даже специальное общество по изучению усадеб. Правда, Д. И. Шаховской ничего о нем не

знал. Поскольку мысль русская зрела в усадьбах, то изучение усадебной культуры, как представлял себе Дмитрий Иванович, неотделимо было от исследования истории декабризма. Краеведение интересовало его, поскольку можно было выяснить ту почву, из которой выросли и декабристы, и Чаадаев.

В июне — августе 1929 года в Москве действовала «Декабристская комиссия», в план работы которой входило прежде всего изучение усадеб и домов декабристов, а также задача общего изучения эпохи. Полностью выполнить план не удалось в силу сильной загруженности работой уездных краеведческих организаций. Исключение составило экскурсионное посещение усадеб «Васькино-Рождествено» и «Белая Колпь» — родовых поместий князей Шаховских. По мнению Шаховского, по результатам изучения этих усадеб можно было установить общие типичные черты стиля эпохи декабризма.

История декабристов захватила Д. И. Шаховского. «...Упиваюсь декабристами. Какой это неисчерпаемый и все вновь и вновь поражающий своим разнообразным богатством и свежестью источник духовной силы и яркой жизни!» — писал он 25 января 1925 года. Движение декабристов он отнюдь не считал узкодворянским, в отличие от общепринятого позже в советской историографии мнения. «Оно было и не могло не быть национальным. Только выразителями его, естественно, оказались дворяне, обладатели вершин той культуры, вскормленной трудовым народом, которая к тому времени вошла в настоящее общение с культурой европейской, т. е. с ведущей передовой силой сознания Земли-планеты. Вот так надо и можно сейчас использовать декабризм»^{340}.

В течение долгого времени Д. И. Шаховской добивался получения допуска для работы в архивах. И только после изнурительного хождения по разного рода инстанциям ему 13 апреля 1931 года удалось получить ходатайство Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в Центрархив о допуске его к занятиям. Разрешение работать в архиве на правах приезжего Д. И. Шаховской считал настоящей благодатью. Дмитрий Иванович внимательно изучал Семеновский бунт 1820 года, используя несколько сот детских и юношеских писем, сохранившихся у И. Д. Щербатова, а также чаадаевские письма. Его изыскания были посвящены фигурам А. С. Пушкина, М. М. Щербатова, П. Я. Чаадаева.

Он непрестанно думал о них, размышлял над проблемами развития русского самосознания. «Ведь русская история с Пушкиным не то, чем она была бы без него, — писал Шаховской В. И. Вернадскому, — все русское самостоятельное сознание поднялось с ним на какую-то высшую ступень, и

высоту этой ступени пока еще никто не измерил, мы Только начинаем об ней догадываться, и плоды его достижений еще впереди. Я не только по влечению, а и по предмету ближайших своих занятий Чаадаевым постоянно сталкиваюсь с Пушкиным, но, мне кажется, и помимо *такой* связи, в нас есть какая-то внутренняя, органическая, духовная связь с Пушкиным, которую мы еще недостаточно осознали и недостаточно используем — и очень много от этого теряем. Я всякий раз, перечитывая его теперь, нахожу новые глубины мысли и какую-то невероятную правду и силу чувства. Всякое *настоящее* соприкосновение с Пушкиным обогащает душу не высшим знанием, а придачей ей какой-то новой, прибывающей и далее силы»^{341}.

Показательно, что все сюжеты, волновавшие Дмитрия Ивановича как исследователя, были очень тесно взаимосвязаны друг с другом и во временном отрезке, и в проблемном плане. Как мы помним, П. Я. Чаадаев и И. Д. Щербатов, внук известного историка М. М. Щербатова, были двоюродными братьями. Кузинами Чаадаеву доводились и сестры Наталья и Елизавета Щербатовы (бабушки Д. И. Шаховского). Они росли в одной семье. В доме Щербатовых на Кузнецком Мосту проходили собрания студентов Московского университета. Дружеские связи впоследствии оформились и легли в основу объединений молодых офицеров — участников заграничных походов русской армии^{342}. Одним из таких объединений стала артель офицеров Семеновского полка. Многие будущие декабристы были желанными гостями дома Щербатовых. Д. И. Шаховской фактически изучал историю своей семьи, которая стала неотъемлемой частью важнейших событий российской истории XVIII–XIX веков.

Другой проблемой, которая живо интересовала Шаховского в связи с его углублением в отечественную общественно-политическую мысль, была история русского масонства.

Работая в бывшем архиве Министерства юстиции на Девичьем поле, над документами им же собранных когда-то и находящихся позже в архиве щербатовских материалов, Дмитрий Иванович считал «чрезвычайно важным обнаружение масонских писаний и переписки». Без этого рассматривать XVIII век не представлялось ему возможным. «Здесь важный корешок» — для понимания и исторического прошлого, и генезиса, и эволюции соборного сознания. Изучая М. М. Щербатова, Д. И. Шаховской проработал огромный пласт источников. Поскольку эта работа требовала много сил и времени и отвлекала его от главной темы — Чаадаева, он предлагал продолжить свой многолетний труд с эрмитажными

рукописями Я. Л. Барскову, чьи занятия масонством и французской просветительной литературой XVIII века были известны кругу специалистов. Шаховской называл князя Щербатова «подлинно почвенной фигурой»^{343}.

Необходимую помощь в изучении масонских сюжетов Д. И. Шаховской оказывал также сыну своего друга — Георгию Вернадскому, который еще 22 октября 1917 года защитил диссертацию о масонстве эпохи Екатерины II. Г. В. Вернадский в своих воспоминаниях писал: «Мне захотелось через работу над диссертацией освоиться с более новым периодом русской истории — с XVIII веком. Я советовался с отцом, с А. С. Лаппо-Данилевским и с моим гимназическим учителем Яковом Лазаревичем Барсковым... Барсков убеждал меня взять темой историю русского масонства при Екатерине II. Он сказал мне, что в Государственном архиве и в рукописном отделе Публичной библиотеки есть много ценного рукописного материала по масонству, а что в самой Публичной библиотеке я найду драгоценное собрание книг XVIII века, и русских и иноязычных, которые также будут мне необходимы для разработки темы»^{344}.

В процессе работы Георгия над диссертацией Д. И. Шаховской постоянно справлялся о ходе его исследования и по возможности помогал. Шаховской гордился Г. В. Вернадским как своим учеником и высоко его ценил. Так, в письме В. И. Вернадскому от 15 июля 1934 года он отмечал, что «работа Георгия по масонству одна из образцовых работ в этой области. И затрагивает сторону, совершенно не выясненную для XIX века... В свое время, в связи с масонством, он очень интересовался Щербатовым. Георгий чрезвычайно умело в романе Щербатова «Путешествие в землю офирскую» раскрыл масонскую утопию». Из сохраненной переписки видно, что Георгий Вернадский был благодарен князю за оказываемую им поддержку, например, за предоставленные в его распоряжение интересные выписки из Щербатова или за указатели (карточки) к каталогам русских чинов XVIII века^{345}.

Как мы помним, князь Шаховской в общественно-политической деятельности в свое время отдал дань увлечению масонству и был близок с некоторыми из русских «вольных каменщиков», но прямыми данными о его личном участии в ордене мы не располагаем. Более того, известны иронические отзывы Д. И. Шаховского о масонах, которых он называл «смешными предтечами построения настоящего светлого храма вечного разума во вселенной»^{346}.

Оба Вернадских также решительно отвергали принадлежность к

масонству. Еще в молодости, в 1889 году, находясь в командировке за границей, В. И. Вернадский познакомился с людьми, с которыми у него позднее завязались более или менее прочные связи, сохранившиеся на всю жизнь. В круг таких лиц входил минералог, издатель сочинений А. И. Герцена Г. Н. Вырубов. У него Владимир Иванович несколько раз обедал. Г. Н. Вырубов приглашал его вступить в масонскую ложу, указывая, что это открывает «очень широкую дорогу во французское и международное общество». Но, по словам В. И. Вернадского, он отказался. Позже масоны уверяли Георгия, что его отец был членом масонской ложи. «И не верили, когда Георгий это отрицал».

Любопытно, что родной дядя матери В. И. Вернадского входил в состав Кирилло-Мефодиевского братства, тайной политической антикрепостнической организации, созданной в 1845 году в среде интеллигенции и объединявшейся вокруг Киевского и Харьковского университетов. В марте — апреле 1847 года братство было разгромлено жандармами. А племянник В. И. Вернадского Б. К. Алексеев составил для Министерства внутренних дел исторический очерк масонства в XX веке в России по данным Третьего отделения. В. И. Вернадский эту рукопись не читал, но выражал желание ее посмотреть.

Свой интерес к масонской тематике Георгий Вернадский объяснял широкими международными связями русского масонства и возможностью исследования его на фоне истории европейской умственной жизни. На эту сторону вопроса обратил внимание и его отец. Интерес к масонству, с точки зрения соборного поиска истины, неоднократно был выражен у Д. И. Шаховского. На этом основании некоторые современные исследователи высказывают гипотезу о том, что, «вероятно, справедливо предположение о типологическом сходстве Братства с русским масонством XVIII века»^[347].

Действительно, в основу идейных принципов и жизненных исканий приютинцев были положены три начала — единство, свобода, любовь. Но это были основополагающие евангельские заповеди, которым стремились следовать и приютинцы, несмотря на их неоднозначное отношение к христианству и Православной церкви.

Глава 20

СОБОРНОЕ СОЗНАНИЕ: ПРОЗРЕНИЯ И ИСКУШЕНИЯ

30 декабря 1921 года в квартире Вернадских в Петрограде состоялось традиционное годовое собрание приютинцев — последнее в истории Братства.

Братство существовало, пока живы были его члены. Но это собрание оказалось малочисленным — на нем смогли присутствовать только те из приютинцев, кто жил в Петрограде и его окрестностях. Собрались Вернадские, Сергей Ольденбург, Л. А. Обольянинов, М. С. Гревс и, как сочувствовавшие, шлиссельбуржцы И. Д. Лукашевич и Н. А. Морозов^{348}.

Вся послереволюционная эпоха в жизни Братства — это годы, когда было «необходимо напрягать все усилия для того, чтобы сохранить рост культуры», время попыток членов Братства «делать дело, которое останется при всех переменах». Это и пора подведения итогов «кончающихся жизней» и углубленного осознания их смысла и значения в общем потоке отечественной истории, «итожное время», по выражению Д. И. Шаховского.

За более полувека существования Братства отложился большой массив документальных материалов, который можно рассматривать как архив Братства. Как известно, письма пересылались от «брата» к «брату» и затем совместно обсуждались. Отдельные наиболее значимые «круговые» письма, обходившие по кругу всех, входивших в «Приютино», сохранились в различных редакциях. «Напряжение сознания», по выражению Вернадского, было так велико в той переписке, что и через 30–40 лет «братья» вспоминали о письмах 1880-х годов, как будто они написаны вчера^{349}.

Тем более что круг обсуждаемых проблем со временем только расширялся, но при этом в своих письмах приютинцы постоянно возвращались к идейным предпосылкам возникновения их духовного объединения. В декабре 1928 года Д. И. Шаховской писал И. М. Гревсу: «Наше понятие о Братстве было прямым выводом из всей жизни того поколения, завершением которого были Толстой и Достоевский. И не только они... Но непосредственно на нас особенно сильно повлияли они, да, пожалуй, еще — Влад. Соловьев»^{350}. («Конечно, отнюдь не Фрей, —

продолжал Дмитрий Иванович, — это ты, Иван, оставь. Не вводи себя и почтенную публику в заблуждение. И сам-то Фрей явился к нам в значительной степени отражением Толстого».)

И далее принципиальное замечание Шаховского: «Я не знаю *братства* в нашем смысле вне русской жизни. Может быть, эта форма — примитив, который или умирает, или выливается в нечто более резко оформленное — партию, монашеский орден, секту, школу, компанию, заговор. В первом случае (умирания) истории нечего делать с такой зачаточной формой, во втором (перехода в оформленную организацию) мы в истории имеем дело с этой установившейся формой (монастыри, масонские ложи, философские школы, карбонары и т. п.). Самое блестящее и богатое последствиями братство — оформившееся в церковь с уверенностью, что и врата адавы ее до окончания века не одолеют, — христианская община I века. Я, впрочем, не очень рылся в исторических аналогиях и, вероятно, кое-что упустил»^[351].

Между членами Братства «Приютино», как уже отмечалось, шла заинтересованная дискуссия по самому широкому кругу вопросов. В результате их насыщенного духовного общения выкристаллизовалось их нравственное и идейное ядро, определялась их гражданская, научная и человеческая позиция, рождалась их философия жизни, истории и культуры. Так, вдохновляемый и своими научными исследованиями, и общественной деятельностью, и глубоким самоанализом Дмитрий Иванович подошел к идее *соборного сознания*. Она созревала в нем постепенно, открываясь своими скрытыми гранями.

Примечательно, что идея соборного сознания у Д. И. Шаховского и идея ноосферы у В. И. Вернадского содержательно близки. Обе имеют целью достижение единства всего человечества, людей как братьев. «Одному нельзя обнять мир, — писал Д. И. Шаховской В. И. Вернадскому 25 июня 1931 года. — Приходится так или иначе взяться за руки многим — и всегда (теоретически) можно составить такую длинную цепь, которая охватила бы по крайней мере весь земной шар. Наука и создает такую цепь. Создает — не очень. Не вполне. Есть прорывы. И держатся люди за руки часто не любовно, а... всячески, но не любовно. Да и руки в науке слишком заняты, каждая пара рук свои и не очень склонны отдаваться в чужие руки. Есть, конечно, и много других путей и способов соединения рук: религия, философия, семья, род, государство... Но, мне кажется, наш юношеский инстинкт верно указал нам еще один, своеобразный, давний, но недостаточно оцененный человеческим сознанием путь — братство». Братство в представлении его главного идеолога Д. И. Шаховского было

исканием обогащения единичного сознания сознанием мировым. Единство, свобода, любовь — именно эти три начала познания истины были положены им в основу. Вслед за блаженным Августином он повторял: «В главном — единство, во второстепенном — свобода, всюду — любовь»^{352}.

В одном из неотправленных писем своей сестре Н. И. Оржевской, возвращаясь к этой формуле, взятой Августином из Евангелия от Иоанна (глава 14, стих 6; слова Христа: «Аз есмь путь, истина и живот»), Шаховской так определил эту мысль: «Путь есть свобода. Истина есть всеединство. А жизнь есть любовь»^{353}.

Идея соборного сознания и идея ноосферы стали результатом научных размышлений двух мыслителей, попытавшихся соединить естественно-научное и гуманитарное знание, определив мысль как своеобразную форму энергии. Достижение единого соборного сознания путем усвоения сознанием человечества единства людей и их слияния должно было привести к постепенному установлению социальной системы, которая могла бы водворить царство истины среди людей. Наступление царства разума на всей планете предполагала ноосфера. Причем «это не фатализм, а эмпирическое обобщение», считал В. И. Вернадский. За идеями двух друзей стоял пережитый ими эмпирический опыт, опыт братской всепобеждающей любви. Это было эмпирическое обобщение, не что-то придуманное, а реально пережитое. Любопытно, что похожая идея встречается и у И. М. Гревса, размышлявшего над проблемами культуры. В неопубликованной книге «Город и его жизнь» (1927) И. М. Гревс пользуется термином «антропосфера», имея в виду «плоть культуры», в отличие от наполняющей ее «души культуры»^{354}.

Приютинцы на практике попытались осуществить идеал соборности так, как они его понимали и скорее не в религиозном, а в социальном аспекте, близком к славянофилам (А. Хомякову и др.). В истории русской нецерковной интеллигенции это была, пожалуй, единственная попытка, да к тому же продолжавшаяся до 1930-х годов включительно. В каждой своей точке этот путь был связан с максимальным раскрытием личности на всех уровнях коллективно-личностной иерархии: от индивидуума до человечества в целом, которое Гревс воспринимал как единую великую личность, с бережением личности, согласно любимому выражению Вернадского.

Братство «Приютино» оказалось не связанным на протяжении своей истории ни с одним определенным географическим пунктом, ни с одним конкретным, практически достижимым делом. Тем рельефнее выступило главное — культурное и этическое — дело Братства, не сводимое к конкретике, но разнообразно преломлявшееся в ней. Задачу свою приютинцы видели в осмыслении жизни. Слово это значило для них не то (или не только то), что сейчас для нас: осмысливать жизнь значило наполнять ее смыслом (и свою, и общую), но также — и угадывать смысл происходящего (с тобой, с окружающими, с человечеством). Работая над кардинальными проблемами: личность и общество, культура и народные массы, наука и нравственность, наука и государство, пути социального и культурного творчества, общество будущего — это лишь немногие из необозримого круга проблем, волновавших их мысль, — они и все то, что делали, всю повседневную жизнь Братства осмысливали в общечеловеческих масштабах и категориях.

Каждый в своей области и на своем поле пытался внедрить общие достижения. Эту особенность Братства И. М. Гревс называл «влечением ветвиться», и можно было бы проследить, как каждым братские начала проводились в жизнь. Вокруг Ф. Ф. Ольденбурга образовался тесный круг педагогов в Твери. В его центре — коллектив земской учительской семинарии, которой Ф. Ф. Ольденбург руководил на протяжении тридцати лет. Были выпущены тысячи народных учительниц. И. М. Гревс сплотил вокруг себя учеников-единомышленников в гимназиях, университете, Экскурсионном институте, на Бестужевских курсах и во встречах с краеведами, отдавая основные силы преподаванию, живому общению, звучащему слову.

Братские начала можно увидеть в коллективах, собиравшихся вокруг В. И. Вернадского. Среди неофициальных — школы Вернадского в минералогии, геохимии, биогеохимии; пример официально функционировавшего — коллектив Радиевого института.

Идеей С. Ф. Ольденбурга было братское общение всех востоковедов. Ольденбург проявил себя организатором; он «понимал организаторскую деятельность как некую соединительную ткань между живыми, но чуждыми друг другу организмами». Он «был тесно связан со своими товарищами и современниками, организуя их в поколение, имеющее лицо, — все при помощи своего удивительного умения подойти к каждому, не вторгаясь в уклад его жизни, не враждуя с его особенностями, не мстя холодностью за неответ на приветливость и вообще тщательно, какую угодно ценой ища научного братства, в которое он верил до конца

жизни»^{355}.

Д. И. Шаховской был организатором и душой московской кооперации, он много сделал для развития самых разных форм общественной самодеятельности и самоуправления.

В. И. Вернадский был, в отличие от друга, более этактистом по своим социальным воззрениям. Еще до 1917 года он разработал концепцию и программу государственной организации науки. После 1917 года он практически полностью пересмотрел отношение к своему кадетскому политическому прошлому. Увлеченный идеей глобальной научно-технической революции, превращения человека в геологическую силу, коренным образом преобразующую биосферу, В. И. Вернадский считал избрание формы государственного устройства важной, но все же второстепенной проблемой. Он старался не вмешиваться в политическую деятельность. Реальных форм для политической борьбы В. И. Вернадский не видел, споры о республике и монархии ему представлялись «гниением», «интервенция — несчастьем», «силы у эмиграции нет, и идеалы многих из них чужды в русской среде». Как изменится русская власть — прогнозировать трудно. В одном В. И. Вернадский был твердо уверен: «Власть может измениться только насильем — но едва ли его формой может быть интервенция».

Наблюдая вокруг себя развал прежних жизненных устоев, Владимир Иванович, как свидетельствует запись в дневнике от 17 марта 1920 года, поражался одной явной аномалии. «На поверхности, у власти и во главе лиц, действующих, говорящих, как будто задающих тон, — не лучшие, а худшие. Все воры, грабители, убийцы и преступные элементы во всех течениях выступили на поверхность. Они разбавили идеологов и идейных деятелей. Это особенно ярко сказывается в большевистском стане и строе. Но то же самое мы наблюдаем и в кругу добровольцев и примыкающих к ним кругов. И здесь теряются идейные, честные люди. Жизнь выдвинула на поверхность испорченный, гнилой шлак, и он тянет за собой среднюю массу... А долго он существовать не может, так как он сам себя истребляет и уничтожает и скоро становится невыносимым всем». К концу 1920-х годов облик политической власти не изменился. В. И. Вернадский продолжал повторять: «Талантливых людей очень мало, а главное — нет знающих. Это очень тягостно отзывается — и очень дорого на деле»^{356}.

Спустя годы, когда советская власть уже утвердилась в стране, коренным образом преобразовав российское общество, и когда она оказалась перед лицом агрессии со стороны фашизма, оценки В. И.

Вернадским большевистского режима не изменились. Однако он отдавал должное тому положительному, что было сделано, и по-прежнему непоколебимо верил в силу русского народа, способного выжить в самых тяжелых условиях. В дневнике 30 июля 1941 года В. И. Вернадский писал: «Принципы большевизма — здоровые; трутни и полиция — язвы, которые вызывают гниение, — но здоровые основы, мне кажется, несомненно преобладают. Страна при миллионах рабов (лагеря и высылки НКВД) выдержит эту язву, так как моральное окружение противника — еще хуже». Такова была гражданская позиция не просто выдающегося ученого, но и великого российского патриота и государственника.

Свое неучастие в политической борьбе В. И. Вернадский объяснял также нежеланием «калечить свою личность боязнью сношений с близкими и дорогими». Важно отметить, что отношение к вновь установившемуся режиму у Вернадского далеко не всегда совпадало с оценками Д. И. Шаховского. Продолжая развивать вышеприведенную мысль, В. И. Вернадский писал И. И. Петрункевичу 22 июня 1923 года: «Это было бы действительно подчинением ненавистному для меня коммунизму». Как мы уже отмечали, В. И. Вернадский оказался перед сложным выбором — оставлять ли Россию и эмигрировать, что позволяло организовать полноценную научную экспериментальную работу, или вернуться в Россию и служить, если позволят, на благо Отечеству.

Удивительно, но порой судьба на своем очередном витке ставит человека перед одним и тем же выбором. Как будто проверяет: хорошо ли мы усвоили ее уроки. Еще будучи студентом Петербургского университета, В. И. Вернадский вместе с другом детства А. Н. Красновым мечтал отправиться в длительное заграничное путешествие. Вернадский вспоминал: «Я решил, но ничего не говорил матери, по окончании университета уехать за границу, кругом света — хотел видеть тропики. В семье я жил своей жизнью. И думал об отъезде надолго, даже об эмиграции, так как я тяжело переживал гнет самодержавных форм, которые казались порочными»^[357]. Однако встреча с будущей супругой Натальей Егоровной Старицкой совершенно изменила его планы. Вернадский остался тогда в России так же, как и позднее, и во многом благодаря позиции друга.

Однако в отличие от Д. И. Шаховского, особое внимание уделявшего народному самоуправлению и самодеятельности, В. И. Вернадский был сторонником государственных начал в развитии страны. Главной задачей в переживаемый Россией исторический момент он считал налаживание культурной и бытовой работы. Быт являлся «гораздо сильнее в борьбе с

коммунизмом, чем все интервенции, заговоры (которых к тому же почти нет!)»^[358]. Силу русского единства и русской мощи В. И. Вернадский видел в творческой культурной работе — научной, художественной, религиозной, философской.

Имя Владимира Ивановича Вернадского — крупнейшего ученого, академика, творца современного научного мировоззрения — и по сей день знакомо каждому как в нашей стране, так и за рубежом. Проблемы геохимии, биогеохимии, метеоритики, вечной мерзлоты, почвоведения, минеральных вод, радиологии и радиогеологии, гидрологии, истории и организации науки, учения о биосфере и ноосфере занимали его мысль. Поистине колоссальный след В. И. Вернадский оставил в науке и в жизни. Масштаб и разносторонность интересов выдающегося мыслителя и неумолимого труженика были велики и глубоки.

Идея ноосферы оформилась в сознании Вернадского окончательно в 1920-е годы, и с этим связана интересная история, о которой рассказывает известный исследователь творчества ученого Г. П. Аксенов. В январе 1920 года В. И. Вернадский вынужден был переехать в Крым. Здесь в имении Бакуниных «Горная Щель» он встретился с родными. Однако на теплоходе, переполненном больными тифом, Вернадский подхватил сыпной тиф. Начались долгие дни борьбы за жизнь. Как только сознание прояснялось, Вернадский диктовал Наталье Егоровне методику опытов «живого вещества», устройство приборов по исследованию организмов. Затем, оправившись, пытался сам выразить нечто небывалое, посетившее его во время болезни. В странном состоянии он как будто пережил всю жизнь, начиная с настоящего момента и до смерти. Все ее картины вставляли настолько ярко и зримо, что он даже ощущал шумы, слышал разговоры, чувствовал запахи. Здесь мы прикасаемся к той тайне личности и творчества, которую испытывало множество увлеченных и талантливых людей, к тайне озарения, прозрения. У Вернадского творческий акт продолжался три недели. Была создана, по всей видимости, вся система нового естествознания, во всем своем объеме.

Сам Вернадский так описывает эти события в своем дневнике: «Ярко пробегали в моей голове во время болезни некоторые из этих мыслей, которые казались мне очень важными и обычно фиксировались в моем сознании краткими сентенциями и какими-то невыраженными словами, но прочувствованными моим внутренним чувством, моим «я» и очень мне тогда ясными впечатлениями. Сейчас я почти ничего из этого не помню, и мне как-то не хочется делать усилий для того, чтобы заставить себя вспоминать... Я помню, однако, что некоторые из этих мыслей имели

характер гимнов (которых я никогда не пробовал раньше писать) и в одной из мыслей я касался, в переживаниях мне думалось очень глубоко, выяснения жизни и связанного с ней творчества, как слияния с Вечным Духом, в котором слагаются или который слагается из таких стремящихся к исканию истины человеческих сознаний, в том числе моего».

Сказать, что В. И. Вернадский был верующим или неверующим человеком, по словам его дочери, — «ничего не сказать. Глубокий пласт идей, моральных и научных понятий, синтез знания служили основанием его мировоззрения». Однако эта интересная история позволяет увидеть не только загадочное и мистическое в размышлениях одного из них, но и говорить об иной, духовной, стороне бытия, которой приютинцы не уделяли должного внимания. Еще в 1893 году, в процессе своего идейного формирования, В. И. Вернадский в переписке с женой заключил: «Для меня единственно и понятна религия, где есть вечно сущая бессмертная личность, — и всякое божество мне представляется вторичным явлением в религиозном чувстве человека»^{359}.

Путь к единому соборному сознанию для приютинцев проходил не только через их философские размышления о смысле жизни и их поиски истины в науке или религии, но находил и чисто практическое воплощение. Это выражалось, как мы отмечали выше, в их усилиях по сохранению тех духовных и культурных традиций и учреждений, которые и в новой России продолжали бы выполнять свою историческую миссию в жизни народа и страны в переломное время.

Сергей Федорович Ольденбург, как и В. И. Вернадский, стал отцом-основателем советской научно-организационной системы. Это одна из центральных фигур российского научно-организационного процесса начала XX века, один из основателей русской индологической школы, автор работ по истории культуры и религии древней и средневековой Индии, истории буддийского искусства и письменных памятников, по истории востоковедения, многочисленных трудов по фольклору, искусству народов стран Востока, а также России и Западной Европы в области этнографии.

С. Ф. Ольденбург — академик Петербургской академии наук (1900), непреременный секретарь АН на протяжении четверти века (1904–1929).

С. Ф. Ольденбург — один из немногих деятелей науки, который хотя и по-своему, но принял революцию как возмездие «за столетия рабства»^{360}. В первые годы нового режима роль С. Ф. Ольденбурга в установлении контактов Академии наук с властью была исключительно велика. Наглядно это демонстрирует письмо С. Ф. Ольденбурга от имени Академии наук

наркому просвещения А. В. Луначарскому от 12 февраля 1922 года. С. Ф. Ольденбург описывал условия, в которых оказалась российская наука — давление экономической разрухи и голода, эпидемии, вымирание миллионов людей, напряженная работа лабораторий, почти полное прекращение печатания, непосильное бремя занятий, легшее на большинство ученых, физические силы которых и так были подточены лишениями, долгое отсутствие прежнего общения с Западом. Все это вместе взятое привело к снижению творческого потенциала ученых, к ослаблению их анализирующих и синтезирующих способностей, а это, считал Ольденбург, было верным признаком гибели русской науки. Он предлагал государству принять немедленные и срочные меры по реабилитации науки в СССР, выделять необходимые для ее подъема средства, кредиты на печатание, на лаборатории, на библиотеки и музеи, на научные экспедиции и командировки и создавать соответствующий организационный аппарат, облеченный широкими полномочиями с привлечением к работе самих ученых. Обращение С. Ф. Ольденбурга к наркому просвещения от имени Академии наук стало непосредственным иницирующим документом для создания Особого временного комитета науки, учрежденного декретом СНК от 20 июня 1922 года, который мог претендовать в перспективе стать «наркоматом науки».

В течение первого десятилетия после революции в структуре и деятельности Академии наук не произошло коренных изменений. Советское правительство на словах признавало ценность науки, но вместе с тем стремилось подчинить ее марксистской идеологии. Среди академиков не было ни одного коммуниста. В. И. Вернадский писал своему другу И. И. Петрункевичу 10 марта 1923 года: «Русская Академия наук единственное учреждение, в котором ничего не тронуту. Она осталась в старом виде, с полной свободой внутри. Конечно, эта свобода относительная в полицейском государстве, и все время приходится защищаться».

Знакомство С. Ф. Ольденбурга с председателем Совета народных комиссаров В. И. Лениным способствовало сравнительно мягкому вхождению академии в формировавшуюся структуру управления наукой, а также закреплению лидерства Академии наук среди всего научного сообщества, что вызвало серьезную, продолжавшуюся много лет конфронтацию с Наркомпросом в лице М. Н. Покровского, претендовавшего в свою очередь на роль «министра» от науки. Не случайно, что С. Ф. Ольденбурга называли *spiritus movens* академии^{361}.

Окончание гражданской войны не принесло облегчения для тех, кто сумел пережить невзгоды военного времени. Принимавшихся властями мер

для поддержания ученых было недостаточно. В конце лета — начале осени 1920 года С. Ф. Ольденбург от имени Академии наук обращался к заместителю Зиновьева — А. Н. Евдокимову, затем — к управляющему делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичу и, наконец, к В. И. Ленину с записками и письмами об улучшении снабжения работников. Сам факт получения пайка или задержки с его выдачей влиял на жизнь и настроение ученых. Вопрос о пайках, равнозначный в то время вопросу о жизни или смерти человека, особую остроту принимал по отношению к лаборантам, ассистентам и другому научному персоналу, который постоянно исключался Петросоветом из списков получающих научный паек. В августе 1920 года А. М. Горький (как глава Петроградской комиссии по улучшению быта ученых) направил в СНК протест против таких действий петроградских властей.

Вообще Максим Горький, по просьбе С. Ф. Ольденбурга, довольно часто способствовал улучшению бытовых и материальных условий жизни ученых, тем самым и сохранению кадров — работников науки, литературы, искусства и просвещения. Обращение С. Ф. Ольденбурга за содействием именно к писателю не было случайным. На протяжении 1918–1921 годов Горький служил своеобразным мостиком между руководителями АН и СНК, Петросовета, помогал ученым вести переговоры непосредственно с высшим руководством страны, минуя недоброжелательно относившихся к академии деятелей Наркомпроса типа М. Н. Покровского. В сентябре — октябре 1919 года, когда многие ученые, в том числе и сам С. Ф. Ольденбург, были арестованы как члены кадетской партии, именно Горький ходатайствовал перед Зиновьевым об их освобождении^{362}.

Материальные трудности преследовали большинство ученых на протяжении всего послереволюционного пятнадцатилетия. Угроза голодной смерти, перспектива замерзания в собственной квартире, «уплотнение» периодически возвращались, лишь видоизменяя свои формы. Организованная система пайков, безусловно, способствовала выживанию научной элиты страны. Но помощь была нерегулярной, объем и качество пайков в разных регионах страны были различны.

Условия жизни ученых складывались по-разному: одни были вполне удовлетворены своим материальным положением, другие, напротив, испытывали тяжелейшую нужду. Но, в общем, практически все представители научной элиты испытывали большие трудности, если не материальные, то иного характера, связанные с укреплением советской власти. Жизнь ученых в столице не особенно отличалась от жизни в провинции, безденежье стало повсеместной составляющей всякой работы в

учреждениях культуры.

С 1925 года тема материальных трудностей постепенно затихает. Материальное положение академической элиты хоть и оставалось неудовлетворительным, но все-таки стабилизировалось на терпимом уровне. Уходит столь актуальная до последнего времени тема холода в квартирах, но все еще оставалась угроза уплотнений; кроме того, оплата квартиры превращалась в тяжкое финансовое бремя. Деньги, наконец, приобрели реальную стоимость, и основной и достаточно острой проблемой стала возможность их зарабатывания, а при отсутствии таких возможностей была актуальна поддержка по линии КУБУ, так называемое академическое обеспечение. У ученых появилась возможность посещать специальные санатории^{363}.

Будучи непременным секретарем Академии наук, С. Ф. Ольденбург ориентировал ее на сотрудничество с советским правительством при сохранении внутренней автономии и самостоятельности академии. Приходилось постоянно преодолевать неприязнь и взаимное непонимание в отношениях ученых и власти. Вторая жена С. Ф. Ольденбурга Елена Григорьевна Ольденбург вспоминала: «...все были против него, и он один тащил Академию на соединение ее с СССР и всеми вытекающими отсюда последствиями — один это сделал, спас Академию, и она же его раздавила в 1929 году».

Немногие, однако, догадывались, сколько душевных сил и нервной энергии стоила ему позиция «парламентера», тем более что и сам он считал: «Что переживаешь, надо переживать одному...», «надо... спасти и научную работу, и людей для этой работы в постоянных прениях, заседаниях, поездках в Москву, писаниях и защитах бесконечных докладных записок, имея, с одной стороны, грубых и властных людей, с другой — изнервничавшуюся интеллигенцию... И это с утра до вечера, без дня передышки. И рядом с этим обыски (у нас их было 6), аресты, вечные хлопоты в ЧК — слезы и страдания тех, кто остается, часто тщетные, иногда и удававшиеся попытки спасти от расстрела людей, у которых есть близкие, — переживания с уводом на расстрел соседей по камерам, когда я был в тюрьме (сентябрь 1919 года. — И. К., А. Л.) (думаю, что умереть самому легче).

И так — идут годы... И фоном для всего этого — смерти, смерти без конца, людей близких и далеких, оставляющих вдов и сирот. По своему центральному положению в большом деле я невольно всегда стоял и стою близко к этому всему, и так как «вне дома» меня не считают ледяным, то идут ко мне... Думаю, что могу жить все-таки, несмотря ни на что, не

потому, что я «ледяной», а потому, что верю в жизнь и людей и люблю их и ее, потому, что всем существом чувствую великую благодать, красоту, радость жизни, несмотря ни на что... Жизнь так бесконечно сложна, трудна, тяжела и — прекрасна»^{364}.

Последние годы жизни С. Ф. Ольденбурга лишили его со стороны многих той симпатии, которой он прежде неизменно пользовался. Ему ставили в вину попытки найти компромисс в отношениях с новой властью, обвиняли в измене идеалам, в слишком лояльном поведении, в приспособленчестве и пресмыкательстве. Однако всякий раз, когда непременный секретарь просил об отставке, замены ему не находилось. Удивительно и другое: в течение десяти лет, до 1927 года, Академия наук оставалась едва ли не единственным учреждением в СССР, продолжавшим существовать по своим внутренним, по сути дореволюционным, законам. По признанию самих исследователей, этот беспрецедентный факт до сих пор не оценен в должной мере историками.

Давление властей на интеллигенцию и ученых осуществлялось с начала 1920-х годов в попытках прямого вмешательства в сферу научной и особенно преподавательской деятельности. В области высшего образования начали проводиться реформы, сопровождавшиеся увольнением старой профессуры. Среди многочисленных оснований для удаления из университета главенствовали политические и идеологические.

Преследования инакомыслящих и чуждых элементов со времен революции не прекращались никогда. Стремительно приближалось время начала массовых репрессий против интеллигенции. Страна решительно входила в эпоху «великого перелома», переходила к «сплошной коллективизации» деревни. Летом 1928 года прогремел первый серьезный политический процесс против «вредительства» — знаменитое «Шахтинское дело». Летом же начались репрессивные меры против крестьянства в ответ на так называемую хлебную стачку. Весь этот новый курс не мог не отразиться на жизни рядовых граждан, к которым относились и работники науки.

В январские выборы 1929 года впервые в состав действительных членов Академии наук были избраны несколько коммунистов или близких к ним. Чтобы ввести в состав академии коммунистов, нужно было прежде всего создать кадры коммунистических ученых и изменить устав академии. Натиск правительства на академию начался в 1926 году. В следующем году был издан новый устав академии. Бок о бок с президентом и непременным секретарем был учрежден коллективный совет. Задачей академиков была объявлена не только научная деятельность, но и содействие

социалистическому строительству. Число членов академии было увеличено с 45 до 85. Право номинации кандидатов для дополнительных выборов было предоставлено не только академикам, но и «общественным организациям». В такой обстановке проходили выборы новых академиков. Все кандидатуры сначала обсуждались в комиссиях академии. В некоторых комиссиях обсуждение было бурным. Многие академики роптали на вмешательство коммунистической партии в жизнь академии. Вернадский был во главе их.

Несмотря на введение коммунистов в состав АН СССР, последняя все еще сохраняла свою автономию, хотя и урезанную. В 1929 году была произведена чистка служебного персонала академии. Большинство служащих были объявлены обломками старого режима; многие из них арестованы, другие изгнаны со службы. Особой критике подверглись некоторые учреждения при академии, такие как Азиатский музей (во главе которого стоял Ольденбург), Комиссия по изучению естественных производительных сил (возглавляемая Вернадским) и Пушкинский Дом (во главе которого стоял историк С. Ф. Платонов).

В 1929 году было сфабриковано «архивное дело». Распоряжением Совнаркома С. Ф. Ольденбург был смещен с должности постоянного секретаря, а академия реорганизована. Его имя не исчезло из советских энциклопедий и справочников, об С. Ф. Ольденбурге упоминали, как правило, в монографиях, посвященных истории востоковедения и Академии наук. Но вместе с тем стена молчания вокруг «незапрещенного» имени оказалась настолько прочной, что первые, после некрологических статей 1930-х годов, работы о нем появились ровно через 50 лет после кончины С. Ф. Ольденбурга.

Д. И. Шаховской откликнулся на отставку С. Ф. Ольденбурга в письме В. И. Вернадскому от 13 ноября 1929 года: «Очень интересно это распоряжение: уволен! Обрел волю от ярма. Мы были страшно поражены, как я думаю *tout le monde* (все вокруг, *фр.* — И. К., А. Л.), во всех смыслах этого слова. Но не надо ли посмотреть на катастрофу как на освобождение от каторги и возблагодарить судьбу? Со спокойной совестью может теперь уволенный заделать свое собственное личное — то есть самое всеобщее мировое дело. И надо пожелать ему от всей души сил, бодрости и веселия на этом пути».

По-разному друзья С. Ф. Ольденбурга относились к его деятельности в Академии наук: от сочувствия и понимания до крайнего негативизма. 4 февраля 1938 года Е. Г. Ольденбург писала Д. И. Шаховскому: «Наша первая встреча весной 1925 г. в квартире Корниловых. Я ее хорошо помню.

У меня в душе было чувство, что я чужая среди чужих мне людей... И скажу больше, у меня был такой осадок, что в сущности и у Сергея мало общего *сейчас* с этими людьми... Я чувствовала, что Сергей из всей Вашей компании ближе с Вернадскими».

В. И. Вернадский в основном поддерживал курс С. Ф. Ольденбурга, но в ряде случаев считал его уступки чрезмерными. В 1929–1930 годах наряду с физиологом И. П. Павловым он возглавлял академическую оппозицию грубому нажиму власти. Д. И. Шаховской был далек от внутриакадемических дел, но не от С. Ф. Ольденбурга. 19 декабря 1934 года он писал Е. Г. Ольденбург: «Я во многом не согласен был с линией поведения Сергея. Но в его служении интересам общественным и, в частности, интересам Академии я видел великий подвиг, им на себя принятый и честно им исполненный... Была у Ольденбургов и вообще какая-то монашеско-рыцарская потребность жертвы».

Наиболее непримиримо настроенным по отношению к С. Ф. Ольденбургу среди друзей оказался И. М. Гревс. В его переписке с Д. И. Шаховским завязался спор о С. Ф. Ольденбурге. Так, Д. И. Шаховской убеждал друга, что, несмотря на их несогласие «с Сергеем и по философским и по практическим вопросам», что даже и «спорить не приходится — а приходится более или менее почтительно молчать», необходимо поддерживать его. Если он провозглашает лозунг культурной революции, а «мы испокон века культурные революционеры», то «тут недостаточно сомневаться, соглашаться, размышлять, надо встать под этим знаменем и найти свое место в рядах», — настаивал Д. И. Шаховской.

Д. И. Шаховской считал, что Сергей Ольденбург «спас Академию». В письме от 18–20 января 1938 года И. М. Гревсу он писал: «Но ведь ты не можешь отрицать, что история Академии за время секретарства Сергея — серьезная страница в истории русской культуры, и каково бы ни было конечное суждение о роли в этом Сергея (твое суждение явно пристрастно и стоит в явном противоречии с фактами, которых не видит только закрывший себе лицо руками), выяснение этой роли и всего с этим связанного прямо необходимо».

С. Ф. Ольденбург был «человеком реального дела, непреклонным служителем долга, ценящим результаты и подлинное дело». В нем было много самоуверенности и самомнения, по мнению Д. И. Шаховского, но он заслуживал уважения, принятые им на себя огромные задачи «всецело поглотили все его душевные силы и сделали его рабом принятого на себя тяжелого ответственного служения»^{365}.

В связи с «делом Академии наук» в 1929–1930 годах были

произведены массовые аресты и среди краеведов, в результате чего «гуманитарное краеведение» было окончательно сломлено. Как мы уже отмечали раньше, одним из главных идеологов краеведческого движения был Иван Михайлович Гревс. Он сотрудничал с журналами «Краеведение», «Экскурсионное дело», «Экскурсии в культуру», «Педагогическая мысль». Особо пристальное внимание И. М. Гревс уделял материалам, посвященным истории Петербурга. Еще с конца 1910-х годов вокруг ученого сгруппировался круг лиц, занимавшихся данной проблематикой. В 1921–1927 годах профессор был сотрудником Ленинградского исследовательского экскурсионного института, заведовал его гуманитарным отделом (1921–1924), а в 1921–1929 годах входил в состав Центрального бюро краеведения. Кроме того, он состоял членом различных общественных организаций краеведческого направления. Библиография по краеведению России, собранная И. М. Гревсом в эти годы, состояла из 467 наименований.

И. М. Гревс был автором многочисленных очерков по истории русской провинции, внимательным исследователем личности и творчества Р. Роллана, И. С. Тургенева, А. П. Чехова. Его признавали мастером биографического жанра, он написал несколько десятков очерков о жизни своих коллег, учителей, друзей и учеников. Его биографические описания представляют собой небольшие исследования, содержащие множество интересных фактов, характеристик тех или иных исторических эпох. Не случайно свой метод изучения истории И. М. Гревс называл биографическим. Он обращался к ярким, выдающимся личностям как источнику познания человеческой культуры. Кстати говоря, именно И. М. Гревс одним из первых в историографии подробно написал о членах Братства «Приютино»; благодаря его характеристикам мы можем сегодня воссоздать яркие портретные образы того или иного приютинца.

В конце 1920-х годов краеведческое движение было полностью огосударствлено, руководство сменено, ЦБК переведено из Ленинграда в Москву. В 1920-е годы наступила пора жесткого диктата М. Н. Покровского в исторической науке. Преподавание истории в университетах было отменено, а вместо него введено преподавание исторического материализма. Произшедшие изменения болезненно отразились на творческой деятельности И. М. Гревса. Он, как и многие другие историки, оказался за бортом и тяжело это переживал. Только в 1934 году, когда исторические факультеты и преподавание истории в вузах были восстановлены, И. М. Гревс смог вернуться в Ленинградский университет. Его главной заботой стала работа с аспирантами, хотя он и продолжал

читать лекции студентам. Деятельно участвовал он и в жизни профессорской коллегии.

В 1920—1930-е годы И. М. Гревс много работал над различными исследовательскими проектами, но то ли из-за отсутствия финансирования последних, то ли по иным причинам большинство его работ остались неопубликованными, они продолжали лежать в ящиках его большого письменного стола. В конце жизни И. М. Гревса называли несовременным и даже неинтересным автором, отказывали в публикациях и не давали необходимого объема для издания его работ^[366]. Но созданное им направление в медиевистике, в историческом краеведении и в культурологии оказалось очень перспективным, востребованным и особенно актуальным в наши дни.

В связи с кончиной И. М. Гревса 16 мая 1941 года В. И. Вернадский записал в своем дневнике: «Мысли об Иване — все время. Последний (и самый старый по возрасту) из нашего Братства ушел полный сил умственных... Иван здесь играл пассивную роль — страдающего. Это явно указывает, что с точки зрения истины — как она сейчас выработана человечеством — это тяжелое переживание (грех) *sub specie aeternitatis*^[3] *второстепенно*.

Иван должен был приехать к нам на днях. Фатум древних резко сказался в жизни нашего Братства, характерным для которого была его интимность и отсутствие большой организованности. Попали в такой мировой катастрофический период, который многое во всем происшедшем объясняет.

Надо сохранить архив Ивана, но он один мог его обработать. У меня его для заметок о нем, Мите, Сергее, Федоре — нет»^[367].

Здесь показательно замечание Вернадского об интимности и отсутствии большой организованности в Братстве. Приютинцы практически в течение всей их жизни возвращались к вопросу о том, насколько реально существует Братство и кто в него входит. Эта тема постоянно волновала и Шаховского, самого горячего сторонника братских отношений, глубоко проникшегося и принявшего дух Приютина еще в молодости. И уже на склоне лет Дмитрий Иванович все более укрепился в подлинном его существовании. «Аня спросила, — пишет он, — да что же такое — братство? И кто же это — братство? Я кратко ответил на оба вопроса. На первый, впрочем, довольно неопределенно, сославшись на сложность темы и невозможность исчерпать ее в двух словах. Я только заметил, что, по моему мнению, в наше сложное время без соединения

людей в форме братских соединений невозможно никакой личности сознательно и деятельно участвовать в жизни... На второй вопрос — кто? — я с недоумением к самому вопросу сказал: да Иван, Владимир, Сергей, я... Это вызвало ответное полнейшее недоумение, чтобы не сказать насмешку. «Да разве у вас есть друг ко другу братское чувство? Разве ты относишься к Сергею, как к брату?» — «Конечно есть», и я даже определил это отношение и вам его сообщил: для него братство в общении с умершими — Шурой, Федором, Адей. Он думал, что советуется с ними в решении вопросов жизни... По-моему, это самообман, но все же в этом — его причастность к братству. — «Это твой рассказ о видении?» — Да, но я в нем привел подлинные слова Сергея и в этой части своей это точное изложение бывшего.

Анюта выходила по хозяйственным делам в этой части беседы — вернувшись, она сказала: «Да ведь братство было всегда какое-то отвлечение». Я на это ответил: «Может быть, так для тебя. Для меня оно было и остается реальным»^{368}.

Жизненные пути приютинцев постепенно подходили к завершению. На пороге все более насущно стояли проблемы осмысления пройденного, пережитого, подведения итогов. В июле 1934 года Д. И. Шаховской, говоря об «итожном времени», писал в одном из писем В. И. Вернадскому: «В небесной канцелярии сейчас всему подводится итог — так определяю я в шутку настоящий момент. И приходится очень прислушиваться и вдумываться в подытоживания других»^{369}.

Вопросы личного бессмертия, истинного смысла жизни и предназначения человека и его веры в Бога непрестанно дискуссировались в кругу приютинцев. Богата такими размышлениями переписка Д. И. Шаховского и В. И. Вернадского. Подход к самому понятию «жизнь» у обоих примерно одинаков. Жизнь сравнивалась с совершенным явлением, один раз развертывающимся в неповторимой своей полноте и этим самым своим однократным актом пребывающим вечно. Однако попытку постичь жизненный смысл Д. И. Шаховской предпочитал производить на философском уровне, В. И. Вернадский — на научном. Между ними завязался своеобразный спор. Вернадский называл себя философским скептиком, считая, что философия, по существу, не может привести к истине, равной по силе и общеобязательности той, которая достигается наукой. Д. И. Шаховской, напротив, доказывал, что необходимо признать что-то ценное в знании вненаучном так же, как и в данных и обобщениях научных. По его мнению, научное знание не могло претендовать на

единственно достоверное и общеобязательное, так как и в научной области всё условно и изменчиво, «все достижения вчерашнего дня пересматриваются сегодня и могут замениться противоположными истинами завтра». В области философского знания также возможны были обязательные для «всякого правильно работающего сознания» приемы и положения, как и в научной работе. «Очень бы хотелось в этой области, — заключал Д. И. Шаховской, — подвести итоги своей мысли и узнать, к чему пришли другие близкие, мне кажется, здесь — разрешение основных загадок истории и выход из современных затруднений, переживаемых человечеством. Потому что ведь все сводится к вопросу о значении человека и о смысле жизни».

14 октября 1931 года в письме В. И. Вернадскому Д. И. Шаховской продолжал излагать свои мысли. В частности, он писал другу: «Пытаясь установить отличительные черты философии и науки, ты бьешь в основную жилу роковых вопросов современности. Но выводы твои не кажутся мне убедительными». По мнению Д. И. Шаховского, различия между наукой и философией у В. И. Вернадского сводились, собственно, к одному: «к степени личного творчества и к способности придать своим достижениям характер общеобязательных положений». Одной из основных задач философии Владимир Иванович считал анализ слов. В науке же понятия отвечали реальному предмету, факты и эмпирические обобщения как часть науки являлись для всех общеобязательными, хотя и в очень ограниченной области. Это утверждение вызвало недоумение у Дмитрия Ивановича. Возражая, он настаивал, что и в философии тоже должна быть какая-то фактическая основа, а анализ слов в философии должен заключаться в соответствии слов фактам, то есть совсем как в науке. Не мог Д. И. Шаховской согласиться и с тем утверждением В. И. Вернадского, что философия как искусство была проникнута личностью, между тем как основа прогресса науки мыслилась в обезличении ее результатов. По мнению Д. И. Шаховского, это было вовсе не существенное и не основное различие. «Всегда в обеих областях новое достигается высшим личным напряжением и затем в обеих областях одинаково неизбежно стремление к обезличению добытого знания и к приданию ему характера общеобязательных положений. Слабость достижений философии в последнем отношении зависит только от неразработанности методов и от отсталости философской организации, в смысле системы добывания знаний совокупными усилиями, как это имеет место в науке, что и составляет силу последней. И проявление личного творчества, и стремление сообщить плодам этого творчества свойство общеобязательной

силы не составляет особенности одного из двух путей приближения к истине, различие должно быть в чем-то другом».

И философия, и наука в своем приближении к истине предполагали работу совокупного, общечеловеческого сознания. «Истина есть совокупность всего сущего в его полноте — цельности и многообразии», — утверждал Шаховской. Различие двух путей, по его мнению, состояло лишь в том, что «в науке мы идем от частного к целому, предварительно раздробив это целое на отдельные явления, в философии же мы, основываясь на органически сливающиеся в нашем сознании совокупности всего познанного, пытаемся схватить самую сущность целого» и «стремимся сразу познать самое общее». Настоятельная задача философии и науки заключалась в выработке метода объективирования достижений. Причем научный метод уже в какой-то степени исчерпал себя, дойдя до определенного рубежа. Должное внимание необходимо было уделять теперь философскому методу, возможно, более важному пути, «если только можно говорить о сравнительной важности двух вещей, одинаково необходимых, неизбежных и взаимно дополняющих друг друга»^{370}.

Таким образом, мы вновь видим, что центром размышлений Д. И. Шаховского, в данном случае философских, является идея соборности. Вокруг соборности строятся все поиски в научном и философском плане, так что даже вопросы смысла жизни человека и его значения рассматриваются сквозь призму совокупности человеческого сознания. Эта мысль настолько занимала Д. И. Шаховского, что он пытался активно в нее вовлечь и своих друзей, в частности, не понимая, почему В. И. Вернадский без должного осознания и значения, которое он уделял науке, подходил к высказанным им идеям.

Вероятно, сдержанность ученого объяснялась не столько его рационализмом, сколько определенным скепсисом в вопросах религии и веры как методов познания окружающего мира. Напротив, Шаховской решению этих вопросов придавал особое значение. Но и здесь его воззрения носили отнюдь не ортодоксальный и традиционный для православного христианина характер.

*

В письме И. М. Гревсу от 18 января 1938 года Д. И. Шаховской, которому было 77 лет, написал следующие стихи:

Я привязал хвостами всех чертей к воротам ада,
Теперь без страха можем все друг друга мы любить...
Любовь всесильна; но ее понять еще нам надо,
Все могут размаха, данного Христом ей, изучить:
«Все люди братья», — раздалось Христово слово.
Прошли века, мы им должны учиться снова^{371}.

Как нельзя лучше эти стихи демонстрируют понимание Д. И. Шаховским идеи Братства. Братство есть воплощение заветов Христа: «Все люди братья». А вместе с тем практически это союз людей, решившихся применить эти три слова в своей жизни — и убедить в их истине весь род людской. Если бы эта задача была решена, то, по мнению Д. И. Шаховского, это изменило бы судьбу вселенной.

Дмитрий Иванович полагал, что церковь как институт социальный, а не сакральный должна быть готова и к внешним, и к внутренним изменениям. Только в такой церкви возможна *живая* вера. «Церковь развивается, — обосновывал свой тезис Шаховской. — В этих двух словах весь вопрос о будущем христианства. Труп или стимул жизни? Пока слова эти не станут общепризнанным в православии лозунгом, оно не станет живой, созидательной силой...»

«Но что это значит? — продолжал задаваться вопросами Дмитрий Иванович. — Не значит ли это только то, что христианство перестало быть безболезненным соборным исканием истины — а только в этом истинный смысл всякой религии, — а стало выражением одного фазиса этого искания, перестало отражать в себе жизнь человечества... Как едино бытие, так едина и истина, едины и общие условия искания ее, и к установлению религиозной истины надо неуклонно применять все имеющиеся в распоряжении человечества приемы искания и проверки. Нельзя отгораживать религию в какой-то угол за занавеской, куда нет хода критике, здравому смыслу и научным изысканиям, а главное — общим результатам развития человеческого сознания. Истина одна — именно потому на всяком ее отрезке отражается всякое новое завоевание человеческого разума, и религию надо изучать, как мы изучаем все, что хотим понять и сознательно усвоить»^{372}.

Очевидно, что для Д. И. Шаховского постижение истины, ее вечный поиск имели самодовлеющее значение. Он допускал раздельное существование истины и веры, причем последняя выступала лишь одним из возможных способов познания первой. Христианство (да и религия

вообще) для Шаховского утрачивало свою мистическую таинственность, святость и целомудренность. Происходит десакрализация веры. Для свободного сознания в принципе нет ничего непостижимого. Все может быть подвластно человеческому разуму. В мировоззрении Шаховского гуманизм и прогресс человеческого общества выступают как абсолютные ценности. Он проходит через своеобразное *искушение истиной* и антропоцентризмом. Понимал ли он это? По силам ли ему было с этими искушениями справиться? Смог ли он их преодолеть? Наверное, мы до конца не сумеем ответить на эти вопросы, но предложим читателям некоторые размышления по этому поводу.

Трагедия приютинцев как мыслителей и личностей крупного масштаба, на наш взгляд, состояла в том, что в их философии место Бога занимало Человечество как высшее существо. Для В. И. Вернадского с молодых лет единственно понятной религией была та, «где есть вечно сущая бессмертная личность», и всякое божество ему представлялось «вторичным явлением в религиозном чувстве человека». Д. И. Шаховской, например, религиозные постижения относил к области философии. Восприятия веры, по его мнению, представляли такой же источник знания, как и наблюдение явления. Но этот источник философского знания, так же как и в науке, для того, чтобы стать средством приближения к истине, должен быть соответственно обработан^{373}.

К вопросам соотношения нравственности и религии приютинцы также подходили неоднозначно. Еще в 1885 году, то есть будучи очень молодым человеком, взгляды которого находились в процессе формирования, Д. И. Шаховской так определил свое жизненное кредо: «Я поступаю по религии, когда то, что я считаю нравственным, я делаю с удовольствием, когда мне приятно поступать нравственно... Совсем не тот поступок нравственный, который соответствует прогрессу в мире, а тот, который, ставши общим принципом поведения, — способствовал бы этому прогрессу». «Не влияние христианства, — говорил в свою очередь в 1901 году В. И. Вернадский, — а главным образом усиливающееся влияние науки и научного духа вызывает большую гуманность в общественном строе и в государственной жизни... Наука основана на свободе человеческого разума, тесно и неразрывно связанного с демократическим духом равенства».

Можно во всем этом увидеть черты нравственного релятивизма, если бы мы не представляли ни сам облик приютинцев, ни суть их духовно-нравственных исканий. Как ни старались наши герои, устремившись в вечность, преодолеть свое время, но безусловно историческая эпоха, к которой они принадлежали, накладывала свой отпечаток. Мы сегодня

хорошо представляем, что ни научный, ни социальный прогресс, перед которым преклонялись приютинцы, не в состоянии улучшить нравственную природу человека. Напротив, он зачастую освобождает его от всяческих моральных норм. История XX века с особой силой подтвердила это.

Из всей оставшейся в живых к концу 1930-х годов мужской части Братства один только И. М. Гревс был церковно верующим. Как справедливо отметил один из исследователей, данное обстоятельство «вносило дополнительные оттенки в отношения» между ними. Запись Вернадского в дневнике 17 мая 1941 года, на следующий день после смерти Гревса, красноречиво характеризует их драматизм: «Вчера утром умер Иван. Так мы с ним и не увиделись. Он хотел приехать, и надо было бы перед уходом из жизни повидаться.

Все построения — религиозные и философские — о смерти являются сложными концепциями, в которых научнореальное, вероятно, едва ли сказывается — а научная мысль еще не подошла даже к первым построениям.

Странным образом я подхожу к идее, что атомы — изотопы — иные в живом и косном. Это во-первых, а во-вторых ясно, что 1) все живое от мельчайшей бактерии и амёбы и до человека — единое; 2) что материально это отличается от всех косных природных тел мироздания — поскольку мы его знаем... Я думаю, что различие кроется глубже, чем в физико-химических свойствах (которые одинаковы), но в состояниях пространства-времени; 3) мы не знаем еще много основного: есть неизвестные нам свойства человека, которые затронуты, по-видимому, индийскими мыслителями, и мы не знаем, какие процессы были или есть в природе — на Земле, в частности, — которые отвечают созданию пространств-времен, отвечающие живому организму; 4) возможно, что жизнь — живой организм, в отличие от всего в природе существующего — отличается атомами... 5) эти явления космические. В космосе солнечные системы занимают особое положение в Галактики — около центра.

Николай Павлович Анциферов звонил мне, что он недавно видел Ивана — он бодрый, собирался к нам в ближайшее время. Умер внезапно.

Иван был христианин с мистическим оттенком — глубже понимал христианство, чем, например Шишки-Шаховские. Думаю, Георгий мой к его настроениям близок»^{374}.

Даже внутри Братства, как мы видим, каждый из его членов, людей духовно близких, на многие принципиальные вещи, в том числе онтологические основы бытия, смотрел по-разному. Эта разность и

сближала, и влекла их друг к другу. Отсюда и искреннее желание Шаховского воссоединиться со всеми друзьями по Братству через соборное сознание. Ведь в соборности гармония целого достигается при свободе его составляющих и предполагает уважение и внимание к внутреннему миру и убеждениям другого.

В. И. Вернадский пытался изучить человечество научными методами, у него фактически была своя собственная «геологическая» религия. «Разум homo sapiens есть преходящее планетное явление, который, мне кажется, неизбежно будет заменен более высоким проявлением разумности на планете», — утверждал он в письме И. М. Гревсу от 13 июня 1940 года. В этом же письме, посвященном Д. И. Шаховскому, В. И. Вернадский признавался: «Я думаю, что в некоторых глубоких отношениях я близок был к Мите, может быть, даже шел дальше его в критике основ религии, всякого рационалистического ее понимания, Божества, Иисуса, даже идеи единого Бога. И очень хорошо понял я его отношение к религии его глубоколюбящей его семьи, ею живущих и в то же время рационалистически сектантски, что его раздражало»^{375}.

На Д. И. Шаховского свое влияние оказало толстовство. Сострадательная гуманность, самоотдача и жертвенность в отношении других, этический энтузиазм Л. Н. Толстого, постулаты с традиционным для интеллигенции пафосом «служения народу» — всегда находили живой отклик в душе Дмитрия Ивановича. Увлеченный высокими духовно-нравственными идеалами, будучи «почти святым человеком»^{376}, как его характеризовали друзья и близкие, Дмитрий Иванович не мог причислить себя к православной церкви, оставаясь притом верующим человеком.

В своей общественной, просветительской деятельности он пытался реализовать одну из христианских заповедей. Д. И. Шаховской через идеи Приютинского братства стремился показать лучшее устройство жизни, построенное на началах братской любви, дружеской поддержки и взаимовыручки. Приютинцы, сами того не сознавая, на практике исполняли одну из важнейших христианских заповедей — «возлюби ближнего своего как самого себя». Но Евангелие учит прежде всего и всеми силами любить Бога; и это есть первая, главная заповедь; любовь же к человеку следует за ней. Сконцентрировав свой взгляд и усилия на одном из важнейших принципов христианской и человеческой жизни, приютинцы остановились в раздумьях перед другим принципом, поставленным во главу угла в христианстве — «Возлюби Бога всем сердцем своим, всею душой своей и всем разумением своим». Не преодолев сомнений и терзаний в принятии

первой заповеди, приютинцы не могли полностью реализовать и основную свою цель — в служении и любви к людям. Без Бога и познания его истины исполнить вторую заповедь — любить ближнего своего как самого себя — трудно, если вообще возможно.

Символична история города Весьегонска, который Д. И. Шаховской одно время мечтал сделать центром Приютинского братства. Напомним, что в Весьегонске началась служба Д. И. Шаховского на общественном поприще. Служение Д. И. Шаховского людям, на благо народу и Отечеству закончилось революцией и крушением старой России.

Весьегонск известен с 1524 года как село Весь Егонская Городецкого стана Бежецкого Верха, «весь на реке Егне» (весь — древнерусское «деревня, селение»). До 1764 года село принадлежало Московскому Симонову монастырю, было крупным торговым и промысловым центром. С 1776 года село стало городом. В XVIII–XIX веках Весьегонск славился ярмарками. В конце XIX века в связи с упадком Тихвинской водной системы Весьегонск утратил значение торгово-транзитного пункта из Астрахани в Санкт-Петербург. Сам Весьегонск в 1939-м при строительстве Рыбинского гидроузла частично оказался в зоне затопления. Незатопленная часть Весьегонска стала рабочим поселком. С 1953 года Весьегонск вновь стал городом. Но станет ли он «градом Китежем» — зависит от нас.

Весьегонск в нашем представлении стал как бы олицетворением той активной и общественно полезной деятельности, которая дает свои плоды, но, не освещенная христианским пониманием, рано или поздно оборачивается поражением.

*

Весьегонск и Скотопригоньевск

В конце жизни Д. И. Шаховскому многое открылось и дано было понять и осмыслить благодаря Ф. М. Достоевскому и его последнему роману «Братья Карамазовы». Свое отношение к роли писателя и его произведения в судьбе русского народа и в собственной судьбе Шаховской выразил в письмах И. М. Гревсу. В одном из них (декабрь 1928 года) он сообщал: «В течение последних дней я дочитал в «Братьях Карамазовых» пропущенные эпизоды «Великий инквизитор» и «Из жития старца Зосимы».

В сущности, я бы мог ограничиться в ответ на вопрос «что есть братство» рекомендацией вдумчиво и строго критически прочитать эти два

произведения. Думаю, что без них не было бы и братства в той форме, как оно вылилось. Как не было бы его и без Толстого. А в свою очередь — Толстой обусловлен — и ограничен — Достоевским, а Достоевский — Толстым».

Итак, Достоевский для Шаховского — самая глубокая литературная концепция русского самосознания. «И самосознание это есть самосознание религиозное и поглощает в себе церковную религиозность». Но при этом рассуждать о чьей-либо религиозности, не исчерпав до дна всю глубину «Братьев Карамазовых», значило бы, по словам Дмитрия Ивановича, «отрицать единство миропорядка, не говоря уже о единой субстанции русской духовной жизни». «Здесь берется вся русская мысль и вся русская действительность. Все намеренно сгущено до безумия. Тысячелетняя история сконцентрирована в историю четырех дней. Большие направления сжаты в личные образы. В Скотопригонск (так у Шаховского. — И. К., А. Л.) вмещены и ад, и рай, и чистилище. В реальных образах русского захолустного городишка разыграна божественная комедия — если не всего человечества, то всего русского народа».

Дмитрий Иванович с головой погружается во внутреннее пространство романа, глубоко переживает его сложные коллизии, стараясь разгадать то сокровенное, что хотел довести писатель в своей великой книге. «Я думаю, что «Братья Карамазовы» вообще пока еще совсем неразгаданная вещь... То, что он мог сказать, он, мне кажется, до конца высказал, надо только внимательно в это вчитаться, а не переносить своих мыслей от высказанного, столь богатого содержания к оставшемуся невысказанным и совершенно неизвестному. Для того, чтобы Достоевский смог ответить на поставленные им вопросы, ему надо бы было увидеть вот переживаемую нами теперь революционную драму. В ней разрешаются мучившие Достоевского *святые* и вместе с тем *проклятые* вопросы. Ведь и в «Братьях Карамазовых» дело идет о русской революции».

Действительно, Федор Михайлович в своем главном романе, исследуя лабиринты человеческой души, заблудившейся в чертогах рассудочности, рационализма и всеобщего отрицания, потерявшей нравственные ориентиры и оказавшейся в самом аду страстей и преступлений, предостерег Россию и всех нас от той ситуации, когда «Бога нет и все дозволено!». «Фон нарисованной им драмы, — замечает Шаховской — *вся Россия. Скотопригоньевск* — это повторение Чаадаевского Necropolis'a, не какой-то отдельный провинциальный городок. Нет. Это наше все».

Скотопригоньевск в романе — это символ разлагающейся духовности в мире, где «грехами человек может обратиться опять в скота». Нельзя не

отметить, что название Весьегонска в чем-то созвучно этому городу. Но внешнее созвучие дополняется и географической близостью. Литературный Скотопригоньевск — это реальная Старая Русса, небольшой тихий городок, расположенный в древней Новгородской земле. Если ехать из Петербурга в Москву, то у Бологого надо повернуть направо к Пскову (как раз через Старую Руссу и станцию Дно проходил маршрут поезда последнего российского императора Николая II перед отречением). Если же из Бологого свернуть налево, то окажешься в Весьегонске. Правда, князь Д. И. Шаховской обычно ездил в Весьегонск из Москвы и поворачивал направо.

Левая — правая, где сторона? Здесь и наша география, и история, и литература. Весьегонск — Скотопригоньевск: две точки русского пространства, два полюса русской жизни. С одной стороны — «дела праведные», но известно куда вымощена ими дорога. А с другой стороны? Куда пойти русскому человеку? Какой он выбирает путь?

Шаховской видел большую заслугу Достоевского в том, что в своем романе он с «гениальной силой поставил вопрос о будущем творчестве русской жизни, поставил его так, что необходимо было на него ответить, и для меня совершенно несомненно, ответа настоящего на него не имел и иметь не мог.

Повторяю, ответ на него, пока еще вовсе не окончательный, а только в виде первой обрисовки, дает революция»^{377}.

Не будет преувеличением сказать, что подлинный смысл всей деятельности Братства и всей своей жизни Дмитрий Иванович видел именно в том, чтобы приблизиться к решению этих вечных русских вопросов. Достоевский своим романом помогает Шаховскому найти опору в родной земле, на родной почве и удерживает его от рокового шага, отделяющего от пропасти безверия и разрыва с русской духовной традицией. Более того, он устремляет его мыслимый взор в будущее страны, реальным элементом возрождения которой, по Достоевскому и Шаховскому, выступают дети, обновляющая жизнь смена поколений^{378}.

Глава 21

ПРИЮТИНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

Но что именно нового внесет в будущую жизнь молодое поколение приютинцев? Точный ответ на этот вопрос Дмитрий Иванович дать не мог.

В 1920-е годы он неоднократно предпринимал попытки расширить состав Братства за счет вовлечения в него детей первого поколения приютинцев — своих дочерей Анны Дмитриевны Шаховской и Натальи Дмитриевны Шик-Шаховской, М. В. Шика, Е. И. Гревс — дочери Гревсов, Е. В. Елагиной (урожденной Шик), Е. А. Корниловой (урожденной Федоровой) — супруги А. А. Корнилова, Е. Г. Ольденбург (урожденной Клеменц) — второй супруги С. Ф. Ольденбурга, Ф. Ф. Ольденбург-младшего и Н. Ф. Ольденбург — детей Ф. Ф. Ольденбурга.

В начале 1925 года в связи с подготовкой к 100-летию юбилею восстания декабристов Шаховской решил направить письмо членам Братства и их детям с характерным названием «Вызов старикам и молодым». В нем он писал: «Декабристами жива Россия, и ими в глубине души жив каждый из нас. Нам надо вполне осознать это и по возможности передать это сознание другим. Без этого мы не можем достаточно послужить великой задаче, которая поставлена декабристами и пока не выполнена нами, — *осуществить русскую правду*»^{379}.

Стремление князя сплотить всех родных и близких приютинцев вокруг общего дела не находило соответствующего отклика. Дети старшего поколения приютинцев были вдохновляемы совершенно иными, отличными от взглядов их родителей идеями. Во многих семьях приютинцев между родителями и детьми возникла глубокая стена отчуждения, непонимания и даже обиды и горечи. Молодежи, по признанию Георгия Вернадского, было свойственно внутреннее неприятие «приютинского» духа^{380}. Это было отличительной особенностью второго поколения «приютинцев». К слову говоря, в письмах и дневниках В. И. Вернадского неоднократно упоминалось и «третье поколение» Братства. Но и они, тогда еще очень юные люди, остались безучастны к призывам стариков.

Шаховской делился с Гревсом своими горестными чувствами, что его дочери не понимают Братства и «отыскивают его не совсем там, где оно есть, хотя и не бесполезными путями»^{381}. Примечательно, что дети

приютинцев были очень дружны между собой. Они вместе учились на студенческой скамье. Например, Георгий Вернадский и Михаил Шик подружились еще будучи товарищами по гимназии. Старший Вернадский уже тогда выделял среди молодежи Михаила Владимировича Шика, который, хотя и был ровесником Георгия, казался значительно старше и глубже остальных. Еще в гимназические годы Вернадский-младший последовательно перепробовал традиционный для молодого человека тех лет набор исканий: кружок «самоусовершенствования», поставивший целью беседы о «смысле жизни», обсуждение этических проблем, литературы, искусства и т. д., «хождение» к Льву Толстому в Ясную Поляну, дискуссии с социал-демократами. Студентом университета Г. В. Вернадский участвовал в кампании помощи голодающим, зимой 1906 года был арестован, сотрудничал в Крестьянском союзе, работал в молодежной организации конституционно-демократической партии — фактически след в след повторяя путь идейных исканий своего отца и его друзей, членов Приютинского братства.

Молодежь, казалось, шла по стопам родителей, повторяя или осваивая их уроки. Как и в «большом» Братстве, в «малом» тоже был рельефно очерченный центр: Г. В. Вернадский (в домашнем кругу Гуля), Нина Ильинская, Нина Вернадская, А. С. Короленко — племянница В. И. Вернадского, жившая в его семье, Соня Любоцинская, Илья, Анна и Наташа Шаховские, товарищи Георгия, в том числе Михаил Владимирович Шик. Все были друг для друга как «родные братья и сестры». «Это был громадный мир, связанный взаимной верой, любовью и чувством ответственности перед жизнью». По словам В. И. Вернадского, кружок был тесный, энергичный, далеко еще не сложившийся, но очень одаренный. «Он жил своей жизнью, отчасти держась в стороне от нас, очень молодых родителей». Почти все были любители театра — оперы и драмы, увлекались ходьбой на лыжах по отрогам Воробьевых гор, ходили осматривать старинные барские дворцы и старые церкви в окрестностях Москвы или ездили по железной дороге по Московскому уезду, занимались просветительской деятельностью среди рабочих.

Однако их религиозно-нравственные искания лежали в другой плоскости — плоскости постижения национального религиозного опыта и традиций русского православия. Г. В. Вернадский, автор воспоминаний о событиях тех лет, писал, что особенно это чувство обострилось после Октября 1917 года. «Вероятно, большевистский переворот обратил меня к церкви и оживил Нинино религиозное чувство. Из наших московских друзей так было и с Наташей и Аней Шаховскими». Тема религиозного

переживания и обретения православия как способа самосознания личности вошла в молодежь Братства через М. В. Шика, зримо обозначив границу отчужденности между «отцами» и «детьми». «Под его влиянием мы вернулись к церкви», — вспоминала жена Вернадского-младшего^{382}.

Михаил Владимирович Шик (1887–1937) был известен в своих кругах как священнослужитель и литератор. Выпускник Московского университета (1912) по двум отделениям — всеобщей истории и философии, вольноопределяющийся в инженерных войсках во время Первой мировой войны, он принял православие, как мы отмечали, в 1918 году. «Это очень хороший и талантливый человек, который интересовался главным образом философскими вопросами. По своим искренним убеждениям он крестился и стал православным священником», — характеризовал Шика академик Вернадский, знавший его по совместной научной и творческой деятельности^{383}. Почти одновременно с появлением сборника «Вехи» (1909) Шик издал свой перевод знаменитого «Многообразия религиозного опыта» У. Джеймса. Эта книга в предвоенные годы завоевала авторитет властительницы дум интеллигентной молодежи обеих российских столиц.

Что касается Георгия Вернадского, то у него установились близкие взаимоотношения с православными иерархами в годы гражданской войны. Несмотря на тяжесть военного времени и трудные условия жизни, в Крыму наблюдался расцвет умственной и религиозной жизни. После прихода сюда Добровольческой армии в июне 1919 года религиозное чувство и религиозно-философская мысль прорвались наружу. Дружеские отношения установились у Георгия с архимандритом Вениамином, позже ставшим епископом Севастопольским. Через него уже в эмиграции Вернадский познакомился с несколькими видными иерархами, к которым заходил на чай и с которыми оживленно беседовал о текущем положении русской церкви в разных странах зарубежья. «Все трое руководящих владык — митрополиты Антоний и Платон и архиепископ Анастасий — были выдающимися людьми, каждый в своем роде», — вспоминал Г. В. Вернадский^{384}.

В смысле общих стереотипов сознания воззрения Георгия Вернадского оказались ближе консервативному, с религиозными чертами либерализму «веховского» направления, чем либерализму «милюковского» кадетского толка, светскому и радикальному по своему существу, считает современный исследователь его взглядов^{385}.

Георгий Вернадский менее своих друзей был настроен к

конфронтации или к осуждению родителей. Такая позиция противоречила бы общему духу любви и уважения, царившему в семье. Мягкий, очень домашний, «частный» человек, Георгий никогда не стремился быть лидером, скорее ведомым. Влияние семьи на него было огромно. Практически всю жизнь сын ощущал на себе тень отца и огромную ответственность перед ним. Его первые научные работы 1913 года вызвали серьезную критику со стороны академика Вернадского, который и в дальнейшем со всей тщательностью и вниманием рецензировал все сочинения сына. Отец высоко отзывался о Георгии, называл его своеобразным и тонким историком, ученым с творческим элементом, широким взглядом и точной отделкой. Сказать, что Вернадский обожал своих детей — мало. «Я исключительно счастлив в детях. Моя Ниночка, страшно одаренная — талантливая художница с совершенно особыми филологическими способностями (редкий тип филолога по призванию), с своеобразным самостоятельным умом и чудным сердцем... Дети вышли разные — очень дружные — но сын православный и русский без всяких украинских симпатий — а дочка украинка, в этой области душевно близкая мне»^[386], — с радостью и гордостью отмечал ученый.

В семье же Ольденбургов произошла, как мы уже говорили, настоящая трагедия: полная размолвка между отцом и сыном. Сергей Сергеевич Ольденбург (1887–1940), сын С. Ф. Ольденбурга от первого брака, по образованию юрист, историк, публицист, автор фундаментальной, неоднократно переиздававшейся в том числе и в наши дни книги о царствовании Николая II, был монархистом по своим убеждениям. О встрече с сыном С. Ф. Ольденбург писал жене 1 июля 1923 года из Берлина: «Тяжело мне очень и от глубокого, непримиримого разногласия с Сережей: столкнулись два мировоззрения и у двух людей, упорно держащихся каждый своего, верящих в него... Чувствую, что Сережа меня любит, но ему глубоко чуждо то, чем я живу, он это считает ошибкой, недоразумением глубоким и печальным с моей стороны, а мне то, во что он верит, кажется таким ветхим и нежизненным». Ей же 12 июля 1923 года он пишет: «С Сережей вчера большой разговор о религии — он становится религиозным, не церковно, этого пока что не видно, и в церковь он не ходит. Вообще, по-видимому, религиозность очень сильно распространяется. Мне как нерелигиозному человеку не вполне понятен этот новый поворот. Я уважаю религиозность, но, конечно, не узко церковную, а как базу этики, но сам не имею религиозных чувств». Идейные разногласия принципиального характера не мешали между тем С.

Ф. Ольденбургу оказывать материальную помощь семье сына^{387}.

У самого Дмитрия Ивановича в семье в отношениях с дочерьми были также свои проблемы. Серьезные противоречия в религиозно-духовной сфере, приводившие к постоянной, но содержательной философской дискуссии, возникли у него с Натальей Дмитриевной. Младшая дочь, жена православного священника, горячо и искренне любящая Михаила Владимировича, всем сердцем и душой принявшая православие, разделяла позицию мужа в его критике сотрудничества ряда высших церковных иерархов с советской властью. В частности, она присоединилась к течению «непоминающих», к которому примыкал и М. В. Шик, составивших оппозицию официальному руководству Русской православной церкви (местоблюститель — митрополит Сергей). Они проповедовали неподчинение в форме неупоминания имени митрополита Сергия на литургии. У Д. И. Шаховского, по свидетельству В. И. Вернадского, подобная линия поведения дочери и зятя вызывала раздражение. Он видел в этом проявление узкого сектантства^{388}.

Но гораздо более глубокое расхождение существовало между отцом и дочерью в вопросах веры. Шаховской в своем процессе поиска истины фактически попытался обосновать новую религию. В письме И. М. Гревсу от 3 декабря 1928 года он со всей определенностью и открытостью признает это: «Мы несомненно думали о новой религии, когда создавали Братство. И вместе с тем вовсе не мечтали быть какими-то полными новаторами, мы вместе с тем, по моему, не были и рационалистами или были ими лишь постольку, поскольку не могут ими не быть не следующие шаблону жизни молодые люди в эпоху перелома... С чувством свободы, с верой в науку — скорее в народ и в глубь открывающейся живому чувству жизненной тайны — вот с чем мы шли в жизнь. И, конечно, в близком будущем мы видели перед собой оформленную общими усилиями — с участием народа — религиозно-философскую доктрину»^{389}.

Разумеется, Наталья Дмитриевна как православный человек не могла принять подобного новаторства. Развернувшаяся полемика, а переписка на эту тему была весьма продолжительной, представляет большой интерес для исследователей в их понимании позиции обоих оппонентов. Так, в письме, адресованном дочери (3 сентября 1929 года), Дмитрий Иванович рассуждал: «Я утверждаю, что процесс развития понимания истины продолжается и после Христа... суть моих вопросов та, что если признание существования истины устраняет свободу исканий для лучшего ее уразумения, то замкнутая в таких закоренелых формах религия становится

не живым источником веры, а тормозом, а в некоторые эпохи, какова и наша, это устранение свободы искания отражается гибельно и на жизни церкви». Весьма характерно также следующее его замечание: «Не мешает помнить, что без еретиков не могло бы быть воздвигнуто здание христианского вероучения и с исчезновением ересей чрезвычайно ослабела творческая работа христианской мысли, и только с вовлечением еретических мнений в круг рассуждений церкви может быть возобновлена активная работа христианской мысли»^{390}.

Нельзя не отдать дань уважения последовательности и настойчивости Дмитрия Ивановича в утверждении своих взглядов, но вряд ли они были приемлемы для его дочери, которая в одном из последних обращений к своим детям — внукам Дмитрия Ивановича, писала: «В молодости я хотела изменять мир, а потом поняла, что мир уже изменил Христос, и все дело в том, как каждый человек ищет свой путь к Нему»^{391}.

Духовная разобщенность с дочерью не могла не влиять на общее настроение отца, круг близких людей которого неуклонно сокращался.

В 1925 году умер А. А. Корнилов. Здоровье его уже давно было подорвано. В июле 1917 года, в период кризиса Временного правительства, с Корниловым сделался удар. Его перевезли домой в полупарализованном состоянии. Постепенно оправившись и вернувшись в Петроград, он смог опять заняться научной работой. Плодом ее стала книга «Годы странствий Михаила Бакунина», основанная на материалах семейного архива Бакуниных.

Друзья поддерживали с ним тесные взаимоотношения. Очень много общался с Корниловым Г. В. Вернадский, который стал его другом. Беседовал обыкновенно о собственных трудах А. А. Корнилова и о ходе новейшего периода русской истории, приведшего к современному положению.

А. А. Корнилов был в то время секретарем ЦК партии народной свободы, но продолжал заниматься и русской историей. «Я часто у них бывал по вечерам, — вспоминал Г. В. Вернадский. — Сначала мы сидели с Александром Александровичем в его кабинете, обрамленном полками с книгами и папками с рукописями. Беседы с ним всегда бывали для меня интересны и поучительны. Екатерина Антиповна в это время готовила ужин и потом, уложив Талочку спать, ужинала с нами»^{392}.

«Год юбилеев был и годом смертей... И чуть не половина нашего первоначального состава уже в могиле», — писал Д. И. Шаховской И. М. Гревсу. Вскоре после А. А. Корнилова умерли Харламов, Обольянинов.

«Круг близких, дорогих близких братьев все более сжимается, и остается нас совсем немного — и мы в разброде, — писал Д. И. Шаховской В. И. Вернадскому 15 мая 1925 года. — Каждый в своих идейных исканиях, но на своем жизненном посту, замираем единицами, не как целое... Была ли ошибка в нашей молодой конструкции? Явились ли мы раньше времени? Не хватило ли смелости мысли? волевого хотения? Понемногу, когда уходили из жизни дорогие, близкие люди — Шура, Федор, — когда жизнь совершенно изменила окружающее, все же мы чувствовали, что моральные и идейные основы нашего жизненного пути остались нетронутыми и мы им не изменили, но шли, однако, к ним *отдельно*, а не *вместе*. Наш кружок, теперь кружок стариков, — доживал — но не жил общей жизнью. И сейчас смерть Ади, которого болезнь давно уже оторвала от гущи жизни, очень ярко ставит передо мной те же мысли. А между тем для меня является все более и более ясным будущее и большое некоторых из тех идей, которые были нашей спайкой: примат морали и отрицание средств действия, противоречащих ей, уважение к человеческой личности и свободе, в разной форме религиозное искание — и сознание — при этой широкой нравственной атмосфере — первостепенного значения научного искания, научного творчества, ничем не ограниченного и не могущего быть ограниченным, искание нового строя жизни в подъеме семьи и свободной личности, ее высоте... Я думаю — во многом из этого таится будущее и, может быть, не напрасно прошли наши жизни, хотя мы не сумели дать им форму яркого выражения и как-то сами скрылись — в нашем единении — в гуще жизни. Мы коснулись правды, остались ей верны — но поднять ее и внести в жизнь в нашем составе не смогли. Новые поколения подойдут к тому же с большей смелостью и с большей решимостью... Жизнь идет и все меньше остается личных связей с будущим... Из дорогого кружка друзей остались осколки. А наши дети при их нетронутости в чистоте их личностей едва сохраняют отпечатки нашей духовной близости»^{393}.
Таковы были грустные размышления Д. И. Шаховского, которые не во всем можно разделить.

Глава 22

ФИЛОСОФИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ:

П. Я. ЧААДАЕВ

В 1930-х годах Д. И. Шаховской главным образом занялся Чаадаевым. Для Дмитрия Ивановича все события российской истории за последние 100 лет выстраивались в определенную схему:

I. 1830–1855 (Пушкин — Чаадаев)

II. 1855–1880 (Достоевский — Толстой)

III. 1880–1905 (Чехов — Горький)

IV. 1905–1930 (Блок — Есенин).

«Мы — всецело порождение II поколения, — писал он. — III нас еще знало, к IV мы были совсем равнодушны, и только теперь ретроспективно можем вникнуть в его жизненное дело».

Общепризнано, что появление в октябре 1836 года в журнале «Телескоп» первого «Философического письма» стало переломным моментом для русской общественной мысли, искавшей для страны выхода в исторической перспективе, о которой пророчески возвестил Чаадаев. П. Я. Чаадаева называют первым по времени философом истории на Руси, «одним из тех людей, которыми Россия вправе гордиться», «самым крепким, глубоким и самым разнообразным мыслителем, когда-либо произведенным русской землей»^{394}.

Поспешно было бы утверждать, что за истекшие 160 лет состоялось полное изучение наследия П. Я. Чаадаева. Но без преувеличения можно сказать, что неоценимый вклад в это изучение внес Д. И. Шаховской. Его выдающаяся роль в собирании чаадаевского наследия отмечается исследователями и по сей день. Они используют перевод Шаховского «Философических писем» П. Я. Чаадаева, его комментариев к ним. Исследователи полагают, что современный уровень не только отечественного, но и мирового чаадаевского источниковедения определен «титаническими усилиями, беспримерным энтузиазмом и энергией этого собирателя наследства русского мыслителя»^{395}.

Д. И. Шаховским было найдено более 150 неизвестных до этого сочинений и писем П. Я. Чаадаева, в том числе пять из восьми «Философических писем». Он работал в архивах, в частности, над оригиналами писем в Ленинграде, собирал письма Чаадаева у своих

знакомых. В архивных фондах сохранились рукописи статей, набросков, писем Дмитрия Ивановича, посвященных философии Чаадаева, которые писались явно «в стол». Шаховской тщательно собирал материалы своего двоюродного деда еще до Октябрьской революции.

Как известно, в основном сочинения П. Я. Чаадаева либо имели хождение в рукописных списках, либо оставались неизвестными публике. Произведения философа при его жизни публиковались лишь дважды, причем оба раза без упоминания имени автора. После его смерти бумаги и библиотека перешли к внучатому племяннику П. Я. Чаадаева М. И. Жихареву, который предпринял попытки издания наиболее известных ему сочинений за границей и в России, а библиотеку мыслителя и большую коллекцию писем передал в Румянцевский музей. Вплоть до 1905 года русский читатель практически не был знаком даже с основными сочинениями П. Я. Чаадаева.

Особенно результативными поиски Д. И. Шаховского стали в послереволюционное время, когда многие ранее закрытые архивы оказались доступными. Дмитрий Иванович ввел в научный оборот жихаревские копии, сохранившиеся в собрании А. Н. Пыпина и поступившие в 1926 году в Пушкинский Дом, а также материалы, рассеянные по многочисленным служебным и ведомственным дореволюционным архивам: бывшего III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, Министерства народного просвещения, Военного министерства и др. Он внимательно следил за текущими историко-литературными публикациями.

Именно во второй половине 1920-х годов Д. И. Шаховской сделал замечательное открытие, совершенно изменившее представление об идейном облике и эволюции Чаадаева: он обнаружил единственный сохранившийся полный экземпляр всех восьми «Философических писем». Ему удалось разыскать в Ленинграде, в Пушкинском Доме — Институте русской литературы, полную, составленную самим Чаадаевым, рукопись, которая, очевидно, была в свое время отобрана у Чаадаева при обыске. Открытие и восстановление его основной рукописи, определение ее значения явилось поистине научным подвигом Шаховского. Находка неизвестных ранее «Философических писем», которые он напечатал в журнале «Литературное наследство», вызвала сенсацию в СССР и за рубежом^{396}.

П. Я. Чаадаев обозначил целый комплекс проблем в области русской религиозной философии и национальной мысли, вокруг которых до сих пор не прекращаются споры. Одни вслед за А. И. Герценом акцентировали

внимание на социально-гражданской основе историософии П. Я. Чаадаева, пафосе неприятия строя, держащего страну в самоизоляции. Другие вслед за М. О. Гершензоном центром исследования делали проблему христианского идеала в трудах Чаадаева. При этом открытым оставался вопрос о том, стала ли концепция П. Я. Чаадаева «составной частью» воззрений западников или славянофилов, истоки спора между которыми и были порождением творчества П. Я. Чаадаева.

Причем Шаховской настаивал, что Чаадаев вовсе не отрицатель и даже вовсе не западник. «Он пророк мирового христианства, ожидающий от русского самосознания последнего победоносного удара по мировой лжи»^{397}.

Взгляды П. Я. Чаадаева оказали решающее влияние на формирование воззрений Д. И. Шаховского. Основной в понимании Д. И. Шаховским чаадаевского наследия и одной из центральных идей самого Д. И. Шаховского является идея соборного сознания. Чем больше Д. И. Шаховской вдумывался в нее, тем больше она его привлекала. «Единичного сознания, как и вообще всего единичного, не существует, — писал он в своих заметках 1935 года. — То, что мнит быть нашим сознанием, есть продукт сознания мирового, — каждый из нас есть лишь один из ликов многоликого человечества. И, сознав это, претворив это сознание, в свою очередь, в продукт жизни, в свою природу и преобразив свою природу этим сознанием, — человек переходит в существо высшего порядка...»

Суть идеи заключалась в единстве всех сознаний как основной мировой истины. Необходимость этого единения являлась условием познания объективной, не зависящей от отдельного человеческого сознания, истины. Идею соборности Д. И. Шаховской называл сущностью русского мироощущения, отличительной чертой всего подлинно русского. «В ее осознании, утверждении и претворении в жизнь... заключается и мировая задача, и высшее предназначение русского народа», — говорил вслед за П. Я. Чаадаевым Д. И. Шаховской. Идея соборного сознания, по мнению князя, являлась основной мыслью русской философии, ее высшим достижением. Сформулированная П. Я. Чаадаевым, она оказала воздействие на философию Владимира Соловьева, затем — в целом на религиозно-философскую мысль XX века, а также на учение В. И. Вернадского о ноосфере.

От усвоения сознанием человечества единства людей и их слияния зависел прогресс человеческой истории. Как и П. Я. Чаадаев, Д. И. Шаховской погрузился в своем процессе познания истины и обоснования идеи соборности в область философии. Основательно разобравшись, по

мнению Д. И. Шаховского, в теориях прогресса, П. Я. Чаадаев пришел к убеждению, что в истории господствует высший моральный закон — высший критерий, совершенно объективный, на основании которого мы можем и должны производить оценку всякого события и всякой части человечества, прежде всего всякого народа. Ценным для Д. И. Шаховского являлось то, что, усваивая себе чаадаевскую схему, он не подчинял свою мысль ее авторитету, не довольствовался никакими ссылками. Пытливые поиски самостоятельного мышления — вот что представлялось важным и интересным, по мнению Шаховского.

Настоящими учителями Петра Яковлевича Шаховской называл Шеллинга, Канта, Ламенне, Спинозу. Изучения их философских воззрений было достаточно, чтобы объяснить всю философскую систему «басманного философа». Кроме того, Дмитрий Иванович считал, что Чаадаев должен был знать Бэкона, Лейбница и Декарта, хотя учителями его они не были, он «скорее отталкивался от них, чем вбирал в себя их основную мысль». Составляя комментарии к третьему философическому письму, Дмитрий Иванович отмечал: «Подбор книг по философии природы в библиотеке Чаадаева довольно случаен, хотя он и старается вникнуть в новейшие учения электричества, магнетизма и палеонтологии».

Скрупулезно вчитывающийся внук обнаружил несколько недоговоренностей и внутренних противоречий в философских рассуждениях своего двоюродного деда. Главное внутреннее противоречие — несогласованность двух определяющих непреложных начал — общего закона жизни и свободы человека. П. Я. Чаадаев не указывал пути к согласованию этих начал и называл их сосуществование просто «длящимся чудом». Философское столкновение непрременного мирового закона с независимой человеческой деятельностью П. Я. Чаадаев склонен был рассматривать, как Спиноза: отрицая, по существу, свободную волю, заменяя факт ее сознания в себе теорией о том, что свобода сводится к одному голому ощущению своей свободы, которое равносильно реальной свободе. Д. И. Шаховской считал, что единственно правильное логическое примирение свободной личности с жизнью мира — это пантеизм особого рода. Он даже думал, что в самой глубине души Чаадаев именно принимал этот пантеизм, но на словах от него отмежевывался.

Признавая личность орудием общей воли и подчиняя все ее действия общим мировым законам, П. Я. Чаадаев несомненно принимал и высоко ставил индивидуальность. Различия в умах, нравственных силах и познаниях, на которые указал философ, являлись, по мнению Д. И. Шаховского, не пороком, а залогом совершенствования, без которого

невозможно было шествие вперед. Теория сильных личностей, вождей народа, через которых совершается все достижение человеческого рода, теория, которой проникнуты целиком философические письма, ясно говорила в пользу значения индивидуальности. Но надо понимать, писал в своих заметках Дмитрий Иванович, что индивидуальность, именно для того, чтобы стать сильной, то есть выразительницей чего-то более общего, приближающегося к пониманию объективной истины, должна преодолеть свою обособленность, и потому в этом смысле Чаадаев превозносит безличность.

Свобода личности — величайшая ценность человека — являлась самым крупным камнем преткновения в его развитии, если она отделена от целого, центробежна, эгоистична. Умаление претензий «пагубного Я» П. Я. Чаадаев считал важнейшей задачей в духовном совершенствовании людей. «Есть одно средство увидеть истину — удалить себя». П. Я. Чаадаев неоднократно подчеркивал, что необходимо отказаться от роковой экзистенциальной привычки все относить к себе, дабы обрести «рассудок без эгоизма». В каждой душе, отмечал он, живет «смутный инстинкт нравственного блага», без которого люди запутались бы в собственной свободе и который по-разному проявляется у них. Симпатия, любовь, сострадание помогают ему понимать заботы окружающих и деятельно участвовать в их разрешении.

Развивая «смутный инстинкт нравственного блага» до «глубокой мысли» о всеединстве, солидарности, сотворчестве на пути к высшим целям, человек, по мнению Чаадаева, способен подняться на такую высоту, с которой он может осознать себя как нравственное существо, изначально связанное многими невидимыми нитями и очевидными традициями с абсолютным разумом, верховной идеей, Богом, а отнюдь не как существо обособленное и личное. Тогда человек вместо обособленного индивидуалистического сознания смог бы усвоить всеобщее, почувствовать себя невыпадающим звеном «великого духовного целого». Слияние личности с миром он считал путем к освобождению ее от ограничений времени, пространства и конечного числа и в таком слиянии видел цель мирового процесса.

Постижение идеи соборности позволяло Д. И. Шаховскому сделать не только гносеологические, но и социальные, философско-исторические выводы. Достижение единого соборного сознания, слияние «всех существующих на свете нравственных сил в одну мысль, одно чувство», по П. Я. Чаадаеву, должно было привести «к постепенному установлению социальной системы или церкви, которая должна водворить царство

истины среди людей». Общество, развивающееся и воспитывающееся в свете христианства, подчиняющее свои интересы соборной идее, имеет силу и жизненность. Соборность являлась залогом от гибели или застоя. «Только христианское общество поистине одушевлено духовными интересами, и именно этим обусловлена способность новых народов к совершенствованию, именно здесь вся тайна их культуры», — соглашался Д. И. Шаховской с П. Я. Чаадаевым.

Христианство П. Я. Чаадаев понимал как социальное христианство. Он стремился «свести небо на землю», как заметил один из исследователей его творчества, утвердить идею совершенного строя именно в исторических пределах. Формулируя свои основные взгляды и выводы в личных письмах А. И. Тургеневу, П. Я. Чаадаев писал: «Начало католицизма есть начало деятельное, начало социальное, прежде всего». Христианство для П. Я. Чаадаева, по мнению Д. И. Шаховского, являлось важным историческим этапом в жизни человечества, в котором он ценил «вовсе не догматическую и не мистическую его сторону, а именно то новое содержание исторического развития, которое внесено в жизнь мира с его появлением». Сущность этого нового заключалась «в подчинении всего личного общему, в признании истины как чего-то стоящего вне всякого субъективного ее восприятия отдельным сознанием или ограниченной совокупностью сознаний, в добровольном подчинении своего понимания, своего чувства и своей воли этой истине».

Деятельное начало в христианстве, выделенное П. Я. Чаадаевым, было понятно и близко Д. И. Шаховскому, активному труженику на общественном поприще, всеми силами и усердием откликавшемуся на различные социальные потребности. Идея соборности ярко перекликается с идеей Братства — основополагающей идеей воззрений самого Д. И. Шаховского.

«Соборное сознание» интересовало Д. И. Шаховского также и тем, что «оно сродни — если не диалектическому материализму, то диалектическому методу». Поэтому «достижения марксистской мысли должны были быть привлечены в сферу нашей работы», — писал он. Русская революция, по его мнению, стала осуществлением самой мысли — соборности, а П. Я. Чаадаев, «так ненавидевший всякие революции, воспринял русскую революцию как положительный факт огромного исторического значения и сказал бы, что он должен взять назад многое из того, что он говорил о русском народе».

Судьба русского народа в судьбах мира — еще один коренной вопрос, который был поставлен П. Я. Чаадаевым и проанализирован Д. И.

Шаховским. Характеризуя себя как человека, малосведущего в этих вопросах, Дмитрий Иванович полагал, что П. Я. Чаадаев «очень глубоко проникал в суть дела и что он обладал удивительно сильным и далеко хватающим чувством, или инстинктом, настоящего историка». Дмитрий Иванович показывал, что Чаадаев верно воспринимал и правильно выражал то, что русский народ не усвоил себе сущности западной цивилизации, «не вошел в живое общение с народами человечества как личность со своим собственным лицом». «Мы пока дети, — вслед за П. Я. Чаадаевым повторял Д. И. Шаховской. — Скажу только, что Чаадаев ясно указал, что он считает это отсутствие у нас самосознания явлением временным, хотя и затяжным вследствие затянувшегося у нас детства». Русскому народу предстояло только войти в круг христианских народов с сознанием своего места в истории и литературе. И здесь он выражал надежду, что «может быть, то, чему мы являемся свидетелями, есть начало этого дела».

П. Я. Чаадаеву принадлежит идея «исторической молодости России». Вслед за немецкими философами, обосновавшими теорию разных возрастов народов соответственно началу их осязаемого участия в мировом историческом процессе, наш мыслитель воспринимал народы и людей в качестве отдельных нравственных личностей, подлежащих оценке и самооценке. Концепцию «исторической молодости России» П. Я. Чаадаев красноречиво развивал в письмах друзьям, в «Апологии сумасшедшего», в своих философских беседах. «Больше, чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою страну, — писал Чаадаев в «Апологии сумасшедшего», — желаю ей славы, умею ценить высокие качества моего народа... у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество. Я часто говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества».

Идея «исторической молодости России» была одушевлена идеей национальной миссии России, ее способности занять видное место в дальнейшем общем движении европейской и мировой цивилизации при условии быстрого освоения успехов просвещения Запада, его «опыта веков». При этом П. Я. Чаадаев не говорил о тех специфических доминантах национальной исключительности, особой предназначенности России к спасению человечества, которые определили бы мессианскую

координату новой стадии его историософии. Иное дело, что эти чаадаевские идеи, подхваченные славянофилами, были переосмыслены в духе допетровской русской самобытности, на что указал Д. И. Шаховской.

Вместе с тем Д. И. Шаховской называл Чаадаева «и повивальной бабкой, и крестным отцом — при родах и при крещении славянофильской доктрины». В свое время еще П. Н. Милюков весьма тонко подметил, что настоящую основу мирового значения православия подсказал славянофилам П. Я. Чаадаев. Не очарование Россией было ново в Чаадаеве, а разочарование в Европе, так как «обновление католичества провалилось». Успехи европейской цивилизации были дороги Чаадаеву как закономерные плоды христианства, как необходимые залого дальнейшего совершенствования общества на его основе. Но эти же залого в построениях мыслителя перестают играть свою созидательную роль, как только «забывают» о своем происхождении, впитывают в себя господствующие индивидуалистические и атеистические тенденции.

П. Я. Чаадаев благословлял Россию как поприще будущего проявления великого закона христианской всеевропейской жизни. Правда, в его формуле слабо было отражено то из трех течений христианства, которому ходом истории, по мнению Д. И. Шаховского, предназначено вывести человечество на путь веры, — православие. Под православием Дмитрий Иванович подразумевал «все православие в совокупности», то есть восточную доктрину, греческое предание, новые философские течения, возникшие на фоне православного религиозного сознания, чувства и опыта, а также религиозные переживания русского народа. Но по сути своей, утверждал Д. И. Шаховской, вся формула П. Я. Чаадаева «насквозь, совершенно возвышенно-православная, потому что Чаадаев был коренной представитель русского духа и нес с собой или, лучше, в себе — именно русскую идею. Достаточно сопоставить его с другими русскими мыслителями и потом всех их вместе противопоставить западным, — чтобы понять, что он зачинатель именно русского философского мышления и всю свою формулу построил, исходя из русской веры и из русского опыта, конечно, не только и не столько положительного, сколько отрицательного».

Загадка России, поиски ее места в общем движении истории, постижение высшего смысла всей мировой жизни — задачи, которые не только пытался разрешить сам П. Я. Чаадаев, но которые предопределили главное направление русской философской мысли, работу русского самосознания в последующем. Но и в этом направлении были свои проблемы. Д. И. Шаховской обозначил их как бессвязность русской жизни,

яд нарушения преемственности — отсутствие «среди нас настоящей последовательной мировой мысли»^{398}.

Со второй половины 1920-х годов Д. И. Шаховской приступил к подготовке издания сочинений П. Я. Чаадаева, а в 1930-х годах осуществил ряд частных публикаций. Он обследовал все центральные, а также некоторые провинциальные архивы для выявления новых материалов; со всего найденного им были сняты копии, сосредоточенные позднее в его личном архиве, который в 1951 году был передан в Пушкинский Дом.

Дмитрий Иванович дважды подготовил к изданию собрание сочинений П. Я. Чаадаева — первое для издательства «Academia», но оно не было завершено, и второе для Госполитиздата, которое к концу 1930-х годов даже было сверстано. К сожалению, оба издания так и не увидели свет, хотя их выход, как признают современные исследователи, несомненно, явился бы выдающимся событием в отечественном и мировом чаадаевоведении. Задержка в течение года другого сборника — «Декабристы и их время» со статьей Д. И. Шаховского «Якушкин и Чаадаев» — расстраивала его. «В последний момент пришлось выкинуть набранных и сверстных несколько статей и заменить их другими», — делился он с друзьями, а это все отодвигало выход сборника — и оплату гонорара^{399}.

Опубликованные работы Д. И. Шаховского, посвященные П. Я. Чаадаеву, носили главным образом историко-биографический характер. Некоторые из них сильно пострадали от редакционных и цензурных вставок и изъятий. Сам Д. И. Шаховской по этому поводу отмечал в письме Н. М. Дружинину: «К сожалению, в моем предисловии после авторской корректуры, которую я считал окончательной, без моего ведома совершенно исказили несколько мест, вставив туда мысли, мне чуждые и совершенно ложные... Не буду об этом распространяться». Из письма И. М. Гревсу от 9 июня 1938 года узнаем об окончательном крахе многолетних усилий Д. И. Шаховского издать Чаадаева: «Мне еще предстоит эти дни война с Соцэкгизом, который якобы за неимением бумаги отклоняет печатание, т. е. выпуск Избранных философских сочинений Чаадаева, совсем готовых (набранных, прокомментированных, и в гранках, в верстке процензурованных). Для меня это зарез»^{400}.

Приступая к работе над Чаадаевым, Дмитрий Иванович первоначально планировал дать только текст и перевод его трудов с объяснениями формального характера. Однако в дальнейшем рамки работы пришлось расширить. Д. И. Шаховской замыслил дать подробный комментарий к

размышлениям П. Я. Чаадаева, поскольку тот порой весьма неясно излагал свои мысли. Задача предстояла трудная, работа продвигалась туго, приходилось скрупулезно изучать библиотеку Чаадаева, его отметки и заметки на книгах. У Д. И. Шаховского время от времени возникали опасения, справится ли он, да и здоровье уже очень пошатнулось.

Д. И. Шаховской часто испытывал различные недомогания, серьезно болел. Работоспособность снизилась, силы были уже не те, а серьезные задачи, которые он постоянно ставил перед собой, требовали энергии и отдачи. Начиная с 1932 года в письмах близким Дмитрий Иванович все чаще и чаще жаловался на состояние своего здоровья. Хуже всего обстояло дело с глазами. Глаза болели, трудно было читать мелкое, слабо напечатанное или не очень хорошо написанное. Приходилось очень ограничивать чтение, что Дмитрий Иванович никак не мог соблюдать. Кроме того, обострились подагрические явления. Шаховской чувствовал еще чрезвычайное ослабление памяти и упадок умственной работоспособности. Удручала его хозяйственная неурядица и в большом, и в малом: не хватало ни бумаги, ни чернил. И все это приходилось переносить «с унижительной покорностью и рабским молчанием». В конце 1930-х годов он писал И. М. Гревсу, что «очень, очень сдал»^{401}.

Глава 23

ТРАГЕДИЯ УХОДА

В сентябре 1930 года Шаховской описывал предсмертные часы жизни Чаадаева: «Чаадаев умирал. Он сидел на диване в кабинете разрушавшегося флигеля на Басманной. Под ноги ему поставили стул. Он было оделся, чтобы ехать обедать к Шевалье, но сил не было не только для выезда, а даже на то, чтобы лечь в постель или хотя бы произнести слово... Он и ранее часто думал о близкой смерти, но в первый раз он жил этим сознанием по-настоящему... и на мгновение перед ним промелькнуло что-то вроде досады на то, как в прошлом это простое и естественное чувство не выливалось полностью в жизни — на деле выходило как раз наоборот... Чем искреннее он проникался чувством любви к окружающему, тем более он казался сварливым ко всему другому, равнодушным и только о себе помышляющим суетным брюзгой».

Строки, посвященные Чаадаеву, полностью передавали эмоциональное состояние самого Шаховского накануне его трагического ухода из жизни. В эти последние месяцы неудовлетворенность собой у Дмитрия Ивановича особенно обострилась. Трудно было справляться с текущей работой. Д. И. Шаховской считал, что все, что он делает, «из рук вон плохо». Падение работоспособности вызывало мрачное представление о будущем. По воспоминаниям внуков, в эти моменты он часто уходил в себя, в свои мысли, пытался как можно реже общаться с близкими. И даже в буквальном смысле прятался от семьи за стенку, отгородившись ею от своих домашних, уютившихся в уже уплотненной и перегороженной квартире на Зубовском бульваре.

Без активной деятельной работы Д. И. Шаховской не мог себе представить дальнейшего существования. Однако жаловаться на свою судьбу или сдаваться Дмитрий Иванович не собирался. Периоды мрачного настроения сменялись у него душевным подъемом. Он продолжал «бежать» по жизни, закручивая в стремительном турбильоне своих мыслей даже молодых.

Князь постоянно увлекал в вихрь своего кружения друзей, знакомых, родных. В письме В. И. Вернадскому от 31 марта 1937 года Дмитрий Иванович писал: «В старости я что-то страсть как прыток». В другом более раннем письме историку Н. М. Дружинину от 12 апреля 1931 года он заявлял: «Может, я живу интенсивнее, чем когда-либо при жизни, и мне

брюхом хочется знать живо про всех, кто связаны жизнью с нами и пока еще живы вдвойне — и телом, и духом». В письме И. М. Гревсу Д. И. Шаховской писал: «Потребность повсюду заглянуть и отовсюду взглянуть на что-то общее, единое и великолепное — богатое своим разнообразием и неистощимой творческой неповторимостью. Я и радуюсь этой жажде жизни, жажде светлой и примиренной, и боюсь ее — потому что тянусь ко всему и притом тянусь не как созерцатель, а как активный участник жизни, строю планы, несбыточные заведомо, но властно влекущие меня к себе и неотвязно требующие активного вмешательства... Но как бы то ни было, больше всего я жажду сейчас того, чего совсем не стало в окружающих: свободной, творческой, личной активности»^{402}.

Между тем политическая атмосфера в стране действовала на Д. И. Шаховского удручающе. Страх перед возможной перлюстрацией писем не позволял ему называть вещи своими именами. Вынужденный способ общения по переписке с друзьями, не позволявший затрагивать сколько-нибудь важных тем, разочаровывал. «Нельзя писать о впечатлениях каждого из нас, нельзя писать о своих чувствах, нельзя писать о своих мыслях, нельзя писать о своих занятиях, нельзя писать сколько-нибудь откровенно ни о чем! К чему же писать заведомую ложь или незначительные пустячки или изливания чувств, которые не имеют смысла при вынужденном молчании о том, что вызывает действительное душевное движение? Приходится уйти в себя и быть молчаливым свидетелем происходящего вокруг».

Особенно пугало бессилие — неспособность не только преодолеть окружающее зло, но даже и бороться с ним. В одном из писем И. М. Гревсу Д. И. Шаховской замечал: «Мы подавлены ходом событий и погрузились в полную пассивность: ждем удара, «считаем раны», наносимые нам, а также нередко и воображаемые нами и преувеличенные в нашей оценке. Но ведь нельзя жить в положении этого избиваемого тела, лишенного воли»^{403}.

В конце 1920-х годов Д. И. Шаховской вышел на пенсию по инвалидности, размер которой постепенно снизился со 100 рублей до 75 рублей в месяц. Особенную опасность составляла возможная задержка пенсии. Кроме того, это скудное содержание вскоре решили отобрать. Пенсионеров «чистили», у Д. И. Шаховского отобрали пенсионную книжку, нависла угроза лишения пенсии. Это имело значение ввиду отсутствия у Д. И. Шаховского какого-либо другого серьезного заработка. Случайные литературные гонорары составляли не более 200 рублей в год, и при этом буквально на каждом шагу приходилось сталкиваться с множеством

проволочек, затягиванием сроков заключения договоров и выхода работ.

Большую поддержку в материальном плане оказывали близкие друзья, прежде всего Вернадские. Одним из правил в кодексе Братства «Приютино» было: «На чужие нужды смотри как на свои. Просящему у тебя дай (если ему нужно или может быть нужно) и не стыдись *попросить* у всякого; не бойся просить милостыню». Материальная помощь друг другу всегда существовала на протяжении всей истории Братства. Нужда другого и в самом деле воспринималась как своя собственная. В трудные жизненные моменты друзья приходили на выручку. Изыскивались средства и направлялись тому, кто в них нуждался.

Однако *брать* оказывалось куда более трудным делом, чем *давать*. В одном из писем Д. И. Шаховского И. М. Гревсу, датированном 15 января 1936 года, Дмитрий Иванович писал: «Вообще ты очень ошибаешься, считая себя богаче меня. Мне принадлежит весь мир, а мир богаче тебя. И ты угнетен и беден только потому, что в одиночестве своем перестал быть человеком мира, т. е. человеком, которому весь мир свой и потому, пока он всецело живет жизнью мира, ему все в пределах разумных доступно, а за этими пределами нет ничего, кроме пустых и ленивых мечтаний». Д. И. Шаховского порой называли «нищим князем»; «в своем аскетизме» он доходил «до крайности».

Как показывает переписка Д. И. Шаховского, он часто испытывал неловкость, занимая деньги, но всегда искренне был благодарен друзьям. В письме В. И. Вернадскому Шаховской пишет 28 января 1930 года: «Дорогие друзья. Получили деньги и горячо благодарим вас за помощь». Письмо И. М. Гревсу также свидетельствует о верности друзей и заботе их друг о друге: «Вернадские, уезжая, прислали нам 100 руб. Теперь, с получением значительного аванса, эти деньги нам совершенно лишние. Просто девать их некуда, именно эти 100 рублей. Так что о деньгах совершенно не беспокойся. Они в полном твоем распоряжении... Сумма эта не деньги в твоих обстоятельствах, но она достаточна для поездки. *Здоровье и настроение*. И для того, чтобы справиться с этим главным бичом — лучшее лекарство взять палку в руки и переменить обстановку, выскочить из паутины забот и мрачных мыслей, этого главного источника бессилия и угнетенного состояния»^{404}.

Семья Д. И. Шаховского в 1930-е годы столкнулась с серьезными проблемами. Младшая дочь Дмитрия Ивановича Наталья попала в разряд лишенцев. Дом и скот хозяина квартиры, где жили Шики, в 1930 году отобрали в «колхоз». Их самих пока не выселяли, но возникла необходимость искать квартиру. В итоге Шики решили купить домик в

Малоярославце, иначе нельзя было устроиться, так как квартиры никто не сдавал. С покупкой помогли родители Михаила Владимировича. Наталья Дмитриевна вынуждена была почти все время пребывать в хозяйственных заботах с пятью детьми, младшего она все еще кормила грудью.

«И Наталья, и ее муж удивительно стойко и бодро переживают все затруднения. Но внешний разброд и полная неопределенность положения дают себя знать на всем ходе жизни», — писал Д. И. Шаховской. Михаил Владимирович имел литературную работу и очень часто уезжал в Москву. Он был одним из главных переводчиков естественно-исторических сочинений Гёте, редактируемых В. И. Вернадским, который поражался, «как он прекрасно справлялся с трудными по языку работами Гёте и разбирался в области ему, казалось, чуждой, кроме его философских интересов». Вместе с мужем Наталья Дмитриевна издала книгу о Фарадее, которая перед Великой Отечественной войной должна была выйти вторым изданием^{405}. Сама Наталья Дмитриевна была высокообразованным человеком, имела высшее образование, так же, как и старшая сестра Анна, с отличием окончила Московские высшие женские курсы. Как и муж, она зарабатывала литературным трудом.

Начинался 1937 год — год юбилеев (столетие гибели Пушкина и двадцатилетие революции) и тяжелых потрясений. Еще накануне на Рождество 1936 года, как вспоминала позднее Мария Михайловна Шик-Старостенкова, дед устроил в Малоярославце вечер памяти Пушкина. Приехал одухотворенный, наполненный, приподнятый. Его с возрастом еще более ставшая сутулой фигура как-то сразу выпрямилась, плечи расправились, и всем было радостно в этот момент праздника.

Но уже 25 февраля 1937 года был арестован муж Натальи Дмитриевны. После семимесячного заключения Михаил Владимирович Шик был приговорен к десяти годам дальнего лагеря без права переписки. Семья, состоявшая из самой Натальи Дмитриевны, тяжело страдавшей к тому времени туберкулезом, ее матери, пятерых детей в возрасте от 14 до 5 лет и четверых старух — бабушек и теток, осталась без основного кормильца.

Михаил Владимирович Шик был обвинен в создании контрреволюционной антисоветской организации. По приговору ОСО Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян 27 сентября 1937 года. Посмертно реабилитирован в 1956 году. В 1944 году на запрос В. И. Вернадского был получен ответ по телефону из секретариата председателя Верховного Совета СССР, что осужденный на «10 лет без права переписки» М. В. Шик скончался в лагере 26 сентября 1938 года. В 1994 году дочь М.

В. Шика Елизавета Михайловна отыскала имя отца в списках массовых захоронений жертв сталинского террора на окраине Москвы в Бутове^[406].

Здесь в 1995–1996 годах на территории бывшего полигона НКВД — КГБ был возведен храм Святых Новомучеников и Исповедников Российских. Автором проекта стал сын М. В. Шика и внук Д. И. Шаховского известный российский скульптор Дмитрий Михайлович Шаховской, увековечивший таким образом память о своих родных и многих тысячах других невинных жертвах террора.

О заключительном этапе жизненного пути нашего героя рассказывают скупые строки следственного дела Д. И. Шаховского, с которым в архиве ФСБ сумел познакомиться видный историк Валентин Валентинович Шелохаев. Обратимся к его публикации.

В ночь с 26 на 27 июля 1938 года в квартире Шаховского на Зубовском бульваре (дом 15, квартира 23) был произведен обыск. Сам Дмитрий Иванович был арестован и конвоирован во внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке. Как показывают материалы дела, Шаховской уже давно находился в «агентурной разработке». Без предъявления официального обвинения Д. И. Шаховской почти месяц находился в тюрьме, и хотя до 20 августа 1938 года протоколов допроса в его деле нет, историк предполагает, что все это время он подвергался дознанию. В архиве В. И. Вернадского хранится письмо его племянника Г. Г. Старицкого от 4 августа 1944 года, который сообщал: «Еще раз отвечаю на твой вопрос о Дмитрие Ивановиче. Мой знакомый сидел с ним на Лубянке во внутренней тюрьме НКВД, после этого Дмитрия Ивановича куда-то перевели и он его больше не встречал... Он мне говорил, что Дмитрия Ивановича заставляли назвать имена его знакомых, но он отказался. Дмитрия Ивановича долго держали на следствии, заставляли стоять сутками без сна, и у него пухли ноги; но он был тверд и не терял бодрости духа».

В следственном деле сохранились протоколы допросов. Они проводились в любое время суток. Только в третьей декаде августа арестованного четыре раза вызывали на допрос (20, 21, 25, 27 августа). С небольшими интервалами допросы продолжались до 3 ноября 1938 года. Но они не дали ожидаемого результата. 3 ноября 1938 года следователь Миронович обвинил Шаховского в том, что он использует предоставленную ему возможность «собственноручно изложить свои показания для провокационных попыток». Следователь потребовал «рассказать всю правду о деятельности контрреволюционной организации», членом которой якобы являлся Шаховской, заявлял, что Дмитрий Иванович и так «полностью изобличен» сообщниками.

Дело в том, что Шаховской в ходе следствия не скрывал своего участия в нелегальной деятельности ЦК кадетской партии с 1917 по 1922 год. Однако он категорически отказывался давать какие-либо показания о «контрреволюционной деятельности в дальнейшие годы и о других участниках кадетской нелегальной организации». 2 ноября 1938 года ему было официально предъявлено обвинение, в котором он квалифицировался как «один из руководителей антисоветской нелегальной кадетской организации в СССР, ставящей своей целью свержение Советской власти и восстановление капиталистического строя с помощью интервенции фашистских государств». Шаховской привлекался к ответственности по статье 58 пункты 3, 6, 8, 11, 17 Уголовного кодекса РСФСР.

Уже в Лефортовской тюрьме начался новый виток допросов, причем время следствия несколько раз продлевалось. Под давлением следователей 28 ноября 1938 года Шаховской вынужден был написать заявление следующего содержания: «Признаю себя виновным в том, что являлся участником подпольной кадетской организации с 1919 года. В составе этой организации все вели антисоветскую деятельность. Кроме меня, в эту организацию входили находившиеся в Москве бывшие члены Центрального комитета кадетской партии. Показания, как о своей преступной деятельности, так и своих соучастников, я обязуюсь дать с исчерпывающей полнотой».

Но никакого раскрытия данного тезиса не последовало. Более того, 25 декабря 1938 года Шаховской отказался каким-либо образом конкретизировать свою «контрреволюционную» деятельность после 1922 года. В ответ на вопрос следователя: «Намерены ли вы сегодня на следствии говорить правду о своем участии в контрреволюционной деятельности кадетов?» — Шаховской категорически заявил: «Никакого участия в кадетской контрреволюционной организации я не принимал с 1922 года и ничего по этому поводу показать не могу». Не помогла следствию и очная ставка Шаховского с Котляревским, состоявшаяся 7 февраля 1939 года. В ходе ее Дмитрий Иванович подтвердил, что «ни о какой кадетской организации до следствия не слышал».

На последнем листе следственного дела (с которым историки смогли ознакомиться лишь совсем недавно) Д. И. Шаховской, уже слабеющей рукой, написал: «Я, арестованный Шаховской, если бы мне была представлена улика, хотя бы в одном из моих преступлений, конечно, рассказал бы о других преступлениях, которых у меня нет».

Академик В. И. Вернадский, лауреат Сталинской премии и орденносец, неоднократно обращался в Президиум Верховного Совета,

требуя освобождения Дмитрия Ивановича. Мужественно, не считаясь с соображениями собственной безопасности, В. И. Вернадский встал на защиту своего дорогого друга и близкого человека. 17 декабря 1938 года он направляет письмо А. Я. Вышинскому с просьбой об аудиенции. 20 декабря 1938 года такая встреча состоялась. Однако каких-либо положительных результатов она не дала. Д. И. Шаховской оставался в тюрьме. В июле 1939 года Владимир Иванович направляет еще несколько писем А. Я. Вышинскому. А в мае 1940 года В. И. Вернадский ходатайствует перед новым наркомом внутренних дел Л. П. Берией о смягчении участи Дмитрия Ивановича, не зная о том, что его уже больше года нет в живых^{407}.

20 февраля 1939 года следствие по делу Д. И. Шаховского было завершено, и уже через три дня обвинение было утверждено начальником следственной части НКВД СССР комиссаром госбезопасности 3-го ранга Кобуловым, а 25 марта заместителем прокурора СССР Рогинским. 13 апреля 1939 года под председательством Ульриха состоялось предварительное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР, на котором было заслушано дело с обвинительным заключением НКВД СССР о предании Военной коллегией Верховного суда СССР Д. И. Шаховского уголовной ответственности по статье 58 пункты 6, 8, 11 в порядке закона от 1 декабря 1934 года. Было принято решение заслушать дело Шаховского в закрытом судебном заседании без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей. В тот же день Шаховскому была вручена копия обвинительного заключения.

14 апреля 1939 года состоялось закрытое заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР. В ответ на вопрос председательствующего, признает ли подсудимый себя виновным, Дмитрий Иванович заявил: «Виновные Себя признаю в том, что до 1920 года вел активную борьбу с Советской властью. Что же касается последующей антисоветской деятельности, то в этом себя виновным не считаю, так как никакой антисоветской работы не проводил, поскольку примирился с существованием советской власти». Тем не менее Шаховской был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. На следующий день, 15 апреля 1939 года, Д. И. Шаховской был расстрелян — по одним данным, на полигоне в Бутове, по другим — в Коммунарке.

О расстреле Шаховского не знали ни родные, ни друзья. Его старшей дочери Анне Дмитриевне сообщили, что отец осужден на «10 лет без права переписки» и отправлен «в дальние лагеря». Сохранялась надежда, что Дмитрий Иванович жив. 5 мая 1940 года Вернадский обратился с письмом к Берии: «Я дружен с Дмитрием Ивановичем почти 60 лет — все время мы

прожили друг с другом душа в душу, находясь в непрерывном, ни разу не нарушенном, идейном общении. Между нами не было тайн, и я, как все ему близкие, страдающие от несчастья, его постигшего, не сомневаемся в том, что он верно и глубоко служил до момента своего ареста товарищем Ежовым своей стране и своему народу — в рамках Советской власти, восстановившей и восстанавливающей после глубокого развала строй, мощь и мировое положение нашего народа и государства. Русская беспартийная интеллигенция здесь работала и работает плечо с плечом с коммунистической партией сознательно — верой и правдой. Восстановление и рост народа и страны в широкой постановке есть наше общее дело, общее достижение. Д. И. Шаховской — один из самых замечательных людей нашей страны — глубокий, широкого образования. Искренний и морально честный демократ. Моральной исключительной высоты... Мне 77 лет — я знаю по-своему, как хрупка организация стариков в зависимости от внешних условий жизни. Выдержал ли испытание организм Дмитрия Ивановича?.. Здоров ли Дмитрий Иванович Шаховской? Я думаю, что я не выхожу за пределы того, что Вы можете сделать. Очень прошу Вас ответить мне».

В аппарате Берии была подготовлена «справка», согласно которой следовало, что 11 июня 1940 года академику Вернадскому было сообщено, что Д. И. Шаховской в конце января 1940 года, «находясь в одном из лагерей НКВД, умер». По официальным же каналам на неоднократные письменные заявления Анны Дмитриевны давалась другая информация, согласно которой ее отец якобы жив и находится в лагере. И лишь 23 сентября 1940 года начальник 1-го спецотдела НКВД Калинин на очередном обращении АД. Шаховской написал следующую резолюцию: «Полагал бы необходимым подтвердить о смерти Шаховского Д. И.». 30 сентября 1940 года такая справка в порядке приказа НКВД СССР от 11 июня 1939 года была подготовлена. В ней говорилось: «Шаховской Д. И., 1862, умер в лагере 25. I. 40 г. Причина смерти эндокардит (паралич сердца)». 19 октября 1940 года семья Шаховских получила официальное извещение о смерти Д. И. Шаховского. Через 16 лет Анна Дмитриевна дважды (1 июля и 19 октября 1956 года) обращалась в Военную прокуратуру СССР с заявлением о пересмотре дела своего отца, «умершего в лагере». 9 июля 1957 года Верховный суд СССР отменил приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 14 апреля 1939 года в отношении Д. И. Шаховского и прекратил дело за отсутствием состава преступления. Однако подлинная дата и причина гибели Д. И. Шаховского стали известны лишь спустя 34 года после реабилитации, в 1991 году^[408].

Историк, занимающийся описанием жизни ушедших людей, вольно или невольно обращает внимание на такие факты биографии своих героев, которые, на его взгляд, имеют символическое значение.

В 1928 году в пасхальную ночь с 14 на 15 апреля, спустя 72 года после кончины П. Я. Чаадаева и ровно за одиннадцать лет до своей гибели, Шаховской обращался к Гревсу: «Пишу тебе в пасхальную ночь под звон московских колоколов... Но вот что скажу тебе: Чаадаев много слушал московские колокола. Он их ждал и в день смерти... Но не дождался. Умер за несколько часов до их звона, 14 апреля 1856 года. И Чаадаев, как и Тургенев, был западник, хотя и славянофилы его дети. Но он умер в Москве и в гробу слышал колокола, и в конце прощального обращения своего священник Петропавловской церкви Сергиевский^{409}, бывший потом профессором богословия в Московском университете, сказал, как бы христосуясь с ним: «Умерший во Христе брат, Христос воскресе»... Так, видишь ли, все-таки как-то напрашивается сравнение судьбы двух западников Чаадаева и Тургенева — по отношению к московским колоколам»^{410}.

А мы в завершении позволим добавить к этим именам и имя Дмитрия Ивановича Шаховского, поставив его в один ряд с выдающимися русскими людьми.

И пусть московские колокола звучат под вечным небом России.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В канун нового, 1913 года на традиционной встрече членов Братства произошел один разговор, свидетелем которого стал Георгий Вернадский: «Федор Федорович [Ольденбург] очень интересно говорил, что партия кадетов мешает общественной жизни в провинции, потому что надо искать нового, а партия сковывает, дает готовые обязательные указания. Но тут надо не чтоб он вышел из партии, а чтоб партия (официально?) закрылась, он же, как часовой, не может уйти с поста, пока его не сменят или отзовут, иначе это полная деморализация. Все это мне страшно близко было, — пишет Г. В. Вернадский. — Возражали ему папа и Корнилов, а Дмитрий Иванович говорил, что он не знает, что надо»^[411].

Казалось бы, странную позицию занял Д. И. Шаховской в этой беседе, если учесть, что он был одним из основателей и лидеров партии народной свободы. Но для человека, всю жизнь стремившегося к осуществлению «русской правды», подобная неопределенность вполне объяснима. В конце концов, любые партии только разъединяют людей и раскалывают общество, затрудняют свободный поиск истины, в которую так верил Шаховской и которая, по его мнению, должна была открыться в будущем русскому народу.

Вслед за Петром Яковлевичем Чаадаевым он считал, что «русские должны внести в сознание человечества это познание духовной стороны бытия, конечно, вовсе не вследствие каких-то исконных присущих нам свойств, а по историческому ходу нашего развития и по тому положению, которое мы занимаем в истории мира. Христианство застало нас на самых ранних ступенях исторического развития, и оно легло более прочно, чем где бы то ни было, в основу национального идеала».

Не в слепом подражании каким-либо, пусть даже самым передовым, но чуждым нашему опыту и пониманию жизни, образцам, а в выявлении подлинного смысла отечественной истории и предназначения нашего народа видел Дмитрий Иванович основную задачу российских интеллектуалов и всех, кому действительно дорога судьба страны. Как злободневно сегодня звучат его слова о том, что «американизм не сочетается с нашей духовностью, а беспомощно топчет ее не внешним насилием, а победой изнутри.

И пока ни о каком синтезе не может быть и речи... Перед нами такое яркое проявление бессилия европейской и американской силы и силы

русского бессилия, что никакой реальной базы для синтеза пока нет»^{412}. Таков вывод Шаховского, который и спустя 70 с лишним лет остается крайне актуальным и поучительным.

И при этом Шаховской верил в великое будущее России, когда произойдет разрешение «всех нагроможденных противоречий и безобразий».

В молодости в «Повести о том, что будет с каждым из нас, когда мы будем большие», написанной после окончания университета, князь Дмитрий Иванович Шаховской признавался, что он «ужасно желает быть русским человеком»^{413}. Какое простое и трудное желание. И какая долгая и сложная оказалась к нему дорога. Дорога к самому себе.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ШАХОВСКОГО

1861, 18 сентября (по старому стилю) — в Царском Селе в семье командира лейб-гвардии уланского полка Ивана Федоровича Шаховского (1826–1894) родился сын Дмитрий. Мать — Екатерина Святославовна Шаховская, урожденная графиня Бержинская (?— 1871), племянница московского генерал-губернатора князя Владимира Андреевича Долгорукова и шефа корпуса жандармов Василия Андреевича Долгорукова.

20 октября — крещен в Городской Госпитальной Скорбященской церкви города Царское Село. Восприемниками его при крещении были — Его Императорского Величества флигель-адъютант Людвиг Антонов Янковский и жена гвардии полковника Татищева Екатерина Ильина.

1871, март — скончалась мать от тяжелого нервного заболевания. Братья и сестры остались одни на попечении отца: Николай (1857–1896), Наталья (1859–1939), в замужестве Оржевская (с 1882 года), Георгий (Юрий) (1863–1919), Сергей (1865–1908).

1866–1880 — семья живет в Варшаве, где отец (с 1875 года) назначен начальником штаба Варшавского военного округа. В Варшаве проходит детство и юность Мити, обучение в VI Варшавской мужской гимназии. Знакомство с М. С. Громекой (1853–1883).

1880, июль — переезд в Москву, поступление на историко-филологический факультет Московского университета.

5 декабря — принимает участие в студенческой сходке, первый арест, препровождение в Бутырскую тюрьму.

1881, 1 марта — убийство Александра II народовольцами.

1881, весна — 1884, лето — переезд в Петербург. Переход на 2-й курс историко-филологического факультета Петербургского университета. Знакомство с «варшавянами» — выпускниками варшавских гимназий. Образование и деятельное участие в «Ольденбургском кружке». Работа в студенческом научно-литературном обществе. Организация кружка

народной литературы.

1881 — знакомство с будущей женой Анной Николаевной Сиротининой.

1885, сентябрь — 1889, январь — пребывание в Весьегонске. Земская деятельность в Весьегонском уезде Тверской губернии.

1886, лето — женитьба Д. И. Шаховского на А. Н. Сиротининой.

30 декабря — организация Братства.

1887— рождение сына Илюши (1887–1916).

1889 — уезжает в Рождественно-Васькино Серпуховского уезда Московской губернии. Управление делами отца. Гласный Ярославского уездного земства.

7 июня — рождение дочери Ани (1889–1959).

1890 — живет в Михайловском. Организация школьной колонии в Курбской волости Ярославского уезда Ярославской губернии.

Август — установление негласного надзора Ярославским губернским жандармским управлением.

19 августа — рождение дочери Наташи (1890–1942).

Октябрь — переезд в Тверь. Работа в области статистики. Готовит статистическое описание уезда.

1891–1892 — принимает участие в кампании по борьбе с голодом, инициированной приютинцами.

1893 — поездка в Крым.

1894— рождение дочери Шуры (1894–1912).

Кончина Ивана Федоровича Шаховского, отца Дмитрия Ивановича.

1895 — подготовка «всеподданнейших» адресов девяти земств о «единении царя с народом» путем «доступа голоса земств к престолу» в связи с коронацией императора Николая I. Собраны и опубликованы в Женеве под псевдонимом Мирный С.

1897 — рождение дочери Елизаветы (прожила три месяца).

1899–1901 — вся семья в Ярославле. Участие в губернском земском собрании. Работа в «Северном крае».

1899–1905 — деятельность земского кружка «Беседа».

Конец 1890-х годов — начало 1900-х годов — совершает «челночные» поездки по губернским и уездным городам России с целью формирования губернских, городских, уездных и сельских комитетов кадетской партии. Налаживает партийную печать, занимается вопросами финансового обеспечения партии и организацией ее общественной деятельности, поддерживает постоянные связи с широкими внепартийными кругами демократической интеллигенции, служащими, студентами, приказчиками,

представителями Красного Креста.

1902 — издание «Всеобщее образование в России». Первый выпуск под редакцией Д. И. Шаховского. Поездка весной за границу.

Июль — главный организатор тайного распространения заграничного журнала «Освобождение».

1904, 6–9 ноября — общеземский съезд в Петербурге.

1904, январь — 1905, октябрь — участие в организации «Союз освобождения».

1905, 12–18 октября — учреждение конституционно-демократической партии. Избрание в члены Центрального комитета.

1906 — выбран в Ярославле депутатом в Первую Государственную думу. Апрель — избирается секретарем Думы, организует работу думской канцелярии.

8 июля — роспуск Государственной думы.

9 июля — подписывает Выборгское воззвание. Отстраняется от политической деятельности.

1907, 12–18 декабря — дело о Выборгском воззвании в Особом присутствии Санкт-Петербургской судебной палаты.

1908 — лишается права быть избранным в Государственную думу и в органы местного самоуправления, арестовывается и отбывает наказание в одиночной камере Ярославской губернской тюрьмы в течение трех месяцев.

Октябрь — смерть брата Сергея Ивановича Шаховского.

Декабрь — начало работы в Публичной библиотеке в Петербурге и в Румянцевском музее в Москве. Собирает материал о своих выдающихся предках — историке М. М. Щербатове и философе П. Я. Чаадаеве. Одновременно участвует в жизни ЦК кадетской партии, занимается вопросами организации работы местных комитетов партии, разработки пакета законопроектов для внесения в Третью Государственную думу.

1912, 16 февраля — трагическая гибель дочери Шуры. Переезд семьи Дмитрия Ивановича в Москву на постоянное жительство. Адрес — Зубовский бульвар, дом 15, квартира 23. Дом сохранился.

1912–1913 — является организатором всероссийских кооперативных съездов в Петербурге, Киеве и Москве.

1914–1916 — предлагает план организации помощи фронту в статье «Мобилизация хозяйства», в цикле статей «Путь к победе», напечатанных в газете «Речь».

1915 — учредитель и член исполнительного бюро всесословного потребительского общества «Кооперация» в Москве, с января 1916 года —

председатель совета этого общества.

1916, 20 мая — трагическая гибель сына Ильи.

1917, октябрь — *1919, апрель* — принимает участие в антибольшевистском подполье. Призывает Московскую городскую думу, кооператоров, членов партии кадетов немедленно начать «действенную борьбу с большевизмом». Является одним из инициаторов и организаторов создания «Союза возрождения России» в мае 1918 года и «Тактического центра» в апреле 1919 года.

1920, февраль — арест ВЧК по делу «Тактического центра».

1921, май — амнистия. Отходит от активной политической деятельности, до 1922 года продолжает изредка посещать заседания членов ЦК кадетской партии, проживавших в Москве. Работает в кооперации, в Госплане, усердно стараясь быть полезным для «блага народа» и общества.

Декабрь — последнее годовое собрание приютинцев.

Конец 1920~х годов — активно участвует в краеведческом движении, изучает декабристские усадьбы. Усердно занимается изучением А. С. Пушкина, М. М. Щербатова, П. Я. Чаадаева. Работает в бывшем архиве Министерства юстиции на Девичьем поле над описью и рукописями щербатовских материалов. Приступил к подготовке издания сочинений П. Я. Чаадаева, осуществил ряд частных публикаций.

1931, апрель — получает ходатайство Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в Централхив о допуске его к занятиям по истории декабристов.

Середина 1930-х годов — подготовка к изданию произведений П. Я. Чаадаева.

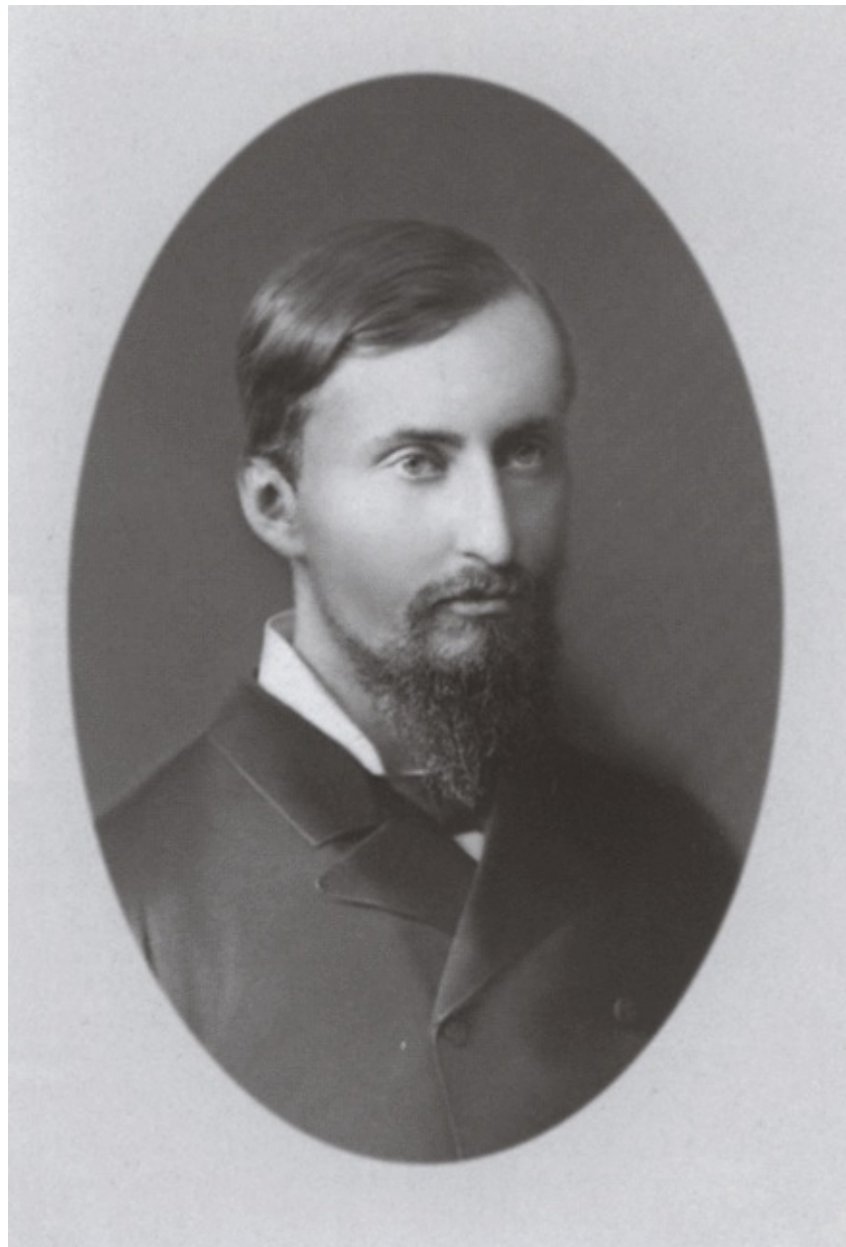
1937, февраль — арест зятя Д. И. Шаховского — М. В. Шика. Столетний юбилей кончины А. С. Пушкина.

1938, в ночь с 26 на 27 июля — в квартире Шаховского на Зубовском бульваре произведен обыск, а сам он арестован и конвоирован во внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке.

1939, 15 апреля — Шаховской расстрелян, по одним данным, на полигоне в Бутове, по другим — в Коммунарке. Имущество конфисковано.

2003, 27 июня — установление мемориальной доски князю Д. И. Шаховскому в Ярославле на улице Республиканской, дом 47.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Дмитрий Хаверсон

Князь Михаил Михайлович Щербатов.

Князь Федор Петрович Шаховской.

Начало 1820-х гг.

*Рождествено-Васькино, родовое имение князей Щербатовых-
Шаховских.*

Современное фото.

Семейная фотография Шаховских. 1880~егг. В центре — Иван Федорович Шаховской, слева от него — сын Сергей, справа — сыновья Николай и Георгий, дочь Наталья. Сидит, вероятно, Наталья Дмитриевна Шаховская, урожденная Щербатова.

Фото из архива внучки Д. И. Шаховского Е. М. Шик.

Екатерина Святославовна Шаховская, урожденная графиня Бержинская.

Княжна Наталья Ивановна Шаховская.

Царское Село. Панорама Софийского собора с колокольней.

Современное фото.

Князь Иван Федорович Шаховской.

Варшава. Театральная площадь.

Конец XIX в.

Михаил Степанович Громека (в центре за столом) с учениками. Слева от него сидят: И. Р. Романов, Н. Н. Сиротинина, В. Н. Сиротинин; стоят: М. Р. Романов, Рукавишников, Д. И. Шаховской. Справа — сидят: В. Н. и Е. Н. Сиротинины; стоят: А. Н. Сиротинина и муж В. Н. Сиротининой.

Фото из архива Е. М. Шик.

Рождествено-Васькино. Колокольня.

Современное фото.

Коридор Петербургского университета.

Петербург. Университетская столовая.

*Ольденбургский кружок. Студенты Петербургского университета.
Слева направо, сверху вниз: Д. Шаховской, А. Краснов, С.
Крыжановский, Ф. Ольденбург, Н. Харламов, Н. Ушинский, В.
Вернадский, А. Корнилов, С. Ольденбург, Л. Обольянинов. 1884.*

Петербург. Университетская набережная.

45

Весьегонокъ, 26/11 87/88

Перевожамъ Вамъ, любяще наши Варшавцы, Епископо, и прочий ками отъ Ведора. Не зная, какъ Вамъ въ немъ думать: въпрямую отъ правителъ въ Парижъ, Вспрошуйте Ведора. Иногда по думаетъ, умомъ о томъ, гдѣ Вы сидите въ Варшавѣ, когда гдѣтъ такае урочнае, рекоме Берговец и когда для какаго мѣстѣе такаго страшно-важнаго рѣшенъ такъ-то соображати... Подумайте, не только какъ насъ разлагало то величье вѣсели свѣту. Не въ каменъ-предовиди - вѣсть какъ - въ разити мнѣнствѣхъ свѣтъ какой шибуть смолетъ, а какой же смолетъ Ваше пресобраніе въ Варшавѣ?... Напишите, если у Васъ свѣтъ гдѣ либо чохомъ на оправданіе или по крайней мѣрѣ на симлогичіи вину обвиненія.

Письмо Д. И. Шаховского членам Братства — «варшавянам».

Весьегонокъ, 26 ноября 1887 г.

Весьегонск. Церковь Святой Троицы.

*Анна Николаевна Шаховская, урожденная Сиротинина, с дочерью
Наташей. 1891.*

Михайловское, родовое имение князей Щербатовых-Шаховских в Ярославской области. Церковь Архангела Михаила.

Современное фото.

Лев Николаевич Толстой со своими помощниками во время работы по оказанию помощи голодающим крестьянам в селе Патровке Бузулукского уезда Самарской губернии.

*Народная столовая в деревне Пралевке Лукояновского уезда
Нижегородской губернии.*

Фототипия с фотографии М. Дмитриева. 1892.

Мемориальная доска в Ярославле на доме, где Д. И. Шаховской работал редактором газеты «Северный край» в 1898–1905 годах.

Ярославль. Рабочая слобода Большой мануфактуры.

Фото начала XX в.

ГОЛОСА ИЗЪ РОССІИ

Выпускъ 1.

С. Мирный.

А ДРЕСЫ ЗЕМСТВЪ

1894—1895

и

ИХЪ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА.

ЖЕНЕВА

УКРАИНСКАЯ ТИПОГРАФІА

1896

Титульный лист сборника «Адресы земств. 1894–1895», изданного Д. И. Шаховским в Женеве под псевдонимом С. Мирный.

Ярославль. Биржа и гостиница «Бристоль».

Императрица Александра Федоровна. 1907.

Портрет работы Н. К. Бодаревского.

Император Николай II. 1902.

Портрет работы Э. К. Липгарта.

Д. И. Шаховской (стоит в центре) среди устроителей концерта для народных учителей в Ярославле.

Середина 1890-х гг.

Молебен в Георгиевском (Тронном) зале Зимнего дворца 27 апреля 1906 года перед открытием Первой Государственной думы.

***Ярославцы — депутаты Первой Государственной думы. Слева направо:
А. М. Костров (Ростов), Д. А. Скульский, Д. И. Шаховской, В. Е.
Строганов (Рыбинск).***

Фото из архива Е. М. Шик.

Дмитрий Иванович Шаховской. 1906.

Братья Сергей Федорович и Федор Федорович Одъденбурги.

Молодое братство. 1912. За столом — Г. В. Вернадский, справа от него — М. В. Шик; слева — М. М. Карпович, А. Д. Шаховская, Н. Д. Шаховская, Н. В. Вернадская (урожденная Ильинская); в белом фартуке — прислуга Поля.

Владимир Иванович Вернадский. 1905.

Д. И. Шаховской (сидит крайний слева) среди членов Первой Государственной думы; в центре — председатель Думы С. А. Муромцев.

Таврический дворец в Санкт-Петербурге, в котором проходили заседания Государственной думы.

И. И. Петрункевич, В. И. Вернадский, Д. И. Шаховской.

Фото из архива Е. М. Шик.

Д. И. Шаховской (второй слева) среди членов Первой Государственной думы.

В день объявления Высочайшего манифеста о войне с Германией. Императорская чета с балкона Зимнего дворца приветствует собравшихся на Дворцовой площади. 1914.

Илья, Наталья и Анна Шаховские. 1915.

На фронте Первой мировой войны.

А. А. Корнилов и В. И. Вернадский с близкими на отдыхе. 1916.

Сожжение царских гербов в Петрограде. Февраль 1917 г.

П. Н. Милюков, лидер партии кадетов, выступает в Государственной думе. 1915.

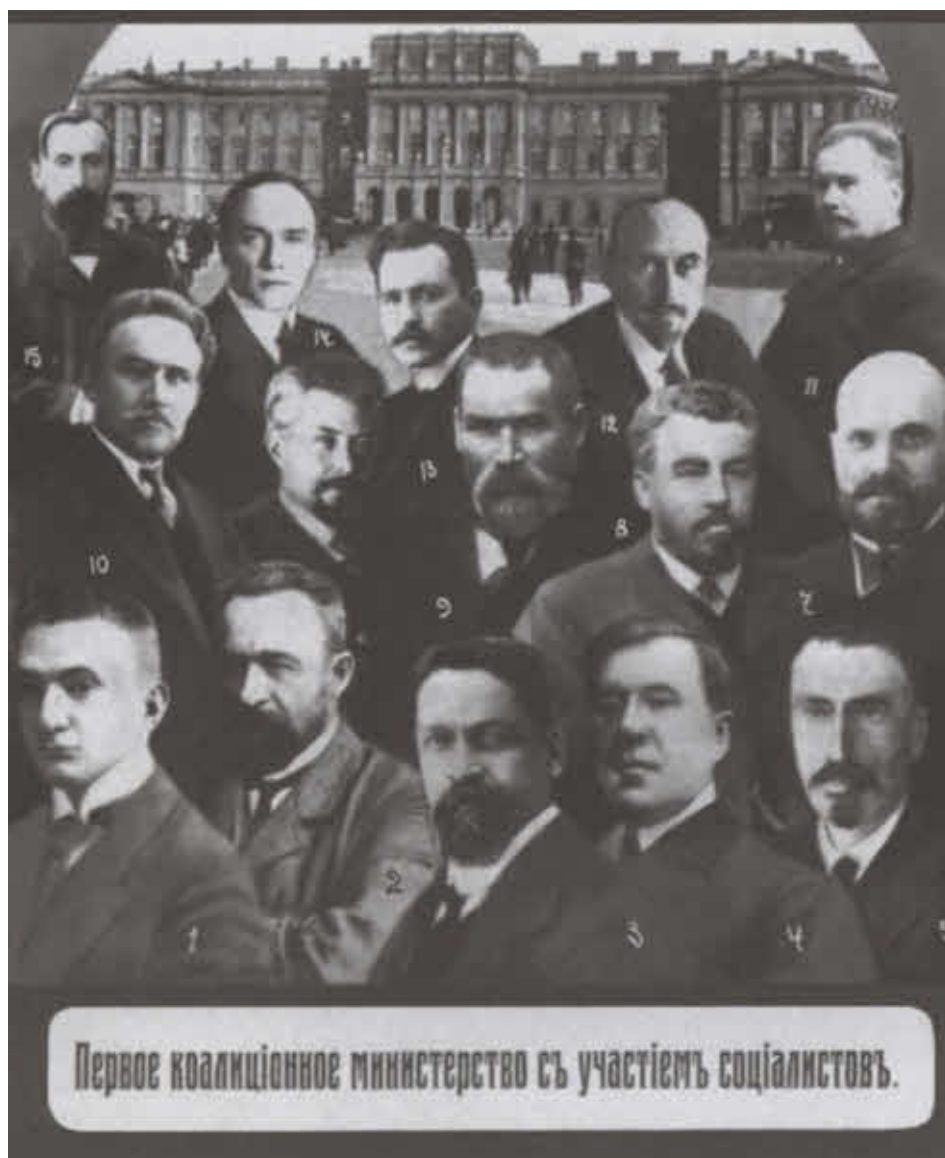
*Временный исполнительный комитет Государственной думы. 1917.
Слева направо — сидят: В. Н. Львов, Рулевский, С. И. Шидловский, М.
В. Родзянко; стоят: В. В. Шульгин, И. И. Дмитряков, Б. А.
Энгельгардт, А. Ф. Керенский, М. А. Караулов.*

Министр-председатель Временного правительства А. Ф. Керенский за письменным столом в бывшей библиотеке императора Николая II в Зимнем дворце.

Красногвардейский патруль на улицах Петрограда. Октябрь 1917 г.

Первое коалиционное министерство с участием социалистов. Май 1917 г. Цифрами на фото обозначены: 1) А. Ф. Керенский — военный и морской министр; 2) князь Г. Е. Львов — председатель Временного правительства и министр внутренних дел; 3) Д. И. Шингарев — министр финансов; 4) А. И. Коновалов — министр торговли и промышленности; 5) И. Г. Церетели — министр почт и телеграфа; 6) В. Н. Львов — обер-прокурор Святейшего Синода; 7) А. А. Мануйлов — министр народного просвещения; 8) А. В. Пешехонов — министр продовольствия; 9) В. М. Чернов — министр земледелия; 10) М. И. Скобелев — министр труда; 11) И. В. Годнев — государственный

контролер; 12) П. Н. Переверзев — министр юстиции; 13) Н. П. Некрасов — министр путей сообщения; 14) М. И. Терещенко — министр иностранных дел; 15) князь Д. И. Шаховской — министр социального обеспечения.

Церковь Святых Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове.

Современное фото.

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВнутРЕННИХ ДЕЛ

ОРДЕР № 554 10
Июль 26 1938 г.

Выдан _____

Государственной Безопасности
тов. *Результативный* на производство
Ареста и обыска
Шаховского
Дмитрия Ивановича
Зубовский бульв. 9 кв. 23.

Народный Комиссар ВнутРенних Дел СССР
Начальник Второго Отдела
1-го управления НКВД СССР

справка: 7

Ордер на арест Д. И. Шаховского.

26 июля 1938 г.

Я, Александрович Шаховской.
Если бы мне было предвзято дело чужд
хотю бы в отном иу мож присутствени
и конечно, рассказав бы о других присутств
темных, которых у меня нет.
Дмитрий Шаховской.

Последний лист следственного дела Д. И. Шаховского.

1) Какать и академику
Вернадскому отдал
2 Броню в слезах
что Шаховской был
осужден и умер в
Ярославле м.че. 1940 г.
и сообщим если он
образуется то сообщам.

Сделать в картотеке
отметку

5.6.8
В-2-28-24

Записка сотрудника НКВД с поручением сообщить академику Вернадскому о том, что Шаховской «был осужден и умер» Между 8 и 10 мая 1940 г.

Елизавета Михайловна Шик, внучка Д. И. Шаховского, у портрета деда.

Фото А. В. Лубкова. Сентябрь 2005 г.

Дмитрий Михайлович Шаховской, внук Д. И. Шаховского, с правнуком Митей.

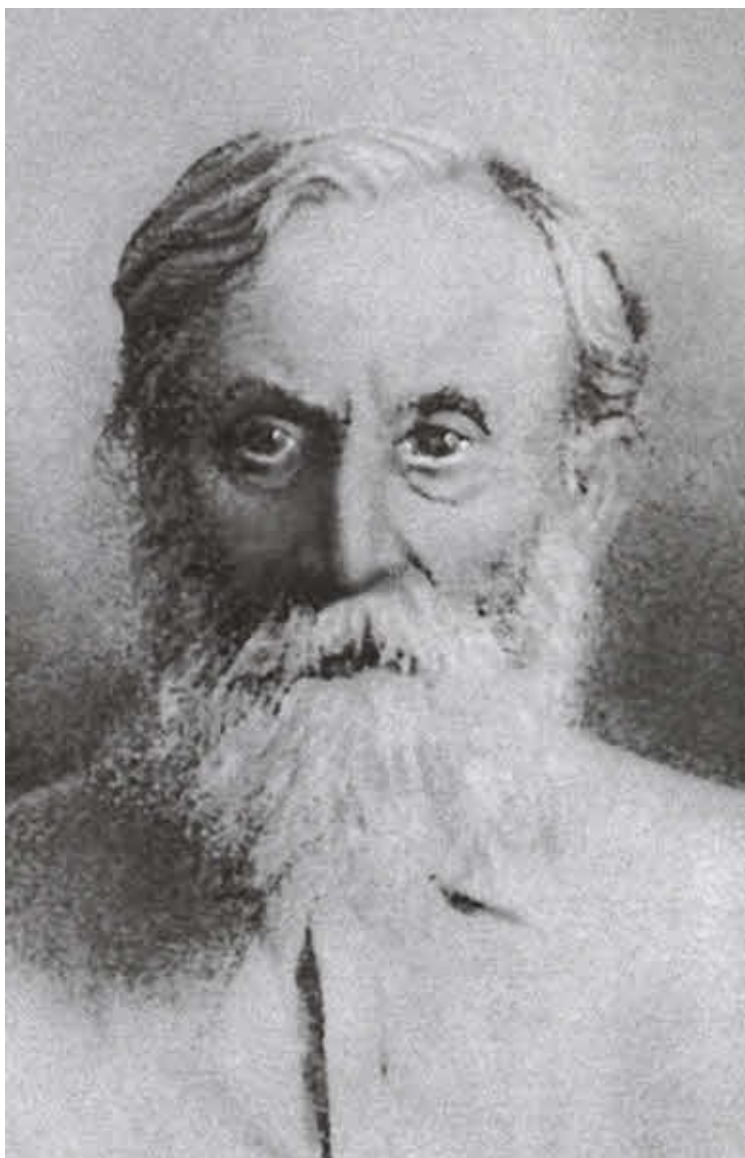
Фото А. В. Лубкова. Октябрь 2002 г.

Ступени судьбы: вверх и вниз по лестнице жизни. Лестничный пролет в подъезде дома Шаховского, Зубовский бульвар, 15. Современное фото.

Зубовский бульвар, дом 15. В этом доме жил Д. И. Шаховской.

Дмитрий Иванович Шаховской.

Последнее фото.

INFO

Кузьмина И. В., Лубков А. В.

К 89 Князь Шаховской: Путь русского либерала / Ирина Кузьмина, Алексей Лубков. — М.: Молодая гвардия, 2008. — 362[6] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1069).

ISBN 978-5-235-02984-2

УДК 94 (092)(47)

ББК 63.3(2)53

Кузьмина Ирина Владимировна

Лубков Алексей Владимирович

КНЯЗЬ ШАХОВСКОЙ: ПУТЬ РУССКОГО ЛИБЕРАЛА

Главный редактор *А. В. Петров*

Редактор *А. Ю. Карпов*

Художественный редактор *Е. В. Кошелева*

Технические редакторы *Н. И. Михайлова, В. Е. Эмберг*

Корректоры *Л. М. Марченко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина*

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 02.05.2007. Подписано в печать 09.10.2007.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 19,32+1,68 вкл. Тираж 5000 экз.
Заказ 73755.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127994, Москва, Суцевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.nj>
E-mail: dsel@gvaidiva.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии:

127994, Москва, Суцеская ул., 21.

СЕРИЯ

«ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. В. Панцов
МАО ЦЗЭДУН

Впервые на книжном рынке России появилось самое полное и объективное издание, написанное о Мао Цзэдуне. Взяв за основу архивы китайской компартии, КПСС и международного коммунистического движения, известный китаевед, доктор исторических наук, профессор Александр Панцов так живо выстраивает картину повествования, что создается иллюзия полного присутствия на месте описываемых событий. Среди огромного количества материалов, использованных в книге, — многотомное личное дело Мао и его досье, несколько тысяч томов личных дел других революционеров Китая, а также записи бесед автора с людьми, знавшими Мао. Большая часть этих материалов публикуется впервые.

Со страниц книги Мао предстает не только политиком, но и живым человеком, со всеми его достоинствами и недостатками. Это уникальное по своей масштабности и информативности издание будет лучшим в ряду книг о «великом кормчём» Поднебесной.

В. Н. Демин
ЛЕВ ГУМИЛЁВ

Книга доктора философских наук В. Н. Демина (1942–2006) посвящена выдающемуся мыслителю Льву Николаевичу Гумилёву (1912–1992) — сыну поэтов Серебряного века — Николая Гумилёва и Анны Ахматовой. Пройдя через многие годы тюрем и лагерей, непризнания и обструкции, он стал одним из самых авторитетных историков и философов нашего времени, определивших развитие науки XXI века. Автор книги раскрывает идейные корни и различные аспекты космистских взглядов Л. Н. Гумилёва, основанных на учении о биосфере и ноосфере, евразийской теории и концепции пассионарности. Опираясь на фундаментальные труды ученого, он анализирует его исследования и оригинальные выводы в области мировой и русской истории, показывает непреходящее значение

его идейного наследия для современности и науки завтрашнего дня.

С. Б. Кузьмина
АДМИРАЛ КОРНИЛОВ

Героическая гибель вице-адмирала В. А. Корнилова, возглавившего в сентябре 1854 года оборону Севастополя, которую современники назвали «русской Троей», а самого Корнилова «героем, достойным Древней Греции», — произвела сильнейшее впечатление и на участников обороны, и на императора Николая I, и на все русское общество, и даже на тогдашнюю Европу. Но многие важнейшие события биографии вице-адмирала до драматических событий Крымской войны (1853–1855), его деятельность как выдающегося военного организатора, теоретика, стратега, новатора военного искусства на море, готовившего российскому флоту новое славное поприще, оставались как бы в тени серьезного интереса (за исключением редких специалистов военной истории). Настоящая книга с успехом восполняет этот пробел. Это — первое в нашей историографии подробное исследование жизни и деятельности выдающегося флотоводца и человека, патриота России.

А. Н. Варламов
ГРИГОРИЙ РАСПУТИН-НОВЫЙ

Книга известного писателя Алексея Варламова «Григорий Распутин-Новый» посвящена не просто одной из самых загадочных и скандальных фигур русской истории. Распутин — ключ к пониманию того, что произошло с Россией в начале XX века. Какие силы стояли за Распутиным и кто был против него? Как складывались его отношения с Церковью и был ли он хлыстом? Почему именно этот человек оказался в эпицентре политических и религиозных споров, думских скандалов и великокняжеско-шпионских заговоров? Что привлекало в «сибирском страннике» писателей и философов Серебряного века — Розанова, Бердяева, Булгакова, Блока, Белого, Гумилёва, Ахматову, Пришвина, Ключева, Алексея Толстого? Почему сегодня одни требуют канонизации «оклеветанного старца», а другие против этого восстают? На сегодняшний день это самое полное жизнеописание Распутина, в котором использованы огромный исторический материал, новые документы, исследования и недавно открытые свидетельства современников той трагической эпохи.

---

notes

Примечания

1

Люст — период, кратный пяти и десяти годам.

Педель — воспитатель.

3

С точки зрения вечности (*лат.*).

---

comments

Комментарии

Шаховской Д. И. Письмо А. А. Корнилову // Шаховской Д. И. Избранные статьи и письма. 1881–1895. М.» 2002. С. 298.

Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998.

Корнилов А. А. Воспоминания о юности Ф. Ф. Ольденбурга // Русская мысль. М.; Пг., 1916. Кн. 8.

Корнилов А. А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 5, 7—10, 1995; Он же. Воспоминания // Минувшее. Исторический альманах. 11. М.;СПб.,1992.

Шаховской Д. И. Автобиография // Русские ведомости. М., 1913.

Гессен И. В. В двух веках. Жизненный очерк // Архив русской революции. Т. 21–22. М., 1993; *Набоков В. Д.* Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. М., 1991; *Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. Т. 21–22. М., 1993; *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух эпох. Прага, 1929; *Оболенский Л. Л.* Очерки минувшего. Белград, 1931; *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современника. Ч. 1. Париж, 1936; *Крыжановский С. Е.* Воспоминания. Берлин, б/г; *Милюков П. Н.* Воспоминания, 1859–1917. Нью-Йорк, 1956. Т. 1–2; *Мельгунов С.* На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931; *Родичев Ф. И.* Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonvill, 1983; *Астров Н. И.* Воспоминания. М., 2000; *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной думе: Дневник и воспоминания. М., 2001.

Вернадский Г В. Братство «Приютино» // Новый журнал. Кн. 97. 1969;
Он же. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1.

Шаццло К Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.
М., 1985.

Левандовский А. А. Кружок Ф. Ф. Ольденбурга (Из истории либерального движения 80-х годов XIX века) // Проблемы истории СССР. Вып. 6. М., 1977. С. 169–171.

Шаховской Д. И. Письма о братстве // Звенья. Исторический альманах.
М.; СПб., 1992. Вып. 2.

Шаховской Д. И. Письма И. М. Гревсу // *Философский век. Альманах*
26. История идей в России: исследования и материалы. СПб., 2004.

Борисов В. М., Перченков Ф. Ф., Рогинский А. Б. О социально-психологических источниках учения В. И. Вернадского о ноосфере // Механизмы культуры. М., 1990; Каганович Б. С. Люди и судьбы // Звезда. 1992. № 5–6.

Шелохаев В. В. Дмитрий Иванович Шаховской // Отечественная история. 2001. № 5.

Воронкова И. Е. Жизнь и общественно-политическая деятельность Д. И. Шаховского. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Орел, 2002.

Шаховской Д. И. Избранные статьи и письма 1881–1895. М., 2002; *Лубков А. В.* «...в Русь одну поверил» (К формированию взглядов Д. И. Шаховского) // *Власть и общество России в прошлом и настоящем.* М., 2000; *Кузьмина И. В., Лубков А. В.* Постыжение Братства: история дружбы Д. И. Шаховского и В. И. Вернадского // *Историческая наука и образование на рубеже веков.* М., 2004; *Они же.* Братство «Приютино»; идея создания и этапы реализации // *Российское общество и власть в прошлом и настоящем.* Сб. памяти В. Г. Тюкавкина. М., 2004; *Они же.* Духовные искания Д. И. Шаховского: Проблема религиозно-нравственного идеала // *Судьба России в современной историографии.* Сборник памяти А. Г. Кузьмина. М., 2006.

ГАРФ. Ф. 635. Он. 1. Д. 379. Л. 1–2 об.

См.: Дворянская семья. Из истории дворянских фамилий России. СПб., 2000. С. 210; Дворянские роды Российской империи. Князья. Т. 1. СПб., 1993. С. 257–260, 270.

Жизнь. 2001. 30 мая. № 21 (31).

Романюк С. К. По землям московских сел и слобод. М., 1998. С. 12–13.

См. подробнее: *Лубкова Е. Я.* Жизнь и судьба Федора Петровича Шаховского. М., 2005.

Гершензон М. О. Чаадаев. М., 2000. С. 8–9.

Шаховской Д. И. Усадьбы декабристов в Московской губернии // Московский краевед. Вып. 3 (11). М., 1929. С. 22. Записная книжка была опубликована Б. Л. Модзалевским в Сборнике статей, посвященных Платонову. Пг., 1922.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–5.

Благотворительность и милосердие в России. С. 405–407; ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 479. Л. 27 об.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 235. Л. 4–6; Федорченко В. И. Свита российских императоров. М., 2005. Кн. 2. С. 411.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 235. Л. 1-13, 14 об.

Там же. Д. 481. Л. 22.

Там же. Д. 486. Л. 3 об; Д. 481. Л. 45, 25 об.; 28–28 об., 39 об.

Там же. Д. 235. Л. 1, 7, 11; Д. 269. Л. 1; Д. 270. Л. 1.

Там же. Л. 40 об., 48, 28; Д. 488. Л. 5 об., 8, 16.

Ласточкин С. Я., Рубежанский Ю. Ф. Царское Село — резиденция российских монархов. СПб., 2000. С. 20, 22, 24.

ГАРФ. Ф. 635. Он. 1. Д. 276. Л. 1.

Там же. Д. 481. Л. 52 (пояснения Н. С. Шаховской).

Шаховской Д. И. Автобиография // Русские ведомости. 1813–1913. Сборник статей. М., 1913. Ч. II. С. 197.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 480. Л. 9.

Там же. Д. 481. Л. 41 об., 50; Д. 488. Л. 7 об.

Там же. Д. 481. Л. 8 об., 21, 23–24, 12.

Корнилов А. А. Русская политика в Польше со времен разделов до начала XX века. Исторический очерк. Пг., 1915. С. 64, 80–83, 85.

ГАРФ. Ф. 5102. Он. 1. Д. 143. Л. 13 об.

Первое 25-летие со времени открытия Варшавских VI мужской, III женской гимназии и учительской семинарии 4 августа 1866 г. — 4 августа 1891 г. Варшава, 1891. С. 21–22.

ГАРФ. Ф. 5102. Он. 1. Д. 143. Л. 21 об.

Там же. Д. 326. Л. 2–4.

Там же. Д. 379. Л. 4, 4 об., 18; Д. 307. Л. 4 об., 42.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 307. Л. 103–103 об.

Там же. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 143. Л. 15, 22.

Там же. 32 об»

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 307. Л. 1 об., 3, 5; Д. 308. Л. 21 об., 82; Д. 379.
Л. 40.

Там же. Д. 290. Л. 1 об.; *Шаховской Д. И.* Автобиография. С. 196.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 481. Л. 60 об.

Там же. Д. 342. Л. 3–4; Д. 344. Л. 1.

Кареев Н. И. Указ. соч. С. 164–165, 171.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 307. Л. 2, 3; *Шаховской Д. И.* Автобиография. С. 196.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 307. Л. 114; Д. 308. Л. 9 об.

Там же. Д. 379. Л. 46 об., 47, 47 об.

Там же. Д. 379. Л. 54–57, 119–120.

Там же. Д. 143. Л. 21 об., 22.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя. СПб., 1999. С. 677.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 379. Л. 11–12 об.

Там же. Д. 479. Л. 32 об., 25, 16, 19 об., 35, 36–36 об., 33 об., 27 об.

Балязин В. Императорские наместники первопрестольной. 1709–1917. М., 2000. С. 369.

Линниченко И. А. Патриархальные правители. Одесса, 1916. С. 8–9.

Шаховской Д. И. Автобиография. С. 196.

Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 120.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 379. Л. 16, 16 об.

Шаховской Д. И. Автобиография. С. 196; ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 379.
Л. 20 об., 16 об.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 122.

Шаховской Д. И. Автобиография. С. 197.

ΓΑΡΦ. Φ. 635. Οπ. 1. Δ. 379. Λ. 70, 70 об., 75–78 об., 71, 38 об., 39, 78, 60–61, 62 об., 63.

Корнилов А. А. Воспоминания о юности Ф. Ф. Ольденбурга // Русская мысль. М.; Пг., 1916. Кн. 8. С. 58.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 307. Л. 86, 86 об.

Георгиевский А. И. Материалы по истории студенческого движения в России. // Свободная мысль. Лондон; СПб., 1906. Вып. 1. С. 53, 54, 56.

Шаховской Д. И. Автобиография. С. 197.

Макушин А. В., Трибунский П. А. П. Н. Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001. С. 31.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 379. Л. 23, 25 об.

Там же. Д. 480. Л. 11–12.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 481. Л. 61. См. подробнее о полемике между Д. И. и И. Ф. Шаховскими в связи с цареубийством 1 марта 1881 г. публикацию А. В. Лубкова в кн.: Российское общество и власть в XX веке. М.; Рязань, 2003. С. 362–368.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 307. Л. 60 об.

Там же. Д. 379. Л. 17, 17 об., 20 об., 16 об.

Там же. Л. 30–32 об.

Там же. Л. 25 об., 73 об., 25 об.

См.: *Ерман Л. К.* Состав интеллигенции в России в конце XIX и начале XX в. // История СССР. 1963. № 1. С. 167. См. также: Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1904 год. СПб., 1905. С. 42.

Оболенский А. Л. Очерки минувшего. Белград, 1931. С. 9—10.

Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 269, 295–296; *Иванов П.* Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы (Очерки). М., 1903. С. 9.

См.: Исторические очерки деятельности Министерства народного просвещения. 1882–1902 гг. СПб., 1902. С. 15.

См.: *Членов М. А.* Половая перепись Московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909. С. 30.

Каблуков Н. А. Студенческий квартирный вопрос в Москве (Студенческая квартирная перепись в Москве в 1907 г.). М., 1908. С. 20.

Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 66–67.

См.: *Олесин Я.* Господин студент императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1998. С. 12–13.

Оболенский В. А. Указ. соч. С. 67.

Кареев Н. И., Выбор факультета. Руководство для учеников высших классов средних учебных заведений. СПб., 1897. С. 7.

Гревс И. М. В годы юности // Былое. 1918. № 12. Ч. 1. С. 48; Ч. 2. С. 142; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 52.

См.: *Иванов А. Е.* Указ. соч. С. 33.

Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 28;
Оболенский А. Л. Указ. соч. С. 67; *Корнилов А. Л.* Воспоминания о юности
Ф. Ф. Ольденбурга. С. 50.

Курбский Вл. Очерки студенческой жизни (Из дневника бывшего студента). М., 1912. С. 14–15.

Шаховской Д. И. Автобиография. С. 197; Корнилов А. Л. Указ. соч. С. 53; ГАРФ. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 143. Л. 29–29 об.

Гревс И. М. Указ. соч. Ч. 1. С. 48, 65.

Шаховской Д. И. Автобиография. С. 198.

ГАРФ. Ф. 635. Он. 1. Д. 379. Л. 106–107 об.

Шаховской Д. И. Указ. соч. С. 198.

Гревс И. М. Указ. соч. Ч. 1. С. 49.

ΓΑΡΦ. Φ. 635. Οπ. 1. Δ. 379. Λ. 94 об., 95, 80, 85–86 об., 81, 81 об., 82, 82 об.

Там же. Л. 85–86 об., 88, 101–104 об.

Гревс И. М. Указ. соч. Ч. 2. С. 140.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 349. Л. 88; *Корнилов А. А. Указ. соч. С. 53.*

Гревс И. М. Указ. соч. Ч. 1. С. 54, 49, 50, 56, 57, 55; Ч. 2. С. 137, 149–150, 142; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 52.

Гревс И. М. Указ. соч. Ч. 2. С. 141, 165–166, 143, 145–146; 147, 148; ГАРФ. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 143. Л. 4–4 об.

Шаховской Д. И. Указ. соч. С. 197; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 53.

Гревс И. М. Указ. соч. Ч. 2. С. 145, 147.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 379. Л. 102 об., 103, 103 об.

Корнилов А. А. Указ. соч. С. 60.

См.: Письмо Ф. Ольденбурга — А. Корнилову и Н. Харламову // Там же. С. 59.

Гревс И. М. Указ. соч. Ч. 1. С. 45–48.

См.: *Щетинина Г И.* Из студенческой жизни В. И. Вернадского // История СССР. 1981. № 3. С. 159.

Вернадский В. И. Из прошлого (отрывки из воспоминаний об А. Н. Краснове). В кн.: Профессор А. Н. Краснов (1862–1914). Харьков, 1916. С. 99.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 106. Л. 14–17.

Вернадский В. И. Указ. соч. С. 108–109.

См.: Гревс И. М. Указ. соч. Ч. 1. С. 58–60, 65–66.

Олесин Н. Указ. соч. С. 35, 37.

Гревс И. М. Указ. соч. Ч. 1. С. 74, 60.

Левандовский А. А. Кружок Ф. Ф. Ольденбурга (из истории либерального движения 80-х годов XIX века). С. 182.

Гревс И. М. Указ. соч. Ч. 1. С. 75.

Олесин Н. Указ. соч. С. 84–85.

Вернадский Г. В. Братство «Приютино». С. 148.

См. подробнее: *Левандовский А. А.* Указ. соч. С. 169–171.

Гревс И. М. Указ. соч. Ч. 1. С. 61, 73.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 293. Л. 2.

Гревс И. М. Указ. соч. Ч. 1. С. 51.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 31. Л. 19.

Корнилов А. А. Указ. соч. С. 52, 55.

Шаховской Д. И. Автобиография. С. 198; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 55–56.

Шаццло К. Ф. «Освободить — так всех!» Мечтания молодых либералов и правда жизни // Родина. 1997. № 7. С. 50.

Корнилов А. А. Указ. соч. С. 55, 56, 60; Шаховской Д. И. Указ. соч. С. 198.

Гревс И. М. Указ. соч. Ч. 2. С. 144, 149.

Там же. Ч. 1. С. 63.

ГАРФ. Ф. 635. Он. 1. Д. 379. Л. 107–109, 117, 117 об., 112–114 об., 49–50, 64–65 об., 128, 124–125 об., ПО, 99 об., 108–108 об.

Корнилов А. А. Указ. соч. С. 57.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 106. Л. 2;
Л. 4 об. — Письмо от 7 июля 1883 г.; 1 об., 10.

Гревс И. М. Указ. соч. Ч. 1. С 75, 76, 77, 84, 80, 62–64, 54, 85–86.

Георгиевский А. И. Материалы по истории студенческого движения в России // Свободная мысль. Вып. 1. С. 92, 93.

См.: Письмо А. А. Корнилову и Н. В. Харламову // *Шаховской Д. И.* Избранные статьи и письма 1881–1895. М., 2002. С. 197–201.

Борман А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон, 1964. С. 43.

Цит. по: *Шаховской Д.* Письма о братстве. С. 290.

Шаховской Д. И. Автобиография. С. 198.

Гревс И. М. Указ. соч. Ч. 2. С. 151, 160, 154.

См. сборник: *Шаховской Д. И.* Избранные статьи и письма 1881–1895.
С. 54–59.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 379. Л. 101 об., 102 об.

Гревс И. М. Указ. соч. Ч. 2. С. 151, 153, 155.

Корнилов А. А. Указ. соч. С. 58.

Гревс И. М. Указ. соч. Ч. 2. С. 155–156, 159, 157, 158–159.

Кареев Н. И. Указ. соч. С. 181–182.

151

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 31. Л. 80, 70 об.

Корнилов А. А. Указ. соч. С. 62.

Шаховской Д. И. Автобиография. С. 198, 199.

См.: Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 31. Л. 27. Запись сделана 9 августа 1942 г. в Боровом.

Корнилов А. А. Указ. соч. С. 58–59.

Гревс И. М. Указ. соч. Ч. 2. С. 165.

См.: Аксенов Г. П. «И все великое — не сон...». Документальный очерк. С. 141.

Тыркова-Вильямс А. Ф. И. Родичев (1854–1933) // Новый журнал. Кн. 38. Нью-Йорк, 1954. С. 209, 208, 210, 211; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1887. Д. 9. Ч. 39. Л. 4–5.

Отчет о съезде учителей земских школ Весьегонского уезда Тверской губернии, происходившем от 7 по 16 июня 1882 г. Тверь, 1882. С. 160; *Абрамов Я. В.* Что сделало земство и что оно делает (Обзор деятельности русского земства). СПб., 1889. С. 131; Протоколы очередного Весьегонского уездного земского собрания 18–20 сентября 1885 г. и приложения к ним. Тверь, 1886. С. 214–217; Отчет князя Д. И. Шаховского // *Шаховской Д. И.* Избранные статьи и письма. 1881–1895 гг. С. 61, 64.

Цит по: *Тыркова-Вильямс А. Указ. соч. С. 210.*

Доклад № 29 о всеподданнейшем отчете Губернатора, за 1885 год, по народному образованию // Протоколы очередного Весьегонского уездного земского собрания 12–14 сентября 1887 г. и Приложения к ним. Рыбинск, 1888. С. 297.

Отчет князя Д. И. Шаховского // *Шаховской Д. И. Избранные статьи и письма. 1881–1895 гг.* С. 82–83; Доклад заведующего хозяйственной частью училищ // *Протоколы очередного Весьегонского уездного земского собрания 12–14 сентября 1887 г. и Приложения к ним.* Рыбинск, 1888. С. 324, 353; Отчет князя Дмитрия Ивановича Шаховского // *О народном образовании в Весьегонском уезде Тверской губернии. Из докладов и протоколов земского собрания 19 сентября 1886 г.* Рыбинск, 1886. С. 63–64; Доклад № 4 Весьегонскому очередному земскому собранию, созванному на 19 сентября 1886 г. *О народном образовании // Из докладов и протоколов земского собрания, 19 сентября 1886 г.* Рыбинск, 1886. С. 15–16; *Протоколы очередного Весьегонского уездного земского собрания, 24–26 сентября 1888 г. и Приложения к ним.* Рыбинск, 1888. С. 19; Письмо Д. И. Шаховского А. А. Корнилову и Н. В. Харламову от 23–24 марта 1886 г // *Шаховской Д. И. Избранные статьи и письма. 1881–1895.* С. 203–204.

Протоколы очередного Весьегонского уездного земского собрания 24–26 сентября 1888 г. и приложения к ним и протокол экстренного земского собрания 21 января 1889 г. Рыбинск, 1889. С. 141. Примечателен перечень получаемых за счет средств земства с 1888 г. библиотекой журналов: «Библиограф»; «Вестник Европы»; «Неделя»; «Нива»; «Природа и охота» (с «Охотничьей газетой»); «Русская мысль»; «Русская старина»; «Северный вестник»; «Досуг и дело»; «Детский отдых»; «Родник» с приложением «Воспитание и обучение»; «Семья и школа»; «Церковноприходская школа»; «Педагогический сборник»; «Народная школа»; «Женское образование»; «Русский начальный учитель»; «Земледельческая газета»; «Пчеловодный листок»; «Сельский вестник»; «Сельский хозяин»; «Сельское хозяйство и лесоводство»; «Труды Вольно-экономического общества». На собственные средства библиотека также выписывала следующие периодические издания: «Исторический вестник»; «Русский вестник»; «Русское богатство»; «Читальня народной школы»; «Юридический вестник». Всего, таким образом, 29 наименований периодики, в основном педагогической и сельскохозяйственной тематики.

Письма С. Г. Журавлева — Д. И. Шаховскому 1885–1886 гг. // НИОР
РГБ. Ф. 358. К. 228. Ед. 6. Л. 1–3.

Протоколы очередного Весьегонского уездного земского собрания 24–26 сентября 1888 г. и Приложения к ним. Рыбинск, 1888. С. 160.

Цит. по: *Шаховской Д.* Письма о братстве. С. 292.

Шаховской Д. И. Автобиография. С. 199.

Вернадский Г. В. Указ, соч.; *Гревс И. М.* В годы юности (За культуру). После студенчества. Наше братство // *Былое*. 1921. № 16; *Корнилов А. А.* Указ, соч.

Здесь и далее выделенные курсивом или подчеркнутые в цитате слова были выделены таким образом Д. И. Шаховским в его тексте.

Письмо Д. И. Шаховского Ф. Ф. Ольденбургу и др. // *Шаховской Д. И.* Избранные статьи и письма 1881–1895 гг. М., 2002. С. 213, 220, 212, 221; ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 293. Л. 24 об.

Письмо Д. И. Шаховского А. А. Корнилову и Н. В. Харламову от 23 марта 1886 г. // Указ. соч. С. 203, 205.

Лубков А. В. К истории «Братства Приютина» // Идейное наследие русской философии. СПб., 2000. С. 173.

Письмо Д. И. Шаховского А. А. Корнилову и Н. В. Харламову от 23–24 марта 1886 г. // Указ. соч. С. 202.

Лубков А. В. К истории «Братства Приютина». С. 159.

Письмо Ивана Гревса от 30 декабря 1887 г. Опубликовано в статье А. В. Лубкова «К истории «Братства Приютина»». С. 159; Письмо В. И. Вернадского от 30 декабря 1887 г. Опубликовано там же. С. 151.

Письмо Ивана Гревса от 30 декабря 1887 г. Опубликовано в статье А. В. Лубкова «К истории «Братства Приютина»». С. 159; Письмо Д. И. Шаховского С. Ф. и А. П. Ольденбургам от 21–23 мая 1889 г // *Шаховской Д. И. Избранные статьи и письма 1881–1895 гг.* С. 277; Письмо Д. И. Шаховского В. И. Вернадскому // Там же. С. 284–285; ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 293. Л. 20; Письмо Д. И. Шаховского Ф. Ф. Ольденбургу от 16 октября 1887 г. // Там же. С. 209.

Письмо Федора Ольденбурга от 30 декабря 1887 г. Опубликовано в статье А. В. Лубкова «К истории «Братства Приютина»». С. 149–150; Письмо Адьки от 30 декабря 1887 г. // Там же. С. 166; Письмо Владимира Ивановича Вернадского от 30 декабря 1887 г. // Там же. С. 151; Письмо Ивана Гревса от 30 декабря 1887 г. // Там же. С. 160–161; ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 293. Л. 11 об.; Письмо Федора Ольденбурга от 30 декабря 1887 г. // Там же. С. 150.

Письмо Ивана Гревса от 30 декабря 1887 г. // Там же. С. 163, 164.

Письмо Д. И. Шаховского И. М. и М. С. Гревсам от 6–8 апреля 1888 г.
// *Шаховской Д. И.* Избранные статьи и письма 1881–1895 гг. С 237–238.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 293. Л. 23 об., 33 об., 43 об., 18–18 об., 26, 26 об., 29 об., 30, 9 об.; Письмо Д. И. Шаховского Ф. Ф. Ольденбургу от 14 марта 1888 г. // *Шаховской Д. И.* Избранные статьи и письма 1881–1895 гг. С. 228; Письмо Ивана Гревса от 30 декабря 1887 г. // *Идейное наследие русской философии.* СПб., 2000. С. 159; Письмо Д. И. Шаховского И. М. и М. С. Гревсам от 6–8 апреля 1888 г. // *Шаховской Д. Я.* Избранные статьи и письма 1881–1895 гг. С. 242–243; Письмо Д. И. Шаховского Ф. Ф. Ольденбургу от 16 октября 1887 г. // Там же. С. 209, 210.

Письмо Д. И. Шаховского Ф. Ф. Ольденбургу 14 марта 1888 г. // Там же. С. 226–228, 213.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 293. Л. 20–24; Письмо Д. И. Шаховского В. И. Вернадскому от 12 июля 1888 г. // *Шаховской Д. И.* Избранные статьи и письма 1881–1895 гг. С. 266–267; Письмо Д. И. Шаховского Ф. Ф. Ольденбургу и др. // Там же. С. 214.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 293. Л. 55–56; 69–72 об., 61–68, 56–58, 10 об., 19 об., 23, 15, 46 об., 13–13 об.; Письмо Д. И. Шаховского И. М. и М. С. Гревсам // *Шаховской Д. И.* Избранные статьи и письма 1881–1895 гг. С. 242–248, 272; ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 293. Л. 58 об.; 74 об., 75; Письмо В. И. Вернадского от 30 декабря 1887 г. Опубликовано в статье А. В. Лубкова «К истории «Братства Приютина». С. 156; Письмо Адьки от 30 декабря 1887 г. // Там же. С. 169; Письмо Д. И. Шаховского Ф. Ф. Ольденбургу от 14 марта 1888 г. // *Шаховской Д. И.* Избранные статьи и письма 1881–1895 гг. С. 226–227; Письмо Д. И. Шаховского С. Ф. Ольденбургу от 22 марта 1888 г. // Там же. С. 233; Письмо Д. И. Шаховского В. И. Вернадскому от 23–24 мая 1889 г. // Там же. С. 280.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 293. Л. 34, 8–9 об.; Письмо Д. И. Шаховского В. И. Вернадскому // *Шаховской Д. И.* Избранные статьи и письма 1881–1895 гг. С. 284–285, 272.

Письмо Д. И. Шаховского Ф. Ф. Ольденбургу от 13 февраля 1889 г. // Там же. С. 270.

ГАРФ. Ф. 635. Он. 1. Д. 293. Л. 75–75 об., 93.

Письмо Д. И. Шаховского предположительно И. М. Гревсу от 14 октября 1890 г. *И Шаховской Д. И. Избранные статьи и письма 1881–1895 гг.* С. 286, 290–291; Письмо Д. И. Шаховского В. И. Вернадскому // Там же. С. 285; Письмо Д. И. Шаховского Ф. Ф. Ольденбургу и др. *И Там же.* С. 220; ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 293. Л. 27; Письмо Д. И. Шаховского А. А. Корнилову и Н. В. Харламову // *Шаховской Д. И. Избранные статьи и письма 1881–1895 гг.* С. 205; ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 293. Л. 32, 32 об.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 293. Л. 28, 25, 25 об., 12, 12 об., 18; Письмо Д. И. Шаховского Ф. Ф. Ольденбургу // *Шаховской Д И. Избранные статьи и письма 1881–1895 гг.* С. 227; Письмо Д. И. Шаховского И. М. и М. С. Гревсам // Там же. С. 238, 240; Письмо Д. И. Шаховского А. А. Корнилову от 23, 25 октября и 2 ноября 1890 г. // Там же. С. 303–304; Письмо Д. И. Шаховского А. А. Корнилову от 23, 25 октября и 2 ноября 1890 г. // Там же. С. 296–299; Письмо Д. И. Шаховского предположительно И. М. Гревсу от 14 октября 1890 г. // Там же. С. 292.

ГАРФ. Ф. 635. Он. 1. Д. 254. Л. 132.

Частный архив Е. М. Шик.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 254. Л. 19, 25, 66, 70, 70 об., 72, 72 об., 109, 109 об., 116–117 об., 118, 164–168, 93, 134, 85–87, 162 об., 163, 133, 152–155, 168 об.

ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 23. Л. 19, 17, 18; ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 254. Л. 173 об.

ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 23. Л. 59.

Там же. Л. 5, 1 об., 24, 67 об., 41, 48, 57.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1834. Л. 15, 16 об.; ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 819. Л. 13 об., 14.

Корнилов А. А. Семь месяцев среди голодающих крестьян. Отчет о помощи голодавшим некоторым местностям Моршанского и Кирсановского уездов, Тамбовской губернии, в 1891–1892 гг. М., 1893. С. 8—13, 30–31, 20, 24; *Оболенский В. А.* Воспоминания. Париж, 1988. С. 103; *Сабашников М. В.* Записки. М., 1995. С. 159.

Вернадский Г. В. Братство «Приютино». С. 204.

Розенблюм И. Лев Толстой в неизданной переписке и воспоминаниях // Русская литература. 1960. № 4. С. 160; *Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. Т. 21–22. М., 1993. С. 276.

Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 205.

Корнилов А. А. Указ. соч. С. 8–9, 12–16, 24–29.

Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 206.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1835. Л. 22, 22 об., 18 об. — 20, 38;
Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 207.

*Корнилов А. А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 152;
Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 207.*

ГАРФ. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 947. Л. 6–7; *Корнилов А. А.* Воспоминания. С. 153; *Вернадский Г. В.* Указ. соч. // *Новый журнал.* Нью-Йорк, 1968. Кн. 93. С. 169; *Корнилов Л. Л.* Семь месяцев среди голодающих крестьян. Отчет о помощи голодавшим некоторым местностям Моршанского и Кирсановского уездов, Тамбовской губернии, в 1891–1892 гг. М., 1893. С. 233–236.

Вернадский Г. В., Указ. соч. // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. Кн. 95. С. 208, 209; Корнилов А. А, Воспоминания. С. 153.

Толстая Александра. Отец. Т. 2. Нью-Йорк, 1953. С. 103–104;
Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 214.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1835. Л. 25; Д. 1834, Л. 54.

Шаховской Д. И. Толстой и русское освободительное движение // Былое. 1917. № 1(23). С. 314, 315.

Боханов Л. Н. Император Александр III. М., 1998. С. 454.

ГАРФ. Ф. 539. Д. 3195. Оп. 1. Л. 71, 72.

Боханов А. Н. Указ. соч. С. 471.

Степанский А. Д. Либеральная интеллигенция в общественном движении России на рубеже XIX–XX вв. // Исторические записки. 1983. Т. 109. С. 27–28.

Степанский А. Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX вв. М., 1982. С. 145; *Даверычев В. Я.* Общая тенденция развития буржуазно-либерального движения в России в конце XIX — начале XX в. // История СССР. 1976. № 3. С. 56, 53; К истории императорского Вольного экономического общества: Копии документов (1894–1906). СПб., б/г. С. 20–21; *Орешкин В. В.* Вольное экономическое общество в России, 1765–1917. М., 1963. С. 44; *Шацлло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 49.

Шаховской Д. И. Автобиография // Русские ведомости. 1863–1913. Сб. статей. М., 1913. С. 200.

ГАРФ. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 947. Л. 18, Л. 9; *Шаховской Д. И.* Пятидесятилетие земства // Очерки экономической деятельности земства. Сб. статей. М., 1914. С. 5; *Корнилов А. А.* Воспоминания // Минувшее. Исторический альманах. 11. М.; СПб., 1992. С. 71.

Полнер Т. И. Указ. соч. С. 130; 134–135; *Шипов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 145; *Шаццлло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 33.

Корнилов А. А. Воспоминания // Минувшее. Исторический альманах. 11. М.; СПб., 1992. С. 46–47; *Кизеветтер Л. Л.* На рубеже двух эпох. Прага, 1929. С. 192; *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936. С. 131; *Мирный С. (Шаховской Д. И.)* Адресы земств 1894–1895 гг. и их политическая программа. Женева, 1896. С. 122; ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 334. Оп. 1. Д. 650. Л. 16–17.

Цит. по: *Шаццло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. С. 35, 33.

Корнилов А. А. Воспоминания // Минувшее. Исторический альманах.
11. М.; СПб., 1992. С. 46–47, 58.

Шаццiлo К. Ф. Указ. соч. С. 63.

Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. М., 1993. С. 165–167; ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 24, 49; Красавин С. А, Обзор документальных материалов кружка «Беседа» в фонде В. А. Маклакова // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 358–359; Долгоруков П. Памяти Гейдена // Былое. СПб., 1907. № 8 (20). Август. С. 304. См.: Шаццлло К. Ф. Указ. соч. С. 37.

Корелин Л. Л. Дворянство в пореформенной России, 1861–1904. М., 1979. С. 216; Пирумова Н. М. Указ. соч. С. 87–89, 232–281; Шаццло К Ф. Указ. соч. С. 35.

223

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 33. Л. 42.

Биржевые ведомости. 1905. 11 сентября.

Осоргин М. А. Времена. Автобиографическое повествование // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. Т. 1. М., 1994. С. 403–404.

ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 819. Д. 7 об.

Шаховской Д. И. Пятидесятилетие земства // Очерки экономической деятельности земства. Сб. статей. М., 1914. С. 11–12.

ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 277. Л. 4–4 об.

Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 693; *Тыркова-Вильямс А. В.* Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 284.

Корелин А. П., Тютюкин С. В. Революционная ситуация начала XX в. в России *И Вопросы истории.* 1980. № 10. С. 12–37; *Ушаков А. В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России, 1895–1904. М., 1976. С. 141–168; *Шаццло К Ф.* Указ. соч. С. 25.

Шаховской Д. И. Союз Освобождения // Зарницы. СПб., 1909. Вып. 2. С. 318, 528.

РО РГБ. Ф. 440. К. 1. Д. 20. Л. 1; ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 24; Страницы биографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 169.

Шацлло К. Ф. Указ. соч. С. 70, 75, 78–79, 80, 85; *Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. Т. 21. М., 1993. С. 336–337; *Вернадский Г. В.* Указ. соч. // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. Кн. 96. С. 167; Воспоминания Д. И. Шаховского «Союз Освобождения» // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 529, 537; *Корнилов А. А.* Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 106.

См. подробнее: *Шаццло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 110–116.

Корнилов А. А. Воспоминания // Там же. С. 109–110, 128.

Щетинина Г. И. Университеты в России и Устав 1884 г. М., 1976.

Воспоминания Д. И. Шаховского «Союз Освобождения» // Указ, соч.
С. 546.

Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Прага, 1934. С. 338, 339; *Шаховской Д. И.* Союз Освобождения // Зарницы. СПб., 1909. Вып. 2. С. 109–110, 153, 106. Цит. по: *Шацлло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. С. 172, 175, 105, 106; Воспоминания Д. И. Шаховского «Союз Освобождения» // Указ. соч. С. 550, 527.

Белоконский Я. 77. Земское движение. М., 1910. С. 113. Цит. по: Шацлло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. С. 180.

Корнилов А. А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 106.

Шаццiлo К. Ф. Указ. соч. С. 193–194, 197.

Доклад Д. И. Шаховского «Политика либеральной партии» // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 68–72.

Шаццiлo К. Ф. Указ. соч. С. 202.

Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. М., 1993. Т. 21–22. С. 375; *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 295.

Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. М., 1993. С. 164; *Тыркова-Вильямс А.* Воспоминания. М., 1998. С. 325; *Астров Н. И.* Воспоминания. М., 2000. С. 69.

Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Указ. соч. С. 347; *Гессен 77. В.* Указ. соч. С. 198; *Астров Н. И.* Указ. соч. С. 70, 71.

Вернадский Г. В. Братство «Приютино» // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. Кн. 96. С. 167, 169, 170; *Корнилов А. А.* Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 112, 107.

Воспоминания Д. И. Шаховского «Союз Освобождения» // Указ, соч. С. 585; *Корнилов А. А.* Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 115–117.

ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 820. Л. 2–6; *Петрункевич И. И.* Указ. соч. С. 375; *Вернадский Г. В.* Указ. соч. С. 171.

Корнилов А. А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 5. С. ПО;
Астров Н. И. Указ. соч. С. 105–106, 125; *Петрункевич И. И.* Указ. соч. С.
366–368; *Шелохаев В. Л.* Дмитрий Иванович Шаховской // Отечественная
история. 2001. № 5. С. 111; ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 12. Л. 136; Ф. 485. Оп. 4.
Д. 43. Л. 9; Оп. 1. Д. 834. Л. 4; Д. 826. Л. 1–2.

Астров Н. И. Указ. соч. С. 125; *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современника. Ч. 1. Париж, 1936. С. 198; *Корнилов А. А.* Воспоминания // Указ. соч. С. 120–121; *Тыркова-Вильямс А.* Воспоминания. М., 1998. С. 281.

252

ГАРФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 16. Л. 8 об.

Корнилов А. А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 118–119.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 308, 309, 312–313;
Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 517;
Шаховской Д. И. Автобиография // Русские ведомости. 1863–1913. Сб. статей. М., 1913. С. 200; Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Д. 124. Л. 139–139 об.;
Вернадский Г. В. Братство «Приютино» // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. Кн. 97. С. 218; *Шелохаев В. В.* Дмитрий Иванович Шаховской. С. 111;
Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания И Указ. соч. С. 395–396, 384–385; *Корнилов А. А.* Воспоминания // Указ. соч. С. 110–111, 123; *Тыркова-Вильямс А.* Указ. соч. С. 509; *Вернадский Г. В.* Указ. соч. С. 220; ГАРФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 16. Л. 18 об.

ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 12. Л. 239 об. — 240; Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. М., 1994. Т. 1. С. 44–49.

Милюков П. Н. Указ. соч. С. 354.

*Петрункевич И. И. Указ. соч. С. 396; Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 220;
Корнилов А. А. Указ. соч. // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 122.*

Пилус С. А. 1862–1929. Жизнеописание. М., 1995. С. 136.

О компетенции и организации деятельности Государственной думы см.: *Демин В. А.* Государственная Дума России (1906–1917): Механизм функционирования. М., 1996; Государственная дума // Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801–1917. Высшие государственные учреждения. СПб., 1998. Т. 1. С. 187–195; *Смирнов А. Ф.* Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998; Государственный строй Российской империи накануне крушения. М., 1995. С. 15–43.

См. подробнее: *Витенберг Б.* Политический опыт российского парламентаризма (1906–1917) // Новый журнал. СПб., 1996. № 1. С. 177–179.

Крыжановский С. Е. Воспоминания. Берлин, б/г. С. 41; *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 352.

Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 221.

Петрункевич И. И. Указ. соч. С. 397; Милюков П. Н. Указ. соч. С. 364, 365, 366, 371; Астров И. И. Указ. соч. С. 104, 156; ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 819. Д. 13 об., 14; ГАРФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 16. Л. 42.

Учреждение Государственной думы // Государственный строй Российской империи накануне крушения. С. 74; *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. Лондон, 1990. С. 400, 113, 222, 286–287; *Астров Н. И.* Указ. соч. С. 158–163, 167; *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной думе: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 43; *Вернадский Г. В.* Указ. соч. С. 221; Государственная дума. Созыв 1-й. Сессия 1-я. Полный стенографический отчет. Т. 1–2. СПб., 1906. Стлб. 144, 151–152, 157–158, 163, 167–168, 1145, 251, 218–220.

Винавер М. М. История Выборгского воззвания. Воспоминания. Пг., 1917. С. 10–11, 16–19, 22, 28, 36–39, 42; *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 399; *Корнилов А. А.* Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 124–125; *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 402; Первая Государственная дума в Выборге // Красный архив. 1933. Т. 2 (57). С. 85; *Вернадский Г. В.* Братство «Приютино» // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. Кн. 97. С. 222.

Шелохаев В. В. Дмитрий Иванович Шаховской // Отечественная история. 2001. № 5. С. 111; Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. М., 1994. Т. 1. С. 373; *Гессен И. В.* В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. М., 1993. С. 164; *Вернадский Г. В.* Указ. соч. С. 223.

Веги: pro et contra. СПб., 1998. С. 52, 166.

ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 124. Л. 360; Д. 448. Л. 34; *Тыркова-Вильямс А.* Указ. соч. С. 518, 497, 493–495, 286; ГАРФ. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 947. Л. 22–22 об.; *Корнилов А. А.* Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 126, 133; *Шипов Д. Н.* Указ. соч. С. 517–518; *Шелохаев В. В.* Либералы и массы (1907–1914 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 51; ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 17. 1910, 27 ноября; Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 2. М., 1997. С. 52, 56–57, 221, 225, 226–227, 228; *Корнилов А. А.* Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 111.

Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 2. М., 1997. С. 219–220; *Шаховской Д. И.* Неотложная задача сельскохозяйственной кооперации // Кооперативная жизнь. 1913. № 24. 15 декабря. Л. 9—10; *Шаховской Д. И.* В новом журнале «Кооперация» // ОР РГБ. Ф. 261. К. 23. Ед. 85. Л. 1 об.; *Шелохаев В. В.* Дмитрий Иванович Шаховской // Отечественная история. 2001. № 5. С. 113.

Корнилов А. А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 113.

ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 17. 1913. 12 октября; *Корнилов А, А.* Воспоминания. Указ. соч. С. 116–117, 112.

Новейшая история Отечества. XX век. М., 1998. С 153; Русские ведомости. 1914. 10 августа.

Русское слово. Бюллетень 13 июля 1915 г.; Русские ведомости. 1914. 10 августа; Русские ведомости. 1914. 22 августа.

Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 2. М., 1997. С. 365, 411–412; веские ведомости. 1914. 14 августа.

Милюков П. Н. Воспоминания, 1859–1917. Нью-Йорк, 1956. Т. 2. С. 185; *Корнилов А. А.* Указ. соч. С. 125, 118; Русские ведомости. 1915. 12 августа, 6 августа; Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 3. М., 1998. С. 110–111; Съезды и конференции конституционно-демократической партии 1905–1920 гг. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 19, 138–140, 173–174; Русские ведомости. 1915. 14 июля; *Корнилов А. А.* Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 114.

Речь. 1915. 18 июня, 19 июня, 21 июня, 24 июня, 25 июня, 26 июня, 6 июля, 9 июля.

Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 2. М., 1997. С. 373; Т. 3, М., 1998. С. 77, 110–111, 117, 142, 144, 130, 132, 149, 157, 127, 162, 154, 182, 159–160; ГАРФ. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 947. Л. 54; *Корнилов А. А.* Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 128.

*Корнилов А. А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 120;
№ 10. С. 122.*

Речь. 1915. 27 декабря, 23 декабря.

Корнилов А. А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 132.

Вернадский Г. В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 132.

282

ГАРФ. Ф. 5102. Он. 1. Д. 359. Л. 3–3 об.

Там же. Д. 947. Л. 56; *Вернадский Г. В.* Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 132–133; Русские ведомости. 1916. 24 мая; Речь. 1915. 16 июля; Речь. 1916. 25 мая.

Русские ведомости. 1916. 27 мая; Русское слово. 1916. 26 мая и 27 мая.

Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. М., 1998. С. 286.

Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 3. М., 1998. С. 165–166, 203–204.

Съезды и конференции конституционно-демократической партии 1905–1920 гг. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 281–283, 322, 323, 324, 232, 244.

См.: *Шелохаев В. В.* Либералы и массы в годы Первой мировой войны
Ц Вопросы истории. 1996. № 7. С. 135.

Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. М., 1998. Т. 3. С. 309.

Подробнее см.: *Лубков А. В.* Война. Революция. Кооперация. М., 1997. С. 105–109.

Речь. 1916. 1 ноября.

Корнилов Л. Л. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 128; *Шаховской Д. И.* Автобиография // Русские ведомости. 1863–1913. Сб. статей. М., 1913. С. 200; *Тыркова-Вильямс А.* Воспоминания. М., 1998. С. 518–520; *Вернадский Г. В.* Братство «Приютино» // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. Кн. 97. С. 224; *Корнилов Л. Л.* Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 119; ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 16. Л. 29; Русские ведомости. 1914. 29 ноября.

Речь. 1915. 21 октября; Русские ведомости. 1916. 30 января; Русские ведомости. 1915. 22 сентября; ОР РГБ. Ф. 261. К. 6. Ед. 51. Л. 1 — 2об., К. 7. Ед. 24. Л. 1–4 об.

ГАРФ. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 947. Л. 80 об.; Д. 19. Л. 44; Д. 947. Л. 81, 86; *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 235; За кулисами видимой власти. М., 1984. С. 127, 103, 125; *Думова Н. Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 86, 85, 140, 66; *Мельгунов С.* На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 171, *Гессен И. В.* В двух веках. Жизненный очерк // Архив русской революции. Т. 22. М., 1993. С. 216–217; Русское политическое масонство. 1906–1918 гг. (Документы из архива Гуверовского института войны, революции и мира) // История СССР. 1989. № 6. С. 134, 123; *Тыркова-Вильямс А.* Воспоминания. М., 1998. С. 351, 427; *Николаевский Б. Я.* Русские масоны и революция. М., 1990. С. 110; *Аврех А. Я.* Масоны и революция. М., 1990. С. 35.

Лубков А. В. Война. Революция. Кооперация. С. 93, 102; Русские ведомости. 1916. 4 мая; Речь. 1916. 4 мая; Русское слово. 1915. 28 апреля; Русские ведомости. 1915. 28 апреля; Русское слово. 1915. 5 октября; Русские ведомости. 1915. 31 января; Русское слово. 1916. 24 марта; Русские ведомости. 1916. 11 сентября; Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945 гг.) / Под. ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. С. 14–15.

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 104–105; *Старцев В. И.* 27 февраля 1917. М., 1984. С. 52–54; *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 244.

Лубков А. В. Война. Революция. Кооперация. С. 124, 115, 116; *Тыркова-Вильямс А. В.* Воспоминания. С. 519; Русские ведомости. 1917. 22 апреля, 26 апреля; *Токарев Ю. С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г. Л., 1976. С. 11–12; *Катков Г. М.* Февральская революция. М., 1997. С. 356–357; Наше отечество. Т. 1. М., 1991. С. 347.

Известия Временного исполнительного комитета московских общественных организаций. 1917. 2 марта; Лубков А. В. Указ. соч. С. 117; Речь. 1917. 9 марта; Утро России. 1917. 8 марта; Русское слово. 1917. 8 марта; Русские ведомости. 1917. 8 марта; Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 115; Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. М., 1998. Т. 3. С. 379.

Русские ведомости. 1917. 21 апреля; Русское слово. 1917. 21 апреля.

Шелохаев В. В. Дмитрий Иванович Шаховской // Отечественная история. 2001. № 5. С. 114; Шаховской Д. И. // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. М., 1996. С. 693; Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. М., 1998. Т. 3. С. 364, 368; *Думова Н. Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 151; Съезды и конференции конституционно-демократической партии 1905-1920-х гг. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 460, 490, 460, 459, 494, 489–490.

Думова И. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 123; Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии 1905 — середина 1930-х гг. М., 1998. Т. 3. С. 366.

Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. С. 492, 497.

Винавер М. М. Недавнее. Воспоминания и характеристики. Париж, 1926. С. 179; *Набоков В. Д.* Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. 1. С. 62.

Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. М., 1998. Т. 3. С. 366–367;
Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 151.

Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. М., 1998. Т. 3. С. 355, 374; Русское слово. 1917. 25 апреля.

Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. М., 1998. Т. 3. С. 375; Речь. 1917. 6 мая; Русские ведомости. 1917. 6 мая; Утро России. 1917. 7 мая; Русские ведомости. 1917. 23 мая; Вестник Временного правительства. 1917. 4 июня; Русские ведомости. 1917. 23 мая; Речь. 1917. 6 июня.

Трудовая помощь. 1917. С. 105–106, НО; Вестник Временного правительства. 1917. 3 июня, 4 июня, 11 июля; *Максимов Е. Д.* Особые благотворительные ведомства и учреждения. СПб., 1903. С. 5.

Русские ведомости. 1917. 23 июня; Речь. 1917. 14 июня.

ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 27. Л. 19–22, 57–58, 11–15, 88, 52, 90, 68, 19–22; Д. 17. Л. 1–2 об.; Д. 18. Л. 2, 7. С данными документами авторов любезно познакомил И. В. Васюнин.

310

Речь. 1917. 22 июня, 6 июня.

Корнилов А. А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 129.

Съезды и конференции конституционно-демократической партии
1905-1920-х гг. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 604–606.

Раннее утро. 1917. 10 мая; Русское слово. 1917. 10 мая.

Вернадский В. И. Дневники 1917–1921 гг. Киев, 1994. С. 222.

Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 413, 414.

ГАРФ. Ф. 5932. Он. 1. Д. 3. Л. 18–20.

Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 102.

Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. 3-е изд. Кн. 1. М., 1980. С. 184; Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. С. 693; *Шелохаев В. В.* Дмитрий Иванович Шаховской. С. 115.

Письма В. И. Вернадского И. И. Петрункевичу // Новый мир. 1989. № 12. С. 208; *Вернадский В. И.* Довольно крови и страданий // Век XX и Мир. 1990. № 1. С. 28; *Вернадский В. И.* Начало и вечность жизни. М., 1989. С. 550–551.

Валков В. Кадет Вернадский // Нева. 1992. № 11–12. С. 315;
Вернадский Г. В. Братство «Приютино» // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969.
Кн. 97. С. 230.

Алексеев П. В. Революция и научная интеллигенция. М., 1987. С. 268; Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 559. Л. 62 об. — 63; *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004. С. 32, 58.

Вахромеева О. Б. К вопросу о творческом наследии И. М. Гревса (основные направления научно-общественной деятельности ученого) // Университетские Петербургские чтения. СПб., 2002. С. 189; Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 47. Л. 6–7; *Скржинская Е. Ч.* Иван Михайлович Гресе: биографический очерк // *Гресе И. М.* Тацит. М.; Л., 1946. С. 233; *Вернадский Г. В.* Братство «Приютино». С. 234.

Вернадский Г. В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 111.

«Жизнь... вызывает меня на общественное дело» // Новый мир. 1994. № 1. С. 193–194; Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. М., 1989. С. 559–561.

Вернадская-Толль Н. В. Штрихи к портрету // Прометей: Историко-биографический альманах. Т. 15. М., 1988. С. 120, 125.

Вернадский В. И. Дневники 1921–1925 гг. М., 1999. С. 156.

См.: *Вернадская-Толль Н. В.* Штрихи к портрету. С. 121.

Каганович Б. С. Люди и судьбы // Звезда. 1992. № 5–6. С. 167;
Вернадский Г. В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 136–
137.

329

Возрождение. 1939. 29 сентября; Возрождение. 1927. № 680.

Шик-Старостенкова М. М. «Разделившие судьбу» (О женах священников, репрессированных в 20–30 годы XX века). С. 3. Машинописная рукопись. Текст любезно предоставлен М. М. Шик-Старостенковой.

Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 222.

Шаховской Д. И. Письма И. М. Гревсу // *Философский век. Альманах*
26. История идей в России: исследования и материалы. С. 159, 212.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1838. Л. 26; Д. 1839. Л. 11 об., 12.

ГАРФ. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 947. Л. 62; *Вернадский В. И.* Из писем разных лет // Вестник РАН. 1990. № 5. с. 105–106, 112.

«Жизнь... вызывает меня на общественное дело» // Новый мир. 1994. № 1. С. 193–194; Дневник В. И. Вернадского 2 апреля 1921 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 11. Л. 299.

Письмо Д. И. Шаховского И. М. Гревсу. Из частного архива Е. М. Шик.

«Я верю в силу свободной мысли...». Письма В. И. Вернадского И. И. Петрункевичу // Новый мир. 1989. № 12. С. 215–216, 212; Пять «вольных» писем В. И. Вернадского сыну // Минувшее: Исторический альманах. 7. М., 1992. С. 450.

Минувшее: Исторический альманах. 18. М.; СПб., 1995. С. 409.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 178. Л. 5, 6, 12; *Грече И. М.* Город как предмет краеведения // Краеведение. 1924. № 3. С. 245–258; ГАРФ. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 947. Л. 72, 80, 78 об., 79.

Декабристская комиссия // Московский краевед. 1930. № 5 (13). С. 86–87; ГАРФ. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 947. Л. 73; Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1842. Л. 5.

341

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1839. Л. 29, 47, 16, 16 об., 6, 6 об.; ГАРФ.
Ф. 5102. Оп. 1. Д. 947. Л. 72.

См. подробнее: *Андреев А. Ю.* К истокам формирования преддекабристских организаций: будущие декабристы в Московском университете // *Вестник МГУ. Серия «История»*. 1997. № 1.

343

ОР РНБ. Ф. 16. К. 4. Ед. 87. Л. 5, 7 об.

Российская научная эмиграция: Двадцать портретов. М., 2001. С. 335;
Вернадский Г. В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 136–
137.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1839. Л. 21, 21 об., 14; Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 182. Л. 1.

Шаховской Д. И. Письма И. М. Гревсу // *Философский век. Альманах*
26. История идей в России: исследования и материалы. С. 235.

Вернадский Г. В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 136–137; *Шаховская А. Д.* Хроника большой жизни // Прометей: Историко-биографический альманах. Т. 15. М., 1988. С. 42, 44; *Вернадский В. И.* Украинский вопрос и русское общество // Дружба народов. 1990. № 3. С. 254; *Каганович Б. С.* О генезисе идеологии «Ольденбургского кружка» и «Приютина братства» // Русская эмиграция до 1917 г. — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 94.

Вернадский Г. В. Братство «Приютино». С. 229–230.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 2002. Л. 12; Борисов В. М., Перченков Ф. Ф., Рогинский А. Б. О социально-психологических источниках учения В. И. Вернадского о ноосфере // Механизмы культуры. М., 1990. С. 232.

Шаховской Д. И. Письма И. М. Гревсу // Указ. соч. С. 162.

Шаховской Д. И. Письма о братстве. С. 242.

352

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1840. Л. 37 об., 38, 23, 23 об.

Шаховской Д. И. Письма И. М. Гревсу // Указ. соч. С. 227.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 183.

Борисов В. М., Перченко Ф. Ф., Рогинский А. Б. Указ. соч. С. 240, 234, 237; Алексеев В. М. Наука о Востоке. М., 1982. С. 22, 16, 12.

«Я верю в силу свободной мысли...». Письма В. И. Вернадского И. И. Петрункевичу // Новый мир. 1989. № 12. С. 207; Архив РАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 161. Л. 47; «Чувство такое, что мы на вулкане». Из дневника В. И. Вернадского. 1928 г. // Исторический архив. 1999. № 1. С. 184.

Вернадский В. И. Дневники. Воспоминания // Новый мир. 1995. № 5. С. 207; «Я верю в силу свободной мысли...». С. 207; Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 50.

«Я верю в силу свободной мысли...». № 12. С. 207.

Аксенов Г. П. О научном одиночестве Вернадского // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 75–76; *Вернадский В. И.* Из дневника // Прометей: Историко-биографический альманах. Т. 15. М., 1988. С. 117; *Вернадская-Толль Н. В.* Штрихи к портрету. С. 125; *Вернадский В. И.* Pro et contra. СПб., 2000. С. 128.

Родина. 1989. № 12. С. 36.

«Молчать долее нельзя...» (Из эпистолярного наследия акад. С. Ф. Ольденбурга) *Публикация и примечания М. Ю. Сорокиной* / Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 3. С. 109–119; Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Л., 1968. С. 66; «Я верю в силу свободной мысли...». С. 206; Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 40. Л. 1–1 об.

Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение. С. 55; Горький и наука. М., 1964. С. 115–116; Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 239–241.

Робинсон М. А. Судьбы академической элиты... С. 116, 117, 121, 124.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 208. Оп. 5. Д. 18. Л. 117–120; «Молчать долее нельзя...» (Из эпистолярного наследия акад. С. Ф. Ольденбурга). С. 109–119.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1840. Л. 45; Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 208. Оп. 5. Д. 18. Л. 117–120, 2–4; Ф. 726. Оп. 2. Д. 334. Л. 173; Д. 335. Л. 297–301, 92–93.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 203. Л. 467; *Вахромеева О. Б.* К вопросу о творческом наследии И. М. Гревса (основные направления научно-общественной деятельности ученого) // Университетские Петербургские чтения. СПб., 2002. С. 190; 198; *Вернадский Г. В.* Братство «Приютино». С. 234–235.

Вернадский В. И. Дневники. 1935–1941: В 2 кн. Кн. 2: 1939–1941. М., 2006. С. 246.

Шаховской Д. И. Письма И. М. Гревсу. С. 160. *Анюта* — А. Н. Шаховская (Сиротинина), жена; *Аня* — А. Д. Шаховская, дочь.

369

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1841. Л. 18.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 334. Л. 61–64; *Вернадский В. И.* Дневники 1926–1934. М., 2001. С. 201; Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1840. Л. 42–44 об., 22 об.

371

Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 335. Л. 302
об.

Шаховской Д. И. Письма И. М. Гревсу. С. 201, 206.

Вернадский В. И. Pro et contra. С. 128; Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1840. Л. 43, 43 об.

Вернадский В. И. Дневники. 1935–1941. Кн. 2. С. 244–245.

ИРЛИ РАН. Ф. 334. № 654. Л. 2; *Вернадский В. И.* Начало и вечность жизни. М., 1989. С. 517–518; *Каганович Б. С.* Люди и судьбы // Звезда. 1992. № 5–6. С. 161; Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 462. Л. 3–4.

Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 369.

Шаховской Д. И. Письма И. М. Гревсу. С. 161, 150, 151, 152, 211–213, 215.

Там же. С. 215.

Шаховской Д. И. Письма о братстве. С. 224.

Вернадский Г. В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 132.

Шаховской Д. И. Письма И. М. Гревсу. С. 153.

Российская научная эмиграция: Двадцать портретов. М., 2001. С. 334;
Прометей: Историко-биографический альманах. М., 1988. Т. 15. С. 121, 122;
Вернадский Г. В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 129–
133, 144.

Вернадский В. Я Дневники: 1926–1934. М., 2001. С. 188; *Вернадский В. И.* Из писем разных лет // Вестник РАН. 1990. № 5. С. 114–115.

Вернадский Г. В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 107, 117.

Бондарь А. Ю. Общественно-политические взгляды и деятельность Г. В. Вернадского. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2001. С. 22.

Российская научная эмиграция: Двадцать портретов. М., 2001. С. 335;
Минувшее: Исторический альманах. 18. М.; СПб., 1995. С. 382–383, 384.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 208. Оп. 5. Д. 18. Л. 117–120; Д. 15. Л. 23, 27; *Каганович Б. С.* Люди и судьбы. С. 167.

Вернадский В. Я. Дневники. 1935–1941. Кн. 2: 1939–1941. С. 10.

Шаховской Д. И. Письма о братстве. С. 243.

390

Частный архив Е. М. Шик.

Шик-Старостенкова М. М. «Разделившие судьбу» (О женах священников, репрессированных в 20—30-е годы XX века).

Вернадский Г. В. Братство «Приютино». С. 228; *Вернадский Г. В.* Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 140.

393

Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 334. Л. 47,
24, 25.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1841. Л. 23. 23 об.; *Жихарев М. П. Я. Чаадаев. Из воспоминаний современника // Вестник Европы. 1871. № 7–8. С. 195.*

Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 5–6.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1839. Л. 24, 10; *Шаховской Д. И.* Письма и заметки // П. Я. Чаадаев. Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 1998. С. 517–553; *Чаадаев П. Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. С. 678–680; Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 334. Л. 107; *Вернадский Г. В.* Братство «Приютино». С. 234.

Шаховской Д. И. Письма И. М. Гревсу. С. 151.

Шаховской Д. И. Письма и заметки // П. Я. Чаадаев. Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей. С. 814, 543–544, 531, 529, 550–551, 530, 532, 533, 549, 812, 546, 536, 537, 523, 545, 525, 524, 541, 536, 552, 539; *Неизданные «Философические письма» П. Я. Чаадаева* // Литературное наследство. Т. 22–24. М., 1935. С. 64; *Чаадаев П. Я.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 391. Перевод Д. И. Шаховского; *Чаадаев П. Я.* Статьи и письма. М., 1989. С. 176, 39; *Тарасов Б.* Непрочитанный Чаадаев. Неуслышанный Достоевский. М., 1999. С. 38, 68; *Гурвич-Лищинер С. Д.* Чаадаев и Герцен: эволюция идейных контактов в свете нынешних дискуссий // Отечественная история. 2005. № 1. С. 60; *Лазарев В. В.* Чаадаев. М., 1986. С. 102–103; *Милюков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. М., 1898. Т. 1. С. 394–395.

Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. С. 634; Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1840. Л. 41.

РНБ ОР. Ф. 266. Ед. хр. 576. Л. 25; Санкт-Петербургский филиал
архива РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 335. Л. 338.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1841. Л. 9 об., 4, 20, 23, 26; Д. 1839. Л. 11, 11 об.; Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 334. Л. 545; Д. 335. Л. 316 об.

Шаховской Д. И. Статьи и наброски // *Философский век. Альманах 26. История идей в России: исследования и материалы.* СПб., 2004. С. 120–121; Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 335. Л. 135; Д. 334. Л. 526; ГАРФ. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 947. Л. 64 об. — 65; Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1842. Л. 18; РНБ ОР. Ф. 266. Оп. 1. Ед. хр. 576. Л. 12.

Шаховской Д. И. Письма о Братстве; Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 334. Л. 523.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1840. Л. 18, 2, 2 об.; Д. 1841. Л. 9; *Шаховской Д. И.* Письма о Братстве. С. 254; *Шелохаев В. В.* Дмитрий Иванович Шаховской. С. 115; Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 208. Оп. 4. Д. 94. Л. 3, 4; Д. 335. Л. 174, 343; *Вернадский В. И.* Pro et contra. СПб., 2000. С. 207.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1840. Л. 2, 2 об., 42; Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 334. Л. 329, 545–546; *Вернадский В. И.* Из писем разных лет // Вестник РАН. 1990. № 5. С. 114–115; *Шаховская Н. Д.* Загадка магнита, 1937.

Вернадский В. Я. Дневники: 1926–1934. М., 2001. С. 121–122.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 28. Л. 82–84; *Вернадский В. И.* Из писем разных лет // Вестник РАН. 1990. № 5. С. 105–111.

Шелохаев В. Я Дмитрий Иванович Шаховской. С. 117–118.

Николай Александрович Сергиевский (1827–1892) — профессор богословия в Московском университете и духовный писатель. В 1856 году он был священником церкви Петра и Павла на Басманной. Исповедовал и причастил Чаадаева перед кончиной, сказал последнее слово при его отпевании.

Шаховской Д. И. Письма И. М. Гревсу // *Философский век. Альманах*
26. История идей в России: Исследования и материалы. С. 146–147.

411

ГАРФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 366. Л. 139–139 об. С документом любезно познакомил А. Ю. Бондарь.

Шаховской Д. И. Письма И. М. Гревсу. С. 218–220.

Шаховской Д. Письма о Братстве. С. 194.